МАТЕРИАЛЫ I ТЫС. Н.Э. ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ УКРАИНЫ И ВЕНГРИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ I ТЫС. Н. Э. ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ УКРАИНЫ И ВЕНГРИИ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1996

Предлагаемый сборник является комплексным исследованием однокультурных или объединенных близкими связями археологических памятников Украины и Венгрии.

Для археологов и историков, студентов и преподавателей гуманитарных факультетов.

Редакционная коллегия:

И. Эрдели, О. М. Приходнюк (ответственный редактор),
А. В. Симоненко (ответственный секретарь), *Е. Н. Симонова*

Утверждено к печати ученым советом Института археологии НАН Украины

Редакция изданий историко-культурного наследия Украины

Редактор *Л. Л. Ващенко*

М $\frac{0504000000-027}{221-96}$

ISBN 966-00-0017-0

© В. Ф. Генинг, А. Вадаи, Ч. Балинт, О. М. Приходнюк, В. А. Падин, Н. Г. Тихонов, В. С. Аксенов, А. В. Крыганов, В. К. Михеев, Е. Н. Симонова, А. А. Козловский, А. Т. Смиленко, И. Эрдели, 1996

1100-летию обретения Родины венгерским народом посвящается

Восточная Европа в I тыс. н. э. стала ареной глобальных социально-экономических и этнических сдвигов, связанных с переходом от первобытнообщинной к раннеклассовой формации. Те времена были ознаменованы кризисом рабовладельческого строя античного мира и событиями эпохи «великого переселения народов». Начало последнему на Европейском континенте было положено движением готов во II в. н. э. из Прибалтики в Северное Причерноморье. Почти одновременно с ними из Азии в Европу хлынули многочисленные кочевнические племена и племенные объединения, вызвавшие изменения среди местных народов. В частности, они оставили глубокий след в истории славян, что находит свое отражение в письменных источниках и подтверждается археологическими материалами. Имеются данные, позволяющие усматривать в рамних антах времен Божа союзников гуннов. Позже конфедератами авар стали склавены. Кочевники, пройдя Причерноморские степи, устремлялись в центр Европы. В Среднем Подунавье, на территории современной Венгрии, возник центр гуннского, а затем аварского объединений. В конце I тыс. н. э. этот регион окончательно освоили мадьярские племена, обретшие там свою родину.

Проблема связей местных европейских, в частности, восточнославянских и пришлых кочевнических, народов, которая является едва ли не ключевой для освещения истории Восточной Европы в предгосударственный период, давно привлекла внимание украинских и венгерских археологов.

Поэтому в середине 80-х годов институтами археологии НАН Украины и АН Венгрии выполнялась программа сотрудничества по изучению археологических древностей I тыс. н. э. Венгерские археологи в течение нескольких лет знакомились с археологическими коллекциями, хранящимися в фондах Института археологии НАН Украины (И. Эрдели, Е. Симонова) и принимали участие в работе археологической экспедиции (Е. Симонова). С украинской стороны для работы в фондах археологических учреждений неоднократно выезжали в Венгрию С. Д. Крыжицкий, О. М. Приходнюк, А. А. Козловский, В. М. Зубарь. В результате такого обмена более глубокими стали наши знания об археологических памятниках двух стран. Выяснилось, что между ними существует ряд сходных черт в материальной культуре I тыс. н. э. Результаты сотрудничества уже нашли частичное отражение в печати.

За последнее десятилетие накоплены и интерпретированы новые археологические материалы I тыс. н. э., свидетельствующие о сходстве памятников этих регионов. Для скорейшего введения их в научный оборот и сформирован данный сборник, авторы которого — ведущие украинские и венгерские специалисты.

В статье В. Ф. Генинга «Сарматская эпоха в Алфёльде», к сожалению, не учтены новейшие достижения венгерских ученых, активно работающих в области сарматской проблематики (А. Вадаи, В. Кульчер, Э. Иштванович, Г. Верош, Г. Леринци и др.). Поэтому, содержащиеся в ней выводы не следует воспринимать в качестве последнего слова в сарматологии. Вместе с тем, в ней нашел отражение определенный этап в изучении памятников Алфёльда в контексте их сравнительного анализа с сарматскими древностями Поволжья. Исходя из этого, редколлегия считает возможным публикацию статьи В. Ф. Генинга. Надеемся, что она не дезориентирует читателя, а послужит основой для дальнейших работ над поднятыми в статье проблемами.

В. Ф. Генинг

САРМАТСКАЯ ЭПОХА В АЛФЁЛЬДЕ
(Среднее Подунавье в I — IV вв.)

Археологические памятники I — IV вв. на территории Большой Среднедунайской низменности — Алфёльда, занимающей левобережье Дуная и бассейн Тисы, относят обычно к сарматской эпохе, поскольку эти земли, по сообщениям римских источников, заняли пришедшие с востока племена языгов, урогов, роксолан, алан и др., называвшиеся собирательным именем — сарматы (рис. 1).

Археологическое изучение памятников этого периода — курганных и грунтовых могильников началось еще в конце прошлого века. В 1905 г. Л. Рёдигер раскопал несколько курганов у Мадараша и Кишача [1], а Д. Цираки — курганную группу Войско [2]. Крупномасштабные работы осуществил в 1911 — 1914 гг. Л. Золтаи, раскопав 228 курганов около Хортобадья вблизи Дебрецена [3].

Большинство раскопанных могил оказались ограбленными или содержавшими довольно бедный инвентарь. Такую же картину давали раскопки грунтовых могильников, поэтому длительное время эти памятники не привлекали внимания исследователей. Лишь в начале 40-х годов стали появляться обширные публикации М. Пардуца, который и объединил их, обозначив термином «сарматское время» [4]. Публикации М. Пардуца содержат описания коллекций музеев, собранных в разное время различными авторами. Больше всего здесь случайных находок и материалов из старых малоквалифицированных раскопок могильников. Информация М. Пардуца также различна — от полных описаний всех раскопанных погребений или вещей в некоторых могильниках до приведения лишь названия и библиографии. Неполноценность этих материалов обусловлена тем, что при раскопках фиксировались только глубина могил, ориентировка, причем не всегда точно, полностью отсутствуют данные о конструкции могильных ям. М. Пардуц описал около 400 пунктов [5], отражающих, по его мнению, три периода развития сарматской культуры: 1) до 180 г.; 2) 180 — 260 гг.; 3) 260 — 450 гг. Публикации М. Пардуца содержат многочисленные фотографии вещей, но полностью лишены графических материалов (планы погребений, могильников и т. п.).

После работ М. Пардуца хотя и проводились новые раскопки, в частности на курганах Мадараш в 50 — 60-х годах Е. Золотаи [6] и М. Кёхеди [7], но сообщения об их результатах весьма отрывочны. В настоящее время исследования по сарматской тематике ведет А. Вадаи, статья которой публикуется в данном сборнике.

Главный пробел в археологии Алфёльда сарматского времени — это отсутствие хорошей обобщающей публикации, которая дала бы представления о характере памятников, их хронологии. Работы М. Пардуца весьма пространны, но материал сгруппирован нечетко, особенно по хронологии периодов, где нередко одни и те же памятники отнесены к разным периодам. В большой обзорной работе по археологии Венгрии, опубликованной Д. Ласло, сарматским памятникам уделено всего три страницы и два рисунка [8]. Не уделено им достаточного внимания и авторами новейшей археологии Венгрии [9], хотя это и единственная публикация на русском языке.

Учитывая такое состояние источников, мне представляется, что у широкого круга археологов может вызвать определенный интерес краткая характеристика памятников сарматского времени Алфёльда, особенно в плане их сравнения с сарматскими комплексами Восточной Европы. Описанию памятников Алфёльда посвящена первая часть данной публикации, во второй пред-

принята попытка дать этнотипологию сарматских погребений, несмотря на скудость информации о них, и, основываясь на результатах анализа, поставить вопросы их этнической интерпретации *.

I. МОГИЛЬНИКИ АЛФЁЛЬДА САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

Погребальные памятники — курганные и грунтовые захоронения — до сих пор являются основной категорией источников для изучения сарматского периода в истории Алфёльда начала нашей эры. Открыто также несколько поселений, к этой же эпохе относят многокилометровые остатки валов, расположенные на востоке и севере Алфёльда (рис. 1).

1. **Грунтовые могильники** — наиболее многочисленные памятники. Для характеристики погребального обряда составлена статистическая таблица, содержащая данные по 369 погребениям из 15 могильников (табл. 1; 2), большинство из которых расположено двумя группами в среднем течении р. Тисы у впадения рек Марош и Кёрёш.

Глубина могил небольшая — в среднем 104 см, при вариациях от 67 до 169 см. Следует отметить, что значительные отклонения от средней величины наблюдаются в могильниках, содержащих недостаточно представительный по численности материал (7 — 12 погребений).

Ориентировка погребенных разнообразная, но преобладает, несомненно, положение головой на юг (41,7 %) и юго — восток (21,9 %); изредка встречаются северная (11,1 %) и широтная — запад—восток (6,2 %).

Более чем в половине могил (56,5 %) находились сосуды, как правило, у ног захороненных.

Вещей в могилах очень немного, почти нет орудий труда, кроме ножей и пряслиц, и оружия; немногочисленны и украшения, за исключением бус, которые встречаются в массе. Среди бус особо отметим находки у ног (браслеты или обшивки). Нередко встречаются и фибулы. Вещевой материал из захоронений не представляет большого разнообразия и не выходит за пределы вариаций вещей первых веков нашей эры, особенно предметов, изготовленных из железа (ножи, кинжалы, кресала, шилья и т. д.). Бронзовые вещи более оригинальны.

Чрезвычайно разнообразны и многочисленны фибулы, среди которых немало и железных. До 20 % фибул составляют броши со щитком круглой, ромбической, овальной, колесовидной и других форм, нередко с цветной эмалью (рис. 2, *6* — *10*). Широкое распространение подобных фибул, по всей вероятности, результат сильнейшего римского влияния. Оригинальны кельтские массивные коленчатые фибулы с высокой ножкой, полукруглым козырьком над шарниром или пружиной (рис. 2, *2*), встречающиеся, главным образом, в могильниках, выделяемых М. Пардуцем во II период [10]. Очень много различных вариаций фибул с прогнутой спинкой и подвязанной или подогнутой ножкой, несколько меньше Т-образных (рис. 2, *3* — *5*).

Гривны встречаются гладкие и витые, в виде полукольца с завязанными петлями на концах или полного кольца с замком в виде кнопки и пластинки с грушевидной прорезью (рис. 3, *4* — *5*). Браслеты чаще гладкие, из круглой проволоки или пластин. У единичных экземпляров завязанные концы (рис. 3, *7* — *9*). Немногочисленны височные колечки или серьги из проволоки (рис. 3, *1, 2, 6*, подробно о них ниже).

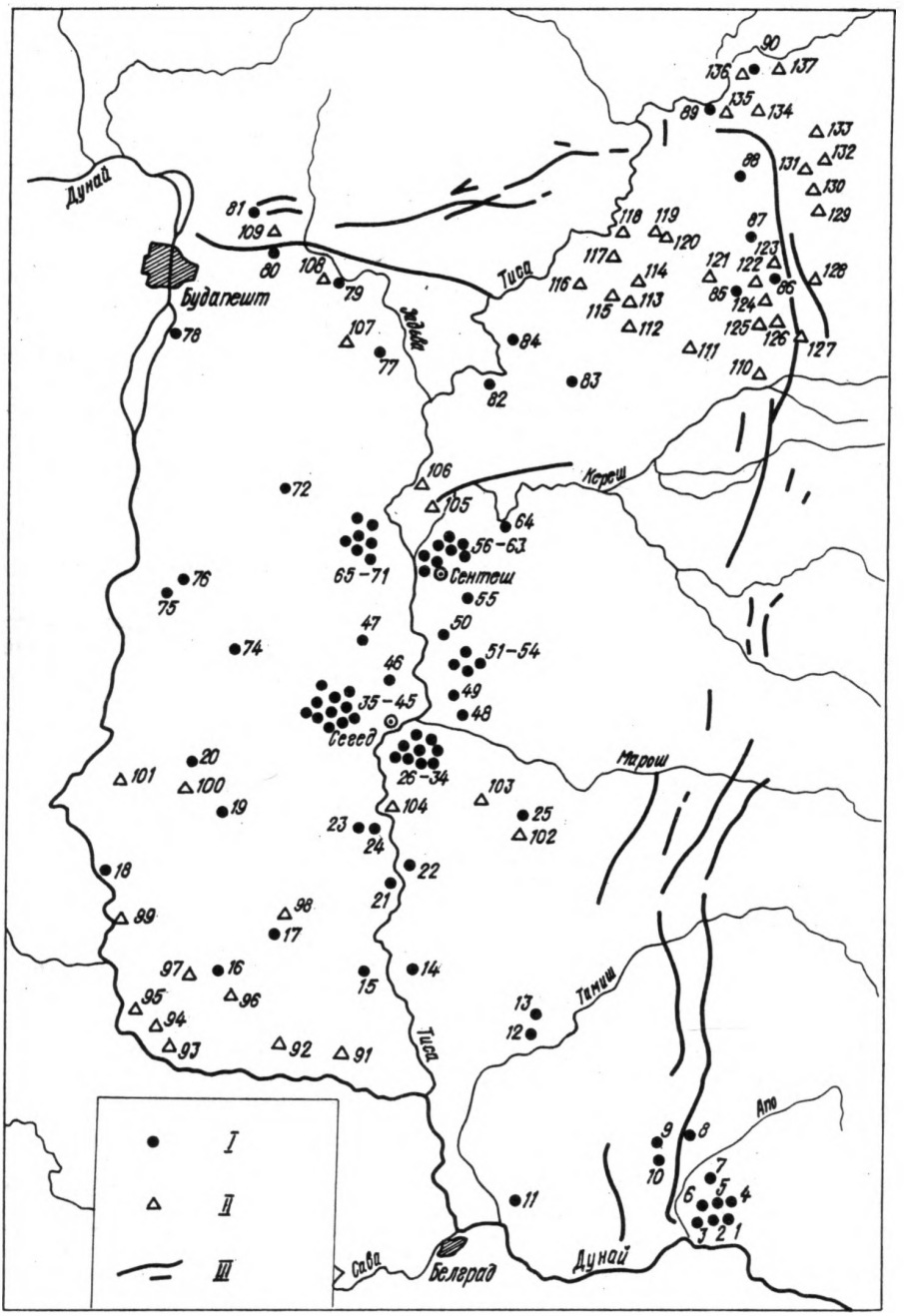
Нередко встречаются медные кольца, украшенные бородавчатыми выступами и гладкие кольца, служившие, вероятно, для скрепления поясного ремня (рис. 2, *11* — *13*). Поясные пряжки и наконечники ремней представле-

---

* Данная статья была подготовлена к печати в начале 70-х годов, однако по ряду причин не была опубликована. Конечно, за прошедшие годы изучен ряд новых памятников как в Венгрии, так и, особенно, в Восточно-Европейских степях, ставящих новые вопросы в изучении истории сарматских племен. Учитывая, что в настоящем сборнике публикуются материалы А. Вадаи по указанным регионам, заполнившие названный разрыв, я полагаю, что исследования, проведенные мной не утратили интерес и не потребовали существенного изменения.

Рис. 1. Схема размещения могильников сарматской эпохи в Среднем Подунавье (по М. Пардуцу с дополнениями):

I. Грунтовые могильники: *1* — Фехертемплом-Кухи; *2* — Фехертемплом — ул. Вендэл; *3* — Фехертемплом — ул. Вашар; *4* — Фехертемплом—Принзен; *5* — Фехертемплом — ул. Сюто; *6* — Фехертемплом — ул. Санкаи; *7* — Вёрештемплом; *8* — Вершец; *9* — Улма; *10* — Избиште-Хебер; *11* — Панчова; *12* — Эрнёхаза-Коллингер; *13* — Эрнёхаза-Клее; *13а* — Тёрекканиша; *14* — Кумонд; *15* — Бачфёлдвар; *16* — Бачкерестур; *17* — Уйвербас-Кандердар; *18* — Бодрогмоношторсег; *19* — Баймок; *20* — Матетелке; *21* — Ада, Комлоши; *22* — Паде; *23* — Сента-Хирешсор; *24* — Сента-Макош; *25* — Надьёц; *26* — Оросломош: Подлуканьдуло; *27* — Сёрег; *28* — Деск, кладбище А (п. 70) — и Уймайор; *29* — Кларафалва-Вашуталомаш; *30* — Кларафалва-Кажегхаза; *31* — Кларафалва Б; *32* — Кишзомбор А; *33* — Кишзомбор; *34* — Уйсентивин; *35* — Сегед-Морахалом; *36* — Сегед-Фелшёпустасер; *37* — Сегед-Риво; *38* — Сегед-Алшотани — Кепьерварохалом; *39* — Сегед-Билишитш; *40* — Сегед-Алшотани-Керешери; *41* — Сегед-Кётёреш; *42* — Сегед-Маккошерде; *43* — Сегед-Отхалом; *44* — Сегед-Пустамиргеш; *45* — Сегед-Рёске; *46* — Олдью: *47* — Доц; *48* — Пюшпёклеле; *49* — Мартель; *50* — Фёлдеок; *51* — Ходмезёвашархей-Кишхомок, Копач; *52* — Ходмезёвашархей-Кисхомок, Копач В; *53* — Ходмезёвашархей-Горжа; *54* — Ходмезёвашархей-Папере, Тарьянвёд; *55* — Дерекэдьхаза; *56* — Сентеш-Шаргапарт; *57* — Сентеш-Якшор; *58* — Сентеш-



Каян; *59* — Сентеш, ул. Ракоци; *60* — Сентеш-Надьхедь; *61* — Сентеш-Киштёке; *62* — Сентеш-Надьиемаш; *63* — Сентеш-Залота; *64* — Сарваш-Хуркатанья; *65* — Чонград-Венделхалом; *66* — Чонград-Шовенихазе; *67* — Чонград — ул. Ендре Кирали; *68* — Чонград-Хатарут; *69* — Чонград-Шинтертелен; *70* — Чонград-Вербоци; *71* — Чонград-Чинай; *72* — Кечкемет-Ментелек; *73* — Тапе-Малайдок А и Б; *74* — Зомбор; *75* — Кишкёрёш-Чукашторакут; *76* — Кишкёрёш-Вагохидидуло-Шерегельес; *77* — Алатьян; *78* — Дунахарасти; *79* — Ясберень, Пустакерекудвар; *80* — Валко, Ферренгсорош; *81* — Иклод; *82* — Тёрёксентмиклош; *83* — Кишуйсаллаш; *84* — Кунхедьеш; *85* — Дебрецен, Хортобадьхид; *86* — Дебрецен-Варгакерт; *87* — Фелшёйожа; *88* — Хайдудорог; *89* — Тисалёк, Разомпуста; *90* — Балшо.

II. Курганные могильники: *91* — Кать; *92* — Кашзач; *93* — Полово; *94* — Бодьан; *95* — Войско; *96* — Пинцед; *97* — Сентфилип; *98* — Кишхедьеш; *99* — Апотин; *100* — Мадараш; *101* — Вашкут у Байи; *102* — Визешт Пуста; *103* — Увешфенё; *104* — Йожеффалва; *105* — Пустаиштванхаза; *106* — Надьрев; *107* — Тапёселе; *108* — Ясалшосентдьердь; *109* — Галгахевиз; *110* — Херпали; *111* — Кабо; *112* — Киштатарюлешек; *113* — Буяр (Бойар); *114* — Састелек; *115* — Хортобадь, Кондра; *116* — Тисаерш; *117* — Малый Тумуль; *118* — Дебрецен-Мата; *119* — Надьтатарюлешек; *120* — Хортобадь-Порошхат и Коцка; *121* — Бошо; *122* — Ормош; *123* — Дебрецен-Сепешпуста; *124* — Динньеш; *125* — Шоранд Тештхалмок; *126* — Хоссупай-Кеньермезё; *127* — Халап; *128* — Мичкеи-поле; *129* — Гестеред; *130* — Часарсаллашпуста; *131* — Надькорган; *132* — Ньирйеши-халом; *133* — Надь-Бошхалом; *134* — Тисалёк; *135* — Ваготтхадом; *136* — Катохалом.

III. Валы и рвы сарматского лимеса (по Ш. Шопрони).

ны, по-видимому, только в поздних погребениях. Среди пряжек часты пластинчатые цельнолитые из бронзы или цельнокованные из железа с трапециевидным приемником и длинной обоймой, зажимавшей ремень (рис. 4, *1, 2, 6*). Разновидностью подобных пряжек являются пряжки с круглым приемником (рис. 4, *7*), а также с короткой задней пластиной [11]. Второй тип — двучленные пряжки. Сама пряжка состоит из круглого или овального полукольца, обычно с завитками на концах, жестко скрепленного с прямоугольной или трапециевидной рамкой, в середине которой вращается игла-язычок. К этой части обычно прикрепляется вращающаяся длинная двойная пластина для скрепления с ремнем (рис. 4, *3* — *5*). Подобную двучленную конструкцию имеет и большинство пластинчатых наконечников ремней (рис. 4, *10* — *12*). Наконец, нередко встречаются шарнирные пряжки, прямоугольный приемник которых скреплен с задней обоймой шарнирным способом (рис. 4, *8*).

Отметим одну, весьма характерную, деталь в украшении пряжек и наконечников — грани пластин срезаны (фасетированы), но не полностью, а частями различной длины, что создает довольно красивый узор (рис. 4, *1, 6, 9, 12*). Также оформлены многие прогнутые подвязные фибулы с коленчатоизогнутой спинкой, четко датируемые IV в., с заходом, очевидно, в III и V вв. [12], что позволяет пряжки и наконечники с фасетированными гранями относить, в основном, к этой же эпохе [13]. М. Пардуц называет 44 пункта находок сарматских пряжек [14], из которых в шести они найдены вместе с монетами, на основании чего он приходит к выводу, что мода на подобные пряжки была распространена в 141 — 222 гг. Но эта дата, по-видимому, все же занижена, ибо в комплексах II периода такие пряжки почти не встречаются, поэтому едва ли следует их датировать временем ранее середины III в.

В грунтовых могилах нередки пряслица, большинство которых асимметрично-усеченно-биконической формы (рис. 2, *14*); реже — изготовлены из обломков сосудов (рис. 2, *15*) или усеченно-конической формы (рис. 2, *16*).

В погребениях обнаружены грубые лепные и гончарные сосуды. Среди лепных горшков, изготовленных из глины плохого качества и слабого обжига, у незначительного количества по середине корпуса идет налепной валик с насечками (рис. 5, *1* — *3*). М. Пардуц считает, что эта керамика дакийского происхождения. Подобные сосуды без валиков, по его же мнению, — поздние ее варианты [15]. Грубые горшки без орнамента с различными вариациями по высоте, степени раздутости корпуса и отгибу шейки довольно многочисленны в погребениях. Среди лепных сосудов единичны кувшины и кружки (рис. 5, *4* — *9*). Наиболее многочисленна в погребениях гончарная посуда римского провинциального типа — сероглиняные, реже красноглиняные горшки с шаровидным корпусом и различной профилировкой шейки (рис. 5, *10* — *13, 16* — *18*), кувшины — одно- и двуручные, разнообразные вариации мисок и кружек (рис. 5, *14, 15, 19* — *23*). Характерная особенность большинства сосудов этого времени — небольшой кольцевой поддон.

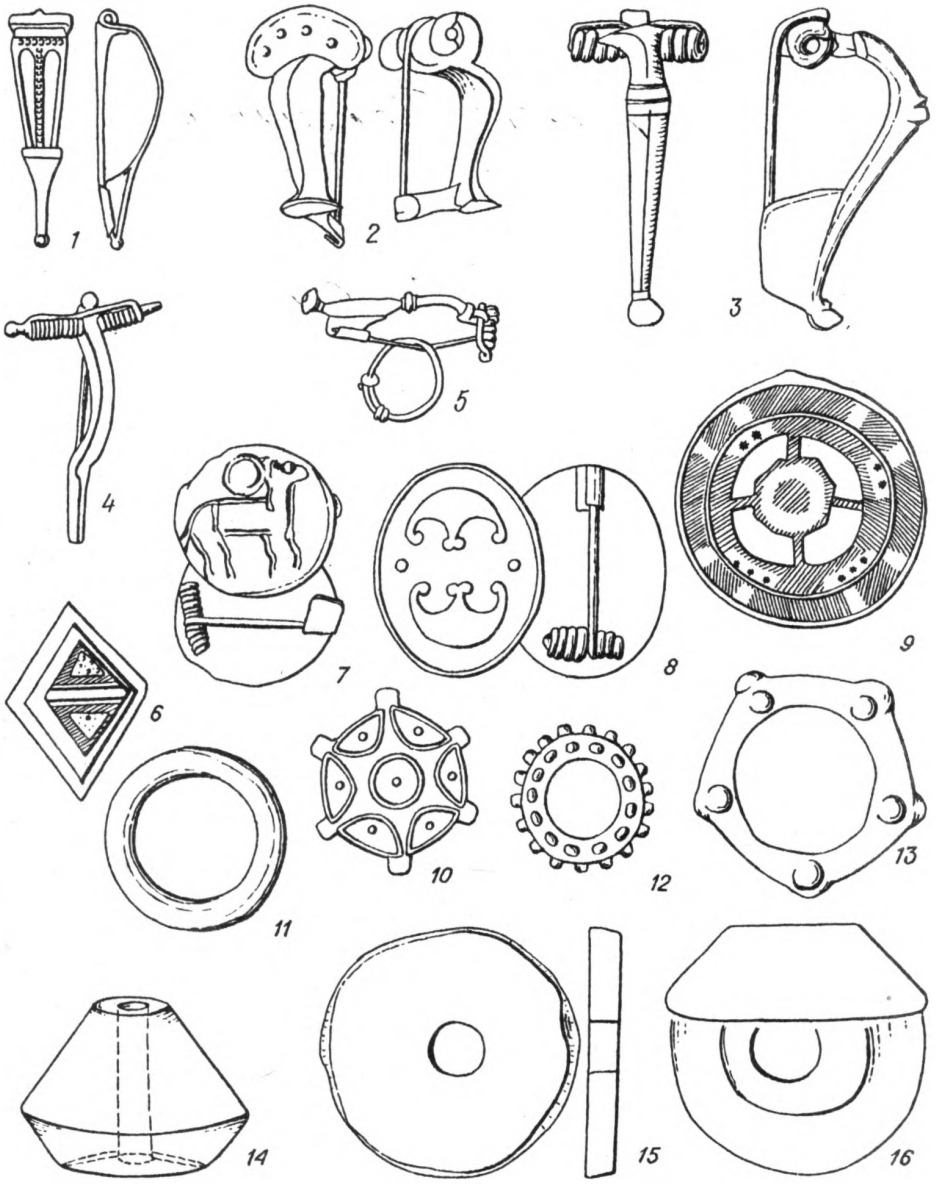


Рис. 2. Фибулы (*1 — 10*), кольца (*11 — 13*) и пряслица (*14 — 16*) из венгерских могильников сарматского времени:

1, 5, 12, 14 — Сегед-Фелшёпустасер (п. № 1, 620, 21, 22); *2, 3, 6, 9* — Сентеш-Киштёке (п. № 96, 104, 122, 137); *4, 10* — Сегед-Отхалом (п. № 16, 34); *7* — Кишзамбор В (п. № 82); *8* — Сентеш-Якшор (п. № 2); *11* — Кишкёреш, Чукашто-Качкут (п. № 6); *13* — Монор; *15, 16* — Сентеш-Шаргапарт (п. № 18, 25).

В грунтовых могильниках в большом количестве встречаются римские монеты *, начиная от Траяна и до Константина II [16], что, в целом, позволяет отнести эти памятники к I— IV вв.

2. Курганные могильники сарматского времени М. Пардуц выделил в особую группу (47 пунктов), которая, по его мнению, относится ко времени от

* Большинство монет в могилах относится ко II в. н. э., которые нередко встречаются с явно более поздними комплексами III, IV и даже V вв. Не связано ли это с маркоманской войной, когда Рим истратил в этих краях огромные средства на борьбу с восставшими племенами (оплата солдат, подкуп и т. д.)?

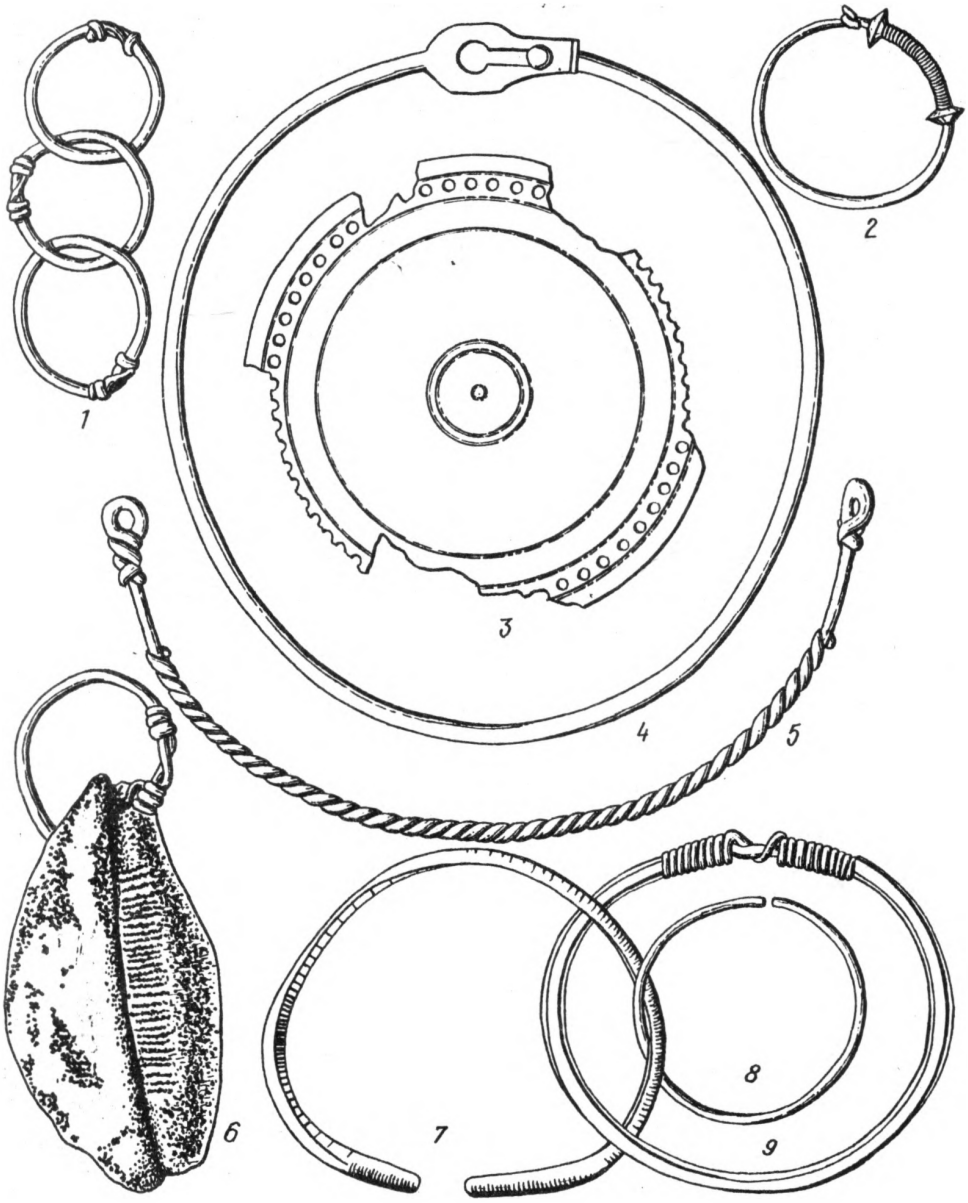


Рис. 3. Украшения сарматского времени из венгерских могильников:
1, 4, 5 — Сентеш-Шаргапарт (п. № 6, 35, 32); *2, 7* — Сентеш-Якшор (п. № 2); *3* — Кишкёреш, Чукашто-Кракут (п. № 8); *6* — Тёрёксентмиклош-Сучянсолнок; *8* - Доц (п. № 5); *9* — Монор.

конца III до V ..в. Вслед за Я. Харматта он считал возможным сопоставлять курганы с историческими известиями о появлении на Нижнем Дунае племен роксолан [17]. Большинство курганных могильников исследованы еще на заре развития венгерской археологии, и, как справедливо отмечает М. Пардуц, ритуал выяснен совершенно недостаточно, а большинство вещей — атипичны. Последнее связано с тем, что могилы ограблены и в них осталась лишь незначительная их часть. Курганные могильники уже по внешнему виду и размерам можно подразделить на две группы — крупные курганы, высотой 3 — 5 м, где захоронены какие-то особо выдающиеся личности, и массовые захо-

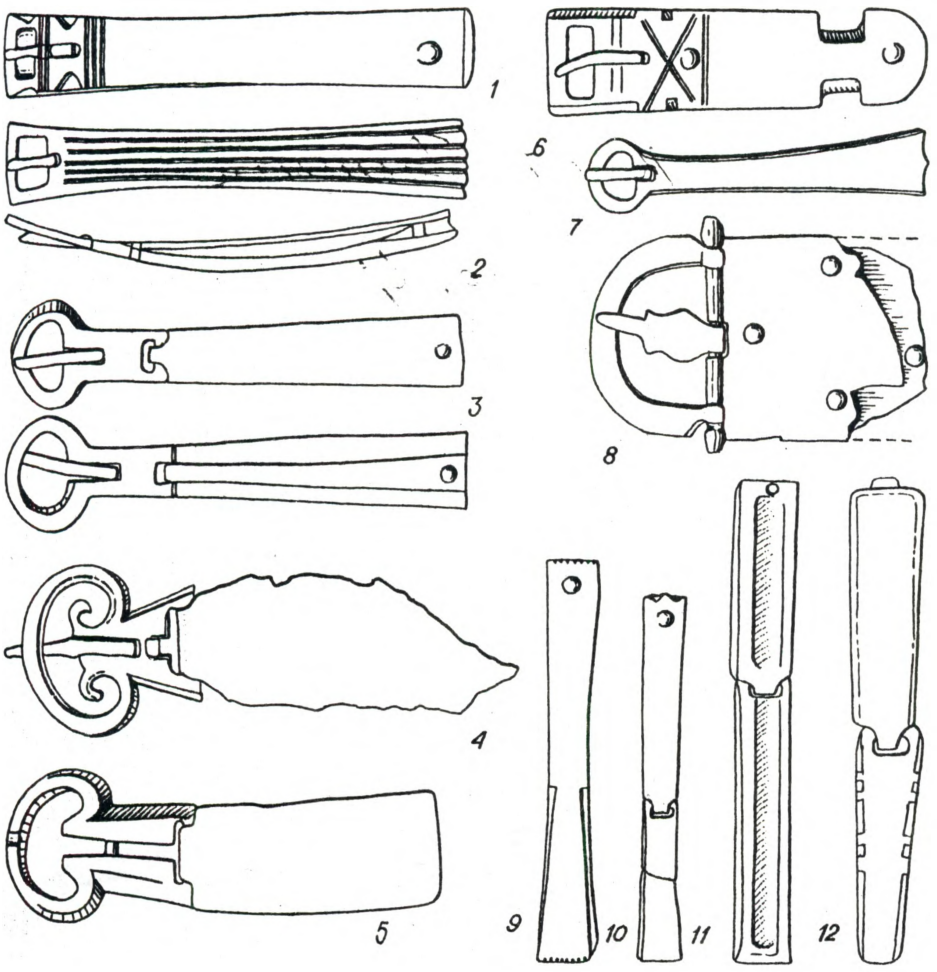


Рис. 4. Украшения сарматского времени из венгерских могильников:
1, 4, 5 — Сентеш-Шаргапарт (п. № 6, 35, 32); *2, 7* — Сентеш-Якшор (п. № 2); *3* — Кишкёрещ, Чукашто-Кракут (п. № 8); *6* — Терексентмиклош-Сучянсолнок; 8 — Доц (п. № 5); 9 — Монор.

ронения в малых курганах высотой 30 — 50 см (редко 1 — 2 м) и диаметром 8 — 16 м, принадлежавшие рядовым членам общества.

Рассмотрим несколько р я д о в ы х м о г и л ь н и к о в.

Могильники Хортобадь. В 1911 — 1914 гг. Л. Золтаи раскопал вблизи Дебрецена около Хортобади 228 курганов. Материал раскопок был представлен Л. Золтаи для публикации, но увидел свет уже после смерти автора и был прокомментирован М. Пардуцем [18]. В публикации Л. Золтаи [19] есть описание, правда весьма краткое, отдельных курганов, приложены рисунки вещей и фото сосудов. Методика исследования не отличалась от распространенной в начале века и, кроме указания глубины могильных ям, других сведений об их конструкции нет. Довольно часто не указаны местонахождения отдельных вещей, особенно для сосудов, нередко отсутствуют указания об ориентировке умерших.

Могильник Хортобадь фактически состоит из двух: один в местности Порошхат и второй — южнее, в Коцке. Каждый из них содержит несколько групп курганов, отстоящих друг от друга на расстоянии до 300 — 400 м. Диаметр курганов от 8 — 10 до 16 м и лишь единицы до 30 м при высоте 30 — 50 см, редко до 1 м. Отдельные группы содержали различное количество курганов — от 8 — 10 до 30 — 35. В группах II и IX часть курганов более зна-

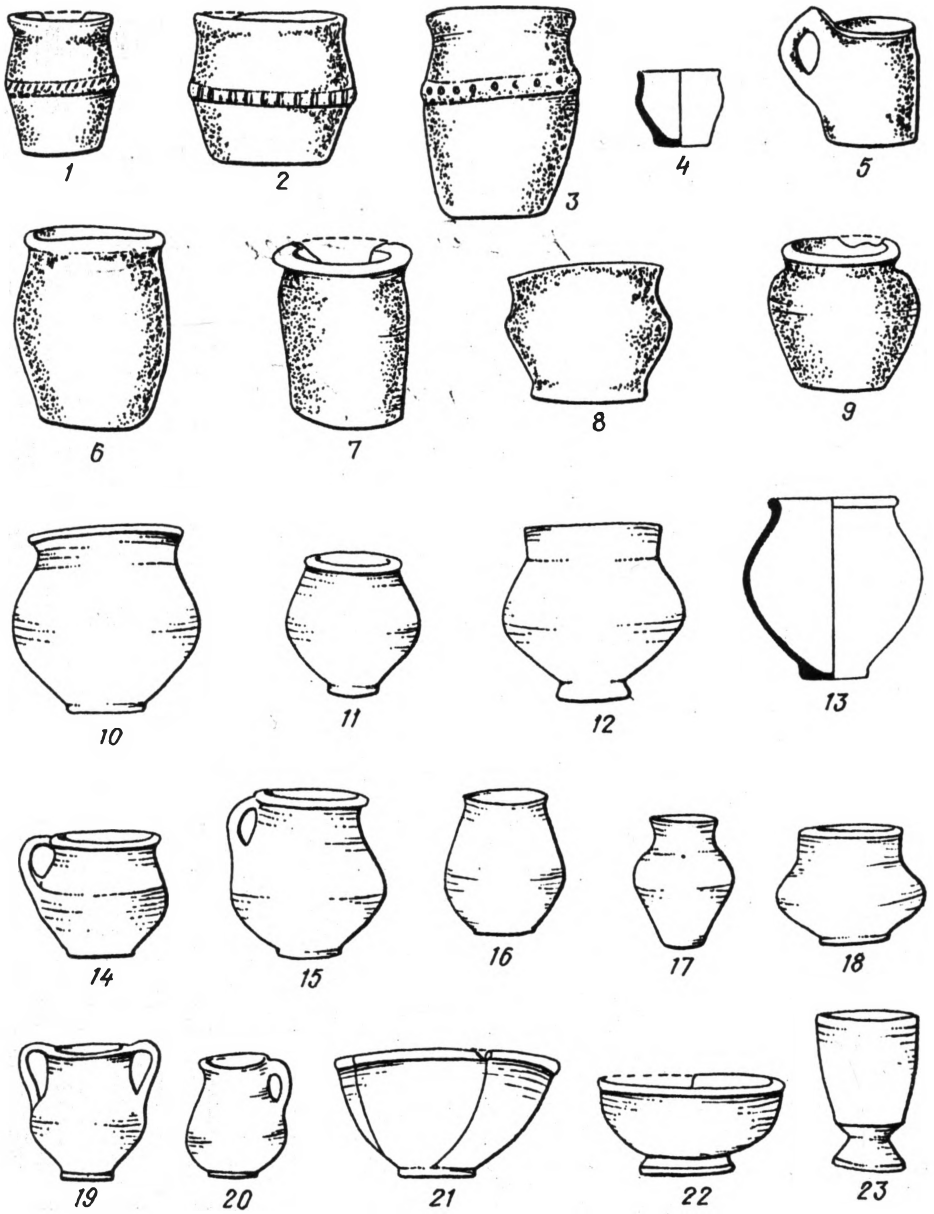


Рис. 5. Глиняные лепные (*1 — 9*) и гончарные (*10 — 23*) сосуды из венгерских могильников сарматского времени:

1, 2, 14, 16 — Сегед-Фелшёпустасер (п. № 29, 23, 32, 13); *3* — Бекешчаба-Феньеш; *4, 13* — Сентеш-Шаргапарат (п. № 23, 22); *5* — Эрёд-Фезфасут; *6, 8* — Дебрецен-Хортобадь (п. № 2, 3); *7, 9, 19* — Сентеш-Киштёке (п. № 116, 141, 104); *10, 21* — Дерекэдьхаза-Диснойараш (п. № 12); *11, 15, 18* — Сентеш-Якшор (п. № 2, 1, 5); *12, 17* — Сегед-Морохалом (п. № 5, 1); *20, 22, 23* — Кишамбор Б (п. № 86, 82, 73).

чительных размеров, но зачастую именно они и были более других ограблены и разрушены. Вообще, из всех курганов только 21 оказался непотревоженным грабителями. Из 228 раскопанных курганов в статистическую обработку можно было включить лишь 206 (табл. 1; 2) — количество, вполне достаточное для получения объективных характеристик и общего представления о могильниках.

Оба могильника близки между собой и погребальным обрядом, и веще-

вым комплексом, хотя некоторые различия и прослеживаются. Погребения совершены под курганными насыпями в ямах, средняя глубина которых 120,5 см при вариациях от 72 до 200 см. Длина и ширина могил зафиксированы в 14 случаях: и здесь вариации таковы (140 — 350×65 — 250 см), что явно свидетельствует о каком-то конструктивном различии могил. Ориентировка умерших в могилах во всех случаях, как указывал Л. Золтаи, — южная [20], хотя зачастую в этих могилах погребенные были ориентированы на юго-запад (табл. 1, 2) *. В могилах умерших клали вытянуто на спине. Вещей немного. Чаще всего сосуды поставлены у ног. Лишь в одном случае отмечен сосуд в средней части могилы. Поэтому большинство сосудов, место которых не указано автором раскопок, практически можно считать стоявшими у ног. Отметим еще одну деталь обряда — железные S- и С-образные скобы от гробов-колод, обнаруженные в Порошхате (рис. 7, *21, 22*; подробно о них см. ниже — Могильник Мадараш). В обоих могильниках нередки захоронения, где у ног обнаружены бусы (табл. 1, 2).

Вещевой материал могильников сравнительно небогат. Больше всего сосудов (118 экз., опубликовано — 85). Почти все они изготовлены на гончарном круге, цвет красный или серый. Половина сосудов (43 экз.) относится к различным вариациям горшков с шаровидным корпусом, небольшой отогнутой наружу шейкой и кольцевидным поддоном (рис. 6, *1 — 5*). Этот тип достаточно широко известен в сарматских грунтовых могильниках рассматриваемого времени (рис. *5, 10 — 12*). М. Пардуц считает его местным [21]. Отличается своеобразием формы несколько одноручных кувшинов и сосудов с узкой горловиной (7 экз.), встреченных только в могильнике Порошхат (рис. 6, *6 — 10*). Остальная посуда — миски (12 экз.), рюмкообразные сосуды и стаканы (15 экз.). Кружки (7 экз.) в массе своей являются подражанием римской провинциальной посуде, чаще типа terra sigilita (рис. 6, *13 — 19*). Отметим, что в Коцке очень много стаканов и рюмкообразных сосудов (12 экз.), а также кружек (*5* экз.) — видимо, это свидетельствует об усиливающемся римском влиянии.

Многочисленные фибулы (*52* погребения), среди которых, однако, совершенно нет того разнообразия, что в сарматских грунтовых захоронениях. Фактически здесь представлены лишь два типа: I — прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой среднеевропейского типа [22], среди которых М. Пардуц выделяет три варианта: а) простые; в) с украшением ножки и спинки проволочными колечками и зернью; с) с расширенной ножкой (рис. 7, *1 — 3*). Кроме того, три экземпляра фибул [23] имеют не подвязанную, а подогнутую ножку (рис. 7, *4*); II — двучленные прогнутые фибулы с подвязанной ножкой и вертикальной пластиной для удержания оси пружины (рис. 7, *6, 7, 10*) [24], среди которых также есть несколько экземпляров с подогнутой ножкой (рис. 7, *8, 9, 8*) [25]. Оба этих типа датируются обычно III — IV вв. [26] Обращает на себя внимание, что фибулы первого типа встречались в обоих могильниках, а второго — только в Коцке. Среди фибул второго типа встречаются экземпляры с кнопкой на головке и довольно длинной ножкой (рис. 7, *8, 10*), детали, характерные для более поздних вариантов. Одна фибула — Т-образная с циркульно изогнутой дужкой и кнопками на головке (рис. 7, *10*) [27].

Поясные пряжки чаще встречаются в Коцке, чем в Порошхате. Это оригинальные двучленные шарнирные пряжки с полукруглым или угловатым приемником и подвижной обоймой. Большинство найденных экземпляров — железные, реже — бронзовые [28]. Нередки пряжки без задних пластин. Приемники — прямоугольные, квадратные, круглые или овальные [29]. Часть изготовлена из бронзы, большинство из железа (рис. 7, *12, 13*).

Наконечники ремней довольно редки. Один экземпляр — пластинчатый, второй — двучастный (рис. 7, *14, 16*). Оба экземпляра из бронзы [30]. Наконечник с колечком [31] происходит, по-видимому, от портупеи к мечу.

Височные подвески относятся к типу разомкнутых, с крючком и петлей

---

* М. Пардуц приводит несколько иную статистику: юг — 15; юг — юго-запад — 64; запад — юго-запад — 1; юг — юго-восток — 17; юго-восток — 1. Откуда взяты эти сведения автор не указывает.

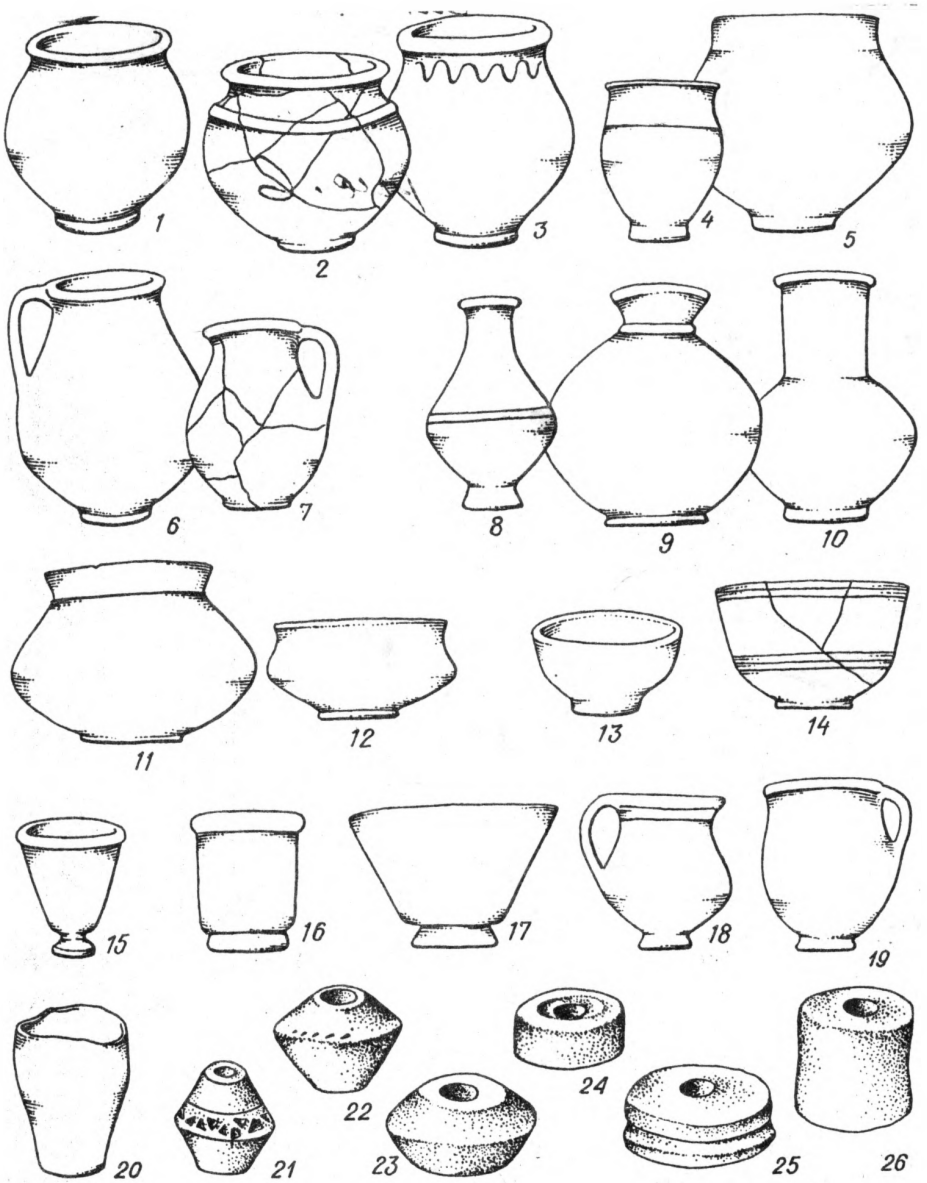


Рис. 6. Гончарные сосуды (*1 — 19*) и глиняные пряслица (*20 — 26*) из курганов сарматского времени Алфёльда. Могильник Хортобадь.

с частично обмотанным кольцом (рис. 7, *18*) [32]. Встречаются кольца с завязанными концами, но часть из них явно использовалась не как украшение [33]. Гривны — единичны, в виде полукольца с петлями и крученной всередине проволокой [34]. Браслеты пластинчатые или из проволоки с утолщенными концами (рис. 7, *16, 17*) [35].

Известны бронзовые зеркала — два целых и три обломка [36]. Два зеркала в виде плоских гладких пластин, а три с утолщенным ободком по краю (рис. 7, *19, 20*).

Чрезвычайно многочисленны и разнообразны бусы из стекла, пасты, камня, в том числе сердолика, халцедона и янтаря. Бусы обычны в ожерельях у шеи и нередки на руках (п. № IV/27, 33; VII/9; XI-10 и др.) и ногах (табл. 1,2).

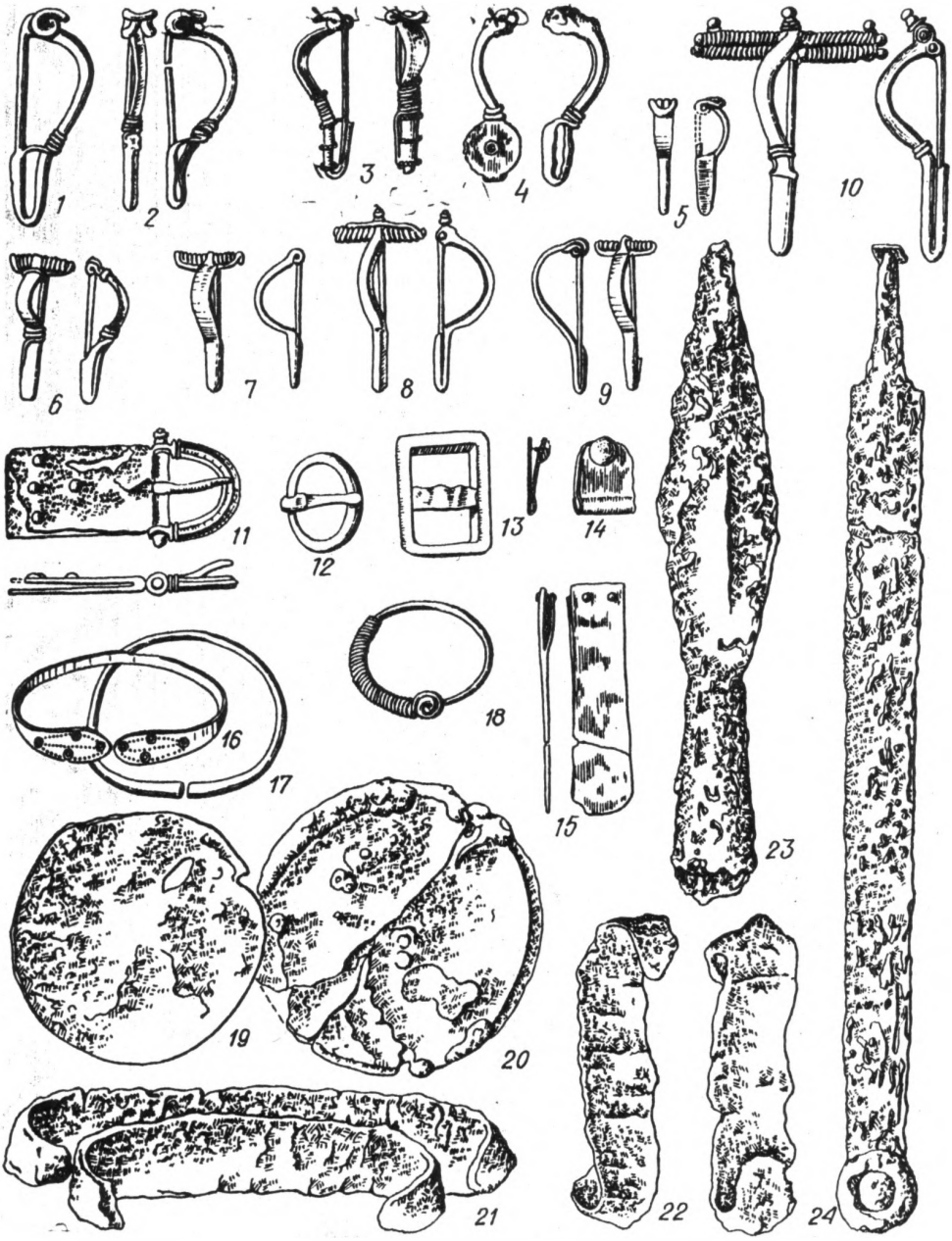


Рис. 7. Вещи из курганов сарматского времени Алфёльда. Могильник Хортобадь.

Пряслица в могильниках (рис. 6, *21* — *26*) в большинстве усеченно-биконические, одни низкие, симметричные [37], другие — высокие, асимметричные, нередко с орнаментом [38]. Несколько экземпляров пряслиц плоских, тонких. Есть очень высокие, а также усеченно-конические, блоковидные [39].

Железные ножи также довольно многочисленны, плохой сохранности. У большинства сильно суженный черенок и уступчики в переходе к клинку. Нередки экземпляры с горбатой спинкой [40].

Из оружия изредка встречаются длинные железные мечи с широким обоюдоострым клинком (рис. 7, *24*). Интересная деталь — у нижнего конца но-

жен размещались крупные кольца [41]. Железные наконечники копий [42] — втульчатые, с узким листовидным пером (рис. 7, *23*).

В кургане 1/10 найден железный умбон от щита, но это захоронение относится, скорее, уже к гуннскому времени (удила с крупными кольцами, колокольчик, Т-образная фибула). Следует отметить, что оружие (мечи и копья) встречается в могильнике Порошхат очень редко (IV/8, 12), в отличие от Коцки, где это обычные вещи (VI/8, 24, 26, 30, 32; VII/4; IX/1; XI/2, 3, 5, 20).

В 24 могилах найдены римские монеты, равномерно распределенные между могильниками и курганными группами (они отсутствуют лишь в I и IX). Большинство их относится ко II в. (чеканы Траяна, Гордиана, Антонина Пия, Фаустины, Марка Аврелия и Коммода). Чеканки I в. — лишь один экземпляр — из кургана VII/12 — Веспосиана (69 — 79 гг.). Монеты III в. Септимия Севера (193 — 211) и Каракаллы (198 — 217) встречены в одном захоронении могильника Порошхат (IV/2) и в трех могилах Коцки (IV/3, XI/1,6). Погребения с монетами бедны материалом, но в них чрезвычайно часто находят сосуды (ок. 85 %). Находки монет послужили М. Пардуцу основанием для установления ранней даты могильников — рубеж II — III вв. или начало III в. [43] Поздняя же дата была определена по фибулам — в пределах IV в.

М о г и л ь н и к М а д а р а ш состоял из 72 курганов, расположенных двумя группами. В южной курганы отстоят дальше друг от друга, они выше и больше в диаметре, чем в северной. Раскопки курганов проведены в 1905 г. Редигером [44], вскрывшим 6 курганов: № 11 и 14 высотой 0,65 м; № 20, 29, 30 — высотой 2 м и № 72 — высотой 5 м. Все они ограблены. По сохранившимся костям ног в кургане № 11 можно определить, что умерший был ориентирован головой на восток. Здесь же поперек ног лежал железный меч, у правого бедра — два железных гвоздя, у левого — крючок, у ног — гончарный сосуд. В курганах 19 и 30 были S-видные железные скобы, а в первом — череп коня с удилами. В большом кургане 72 на дне и в боковых стенках могилы — небольшие углубления (столбовые ямы?).

В 1952 г. два кургана раскопал здесь Е. Золотаи [45], а в 1957 г. начал систематические исследования М. Кёхеди [46], обнаруживший, что погребения находятся не только под курганами, но и между ними. К 1970 г. вскрыто 46 тыс. м^2 с 497 погребениями. Могилы оказались и на холме между северной и южной курганными группами.

Последними раскопками установлено, что некоторые курганы и грунтовые могилы северной группы были окружены рвами диаметром от 4,6 до 8 — 10 м, чаще всего 5 — 8 м. Вокруг курганов они замкнутые, но прослеживались хуже. Ширина рвов 1 — 2 м. Вокруг грунтовых могил в юго-восточной стороне рвов сделан проход шириной 60 — 100 см, концы их тщательно закруглены, стенки несколько скошены. Глубина рвов 60 — 110 см. В широких рвах прослежено двойное углубление — всередине ступенькой еще на 10 — 20 см. Часть курганов окружена дополнительно и общим рвом; так общий ров имели восемь курганов (№ 31, 36, 46, 59?, 66, 68?, 70, 71), а из бескурганных захоронений — 11 могил. Все рвы, как проследил М. Кёхеди, стояли долгое время открытыми и заплывали грунтом [47]. На площади могильника обнаружены также следы кострищ, обломки сосудов и кости животных (лошади, крупный рогатый скот), связанные с погребальным ритуалом [48].

Могильные ямы значительных размеров: ширина 2 — 3 м, длина 4 — 5, глубина от 1,5 до 2 м. Ориентированы умершие чаще всего головой на юг (с отклонениями на восток и запад). Удалось установить форму гроба. Это колоды, вырубленные из ствола, расколотого вдоль на две части. После того как в колоду клали умершего со всеми принадлежностями, обе части соединяли и скрепляли в торцах S-видными железными скобами (рис. 8). В двух случаях М. Кёхеди пишет о находках рамы из четырех обструганных четырехугольных балок размером в среднем 10×12 см (рис. 9). Автор считает их остатками носилок для доставки колоды на кладбище [49]. Но, вероятно, это могли быть и остатки могильного сооружения. Кости животных в могилах отсутствуют. Рядом с №121 в правильно вырытой яме находился скелет собаки, рядом с черепом которой лежали кости птиц (кур?). В насыпи кургана над п. № 256 — череп и передняя часть лошади вместе с ногами [50].

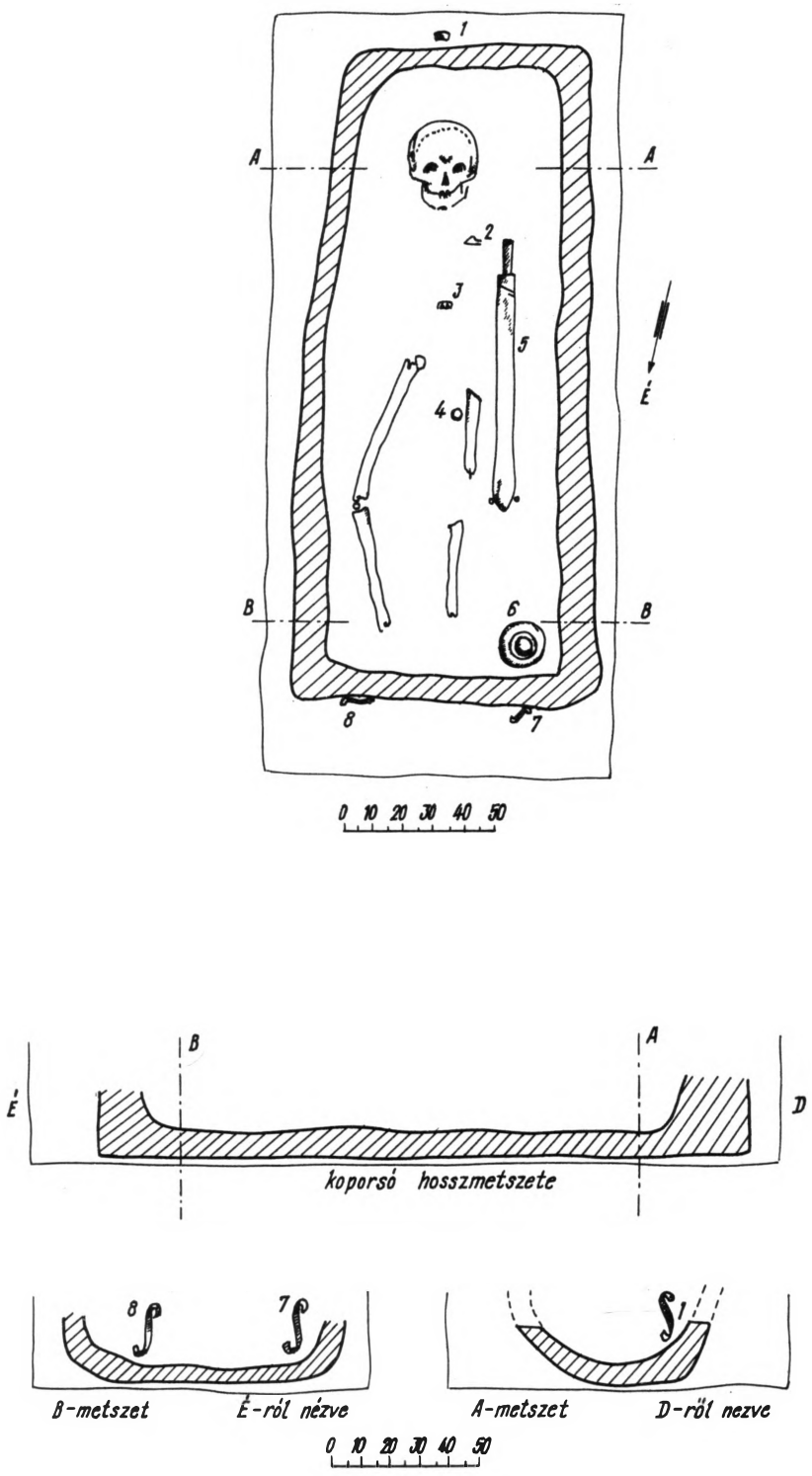


Рис. 8. План п. № 262 из могильника Мадараш (по М. Кёхеди).

В нескольких могилах найдены монеты, в том числе в грунтовой могиле с ровиком (№ 181), входившей в состав могил, окруженных одним общим рвом, обнаружена монета Диоклетиана (284 — 305).

М. Кёхеди вслед за М. Пардуцем относит могильник к самому концу III — середине V вв. [51]

Отсутствие в публикациях изображений вещей и описаний отдельных погребений не позволяет пока сделать всесторонний анализ этого интересного памятника.

Аналогии обряда окружения курганов и групп могил с канавками пока немногочисленны, что М. Кёхеди объясняет несовершенством методики исследования (раскапывали ограниченные участки). Лишь на могильнике Орошхаза обнаружен ров диаметром 9,4 м и шириной 90 см [52]. Кроме того, по сообщению М. Кёхеди, при исследовании у Чонграда в местности Фельде Д. Ласло дважды встретил аналогичные мадарашским захоронения, окруженные кольцевыми, а затем общим прямоугольным рвом. Вблизи могил с ровиками рядами размещались позднесарматские погребения [53].

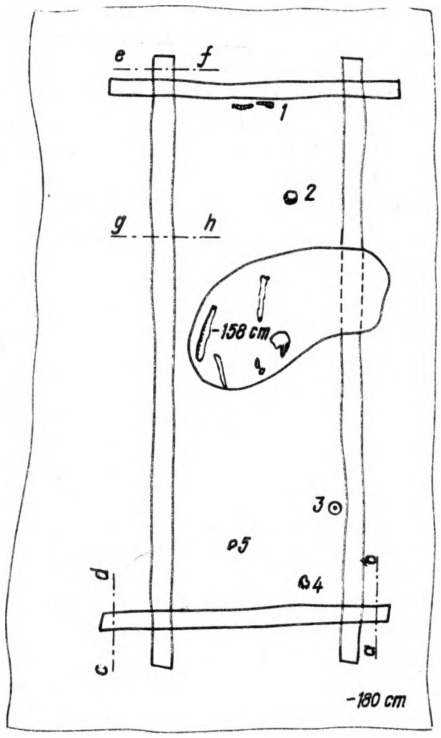


Рис. 9. План п. № 256 с остатками рамы из тесаных бревен для переноса выдолбленого гроба (по М. Кёхеди).

Могильник Кабо состоял из 20 больших и малых курганов, четыре из которых в 1927 г. раскопали Л. Золтаи и И. Шёреги [54]. Все курганы содержали по одной ограбленной могиле, ориентированной в направлении север-юг. В кургане № 1 на глубине 210 см обнаружены остатки гроба длиной 225 и шириной 100 — 125 см. На его дне обнаружены железные крючки и гвозди, фрагмент гончарного и обломки стеклянного сосудов.

Могильник Кишач состоял из 28 курганов. В трех рядах Л. Редигер раскопал семь курганов [55]. В кургане № 1, высотой 2 м, все кости были перемешаны. В могиле найдены обломок ручки от кувшина, сосуд и S-видная скоба длиной 13, шириной 2,5 см. Такая же скоба, гвоздь и обломки серого сосуда обнаружены в кургане V. В кургане VI кости человека также перемешаны; среди них S-видная скоба. В кургане IV — два детских скелета, ориентированные головой на юг; под черепами лежал грубый сосуд; ниже — вскрыто захоронение взрослого.

В могильнике Войско Д. Цираки (1905 г.) вскрыл 33 кургана из 100, сосредоточившиеся в трех группах: I — 28; II — 21; III — 50. Ряды курганов расположены по направлению север—юг, диаметр — 11 — 15 м, высота 70 — 120 см. Могилы прямоугольной формы углублены на 50 — 60 см. В каждом из курганов — по одной могиле, ориентированной по линии юг — север; умерших, чаще всего, клали головой на юг. В 10 могилах найдены глиняные сосуды [56].

В могильнике Тисалёк умерший, ориентированный головой на восток, захоронен на глубине 80 см. У ног стоял сосуд, у плеча — фибула, на шее — бронзовая витая гривна. Среди бус из этой могилы две халцедоновые, четыре — янтарные [57].

Могила из кургана Надьрев также ориентирована по линии восток — запад; рядом со скелетом — сосуд, бусы и пряслице [58].

В больших курганах, содержавших лишь по одной могиле, восстановить картину погребального обряда из-за ограбления почти невозможно.

Высота кургана у П у с т а и ш т в а н х а з а 4,8, диаметр 45,5 м. На глубине 474 см лежал слой дерева, под ним — три скелета в ряд головой на юг. На дне могилы — известь, за головами — следы ямок. На высоте 76 см обнаружены следы перекрытия [59].

В курганах В а ш к у т у Б а й и гробы скреплены П-образными скобами. В кургане № 1 обнаружены скелеты людей в сидячем положении *. Погребенные лицом обращены к востоку [60].

У В и з е ш т П у с т а [61] с 1894 по 1985 гг. раскопано пять курганов. О конструкции могил мало что известно, но материал кургана № 4 весьма выразителен — поясная гарнитура — пряжки, наконечники ремня и накладки в большинстве своем сходны с находками из других мест.

Погребальный обряд малых курганов, за исключением некоторых деталей, восстановить нетрудно, остается неясной лишь конструкция могил. Следует обратить внимание на чрезвычайно большие размеры могил (Мадараш до 4 — 5×2 —3 м). М. Золтан приводит сведения о могиле из кургана VIII/13 Хортобадь: длина — 290 см, ширина вверху — 120, внизу — 75(!), глубина — 130 см [62]. Не свидетельствует ли это, как и значительные размеры могил, о наличии каких-то конструктивных особенностей — заплечиков или срубов? В некоторых могильниках значительное количество умерших захоронено в гробах-колодах, скрепленных в торцах крупными железными скобами S- и С-видной формы. В большинстве могильников преобладает ориентировка умерших головой на юг с отклонениями чаще всего на юго-запад. Лишь в некоторых местах умерших клали головой на восток (Тисалёк, Надьрев, Боша).

Насколько типично сочетание курганных и бескурганных захоронений, а также канавки вокруг могил для курганных могильников, кроме Мадараша — сказать трудно. Необходимо учитывать, что Мадараш лежит на стыке районов распространения курганных и грунтовых захоронений, что и может объяснить подобное сочетание.

II. ОПЫТ ЭТНОТИПОЛОГИИ САРМАТСКИХ МОГИЛЬНИКОВ АЛФЁЛЬДА

Разнообразие погребальных памятников сарматского времени, как и известия античных авторов о многочисленных передвижениях племен в Подунавье, позволяет высказать предположение, что этнический состав населения Алфёльда был весьма неоднородным, а процесс этнического смешения обусловливался рядом политических и социальных факторов. К первым относят постоянные войны, которые вел Рим с варварами на границах империи. В них оказались втянутыми и сарматы вместе с племенами даков, кельтов, фракийцев, германцев и пр. [63] Войны шли с переменным успехом и постоянными передвижками больших и малых групп населения. Среди социальных факторов отметим, прежде всего, ослабление родственных связей и формирование общин на базе совместного владения землей, что характерно для времени становления государственности.

Данные письменных источников об этническом составе населения отрывочны — в них сообщаются, как правило, только названия племен, нередко господствующих в племенных объединениях. Археологические материалы, оставленные народом, несомненно, могут раскрыть гораздо более объективную картину. Для этого их необходимо обработать методами этнотипологии. Рассмотрим первоначально, какой опыт накоплен в этом направлении.

1. Классификация памятников М. Пардуца довольно сложна. Она вклю-

* Относительно возможности наличия этой позы см. статью А. Вадаи в настоящем сборнике.

чает членения хронологического и типологического порядка, но методологически не выдержана и поэтому недостаточно ясна. Мало внимания уделено и этноисторической интерпретации, что вызвало справедливую критику в ряде отзывов [64]. В последующей большой статье, кроме публикации новых материалов (исключительно богатое женское п. № 20 из могильника Сентеш-Надьхедь и материал могильника Сегед-Маккошерд — 34 погребения), М. Пардуц [65] подробно исследует проблему хронологии и этнического состава населения среднесарматского периода, названого им культурой Надьхедь. Для позднесарматского периода М. Пардуц выделяет две группы памятников: с западной ориентировкой и «сидячими» погребениями; с южной ориентировкой умерших [66]. Первая группа в дальнейшем относилась в основном к группе Баймок-Морахалом (350 — 450 гг.), расположена в Алфёльде южнее Кёрёша [67]. Вновь рассматривая могильники с «сидячими» погребениями, М. Пардуц приходит к заключению, что они связаны уже с началом движения гуннов *.

II группу М. Пардуц разделяет еще на две: Кишсомбор-Эрнёхаза (270 — 350 гг.) и Тапе-Малайдок (350 — 450 гг.), занимающие в основном территорию средней части Алфёльда к северу от линии Сегед-Байа [70]. Это население, по мнению М. Пардуца, испытало сильное влияние появившихся не позднее 270 г. племен с курганным обрядом захоронения и обычаем скреплять колоды железными S-видными скобами. Подобные памятники сосредоточены на юге Алфёльда и в верховьях Тисы.

Вообще следует заметить, что в хронологической периодизации М. Пардуца явно довлеют стремления строго разместить археологический материал в соответствии с историческими событиями, известными по письменным источникам. Так, за рубеж I и II периодов взят конец маркоманно-квадской войны (180 г.). А. Мочи [71] же переносит эту дату не к концу, а к разгару войны — 167 — 170 гг. Археологическая периодизация должна основываться, прежде всего, на изменении характера самого археологического материала, а в этом отношении памятники сарматского времени не дают тех существенных хронологических различий, позволивших бы выделить какие-то четкие группы, например культуру Надьхедь. И вещи, и погребальный ритуал культуры Надьхедь характерны для всего сарматского периода (рис. 10).

Конечно, среди памятников, объединяемых в сарматскую эпоху, известны как более ранние, так и более поздние, но типологические изменения вещей и погребального обряда на этом протяжении весьма незначительны и с археологической точки зрения это не более как хронологические ступени (стадии одного этапа или культуры).

В основу типологического членения погребальных памятников М. Пардуц берет ориентацию умерших по сторонам света. Это, конечно, важная деталь, но, к сожалению, она у автора единственная и явно недостаточна для этнической интерпретации каких-либо групп. То, что в типологическом членении используется лишь ориентировка умерших, объяснимо состоянием источников — в большинстве случаев авторы раскопок почти не фиксировали конструкции могил. В какой-то мере это обстоятельство заставляет и нас следовать за М. Пардуцем, но мы попытаемся дать типам погребений комплексную характеристику с привлечением данных о вещах.

2. Статистический учет фиксированных черт погребального обряда (глубина ям, ориентировка умерших, положение в могиле сосудов и наличие отдельных вещей) удалось выполнить по материалам 15 грунтовых могильников (369 погр.) и двух курганных (206 погр.), что дало в общей сложности 575 погребальных комплексов (табл. 1,2). В целом, это, казалось бы, достаточно большое количество, однако размещение памятников по всей территории — неравномерное (рис. 1). Почти полностью отсутствуют данные о южных придунайских курганных и грунтовых захоронениях, скудны сведения о северных грунтовых могильниках, а курганы раскопаны только в одном районе. Более

* И. Бона в одной из статей замечает, что до сих пор в Венгрии ни одно сидячее погребение не раскопано археологами. Он считает, что все это — сведения любителей о разграбленных могилах, где кости смешаны [69]. См. также статью А. Вадаи в настоящем сборнике.

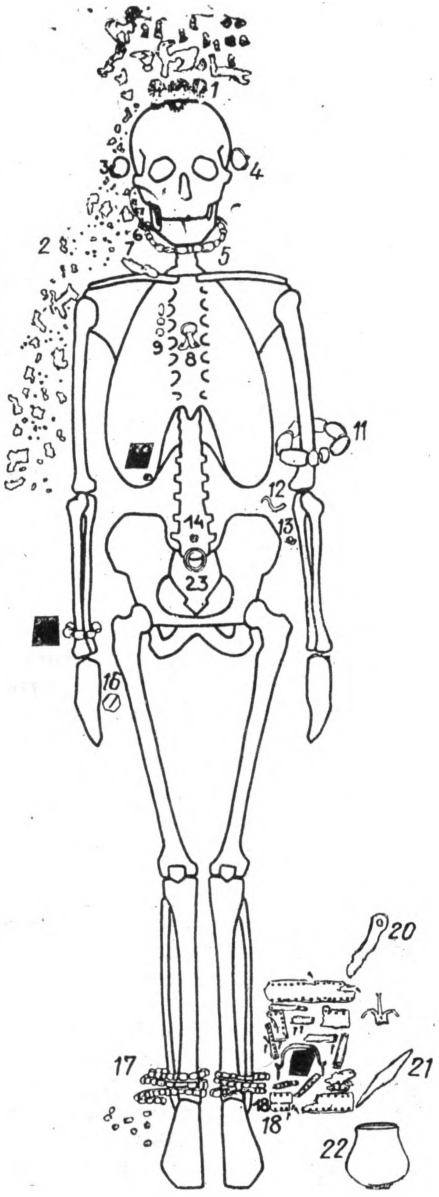


Рис. 10. План женского п. № 20 из могильника Надьхедь (по М. Пардуцу):

1, 2 — украшения головного убора:, бронзовые с золотой фольгой бляшки с изображениями пантер, зайцев, птиц, личин и др.; *3, 4* — височные кольца с петлей и крючком, бронза; *5* — ожерелье из бус; *6* — бронзовое кольцо от ожерелья; *7* — серебряная штампованная бляшка; *8* — бронзовая пластина-оковка с кольцом; *9* — бусы; *10, 13, 14* — бронзовые штампованные пластинки (от головного убора?); *11, 15* — браслеты из бус на руках; *12* — крючок из бронзы; *16* — пряслица; *17, 18* — браслеты из бус (369 и 343 экз.) на ногах; *19* — бронзовые оковки и ручка от деревянного ящичка (размером 20×30 см); *20* — железный стержень с кольцом; *21* — железный нож;
22 — глиняный сосуд; *23* — бронзовое кольцо.

или менее представлены две группы по Тисе — в области устьев рек Марош и Кёрёш, хотя отдельные памятники содержат также единичные захоронения. Наконец, несколько пунктов раскопано вдоль Дунайского левобережья, но объединение их довольно условно.

Для этнотипологии — суммарной характеристики и выяснения степени близости отдельных групп погребений — применяем метод вычленения коэффициента абсолютного сходства (КАС) [72] по суммарным показателям различных признаков обряда, характеризующих каждую группу (ориентировка умерших, положение сосуда и наличие некоторых типов вещей). Для этого в массиве погребений создаются группы-выборки на основе четко фиксированых признаков, например по ориентировкам погребенных и т. п. Каждая такая группа характеризуется по остальным признакам. Далее вычисляются процентные распределения по совокупностям признаков, что позволяет сравнивать выборки независимо от первоначального количества. КАС — это среднеарифметический показатель сходства совокупностей, характеризующих сравниваемые пары.

Сравнение выборок, построенных на различных основаниях, позволяет выделить среди них те, которые обнаруживают очень высокие КАС, а сопоставление с показателями высоких тенденций взаимовстречаемости отдельных признаков — получить группы с комплексными характеристиками. Подобные группы погребений, выделенные на основе признаков обряда, соотносимых обычно с этническими традициями отдельных народов, мы предлагаем рассматривать как АЭТ — археолого-этнический тип [73]. Эти типы, выделяемые в памятниках какого-либо народа по совокупности признаков с высокой степенью корреляции, отражают *остаточные традиции различных по происхождению и этнической принадлежности в прошлом групп населения, вошедших в состав данного народа.* Этот метод этнического анализа достаточно эффективен и опробирован уже неоднократно.

3. Сравним, прежде всего, территориальные группы, а

также грунтовые и курганные могильники. Среди территориальных групп высокий КАС = 71,0 % имеют грунтовые могильники двух районов — Марош и Кёрёш по всем параметрам, и, наоборот, каждая из них больше отличается от курганов Верхней Тисы (табл. 3). В целом, однако, оба типа захоронений достаточно близки — 66,5 %, учитывая, что сравнения проводились по детальным признакам. Так, количество погребений с сосудами почти одинаково — 58,7 и 56,6 %, причем в большинстве могил сосуды стояли у ног погребенных.

По ориентировке среди погребенных в грунтовых могильниках преобладают положения головой на юг (50,5 %) и юго-восток (26,6 %), нередки также северная (14,5 %) и широтная восток — запад (7,5 %). В курганных захоронениях преобладают ориентировки юг — юго-восток (49,6 %) и юго-запад (42,9 %), а южная — редко (7,5 %). Курганные захоронения, как правило, более глубокие, чем грунтовые (в среднем на 16,5 см). Большое сходство грунтовых и курганных могильников прослеживается не только по погребальному обряду, но и по вещевому комплексу, учитывая, конечно, что курганные могильники относятся только к поздним этапам сарматского периода. Здесь встречаются одинаковые типы фибул, височных подвесок, браслетов, гривен, наборов бус и т. д.

Различия заключаются в следующих деталях. В курганных могильниках совершенно отсутствуют фибулы-броши и фибулы с высоким приемником (рис. 2, *2, 3, 6 — 10*), лишь в единичных случаях встречаются бронзовые кольца (рис. 2, *11 — 13*). Нет подвесок с крупными раковинами и гривен с пластинчатым замком (рис. 3, *4, 6*); пластинчатых пряжек и двучленных наконечников, а также пряжек с завитками на приемном кольце (рис. 4, все, кроме *8*). В грунтовых могилах почти полностью отсутствуют оригинальные шарнирные пряжки, столь типичные для курганных захоронений (рис. 7, *11*), и бронзовые зеркала (рис. 7, *19, 20*).

Керамика из могил представлена в обеих группах памятников достаточно большими сериями. В курганных могильниках лишь в единичных случаях встречены лепные сосуды (рис. 6, *20*), в грунтовых же они нередки и более разнообразны по форме (рис. 5, *1 — 9*). Гончарная посуда сходна как по технике изготовления, так и по форме — преобладают горшковидные сосуды с шаровидным корпусом, небольшим поддоном и отворотом шейки (рис. 5, *10 — 13*; 6, *1 — 5*). В одинаковой степени прослеживается в посуде сильное провинциальное римское влияние (рис. 5, *14 — 15, 19 — 23;* 6, *13 — 19*). В курганных могильниках несколько своеобразна группа кувшинов и сосудов с узкой горловиной (рис. 6, *6 — 10*).

Такое значительное сходство погребального обряда и вещевого комплекса позволяет вполне определенно заключить, что памятники сарматской эпохи в Алфёльде оставлены этнически близкими группами населения.

4. Сравним теперь группы могил с различной ориентировкой умерших, выделяя среди них грунтовые и курганные (табл. 4).

К типу I/1 (надьхедьскому) относятся грунтовые погребения с *южной ориентировкой* умерших и с небольшой глубиной могильных ям — средний показатель 104,1 см, причем могилы глубже 150 см составляют около 10 %. Длина и ширина могил зафиксирована только в могильнике Сентеш-Шаргапарт, где эти размеры оказались довольно значительными: длина в 12 случаях из 15 превышала 200 см (до 275 см), ширина в 10 из 13 — в пределах 70 — 110 см. К сожалению, малочисленность подобных сведений не позволяет пока делать какие-то более общие заключения.

Глиняные сосуды в могилах типа I/1 обычная вещь (53,7 %) и стоят они, как правило, у ног (36,9 %). Интересны сведения о сосудах в могильнике Сентеш-Шаргапарт, где все они стояли между ног [74]. Так же стояли сосуды в некоторых могилах Чонград-Хатарут [75]. Возможно, это же существовало и в других могильниках, но не отмечено авторами раскопок. В мужские могилы клали обычно железный нож и кресало с камнем, в женские — нередко глиняные пряслица.

Далее намечаются некоторые специфические особенности костюма надь-

хедьского типа. Прежде всего, это обилие в наряде разнообразных бус: обычно ожерелья вокруг шеи, какие-то нагрудные украшения и, по-видимому, обшивка одежды или браслеты на руках и ногах. Последнее чрезвычайно широко распространено у населения надьхедьского типа (22,5 % могил). Нередки как в мужских, так и в женских могилах фибулы.

Специфически надьхедьской можно также считать моду носить височные кольца — они встречаются почти в два раза чаще, чем во всех иных погребениях.

Погребения с южной ориентировкой в курганных могильниках (тип II/1, табл. 4) крайне немногочисленны (10). Тенденция признаков у них иная, поэтому КАС с другими группами очень низкий. Хотя, учитывая малочисленность выборки, это может быть случайностью.

Тип I/2 (отхаломский) грунтовых погребений (табл. 4) ярко представлен могилами в Сегед-Отхалом (табл. 1, 2), откуда мы и берем его название *. Отличается он от надьхедьского, пожалуй, лишь *ориентировкой умерших головой на юго-восток* и бедностью погребального инвентаря, особенно фибул и пряслиц. По-прежнему, хотя и в меньшем количестве, встречаются захоронения с бусами у ног и височными подвесками, причем чаще — подвески второго типа (Сегед-Отхалом, п. № 11; 19; Сентеш-Шаргапарт, п, № 245, 35, 37). Находки в ряде могил S-видных скоб для гроба, а также усеченно-биконических пряслиц — показатели более позднего времени захоронений этого типа. Не исключено, однако, что юго-восточная ориентировка была типичной для западной (придунайской) группы памятников (табл. 1;2; могильники Дунахараст и Кишкёрёш).

Тип 1/3 (баймокский) составляют погребения *с широтной ориентировкой*, которые М. Пардуц выделял в группу Баймок-Морахалом и датировал 350 — 450 гг. [77], что фактически означает существование их в гуннское время **. Погребения малочисленны и бедны инвентарем, причем полностью отсутствуют такие типы, как височные подвески, фибулы, бусы у ног, характерные для других типов. Преобладают погребения *с ориентировкой головой на запад*. Баймокские захоронения отличаются значительной глубиной могильных ям. В могильнике Морахалом — средняя глубина 169,2, максимальная — 240 см, в могильнике Бодрогмоношторсег — четыре могилы из шести известных имели глубину более 200 см.

Сосуды в могилах встречаются довольно неравномерно — в Баймоке и Морахаломе они найдены почти в каждой могиле, а в Бодрогмоношторсеге и Серег-Иван — только в половине. В Морахаломе все сосуды стояли справа у ног (в надьхедьском типе чаще между ног), а в Баймоке, Серег-Иване — чаще в изголовье. Бусы у ног — единичны (Бодрогмоношторсег, п. № 4,5). Также редки пряслица и фибулы. Височные подвески надьхедьского типа попадаются редко (Бодрогмоношторсег, п. № 9; Серег-Иван, п. № 8). Впервые в дунайских могильниках встречаются костяные гребни (Бодрогмоношторсег, п. № 4,5,9; Серег-Иван, п. №№ 5) — деталь, которая в дальнейшем весьма типична для захоронений гепидского времени.

Большинство захоронений баймокского типа относится уже к гуннскому времени (см. ниже).

Тип I/4 (маккошердский) — грунтовые могилы с *северной ориентировкой* умерших. Хотя этот тип и довольно многочислен (табл. 4), однако большинство учтенных могил происходит из могильника Сегед-Маккошерд (табл. 1), а сведения об ориентировке умерших данного могильника весьма нечеткие и могут быть ошибочными. М. Пардуц относил могилы с северной и южной

---

* М. Пардуц [76] выделяет среди сарматских могил группу Тапе-Малайдок (350 — 400), для которой считает характерной ориентировку умерших на юго-восток и юго-запад. Но, за основу для выделения М. Пардуц берет наличие в могилах S-видных скоб для гроба, которые также характерны для более ранней группы Кишсомбор-Эрнехаза (270 — 350 гг.). Малайдокский тип, я думаю, лучше оставить за теми погребениями, которые имеют S-видные скобы (см. ниже), а выделенную здесь группу назвать отхаломской.

** К этому типу М. Пардуц относит могильники: Баймок; Сегед-Морахалом; Ясберень-Селе; Серег-Иван; Бекешчаба; Хач-Бенекпуста; Цента-Хирешор; Сегед-Алшотаня; Бодрогмоношторсег; Хайдудорог; Перше-Боща; Кишудварнок.

ориентировкой к одной группе [78]. В могилах этого типа сосуды встречаются реже (46,3 %), несколько больше глубина могил, чем в первых двух типах. Совершенно отсутствуют височные подвески, редко встречаются пряслица, но часто — фибулы.

Тип II/3 (порошхатский) включает курганные захоронения с *юго-западной ориентировкой* умерших (табл. 4); для них характерна большая глубина могил (средняя — около 117 см) и чрезвычайно высокий процент погребений с сосудами (66,4). Мало могил с находками бус у ног, пряслиц, височных подвесок и особенно фибул. В 14 % всех могил встречены скобы для гроба.

Тип II/2. Трудно сказать, насколько самостоятельна группа могил с *ориентировкой умерших юг — юго-запад* (табл.4). По таким признакам, как глубина могил и сосуды в могилах, они не отличаются от предыдущей группы; по инвентарю же у них общая тенденция к увеличению встречаемости всех типов, особенно фибул, что прямо противоположно предыдущей группе. Преобладание могил с этой ориентировкой в могильнике Коцка, наличие среди них значительно большего числа могил с пряжками, увеличение количества фибул, а особенно сосудов в могилах — все это, как будто, признаки более поздних погребений, но общее увеличение инвентаря в могилах противоречит сделанному заключению.

Отдельные группы погребений (по ориентировке) обнаруживают различную степень сходства между собой и другим основным признакам погребального обряда (табл. 5). По степени близости можно провести следующую градацию.

Наиболее высокое сходство — КАС = 93,8 % имеют типы I/1 и I/2, то есть надьхедьский и отхаломский АЭТ, для которых одинакова и глубина могильных ям. Последнее может служить одним из подтверждений того, что здесь различия лишь хронологического порядка. Такая же картина между курганными типами II/2 и II/3 (КАС - 94,3 %), одинаковыми и по глубине могил. И, наконец, поздний отхаломский АЭТ (I/2) обнаруживает столь же высокую степень сходства с курганными типами II/2 и II/3 (КАС = 92,9 и 96,1 %), за исключением глубины могильных ям. Это вполне логично, так как курганные захоронения также относятся к позднему периоду.

Достаточно высокий КАС обнаруживают тип I/1 с курганными типами II/2 и II/3 (86,3 и 87,6 %). Если учесть, что все четыре типа содержат выборки, различающиеся по основанию, на котором они собраны (ориентировка с отклонениями от направления «юг»), а также то, что в сумме эти типы составляют большинство (83 %) всех сарматских погребений Алфёльда, то можно прийти к заключению, что это погребальный обряд населения, уже достаточно интегрированного в новую этническую общность.

Остальные три типа (I/3, I/4 и II/1) не имеют близкого сходства ни между собой, ни с другими типами.

В целом можно отметить, что погребения с близкими ориентировками (вариации в пределах юго-запад — юг — юго-восток) близки и по другим признакам погребального обряда, а могилы с широтной и северной ориентировкой умерших существенно отличаются от основной массы грунтовых захоронений. В данных погребениях, по-видимому, сохраняются традиции каких-то иноэтничных групп, вошедших в состав основной массы населения сарматского времени.

5. Произведем также анализ по отдельным группам могил, выделенным по некоторым характерным вещам (табл. 6). В первую очередь заслуживают внимания, конечно, захоронения с бусами у ног (табл. 6, *1*). В могилах сарматского времени, как отмечалось, чрезвычайно часто встречаются разнообразные бусы из пасты, стекла, кораллов, сердолика, халцедона, а позднее и янтаря. Бусинки нанизывались в ожерелья, нередко составляли браслеты (или обшивки) вокруг рук (около запястья, а иногда и выше локтя) и ног — у щиколотки. Если бусинки из браслетов на руках учесть довольно трудно, так как по условиям находок их можно спутать с бусинками от ожерелий и нагрудных украшений, то найденные на ногах — хорошо фиксируют эту моду (рис. 10). Бусинки у ног встречаются почти во всех могильниках (табл. 1; 2) и типах по ориентировке (табл. 4), кроме поздних, возможно, уже гуннского времени. Ношение бус на но-

гах — мода, бесспорно, женская, так как нередко в могилах с бусами у ног находят пряслица, височные подвески и фибулы. Если учесть, что это мода взрослых женщин, то находки бус у ног в 16,5 % всех могил позволяют заключить, что это почти половина взрослых женщин. Поэтому мы и выбрали этот признак для характеристики.

Встречаемость такого обычая на памятниках имеет иногда существенные отклонения, а по районам, что более объективно, наиболее широко он был распространен в Кёрёшском (24 %), меньше в Мароршском (13,4 %) (табл. 2).

Различия между грунтовыми и курганными захоронениями с бусами у ног фиксируются практически только по ориентировке, подобно всем могилам (табл. 6, I). Значительно выше нормы распределения связь этого типа с группой грунтовых могил — тип I/1 — «юг» (на 29,6 %) и курганных II/2 — «юг — юго-запад» (на 27,8 %), то есть именно с теми группами, которые характеризуют наиболее массовую часть населения сарматского времени. Характерна также повышенная встречаемость сосудов в могилах (в среднем на 8 %). Ношение бус на ногах было общей модой женщин сарматского времени, что отражается в высоком коэффициенте сходства данной группы со всеми погребениями (табл. 7, I,в). Не встречаются бусы у ног только в могилах баймокского типа с широтной ориентировкой.

Группа могил с височными подвесками также относится к женским захоронениям. Общее число захоронений с подвесками невелико, почти в три раза меньше, чем с бусами у ног (табл. 6, II). Свидетельствуют ли находки височных колец о каких-то социальных или этнических процессах? Если принять первое, то должно быть более или менее равномерное распределение находок по могильникам и районам. Этого нет. Наиболее часто подвески встречаются в Кёрёшской группе (табл. 2 — 12,4 %), затем Марошской и курганной Верхней Тисы. Обращает на себя внимание устойчивая тенденция захоронений с височными подвесками к более мелким могилам и без сопровождения умершей сосудом (табл. 6, II, около 8 % ниже нормы). Такие тенденции в общем характерны для более ранних погребений. Поэтому значительно выше здесь процент грунтовых могил с южной ориентировкой, чем юго-восточной (табл. 6, II). Преобладание находок височных подвесок в Кёрёшской группе, где больше всего и погребений с южной ориентировкой, позволяет считать ношение височных подвесок обычаем населения Кёрёшского района надьхедьского типа.

Височные подвески сарматского времени в Алфёльде встречаются двух типов. Первый — проволочные кольца диаметром до 2 — 3 см с завязанными концами, нередко скрепленные по нескольку штук вместе (рис. 3, *1*). На некоторые из них надеты крупные раковины (рис. 3, *6*). Кольца с завязанными концами в массе встречаются только в погребениях надьхедьского типа *. В могилах иного типа эти кольца встречены в единичных случаях (могильник Отхалом).

Второй тип височных колец несколько большего размера — до 3 — 4 см из проволоки с завязанной петлей или щитком на одном конце и с крючком на другом. Часть кольца, примыкающая к петле, бывает украшена спиральновитой проволокой между двумя дисковидными шайбочками или петлей, завязанной сложным узлом (рис. 3, *2*). Кольца этого типа (12 пунктов, 27 погр.) найдены ** также в могилах с юго-восточной ориентировкой (Сентеш-Шарга-

---

* Перечень находок: Сегед-Фелшёпустасер (п. № 16 и 20) [79]; Надькёр [80]; Чонград-Хатарут [81]; Сентеш-Киштёке (п. № 31) [82]; Ловрин [83]; Тёрёксентмиклош-Шурянсолнок [84]; Дьема [85]; Закань [86]; Сентеш-Бекерхат (п. № 2) [87]; Сентеш-Кайян (п. № 6) [88]; Сегед-Отхалом (п. № 11 и 19) [89]; Клорафалва В (п. № 54) [90]; Сентеш-Шаргапарт (п. № 6, 23, 26, 29, 38, 49) [91]; Кишсомбор В (п. № 112) [92]; Рабапордань [93]; Кишкунфелэдьхаза [94]; Чёевар (п. № 1) [95]; Серег-Иван (п. № 8) [96]; Клочев (п. № 68) [97]; Регей [98].

** Перечень находок: Кларафалва В (п. № 23, 40) [99]; Сентеш-Якшор (п. № 2, 3) [100]; Сентеш-Шаргапарт (п. № 19, 25, 35, 37) [101]; Кишсомбор В (п. № 72, 82) [102]; Кишсомбор А (п. А; п. № 11) [103]; Гебелиярош [104]; Орошхаза, Криштo-Тегладбяр [105]; Сегед-Отхалом (п. № 11, 19) [106]; Сентеш-Надхедь (п. № 20) [107]; Терекканижа (п. № 2, 4) [108]; Хортобадь-Порошхад (п. I/13; II/26; III/6,32; IV/13,14) [109]; Хортобадь-Коцка (п. № VI/33; XI/14) [110].

парт, п. № 25, 35, 37, интересно, что в п. № 25 и 37 были и бусы у ног; Сегед-Отхалом, п. № 11, 19).

Группа могил с железными скобами для гроба (табл. 6, III) чаще встречается в курганах, что хорошо зафиксировано в могильнике Мадараш, но, очевидно, далеко не во всех, что показывают различия могильников Хортобади — в Порошхате они обнаружены в 36,2 % погребений, а в Коцке они вообще отсутствуют (табл. 1; 2). Хотя между этими могильниками и существуют хронологические различия, все же данное явление они не объясняют. Ряд погребений со скобами, датируется уже гуннской эпохой (см. ниже), в то время, как Коцка, несомненно, в основном относится к сарматской эпохе.

Итак, скрепление половинок гроба-колоды в торцах S- и С-видными скобами (рис. 7, 21, 22) следует, по-видимому, считать традицией какой-то определенной части сарматского населения Алфёльда. М. Пардуц полагал, что это типичная черта для курганных погребений, хотя единично они встречаются в грунтовых могилах (I/1 и I/2). Скобы обнаружены в мужских и женских погребениях, хотя в последних — значительно реже (см. табл. 6, III, тенденция по инвентарю). Глубина могил в курганах соответствует норме курганных захоронений, а в грунтовых она значительно меньше. В грунтовых преобладает юго-восточная ориентировка, что закономерно, ибо колоды со скобами появляются в позднесарматское время. В курганных захоронениях находки скоб почти равномерно распределяются среди юго-западной и юг — юго-западной групп (табл. 6, III).

Для захоронений со скобами характерна повышенная доля могил без сосудов (50 % во всех вариантах). Это явление пока не ясно, так как в курганных погребениях порошхатского типа, где чаще всего встречаются скобы как с ориентировкой юго-запад (II/3), так и юг — юго-запад (II/2), четко обнаруживается тенденция к более частой постановке сосудов в могилы — 66 — 68 % (табл. 4). Возможно, именно эта черта характерна для второй части населения с курганным обрядом захоронения, которая не применяла железные скобы для скрепления гроба. Такое предположение подкрепляется тем, что на могильнике Коцка (табл. 1,2), где нет скоб, могил с сосудами — 66,3, ориентировок юг — юго-запад — 41,6 % и средняя глубина могил меньше (119,7 см), чем в Порошхате (126,3 см). По-видимому, этот тип курганных захоронений без скоб и можно назвать хортобадьским.

Гроб-колода со скобами — типичный признак курганных захоронений с юго-западной ориентировкой (табл. 7, III). Грунтовые могилы со скобами М. Пардуц относил к малайдокскому типу [111]. Они чрезвычайно близки погребениям отхаломского (I/2) типа. Коэффициент сходства между ними по обычаю постановки сосудов в могиле равен 85, а по инвентарю — 93 %. Поэтому можно полагать, что в могилах малайдокского типа захоронены представители смешанного населения с порошхатско-отхаломскими традициями.

Группы погребений, выделенных по какому-либо типичному набору инвентаря в целом, не обнаруживают существенных отличий от всей массы погребений. Эти могилы характеризуют какую-то определенную часть населения — по возрасту и полу.

6. Подведем итог типологического анализа. Общей тенденцией большинства погребений, несомненно, является тяготение к ориентировке умерших головой на юг с отклонениями до юго-востока и юго-запада. Захоронения с широтной и северной ориентировкой (типы I/3 и I/4, табл. 4) отличаются существенно и по всем другим признакам погребального обряда. Эти захоронения принадлежат каким-то группам, чуждым основной массе населения сарматского времени.

Общей модой всего женского населения Алфёльда сарматского времени был обычай ношения браслетов из бус на руках и ногах (табл. 2). Типична для захоронений этого времени небольшая глубина могильных ям (средний показатель — немного более 110 см), а также нередкое помещение в могилы у ног умерших глиняных сосудов (около 58 %). Как в женском, так и мужском костюме часто применялись фибулы, найденные почти в 30 % всех мо-

гил. Очень редко среди погребального инвентаря встречаются орудия труда и оружие. Исключение составляют пряслица и ножи.

Таковы черты, характеризующие погребальные и некоторые другие обычаи населения сарматского времени Алфёльда в целом.

При значительной однородности как вещевого материала, так и погребальных обычаев с большим трудом удается выделить отдельные типы захоронений, различающиеся между собой. Этнотипологический анализ позволяет обнаружить остаточные традиции (АЭТ) различных по происхождению и этнической принадлежности групп населения, вошедших в состав формировавшегося среднедунайского (алфёльдского) народа (табл. 9).

Среди этих погребений наиболее значительный надьхедьский АЭТ, лучше всего представленный в группах погребений с ориентировкой на юг (табл. 4, I/1), с височными подвесками (табл. 6, II) и в районе Кёрёша (табл. 2, II). Эти группы имеют между собой довольно высокий коэффициент сходства по погребальному обряду и близкие показатели по глубине могил (табл. 8,I). Для надьхедьского типа характерна (табл. 9) ориентировка умерших головой на юг, небольшая глубина грунтовых могил (средняя — 100 см), сосуды в 53 % могил; почти у четверти захороненных встречаются бусы у ног и почти у половины — фибулы (от 40 до 55 %). Нередки в могилах пряслица (20 % всех могил или 50 % женских) и височные подвески (12 — 13 % всех могил).

Отхаломский АЭТ характеризуется группой могил с ориентировкой на юго-восток (табл. 4, I/2) и Марошской группой могильников (табл. 2,I), для которых типичны следующие признаки (табл. 9): ориентировка на юго-восток; несколько бóльшая, чем у надьхедьского типа, глубина могил (средняя 105 — 110 см); сосуды в 56 — 60 % могил сравнительно меньше, чем в надьхедьских погребениях; встречаются бусы у ног (14 — 17 %), пряслица (13,5 %), височные подвески (более 8,0 %) и особенно фибулы (всего 22 — 23 %). Отхаломский тип более характерен для позднесарматского времени.

Порошхатский АЭТ, характеристика которого складывается из курганных погребений с ориентировкой на юго-запад (табл. 4, II/3), могил со скобами для гроба (табл. 6, III) и группы курганов Хортобадь-Порошхат (табл. 2, IV), имеет следующие черты (табл. 9): курганные насыпи над могилами средней глубины — 120 см; сосуды в 50 % могил; бусы у ног встречаются не более чем в 15 % могил, фибулы — около 20 %, височные подвески — в 2 — 3 % могил. Типичнейшая черта порошхатских погребений — железные S- и С-видные скобы, скрепляющие в торце две половинки колоды-гроба, встречающиеся приблизительно в четверти всех могил.

Хортобадьский АЭТ можно характеризовать по группе курганных могил Хортобадь-Коцка (табл. 2, IV), группе захоронений с ориентировкой юг — юго-запад (табл. 4, II/2), для которых типичны (табл. 9): курганные насыпи над могилами глубиной в среднем 115 — 119 см, сосуды в 67 — 68 % могил, бусы у ног в 17 — 18 %; пряслица — 12 — 16 %, височные подвески 2 — 4 % и фибулы — 33 — 37 % всех могил.

Четыре описанных АЭТ близки по ориентировке (юг с отклонениями) и другим признакам, составляя более или менее единый массив, который, как уже отмечалось, можно связывать или с группами родственного по происхождению населения или же это варианты вновь формирующегося этнического массива — алфёльдского, впитывавшего разнородные более мелкие группы.

Маккошердский АЭТ — грунтовые захоронения во многом близки надьхедьским и отхаломским, но с противоположной ориентировкой умерших — на север, реже встречаются сосуды и пряслица, полностью отсутствуют височные подвески.

Баймокский АЭТ включает могилы с широтной ориентацией, чаще головой на запад и очень большой глубиной (средняя — 150 см), с частыми находками сосудов. Отсутствуют типы вещей, встреченные в других АЭТ.

Несомненно, что названные АЭТ связаны с населением иного происхождения и этнической принадлежности.

III. ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛФЁЛЬДА В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

1. Племена. Этническая структура. Степень этнической интеграции. Сарматские памятники занимают довольно компактную территорию бассейна Тисы, не включая среднего и верхнего течения ее крупнейших притоков — Мароша и Кёрёша. Картографирование сарматских могильников Алфёльда позволяет выявить несколько основных районов их сосредоточения (рис. 1).

Наиболее южный — Банатский — расположен на левом берегу Дуная, ниже устья Тисы в области Банат. Здесь открыто несколько грунтовых могильников (№ 1 — 14), но достаточно полный материал для характеристики района в целом отсутствует.

Второй — Воеводинский — занимает южную часть Дунайско-Тисского междуречья, в основном область Воеводины, где расположена южная группа курганных могильников (№ 91 — 101) и несколько грунтовых (№ 15 — 20). Наиболее крупный из изученных памятников — могильник Мадараш, где сосредоточены курганные и грунтовые захоронения. Материалы его, к сожалению, пока не опубликованы. Известно, что в захоронениях также встречаются гробы-колоды с S-видными железными скобами и что большинство умерших ориентировано головой на юг — юго-восток и юго-восток. Судя по картам, опубликованным М. Пардуцем [112], этот район был заселен только в позднесарматский период — во второй половине III в.

Третий район — Марошский — включает памятники в районе среднего течения Тисы около устья Марош. Здесь хорошо изучена большая группа грунтовых могильников в окрестностях Сегеда, на правобережье Тисы и в низовьях Мароша, на левобережье (№ 21 — 54). На юге известно три курганных могильника (№ 102 — 104).

Четвертый район — Кёрёшский — включает памятники по Тисе возле устья Кёрёша грунтовые могильники (№ 53 — 72) и курганы (№ 105, 106). Исследованы грунтовые могильники, сосредоточенные в окрестностях г. Чонград и Сентеш.

Марошский и Кёрёшский районы содержат памятники, начиная с I в. н. э. Это основные территории, первоначально освоенные сарматским населением. Здесь преобладают грунтовые захоронения, и оба района достаточно близки по обряду и вещевому материалу.

Пятый район — Верхнетисский — занимает левобережье Верхней Тисы в пределах Венгрии, где расположена основная масса курганных могильников (№ 110 — 137) и несколько грунтовых (№ 82 — 90), последние, однако, плохо изучены. В могильнике Дебрецен-Хортобадьхид умершие лежали головой на север. Курганные захоронения этого района характеризуются, главным образом, по могильникам Хортобадь (табл. 1; 2).

Шестой район — Придунайский — включает памятники, расположенные по левобережью Дунайского колена в пределах современной Венгрии и бассейна р. Задьвы. Хотя этот район и значителен по территории, но грунтовых (№ 74 — 81) и курганных (№ 107 — 109) могильников известно немного. Район был заселен очень поздно, возможно, уже в гуннское время и, по-видимому, выходцами из Кёрёшского района (преобладание в могильнике Дунахараси погребений отхаломского АЭТ) и района Воеводины (скобы для гробов в погребениях).

Некоторое территориальное обособление памятников и специфика погребального обряда позволяют предполагать, что каждый такой район был, по-видимому, территорией расселения отдельных больших племен или их союзов.

Интересную картину дает этническая структура каждого района — племени, судя по составу памятников — по наличию различных АЭТ и коэффициента сходства отдельных могильников между собой. Для последнего, однако, могут быть использованы лишь представительные памятники, содержащие не менее 20 погребений каждый.

К сожалению, массовый материал известен только по двум районам —

Мароша и Кёрёша (табл. 1; 2; 10). Сравнение показывает, что внутри каждого района КАС отдельных могильников между собой чаще всего ниже, причем намного ниже, чем в целом групп Кёрёш и Марош между собой, их КАС = = 71,0% (табл. 3). Лишь единичные сравнения дают КАС выше, чем межгрупповой (табл. 10 — Ia; IIa; III, 3,6), причем это могильники как в пределах одного района — Фелшёпустасер и Кишзамбор (КАС = 75,7 %), Киштёке и Шаргопарт (71,8 %), так и из разных районов — Кишсомбор и Шаргопарт; Кишсомбор и Киштёке (73,8 и 87,1 %).

Могильники принадлежат, бесспорно, к этнически очень близким группам населения. В каждом из этих районов обнаружены почти все четыре АЭТ грунтовых захоронений, хотя в пределах одного могильника, как правило, превалируют погребения какого-либо одного АЭТ. Так, перечисленные выше могильники с высоким сходством содержали в большинстве погребения надьхедьского АЭТ. При этом в каждом могильнике присутствовали единично и погребения других АЭТ. Преобладание какого-либо одного АЭТ и объясняет факт, что в одних случаях могильники обнаруживают высокий КАС, а в других — очень низкий (табл. 10).

Сарматские могильники в большинстве содержали очень небольшое число погребений. Каждый могильник принадлежал, по-видимому, отдельной большой патриархальной семье, поэтому вполне естественно абсолютное преобладание в могильнике погребений какого-либо одного АЭТ — членов одной большой семьи. Такие семьи могли составлять отдельную общину скотоводов, но могли, в зависимости от хозяйственных потребностей совместного использования пастбищ, составлять объединения для выпаса стад отдельных семей и т. п., объединяться с другими семьями в одну общину, сохраняя, однако, свое семейное кладбище.

При такой организации высокий КАС = 61,2 — 71,0 % между суммарными показателями памятников отдельных районов (табл. 3) получается за счет сходства общей этнической структуры — наличие в каждом районе племени определенного количества групп населения (семей), принадлежащих к различным АЭТ, то есть дисперсное размещение отдельных АЭТ по всем племенам.

Результатом этого процесса в конечном итоге должно было быть повсеместное распространение одинаковых черт погребального обряда, как отражение формирующегося этнического единства всего населения. Но, судя по памятникам сарматского времени, полного завершения данный процесс в Алфёльде не получил, хотя и был близок к нему.

В связи с рассмотренной картиной состояния погребального обряда отдельных памятников и районов можно, очевидно, поставить вопрос о характере племенных образований данного периода. Если правомерно предположение, что каждая локальная группа памятников оставлена племенем (или союзом племен), то в таком случае это были территориальные образования. Основой объединения каждого племени была не столько родственность его членов (игнорировать это полностью нельзя, ибо в каждом племени существовала ведущая группа), сколько общность владения территорией. Это уже был шаг к новой социальной организации, характерной уже для классового общества.

2. Миграции сарматских племен в Алфёльд и проблема соотношения их с АЭТ. В археологии Венгрии вопрос о сарматском периоде поставлен в связи с известиями письменных источников о переселении в Потисье с начала сармат-язигов, а затем — роксоланов, но последнее сообщение считается менее достоверным.

В первых десятилетиях I в. н. э., по сведениям Страбона [113], на р. Марис (Марош), впадающей в Дунай, еще жили даки, говорившие на одном языке с гетами, обитавшими в низовьях Дуная (Истра). В это же время «все пространство, лежащее между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов, затем тирогеты, за ними языги- сарматы, так называемые царские, и урги; все они по большей части кочевники, но некоторые занимаются и земледелием» [114]. Локализовать ургов и языгов по этому сообщению довольно затруднительно. Если пустыня гетов находилась в узкой прибрежной части

Черного моря, то далее вглубь Борисфен (Днепр) и Истр (Дунай) настолько расходятся в разные стороны, что языгов и ургов, живших за тирогетами, обитавшими по р. Днестр-Тирас, можно локализовать и в западных районах Украины, и в Северной Румынии. Особый интерес представляет имя народа *урги*, поставленное рядом с языгами. Это имя ни у одного из авторов первых веков нашей эры не повторяется. И лишь позднее, под 463 г., вновь в форме *ургов*, упоминается в числе племен, направивших посольство в Византию. Созвучие обоих племен урги — уроги с именем угров несомненно.

Сарматы-языги неоднократно упоминаются также Тацитом (середина I в.) как жители среднего Подунавья[115]. В междоусобной войне одна из сторон даже планировала привлечь «вождей сарматских языгов, правивших здешними племенами» [116]. Следовательно, языги уже успели закрепиться в Алфёльде. Кстати, годом раньше в римскую провинцию Мезию вторглись роксоланы, пользовавшиеся «длинными мечами, которые сарматы держали обеими руками» [117]. Зимой 69 г. они были разгромлены и отброшены от римских границ.

Во времена Птолемея (середина II в. н. э.) языги-метанасты (переселенцы) обитали от южных пределов Сарматских гор до начала горы Карпата [118], территории по рекам Тисе и Марошу. Но в это же время какая-то часть языгов жила рядом с роксоланами «по всему берегу Меотиды», судя по контексту, у северного побережья Азовского моря [119]. Языги Подунавья названы переселенцами, что позволяет предполагать их происхождение от основной массы языгов Приазовья.

В длительную Маркоманнскую войну, которую вели римляне в 60 — 70-х годах (II в. н. э.), неоднократно вовлекались и сарматы-языги. Зимой 173 — 174 гг. Марк Аврелий разгромил их войско на льду Дуная и согласно договору им было запрещено собирать народные собрания (вероятно, для организации войск!), а поддерживать связь со своими родственниками (союзниками) на востоке — роксоланами — они могли через Дакию только с разрешения римского наместника [120]. Языги, как и другие племена, давали воинов в римскую армию.

В середине III в. наблюдается большое перемещение племен в Подунавье, и к этому времени предполагают обоснование в Алфёльде роксолан, хотя эти сведения недостаточно точны [121]. Во второй четверти IV в. Алфёльд захватила новая группа сарматских племен — аргарагантов и лимигантов [122], которые, по мнению одних исследователей, обитали ранее в районах восточнее Карпат [123], а других — в степях Прикубанья [124]. В начале V в. Алфёльд был захвачен гуннами и их союзниками.

Проблема этнической принадлежности и происхождения археологических памятников первых веков нашей эры в Потисье до сих пор рассматривалась почти исключительно в плане синхронизации и сопоставления археологических и письменных источников.

М. Пардуц несколько раз рассматривал этническую проблематику по археологическим материалам. В первой работе он попытался определить этническую принадлежность отдельных элементов культуры. Так, лепная керамика с валиками на корпусе определялась как наследие дакийского населения, а часть сосудов — кельтского. Пряжки и наконечники ремней признавались в основном сарматскими [125].

Этническую концепцию сарматской эпохи М. Пардуц развернул в специальном исследовании 1956 г., рассматривая, однако, только II период (культуру Надьхедь). Отмечая известные затруднения, связанные со спецификой источников, автор пытается наметить четыре основных этнических пласта. Основой для этого ему служит своеобразный анализ вещевого материала. М. Пардуц выделяет комплекс погребальных принадлежностей — нож, шило, кресало, кремень, точильный брусок, которые, по его мнению, служат атрибутами пастушеской жизни. В венгерской литературе Д. Ласло [126] высказался довольно определенно против подобной интерпретации, однако М. Пардуц все же считал, что именно этот комплекс и позволяет впервые четко выделить пастушеское население, связанное с языгами-сарматами [127].

Второй пласт — языги-сарматы, пришедшие после Маркоманнской войны

(181 г.), обитавшие до этого в Олтении, а теперь занявшие господствующее положение (последнее утверждается на основании нескольких находок коротких кинжалов в могилах). Они же принесли с собой моду на фибулы с подогнутыми ножками, ориентировку умерших по линии запад — восток. Поскольку во II периоде не встречены еще длинные мечи, то это не могут быть роксоланы, о которых пишет Тацит [128]. Кстати, из этой работы остается неясным, по-прежнему ли автор считает роксоланскими курганные захоронения, как это доказывалось им прежде [129]. Еще более обстоятельно происхождение сарматского населения Венгрии в канун нашествия гуннов (конец IV в.) М. Пардуц развивает в работе [130], опираясь на аналогии керамики и так называемых сидячих погребений в северокавказских могильниках Тарки и Усть-Лабинском. Несостоятельность данных о «сидячих» погребениях уже отмечалась выше.

Третий пласт — дакийский — представлен довольно хорошо в могильнике Сегед-Фелшепустасер (кстати, могильник был основным в характеристике I периода) [131]. Дакийский пласт определяется по керамике с валиками на корпусе, малочисленности в могилах бус и отсутствию набора пастушеского инвентаря (ножей и пр.). Дериватом дакийской керамики М. Пардуц считает встречающиеся в более поздних могильниках грубые горшковидные сосуды без орнамента [132].

Четвертый пласт — германский — выделяется наиболее слабо. Некоторые фибулы, S-видные скобы, свидетельствуют о каких-то проникновениях северных племен во второй половине II в., но пребывание этого населения не отмечено пока ни в могильниках, ни в погребениях [133].

В I — II, а, возможно, и в начале III в. н. э., как сообщают письменные источники, на равнинах Алфёльда господствовали языги и урги, которые, судя по расположению основной массы грунтовых могильников, относимых к раннему периоду, расселялись большей частью в среднем течении р. Тиса и устье Мароша и Кёрёша. В остальных районах Алфёльда их поселения немногочисленны, а на границах римской Паннонии вдоль Дуная им вообще было запрещено селиться. В районах Мароша и Кёрёша сосредоточена основная масса погребений надьхедьского и отхаломского АЭТ, которые и можно соотнести с языгами и ургами. На вопрос, являются ли различия этих двух типов погребений племенными и хронологическими, могут ответить лишь более детальные исследования по датировке погребений. Такое же положение и в отношении маккошёрдского АЭТ, резко отличающегося от предыдущих ориентировкой умерших и отсутствием височных подвесок.

Но при таком соотнесении следует признать, что с переселением в Алфёльд языги и урги, как и сарматы, утратили полностью свой обряд захоронения. В силу каких причин? Возможно, это результат обособления больших семей и перестройки социальной структуры общества? Или это результат смешения с местным дако-кельтским населением? Или следует предположить, что на востоке у них были грунтовые могильники, которые здесь обнаружены в весьма ограниченном количестве.

Что касается дакийского субстрата, то он фиксируется по находкам в могилах лепных глиняных сосудов с валиком по корпусу (рис. 5, *1,2,3*) — бесспорно дакийского происхождения. К сожалению, отсутствие достаточно полных данных о погребениях с этими сосудами не позволяет пока выявить их взаимосвязь с каким-либо другим признаком погребального обряда, а следовательно и АЭТ. Возможно, что дакийский субстрат составляли первоначально семьи ремесленников, снабжавшие скотоводов не только посудой, но и другими ремесленными изделиями. Уже К. Тацит сообщает о том, что на котинов и осов подати «как на иноплеменников, налагают сарматы, часть — квады, а котины, что еще удивительнее, добывают к тому же железо» [134].

Появление курганного обряда захоронений в Алфёльде, на основе находок монет в курганах Верхней Тисы, относится ко времени не позднее конца II — начала III в. Чаще всего их пытаются соотнести с роксоланами, но это пока слабо аргументировано. Возможно, что после вторжения в Мезию и разгрома в 69 г. какая-то часть роксолан все же прорвалась на запад и осела в верховьях Тисы; а другие группы позднее (III в.) вторглись в Алфёльд вдоль

Дуная. Верхнетисская группа захоронений по инвентарю очень мало отличается от марош-кёрёшских, особенно бусами и височными подвесками.

Возможно, что хортобадьский АЭТ принадлежит язигам и ургам, усвоившим роксоланский курганный обряд, в более чистом виде представленный порошхатским АЭТ, для которого наиболее типичны захоронения в колодах с S- и С-видными железными скобами. Изучение хронологии этих находок на Верхней Тисе могло бы внести ясность в определение истоков данного обычая. Если они будут датироваться временем не ранее появления таких вещей на юге (курганы Мадараш), то порошхадский АЭТ следует увязывать с новой волной сармат III в.

Остается открытым и вопрос о последней волне сарматского переселения в первой половине IV в. — возможно, это группы баймокского АЭТ и мадарашского типа с большими насыпями и широтной ориентировкой (Тисальнок, Надьрёв), расположенными в большинстве на юге в Воеводинском районе. Здесь же встречается интересная деталь: вокруг могил и на площади могильников вырыты канавки — круглые или подчетырехугольные, а на площадках встречаются остатки кострищ и кости животных.

3. **Проблема происхождения и этнической принадлежности сармат Алфёльда. Восточные параллели.** В широком плане совпадения в обряде здесь нередки. Так, алфёльдские и восточноевропейские сарматы сходны, например, южной ориентировкой умерших и обычаем помещать в могилы сосуды. Но подобная же ориентировка и сосуды в могилах характерны, например, и для кельтских могильников латенского времени в Среднем Подунавье (юго-западные области Словакии) [135]. Поэтому большого значения этому сходству придавать нельзя. Из вещей близки асимметрично-усеченно-биконические пряслица, а также кружки из обломков посуды. Сходна, конечно, и гончарная посуда, но это результат влияния провинциально-римского ремесленного производства, широко распространившегося и на другие области. Как у сармат Подунавья, так и у восточноевропейских вместе с умершими клали железный нож. Но едва ли данная черта может служить показателем родственности этих групп или пастушеского образа жизни, как это предполагал М. Пардуц.

Рассмотрим поэтому более подробно сарматские памятники на востоке — в Поволжье и Сибири, то есть на территории, где сарматы, безусловно, обитали до продвижения в Европу. Различия между дунайскими и поволжскими сарматскими в памятниках весьма существенны. До сих пор на Волге неизвестны бескурганные захоронения, а в дунайских могилах лишь в единичных случаях встречены кости животных — обычай, типичный для сарматов на востоке. Сосуды в поволжских сарматских могилах стоят как у ног, так и в изголовье и средней части могилы, причем иногда по нескольку экземпляров, чего нет в Подунавье. Поволжские сарматские погребения отличаются бо́льшим разнообразием форм могильных ям (подбои, катакомбы, заплечики, диагональные, широкие), не зафиксированных в Подунавье (кроме, вероятно, ям с заплечиками).

В поволжских сарматских могилах нередко встречаются бронзовые зеркала, а на Дунае они крайне редки *.

Массовое применение фибул дунайским населением можно, конечно, отнести за счет сильного римского влияния. Остаются такие детали женского наряда, как ношение височных колец, украшение ног и рук бусами.

Височные кольца в массе не встречаются в сарматских захоронениях Поволжья. Даже серьги в виде небольших проволочных колечек, иногда в несколько оборотов, здесь сравнительно редкая вещь [142]. Височные подвески дунайского типа вообще неизвестны в сарматских комплексах Поволжья.

Для женского наряда дунайского населения сарматского времени типич-

* Перечень находок: Кишкёрёш-Чукушто [136]; Кишкунфелэдьхаза [137]; Надькереш-Гоганьи [138]; Сештеш-Шаргапарт (п. № 26) [139]; Байя-Янко [140]; Хортобадь-Коцка [141].

нейшая черта — ношение бус на ногах (16,5 % всех могил, около половины взрослых женских захоронений). В Поволжье такие остатки сравнительно редки: в Калиновке немногим более 11 % захоронений, в Политотдельском — 6 %, а в Бережновке I на 71 захоронение — всего одно. Следует также отметить, что в поволжских захоронениях количество бус на ногах обычно меньше, чем в дунайских.

Статистический учет захоронений с бусами на ногах, проведенный по могильникам Нижнего Поволжья, исследованным в широких масштабах Сталинградской экспедицией [143], дает представление о погребальном обряде данной группы (табл. 11). Сравнение этой группы с дунайскими погребениями этого же типа (табл. 6, I) показывает их значительное сходство по ряду признаков. Так, по ориентировке коэффициент сходства — 58,4 % — можно отметить почти одинаковый процент захоронений с южной ориентировкой. Следующие по количеству в обеих областях могилы с юго-западной (вместе с юг — юго-западной) ориентировкой. Последнее особенно типично для курганных захоронений Подунавья. По положению сосудов в могилах коэффициент сходства — 64,5 % — невысок, особенно по сравнению с различными группами дунайских могил, где этот показатель почти всегда немного выше (табл. 5). Кроме того, если в дунайских могилах всегда один сосуд, то в поволжских почти 12,5 % всех могил содержат по 2 — 4 сосуда, стоявшие, обычно в разных местах. В рассматриваемой группе поволжских погребений необычно высок, по сравнению с другими, процент захоронений с серьгами и височными подвесками [144]. По этому показателю они идентичны венгерским.

Интересно, что чрезвычайно близко количество захоронений с пряслицами (38 — 42 %), но значительные различия по отдельным вещам — фибулам, особенно зеркалам. В дунайских могилах совершенно отсутствуют курильницы, типичные для поволжских захоронений. К этому следует добавить также отсутствие в дунайских погребениях костей животных, подсыпки серы, мела и реальгара, нередко встречающихся в Поволжье.

Поволжские захоронения с бусами на ногах чаще всего совершались в простых могильных ямах (65 %), среди которых иногда встречаются и диагональные захоронения (Бережновка II, к. № 44, 53, 57/1), нередки подбойные могилы (23 %). Единична могила с заплечиками (Политотдельское, к. № 3/9).

Сравнительный анализ дунайских и поволжских захоронений с бусами на ногах позволяет предполагать генетическое родство определенной их части — прежде всего тех, для которых характерна ориентировка на юг и юго-запад в простых могилах, сопровождаемых сосудами у ног. Наибольшую близость к поволжским обнаруживают захоронения на Дунае надьхедьского и, особенно, хортобадьского АЭТ.

Сарматские захоронения с бусами на ногах в Поволжье относятся в основном к прохоровскому и сусловскому этапам и лишь изредка к позднесарматскому II — IV вв. (около 8 — 10 %). Появление их в Поволжье связано с общими изменениями сарматской культуры под влиянием притока новых групп населения с востока. Какая-то часть населения принесла с собой и обычай ношения бус на ногах. Среди более реннего населения Поволжья, как савроматского, так и срубного, подобные пока не известны.

В Поволжье группа населения с обычаем ношения женщинами бус на ногах смешалась с другими группами, в то время как на Дунай эта группа пришла в относительно чистом виде. Происхождение этого населения проследить в полной мере пока еще невозможно. Но обычай украшать ноги бусами находит самые близкие аналогии в захоронениях эпохи бронзы андроновского типа [145], а в еще большей мере — на северо-восточной периферии адроновского расселения. Значительное число подобных захоронений открыто на могильнике Чернозерье I на р. Иртыш к северу от Омска [146], Еловка на р. Оби к северу от г. Томска и захоронениях адроновского (федоровского) типа [147]. Кстати, в этом же регионе (Иртыш, Обь) чрезвычайно широко распространен обычай носить крупные височные кольца [148] и совершать захоронения в грунтовых ямах без курганных насыпей.

Таблица 1. Могильники сарматского времени Алфёльда. Статистика основных признаков погребального обряда

Группы	Могильники № по карте (рис. 1)	Всего погребений	Глубина могил		Ориентировка умерших							Положение сосудов в могиле					Инвентарь				
			Количество	Средняя, см	Ю	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	С	З-В	?	В изголовье	В середине	У ног	Нет данных	Отсутствуют	Бусы у ног	Пряслица	Фибулы	Височные кольца	Скобы для гроба
I. Марош — грунтовые	36. Сегед-Фелшёпуст асер	35	28	100,3	35	—	—	—	—	—	—	1	—	1	18	15	3	11	3	2	—
	31. Кларафалва	7	7	67,14	6	—	—	—	1	—	—	2	—	1	1	3	2	2	4	3	—
	32. Кишзомбор Б	27	21	112,85	26	1	—	—	—	—		—	—	13	3	11	7	4	16	5	—
	412.Сегед-Маккошердо	34	28	115,83	4	1	1	—	25	2	1	—	—	14	4	16	2		8	—	—
	35. Сегед-Марахолом	13	12	169,16	—	—	—	—	—	13	—	—	—	9	2	2	—	1	—	—	—
	43. Сегед-Отхалом	42	34	138,17	—	33	—	—	—	1	8	—	—	20	3	19	5	4	7	4	—
	47. Доц	14	8	66,0	—	6	—	—	—	—	8	—	—	6	4	4	4	1	2	1	—
	Всего гр. Марош	172	138	113,2	71	41	1	—	26	16	17	3	—	64	35	70	23	23	40	15	—
II. Кёрёш — грунтовые	61. Сентеш-Киштёке	55	54	119,7	44	—	—	5	6	—	—	1	1	27	—	26	17	8	27	2	—
	57. Сентеш-Якшор	9	9	71,66	9	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	5	2	2	4	2	—
	56. Сентеш-Шаргапарт	46	33	85,03	24	5	—	—	—	—	17	—	2	19	3	22	10	11	25	11	4
	68. Чонград-Хатарут	19	7	70,0	4	1	—	—	3	—	11	1	—	6	4	8	2	4	7	1	—
	Всего гр. Кёреш	129	103	101,0	81	6	—	5	9	—	28	2	3	56	7	61	31	25	63	16	4
III. Прочие грунтовые	19. Баймок	13	—	—	—	—	—	—	1	7	5	4	1	2	4	2	—	1	—	—	—
	76. Кишкёрет	6	2	120,0	—	3	—	—	—	—	3	—	—	—	1	5	3	4	6	—	—
	78. Дунахарасти	37	37	74,81	2	31	—	—	1	—	3	—	1	13	4	19	—	2	1	—	6
	85. Дебрецен-Хартобадьхид	12	5	124,2	—	—	—	—	4	—	8	—	—	8	1	3	5	3	5	—	—
	Всего по III гр.	68	44	82,5	2	34	—	—	6	7	19	4	2	23	10	29	8	10	12	—	6
	Итого по грунтовым	369	285	104,1	154	81	1	5	41	23	64	9	5	143	52	160	62	58	115	31	10
IV. В. Тиса — курганы	120. Хортобадь-Порошхот	105	99	121,28	5	—	24	29	—	—	47	—	—	24	30	51	16	16	19	6	38
	120. Хортобадь-Коцка	101	98	119,72	5	—	42	28	—	—	26	—	1	55	11	34	17	12	33	2	—
	Всего гр. В. Тиса	206	197	120,5	10	—	66	57	—	—	73	—	1	79	41	85	33	28	52	8	38
	Итого по всем могильникам	575	482	110,8	164	81	67	62	41	23	137	9	6	222	93	245	95	86	167	39	48

Таблица 2. Могильники сарматского времени Алфёльда. Характеристика могильников и территориальных групп по погребальному обряду (%)

Группы	Могильники	Количество погребений	Ориентировка умерших							Положение сосудов в могиле					Инвентарь				Скобы для гроба
			Ю	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	С	З-В	?	Изголовье	В середине	У ног	Нет данных	Отсутствуют	Бусы у ног	Прясслица	Фибулы	Височные кольца	
I. Марош — грунтовые	Сегед-Фелшёпустасер	35	100	—	—	—	—	—	—	2,8	—	2,8	51,4	42,8	8,6	31,4	8,6	5,7	—
	Кларафалва	7	86,7	—	—	—	14,3	—	—	28,6	—	14,3	14,3	42,8	28,6	28,6	57,1	42,8	—
	Кишзомбор В	27	96,3	3,7	—	—	—	—	—	—	—	48,1	11,1	40,7	25,9	14,8	59,2	18,5	—
	Сегед-Маккошердо	34	11,8	2,9	2,9	—	73,5	5,9	2,9	—	—	41,2	11,8	47,0	5,9	—	23,5	—	—
	Сегед-Марахолом	13	—	—	—	—	—	100	—	—	—	69,2	15,4	15,4	—	7,7	—	—	—
	Сегед-Отхалом	42	—	78,6	—	—	—	2,4	19,0	—	—	47,6	7,1	45,2	12,0	9,5	16,7	9,5	—
	Доц	14	—	42,8	—	—	—	—	50,0	—	—	42,8	28,6	28,6	28,6	7,1	14,3	7,1	—
	Всего гр. Марош	172	41,3	23,6	0,6	—	15,1	9,3	9,3	1,7	—	37,2	20,3	40,7	13,4	13,4	23,2	8,7	—
II. Кёрёш — грунтовые	Сентеш-Киштёке	55	80,0	—	—	9	110,9	—	—	1,8	1,8	49,1	—	47,3	30,9	14,5	49,1	3,6	—
	Сентеш-Якшор	9	100	—	—	—	—	—	—	—	—	44,4	—	55,5	22,2	22,2	44,4	22,2	—
	Сентеш-Шаргапарт	46	52,2	10,9	—	—	—	—	86,9	—	4,3	41,3	6,5	47,8	21,7	23,9	54,3	23,9	8,7
	Чонград-Хатарут	19	21,0	5,3	—	—	15,8	—	57,9	5,3	—	31,6	21,0	42,1	10,6	21,0	36,8	5,3	—
	Всего гр. Кёреш	129	62,8	4,6	—	3,9	6,0	—	21,7	1,5	2,3	43,4	5,4	47,3	24,0	19,4	48,8	12,4	8,1
III. Прочие — грунтовые	Баймок	13	—	—	—	—	7,7	53,8	38,5	30,87	7	15,4	30,8	15,4	—	7,7	—	—	—
	Кишкёрёш	6	—	50,0	—	—	—	—	50,0	—	—	—	16,7	83,3	50,0	65,7	100	—	—
	Дунахарасти	37	5,4	83,8	—	—	2,7	—	8,1	—	2,7	35,1	10,8	51,3	—	5,4	2,7	—	16,2
	Дебрецен-Хартобадьхид	12	—	—	—	—	33,3	—	66,7	—	—	66,7	8,3	25,0	41,7	25,0	41,7	—	—
	Всего гр. III	68	2,9	50,0	—	—	8,8	10,3	27,9	5,9	2,9	33,8	14,7	42,6	11,8	14,7	17,6	—	8,8
	Всего по грунтовым	369	41,7	21,9	0,3	1,311	1	6,2	17,1	2,4	1,3	38,7	14,1	43,4	16,8	15,7	31,2	8,4	2,7
IV. В.Тиса курганы	Хортобадь-Порошхот	105	4,8	—	22,8	27,6	—	—	44,8	—	—	22,8	28,6	48,6	15,2	15,2	18,1	5,7	36,2
	Хортобадь-Коцка	101	4,9	—	41,6	27,7	—	—	25,7	—	1,0	54,4	10,9	38,7	18,8	11,9	32,7	2,0	—
	Всего гр. В. Тиса	206	4,8	—	32,0	27,7	—	—	35,4	—	0,5	38,3	19,9	41,3	16,0	13,6	25,2	3,9	18,4
	Итого по всем могильникам	575	28,5	14,1	11,6	10,8	7,1	4,0	23,6	1,6	1,0	38,6	18,2	42,6	16,5	14,9	29,0	6,8	8,3

Таблица 3. Могильники сарматского времени Алфёльда. Сравнение территориальных групп (по коэффициенту сходства погребального обряда)

Сравниваемые группы	Сравнительные признаки (в %)				Глубина могил (средняя, в *см*)
	Ориентировка скелетов	Сосуды в могилах	Основной вещевой комплекс	Среднее	
1. Курганные погребения — грунтовые погребения	23,5	94,2	81,9	66,5	120,5 — 104,0
2. Гр. Марош — гр. Кёреш	61,2	84,8	67,1	71,4	113,2 — 101,0
3. Гр. Марош — гр. В. Тиса	14,7	97,8	81,8	64,8	113,2 — 120,5
4. Гр. Кёреш — гр. В. Тиса	30,4	85,5	67,8	61,2	101,0 — 120,5

Таблица 4. Могильники сарматского времени Алфёльда. Тенденция погребального обряда групп могил, выделенных по ориентировке умерших

№ тип		Группы по ориентировке умерших	Количество	Глубина могил		Положение сосудов в могиле (% ± к норме)	
				Количество	Средняя, ± ±см к норме	В изголовье	В середине
		Все погребения, % (норма распределения)	579	482	110,8	1,6	1,0
I — грунтовые	1	Ю	160	145	-6,7	+0,3	+0,3
	2	ЮВ	81	80	-6,5	—	+0,2
	3	ЗВ	23	15	+40,5	+7,1	+3,3
	4	С	41	33	0,0	+3,3	—
II — курганные	1	Ю	10	10	+11,4	—	—
	2	ЮЮЗ	67	67	+5,3	—	—
	3	ЮЗ	57	51	+6,1	—	+0,7

№ тип		Положение сосудов в могиле (% ± к норме)			Погребальный инвентарь (% ± к норме)				
		У ног	Не известно	Отсутствуют	Бусы у ног	Пряслица	Фибулы	Височные подвески	Скобы для гроба
		38,6	16,2	42,6	16,5	14,9	29,0	6,8	8,3
I — грунтовые	1	-1,7	-2,4	+3,7	+6,0	+5,7	+11,6	+6,3	-7,7
	2	+12,0	+8,3	+1,8	+0,8	-1,3	-7,0	+1,8	+0,3
	3	+13,6	+1,2	-25,2	—	-10,6	—	—	—
	4	+0,4	-13,8	+11,1	+0,6	-7,6	+7,6	—	—
II — курганные	1	+31,4	+3,8	-32,6	+3,5	+15,1	+1,0	+3,2	+31,7
	2	+10,6	+3,2	-11,3	+1,4	+1,5	+8,3	-2,3	+5,1
	3	+5,2	+4,8	-9,3	-2,5	-2,6	-9,7	-5,1	+5,7

Таблица 5. Могильники сарматского времени Алфёльда. Сравнение групп захоронений с различной ориентировкой (по коэффициенту сходства — КАС погребального обряда)

№ п/п	Сравниваемые группы (см. табл. 4)	Сравниваемые признаки (КАС в %)			Глубина могил (средняя, *см*)
		Сосуды в могилах	Основной вещевой комплекс	Средний КАС	
1	I/1 — I/2	96,3	91,3	93,8	104,1 — 104,3
2	I/1 — I/3	71,3	32,1	51,7	104,1 — 151,3
3	I/1 — I/4	87,5	58,2	72,8	104,1 — 110,8
4	I/1 — II/1	60,7	87,0	73,8	104,1 — 122,2
5	I/1 — II/2	82,0	93,3	87,6	104,1 — 116,1
6	I/1 — II/3	85,3	97,4	86,3	104,1 — 116,9
7	I/2 — I/3	76,6	31,3	53,9	104,3 — 151,3
8	I/2 — I/4	85,8	59,2	72,5	104,3 — 110,8
9	I/2 — II/1	70,6	88,2	79,4	104,3 — 122,2
10	I/2 — II/2	91,4	94,5	92,9	104,3 — 116,1
11	I/2 — II/3	96,1	96,1	96,1	104,3 — 116,9
12	I/3 — I/4	63,7	50,2	56,9	151,3 — 110,8
13	I/3 — II/1	89,7	74,9	82,3	151,3 — 122,2
14	I/3 — II/2	84,0	81,0	82,5	151,3 — 116,1
15	I/3 — II/3	80,3	88,6	84,4	151,3 — 116,9
16	I/4 — II/1	51,4	83,6	67,5	110,8 — 122,2
17	I/4 — II/2	72,7	94,3	83,5	110,8 — 116,1
18	I/4 — II/3	75,1	91,8	83,4	110,8 — 116,9
19	II/1 — II/2	78,6	88,8	83,7	122,2 — 116,1
20	II/1 — II/3	73,8	86,3	80,1	122,2 — 116,9
21	II/2 — II/3	94,5	94,1	94,3	116,1 — 116,9

Таблица 6. Могильники сарматского времени Алфёльда. Тенденция основных признаков погребального обряда групп могил, выделенных по инвентарю (тенденция типа)

Группы могил	Количество погребений	Глубина могил, *см*		Ориентировка скелетов						
		Количество	В среднем, ± от нормы	Ю	СВ	ЮЮЗ	ЮЗ	С	З-В	?
Норма распределения (все погребения)	575	482	110,8	28,5	14,1	11,6	10,8	7,1	4,0	23,6
I. Могилы с бусами у ног:										
грунтовые	62	57	-4,9	+29,6	+8,5	—	—	+4,2	—	-15,5
курганные	33	33	+9,3	-22,4	—	+27,8	+13,4	—	—	+6,7
Всего	95	90	+0,3	+11,5	+0,6	+2,1	-2,4	+0,3	—	-8,0
II. Могилы с височными подвесками:										
грунтовые	26	24	-15,2	+36,9	+5,1	—	—	—	—	-12,1
курганные	8	8	-0,8	-16,0	—	+25,9	+1,7	—	—	+13,9
Всего	34	32	-11,6	+24,4	+0,6	-2,8	-7,9	—	—	-6,0
III. Могилы со скобами к гробу:										
грунтовые	10	10	-21,8	-8,5	+55,9	—	—	+2,9	—	—
курганные	38	36	+10,3	-15,4	—	+12,1	+10,2	—	—	—
Всего	48	46	+3,3	-13,9	+0,5	+7,1	+5,9	-5,0	—	—

Окончание табл. 6

Группы могил	Положение сосуда в могиле (± к норме)					Погребальный инвентарь (± к норме)				
	В изголовье	В середине	У ног	Не известно	Нет	Бусы у ног	Пряслица	Фибулы	Височные подвески	Скобы для гроба
Норма распределения (все погребения)	1,6	1,0	38,6	16,2	42,6	16,5	14,9	29,0	6,8	8,3
I. Могилы с бусами у ног:										
грунтовые	0	—	+16,2	-8,1	-7,1	—	+27,0	+29,1	+19,0	-5,1
курганные	—	+2,0	+12,9	-1,1	-9,3	—	+18,4	+4,3	+5,3	+9,9
Всего	-0,6	0	+15,1	-5,7	-7,9	—	+24,0	+20,5	+14,2	+0,1
II. Могилы с височными подвесками:										
грунтовые	—	—	-0,1	-8,5	+11,2	+33,5	+35,1	+28,7	—	-0,6
курганные	—	—	-1,1	+8,8	-5,1	+33,5	+35,1	+21,0	—	+16,7
Всего	—	—	-0,4	-4,4	+7,4	+33,5	+35,1	+26,9	—	+3,5
III. Могилы со скобами к гробу:										
грунтовые	—	—	+11,4	—	+7,4	-6,5	+5,1	-19,0	+13,2	—
курганные	—	—	-17,6	+12,7	+7,4	-0,7	+6,1	-0,1	-1,5	—
Всего	—	—	-11,5	+6,7	+7,4	-1,9	+5,9	-4,0	+1,5	—

Таблица 7. **Могильники сарматского времени Алфёльда. Сравнение групп могил, выделенных по инвентарю (по коэффициенту сходства погребального обряда)**

Сравниваемые группы	Сравниваемые признаки (КАС в %)				Глубина могил (средняя, *см*)
	Ориентировка скелетов	Сосуды в могилах	Вещевой комплекс	Средний КАС	
I. Могилы с бусами у ног:					
а) грунтовые — курганные	14,2	92,9	84,5	63,9	105,8; 120,1
б) с височными подвесками	82,2	83,4	70,0	78,5	111,1; 99,2
в) все погребения	85,5	85,8	71,5	80,9	111,1; 110,8
II. Могилы с височными подвесками:					
а) грунтовые — курганные	24,0	82,7	93,7	66,8	95,6; 110,0
б) с подвесками — с бусами у ног	82,2	83,4	70,0	78,5	111,1; 99,2
в) с подвесками — все погребения	71,4	92,6	61,5	75,3	99,2; 110,8
III. Могилы со скобами к гробу:					
а) курганные	48,5	93,9	97,9	80,1	114,1; 121,1
б) грунтовые	31,3	77,1	92,0	66,8	114,1; 89,0
в) все погребения	53,2	85,9	79,0	72,7	114,1; 110,8

Таблица 8. Могильники сарматского времени Алфёльда. Сходство отдельных групп погребений, характеризующих основные археолого-этнические типы — АЭТ (коэффициент сходства по погребальному обряду)

АЭТ и сравниваемые группы	Сравниваемые признаки (КАС в %)			Глубина могил (средняя, см)
	Сосуды в могилах	Вещевой комплекс	Средний КАС	
I. Надьхедьский АЭТ				
I/1 — височные подвески — Кёреш	88,6	65,6	77,1	104,1 — 99,2 — 101,0
II. Отхаломский АЭТ				
I/II — Марош	98,2	80,6	89,4	104,3 — 113,2
III. Порошхатский АЭТ				
II/3 — скобы — Порошхат	81,4	78,5	79,9	116,9 — 114,1 — 121,3
IV. Хартобадьский АЭТ	91,4	80,1	85,7	116,1 — 119,7
II/2 — Коцка				

Таблица 9. Могильники сарматского времени Алфёльда. Характеристика основных черт погребального обряда археолого-этнических типов (АЭТ)

АЭТ	Ориентировка умерших головой	Глубина могил (средняя, см)	Частота встречаемости основных категорий инвентаря (%)					Прочие признаки
			Сосуды	Бусы у ног	Фибулы	Височные подвески	Пряслица	
Надьхедьский	Ю	100	53	25	40 — 55	12 — 13	20	
Отхаломский	ЮВ	105 — 110	56 — 60	14 — 17	22 — 23	8	13 — 14	
Порошхатский	ЮЗ	120	50	15	20	2 — 3	13 — 20	Курганы, скобы
Хортобадьский	ЮЮЗ	115 — 119	67 — 68	17 — 18	33 — 37	2 — 4	12 — 16	Курганы
Маккошердский	С	110	46 — 47	17	36 — 37	—	7 — 8	
Баймокский	З-В	150	83	—	4	—	—	

Таблица 10. Сарматские могильники Алфёльда. Сравнение могильников отдельных территориальных групп (по коэффициенту сходства погребального обряда)

Группы и сравниваемые могильники	Сравниваемые признаки (КАС в %)				Глубина могил (средняя, см)
	Ориентировка скелетов	Сосуды в могилах	Вещевой комплекс	Средний КАС	
I. Группа Марош:					
а) Фелшёпустасер — Кишзомбор	96,3	54,6	75,7	75,7	100,3; 112,85
б) Маккошердо — Отхалом	8,2	93,5	51,5	51,0	115,8; 138,2
в) Фелшёпустасер — Отхалом	0	52,7	90,7	47,8	100,3; 138,2
г) Фелшёпустасер — Маккошердо	11,8	57,4	54,6	41,3	110,3; 115,8
д) Кишзомбор — Отхалом	3,7	95,4	82,3	60,5	112,8; 138,2
е) Кишзомбор — Маккошердо	14,7	93,0	84,4	50,7	112,8; 115,8
В среднем по группе	22,4	74,4	66,5	54,5	
II. Группа Кёреш:					
а) Киштёке — Шаргапарт	52,2	90,4	72,9	71,8	119,7; 85,0

Окончание табл. 10

Группы и сравниваемые могильники	Сравниваемые признаки (КАС в %)				Глубина могил (средняя, *см*)
	Ориентировка скелетов	Сосуды в могилах	Вещевой комплекс	Средний КАС	
б) Чонград — Шаргапарт	63,2	80,2	68,0	70,5	70,0; 85,0
в) Киштёке — Чонград	31,9	75,5	89,8	65,7	119,7; 70,0
В среднем по группе	49,1	82,0	76,9	69,3	
III. Между группами Кёреш — Марош:					
1. Отхалом — Шаргапарт	29,9	93,0	66,5	63,1	138,2; 85,0
2. Отхалом — Киштёке	0	92,8	84,4	59,1	138,2; 119,7
3. Кишзомбор — Шаргапарт	55,9	88,5	77,0	73,8	112,8; 85,0
4. Фелшёпустасер — Киштёке	80,0	47,4	79,5	69,0	100,3; 119,7
5. Фелшёпустасер — Шаргапарт	52,2	52,1	64,8	56,4	100,3; 85,0
6. Кишзомбор — Киштёке	80,0	88,8	92,4	87,1	112,8; 119,7
7. Кишзомбор — Чонград	24,7	83,4	85,7	64,6	112,8; 70,0
8. Отхалом — Чонград	24,3	80,8	91,7	65,6	138,2; 70,0
9. Фелшёпустасер — Чонград	21,0	68,7	89,8	59,8	100,3; 70,0
10. Маккошердо — Киштёке	22,7	88,2	41,9	50,9	115,8; 119,7
11. Маккошердо — Шаргапарт	17,6	94,7	41,8	51,4	115,8; 85,0
12. Маккошердо — Чонград	33,4	85,5	52,1	57,0	115,8; 70,0
В среднем	36,8	80,3	72,3	63,1	

Таблица 11. Сравнительная характеристика погребального обряда захоронений с бусами у ног из венгерских и нижневолжских могильников сарматского времени (в %)

Территориальные группы	Количество	Глубина могил, *см*	Ориентировка погребенных								
			Ю	ЮЮВ	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	СВ	С	В-З	?
Бенгерские	95	111,1	40,0	—	14,7	13,7	8,4	—	7,4	—	15,8
Нижневолжские	40	126, 6	37,5	12,5	7,5	5,0	22,5	7,5	—	7,5	—

Территориальные группы	Положение сосудов в могиле						Погребальный инвентарь					
	У изголовья	В середине	У ног	Сочетания в разных местах	?	Отсутствуют	Пряслица	Фибулы	Височные подвески, серьги	Зеркала	Курильницы	Скобы для гроба
Бенгерские	1,0	1,0	53,7	—	10,5	33,8	38,9	49,5	21,0	?	—	8,4
Нижневолжские	17,5	7,5	32,5	12,5	5,0	25,0	42,5	10,0	20,0	40,0	22,5	—

Пока еще нельзя проследить всю последовательность эволюции погребального обряда от погребений андроновского, черноозерского и еловского типов до сарматского рубежа нашей эры, но устойчивость обряда украшения ног бусами и висков кольцами заставляет искать истоки групп населения сарматского времени именно на востоке. В связи с этим следует решать и вопрос об этнической принадлежности населения сарматского времени Алфёльда. Сарматов Восточной Европы принято считать иранцами, что справедливо лишь по отношению к той части, которая являлась потомками племен срубной и савроматской культуры. В конце V — IV вв. до н. э. в их среду вливаются новые кочевые группы с востока и юго-востока, в том числе и группы, женщины которых носили бусы на ногах, пришедшие из Западной Сибири и Казахстана. Это население было потомками местного финно-угорского, а скорее всего, угорского этнического массива, которое хотя и испытало значительное влияние иранских племен, но осталось, по-видимому, угорским по языку.

Племена, проникшие в I в. н. э. на Дунай в Алфёльд, античные авторы называли сарматскими, очевидно, лишь потому, что они пришли из Сарматии, под которой понимался юг Восточной Европы. Это были, как сообщает Страбон, языги и урги. Насколько они были близки между собой этнически — трудно сказать, в археологическом материале резкие различия не наблюдаются. Однако господствующее положение в этом племенном объединении занимали явно языги, которых Страбон называет царскими. Как уже отмечалось, этническое имя урги вновь появляется в середине V в. в форме урогов, явно тяготеющее к именам угур (Менандр), хунугур (Иордан), огор (Симокатта) и другим вариантам (сарагуры, оногуры). Эти параллели, как археологические, так и этнонимические, известные по письменным источникам, позволяют высказать предположение, что в сарматское время в Алфёльде уже обитали племена угорского происхождения из районов Северного Казахстана и юга Западной Сибири.

[1] *Roediger L.* A bacsmadarasi tumulusokrol. // Arch. Értesitö. — Budapest, 1905. — 25. — S. 420 — 423.

[2] *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III // Archaeologica Hungarica. — Budapest, 1950. — XXX. — S. 210 — 211.

[3] *Zoltai L.* Debreceni halmok, hegyek. — Debrecen, 1938; *Zoltai L.* Die Hügelgräber der römischen Kaiserzeit in Hortobagy // Dissertation Pannonicae. — Budapest, 1941. — Ser. 2, N 11. — S. 269 — 308.

[4] *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, I // Archaeologica Hungarica. — Budapest, 1941. — XXV; *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, II // Archaeologica Hungarica. — Budapest, 1945. — XXVIII; *Parducz M.* Sarmatakori problemac. (Probleme der Sarmatenzeit) // Antiquitas Hungarica. — Budapest, 1947. — I. — S. 50 — 56; *Parducz M.* Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III // Archaeologica Hungarica. — Budapest, 1950. — XXX. — S. 210 — 211; *Parducz M.* Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II. und III. Jahrhundert // Acta Archaeologica Hungarica. — Budapest, 1956. — VII. — S. 149 — 152; *Parducz M.* Sarmatisches Gräberfeld aus Hunnenzeit ven Bugac-Pusztahaza. — Cummania, 1962. — I. — Kecskemet. — S. 115 — 122.

[5] *Ebd.*, 1941, 1945, 1950.

[6] *Zalotay E.* A prochorovkoi temetkezesi szokás nyomai az alföldi szarmatákál // Archeologiai Ertesito. — Budapest, 1953. — 63.

[7] *Köhegyi M.* A szarmaták kutatása Baja környeken. — Baja, 1965. — S. 22 — 24; *Köhegyi M.* Del Bestattungsart von Prochorowka-tip bei den Sarmaten in Ungarn // A. Mora Ferenc muzeum Evkönyve. 1969/2. — Szeged, 1969. — S. 93 — 103; *Köhegyi M.* Elözetes jelentes a Madaras-Halmok késöszarmatahunkori temetöjenek asatasarol. (Vorläufige Mitteilung über die Freilegung des spetsarmatische-Hunnenzeitlichen Graberfeldes von Madaras-Halmok) // Arch. Ertesitö. — Budapest, 1971. — 98. — S. 210 — 215.

[8] *Laszlo G.* Vertesszölöstol Puszaszerig. — Budapest, 1974. — S. 156 — 159.

[9] *Археология* Венгрии (отв. ред. В. С. Титов, И. Эрдел). — М.: Наука, 1986. — С. 279 — 290.

[10] *Parducz M.* Denkmäler.., II. — Taf. XIV *2*; XV *1*; XX *2,4,9,10;* XXIII *3,11*; XXXI *14.*

[11] *Ebd.* — Taf. L — 1,2.

[12] *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. — Д1-30. — 1966. — С. 64, серия 1, вариант 3.

[13] *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. — 1979. — № 158. — С. 99; *Гороховский Е. Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1988. — С. 12 — 15.

[14] *Parducz M.* Beitrage... — S. 156 — 158, прим. 139.

[15] *Parducz M.* Denkmäler... I. — S.63; *Parducz M.* Beitrage... — S. 175.
[16] *Parducz M.* Denkmäler... III. — S. 226 — 227, 230 — 231.
[17] *Ebd.* — S. 253.
[18] *Parducz M.* Die nähere Bestimmung der Hügelgraber der röm. Keiserzeit in Hortobagy // Dissertationes Pannonicae. — Ser. 2. — N 11. — Budapest, 1941. — S. 309 — 325.
[19] *Zoltai L.* Die Hügelgraber... — S. 269 — 308.
[20] *Ebd.* — S. 270.
[21] *Parducz M.* Die nähere... — S. 320.
[22] *Zoltai L.* Die Hügelgraber... — Taf. XVII, *1 — 22.*
[23] *Parducz M.* Die nähere... — S. 310 — 311. — Taf. XVII, *23 — 25.*
[24] *Zoltai L.* Die Hügelgraber... — Taf. XVII, *26 — 29, 35, 36.*
[25] *Parducz M.* Die nähere... — Taf. XVIII, *30 — 33.*
[26] *Ebd.* — S. 311 — 312; *Амброз А. К.* Фибулы..., с. *58 — 59*, 62 — 63.
[27] *Parducz M.* Die nahere... — Taf. III, *10.*
[28] *Zoltai L.* Die Hügelgräber... — Taf. IV, *2*; VI, *36*; X, *3*; XII, *2, 21*; XIII, *42.*
[29] *Ebd.* — Taf. VII, *33, 36;* VIII, *55*; IX, *10*; XI, *39.*
[30] *Ebd.* — Taf. III, *1*; VI, *36.*
[31] *Ebd.* — Taf. III, *25.*
[32] *Ebd.* — Taf. V, *21*; VII, *5, 13*; IX, *35*; XV, *21.*
[33] *Ebd.* — Taf. VIII, *53.*
[34] *Ebd.* — Taf. X, *23.*
[35] *Ebd.* — Taf. IV, *40,41,55,56;* XII, *31*; VI, *27.*
[36] *Ebd.* — Taf. VII, *7,22;* XI, *32*; XIII, *1,3.*
[37] *Ebd.* — Taf. III, *8*; V, *19,31*; XIII, *40.*
[38] *Ebd.* — Taf. IV, *17,22*; V, *15*; VI, *2*; VII, *3*; XIII, *28.*
[39] *Ebd.* — Taf. VI, *26*; VIII, *22*; XII, *11,30*; XV, *20.*
[40] *Ebd.* — Taf. IV, *18*; V, *30*; VI, *34*; VIII, *23,51* и др.
[41] *Ebd.* — Taf. XI, *1*; XIV, *5*; XV, *25.*
[42] *Ebd.* — Taf. VII, *30*; VIII, *48*; IX, *8*; X, *29*; XII, *27*; XIII, *43*; XIV, *16.*
[43] *Parducz M.* Die nähere... — S. 310, 314.
[44] *Roediger L.* A bacsmadarasi... — S. 420 — 423.
[45] *Zalotay E.* Opt. cit.
[46] *Köhegyi M.* A czarmatak... — S. 22 — 24; *Köhegyi M.* Die Bestattungsart... — S. 93 — 103; *Köhegyi M.* Elözetes... — S. 210 — 215.
[47] *Köhegyi M.* Die Bestattungsart... — S. 97.
[48] *Köhegyi M.* Elözetes..., S. 210.
[49] *Ebd.* — Abb. *5.*
[50] *Ebd.* — S. 215, abb. 7.
[51] *Köhegyi M.* Die Bestatungsart... — S. 97; *Köhegyi M.* Elözetes... — S. 215.
[52] *Zalotay E.* Opt. cit.
[53] *Könegyi M.* Die Bestatungsart... — S. 98.
[54] *Parducz M.* Denkmaler..., III. — S. 199.
[55] *Roediger L.* Opt. cit.
[56] *Parducz M.* Denkmaler..., III. — S. 210 — 211.
[57] *Ebd.* — S. 149.
[58] *Ebd.* — S. 208.
[59] *Ebd.* — S. 207.
[60] *Ebd.* — S. 207. — Taf. XXXVIII, *7.*
[61] *Ebd.* — S. 212 — 213.
[62] *Zoltai L.* Debreceni... — S. 298.
[63] История Венгрии. — М.: Наука, 1971. Т. I. — С. *55 — 73.*
[64] *Harmatta J. Parducz M.* Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns. I — III. // Acta Archaeologica Hungaricae. — Budapest, 1952. — II. — S. 341 — 352; *Kovrig J., Parducz M.* A sarmatakor emlekei Magyarorszagon I — III // Arch. Értesitö. — Budapest, 1953. — 80. — S. 161 — 164.
[65] *Parducz M.* Beitrage...
[66] *Parducz M.* Denkmaler..., III. — S. 215 — 229.
[67] *Ebd.* — S. 236 — 237.
[68] *Parducz M.* Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungary // Acta. Archaeologica Hungaricas. — Budapest, 1959. — XI.
[69] *Bona J.* Ein Virteljahrhundert vulkerwanderungzeitforschung in Ungarn (1945 — 1969) // Acta Archeologica Hungarica. — Budapest, 1971. — S. 265 — 336; *Harmatta J.* Studies on the History of the Sarmatians. — Budapest, 1950. — S. *5* — 35.
[70] *Parducz M.* Denkmäler..., III.
[71] *Mocsy A.* Zur Periodoskrung der fruhen Sarmatemzeit in Ungarn // Acta Ahtiqua et Arch. aeologica. — Seged. — 1954. — N 4.
[72] *Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Фломализованно-статистические методы в археологии. — К.: Наук. думка, 1990. — С. 81; *Генинг В. Ф.* Древняя керамика. — К.: Наук. думка, 1992.
[73] *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. — Ижевск, 1976. — С. 23 — 25; 25 — 37; *Генинг В. Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. — М.: Наука, 1988. — С. 17 — 22, 88.
[74] *Parducz M.* Denkmäler..., III. — S. 130 — 136.
[75] *Ebd.* — II.
[76] *Ebd.* — III. — S. 230 — 236.
[77] *Ebd.* — S. 236 — 237.

[78] *Parducz M.* Archäologische... — S. 381.
[79] *Pasrducz M.* Denkmäler..., I. — Taf. XIII, *1*; XV, *4*.
[80] *Ebd.* — Taf. XXII, *12, 13*.
[81] *Parducz M.* Denkmäler..., II. — Taf. XXX, *3*.
[82] *Ebd.* — Taf. II, *1*.
[83] *Parducz M.* Denkmäler..., III. — Taf. LXCIX, *2*.
[84] *Ebd.* — Taf. LXXIII, *2,3* (обе с раковинами).
[85] *Ebd.* — Taf. LXXIX, *19* (с раковиной).
[86] *Ebd.* — Taf. XXXIV, *15,16* (обе с раковинами).
[87] *Ebd.* — Taf. CXXXIX, *8,11* (обе с раковинами).
[88] *Ebd.* — Taf. LXIII, *8*.
[89] *Parducz M.* Megjegyzesek a Hödmezövasärhely — kakesszeki szarmatakori lelet értelésèher // Arch. Ertesitö. — Budapest, 1960. — 87. — Taf. XVIII, *7*; XXIX, *5,6*.
[90] *Parducz M.* Denrmaler..., III. — Taf. VVI, *1* (с раковиной).
[91] *Ebd.* — Taf. IV, *1,4*; V, *2*; VI, *9,10*; XII, *1 — 5, 7, 8*; XVII, *3*; XVIII, *1,2*; XXII, *11*; XXV, *2*; XXVI, *1*.
[92] *Ebd.* — Taf. XLVII, *7* (с раковиной).
[93] *Alfodi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ebnishe Sonderung. Archeaeologice Hungarice IX. — Budapest, 1932. — S. 74. — Taf. XI (всего 24 экз.).
[94] *Ebd.* — Taf. XXXV, *57*.
[95] *Kovrig S.* Nouvelles trouvailles du V-e siecle découvertes en Hungarie // Acta Archaeologica Hungaricae. — Budapest, 1959. — T. X. — S. 209 — 225. — Taf. II, *1* (с раковиной).
[96] Arch. Ertesito. — 1903. — ab; 4 (с раковиной).
[97] *Balke B.* Ženskie cwentarzysko z okresu pózhorzymskiego w miejscowości Kłoczew pow. Ryki // Materiały starożytne u wczesnośredni owieczne. — T. 1. — Warsawa, 1971. — S. 317 — 364. — r. 39.
[98] *Meszaros G.* Aregölyi korai nepvandorlaskori fejedelmi sir (Богатое захоронение эпохи переселения народов в Регейн). // Archeologiai Ertesitö. — Budapest, 1970. — 97. — r, 12 — 10 (погребение гуннского времени).
[99] *Parducz M.* Denkmaler..., III. — Taf. LI, *9*; LIII, *2*.
[100] *Ebd.* — Taf. LVIII, *1,2;* LIX, *1,2*.
[101] *Ebd.* — Taf. IX, *2,3*; XIV, *2*; XXIII, *4,5*; XXIV, *7*.
[102] *Ebd.* — Taf. XXXIV, *10*; XLII, *3,4*.
[103] *Ebd.* — Taf. LXXII, *2*; LXXXI, *1,25*.
[104] *Ebd.* — Taf. LXXVI, *1*.
[105] *Ebd.* — Taf. CXXIV, *1 — 3*.
[106] *Parducz M.* Megjegyzések... — Taf. XXVII, *11*; XXIX, *2,7*.
[107] *Parducz M. Beinrage... — Taf. XVIII, 7,8*.
[108] *Parducz M.* Der Spätsarmatische Friedhof von Torökkonizsa (Novi Kheževae, Jugoslovien) // A Mora Ferenc Müzeum Evkonyve. — Szeged, 1957. — S. 93 — 107. — Taf. XX, *9*; XXII, *10*.
[109] *Zoltai L.* Dir Hügelgraber... — Taf. V, *21*; *VI, 13,5*.
[110] *Ebd.* — Taf. XI, *5*; XV, *21*.
[111] *Parducz M.* Denkmäler... — III. — S. 230.
[112] *Parducz M.* Beiträge... — Abb. *3,4*.
[113] *Страбон*, кн. VII, *36 12 — 13*.
[114] *Там же*, кн. VII, *3, 17*.
[115] *Тацит К.* Анналы, XII, *29, 30*.
[116] *Тацит К.* История, III, *5*.
[117] *Там же*, I, *79*.
[118] *Птолемей*, кн. III, гл. 5, карта VIII, *1*.
[119] Там же, карта VIII, *7*.
[120] *История* Венгрии..., с.59.
[121] *Там же.* — С. 60 — 61.
[122] *Mmmiani* Marcellini, *17,13,15*.
[123] *Bar Kóczi.* Transplantation of Sapmatians and Roxolans in the Danube Basin // A Ant. VII, *2*, 1959. — P. 443 — 448.
[124] *Paducz M.* Archaologische...
[125] *Parducz M.* Denkmaler..., I. — S. 63 — 74.
[126] *Laszlo Gy.* A honfoglolo Magyar nep alete. — Budapest, 1944. — S. 128.
[127] *Parducz M.* Beiträge..., s. 169.
[128] *Ebd.* — S. 169 — 174.
[129] *Parducz M.* Denkmäler..., III. — S. 252.
[130] *Parducz M.* Archäologische... — S. 386 — 390.
[131] *Parducz M.* Denkmäler... — VII
[132] *Parducz M.* Beitrage..., S. 175 — 176.
[133] *Ebd.* — S. 176 — 177.
[134] *Тацит К.* О происхождении германцев и местонахождении Германии. — С. 43.
[135] *Banadik B., Vicek E., Ambros C.* Keltische Gräberfelder der Südwestslowokei // Archeologica Slovaca. — Brätislava, 1957. — I.
[136] *Parducz M.* Denkmäler..., I. — Taf. XXVI, *6*.
[137] *Ebd.* — Taf. XXXIX, *3*.
[138] *Ebd.* — Taf. XLII, *3*.
[139] *Parducz M.* Denkmäler..., III. — Taf. XVI, *1*.
[140] *Ebd.* — Taf. CXI, *3*.
[141] *Zoltai L.* Die Hegelgräber... — Taf. XII, *2, 22*; XI, *32*; XII, *1,3*.

[142] *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Урала // САИ. — 1963. — Д1 — 9. — Табл. 25 —*13—19*; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. — 1963. — Д1. — 10. — Табл. 29, *1 — 4, 7, 12 — 28*.

[143] МИА. — 1959. — № 60; МИА. — 1960. — № 78 (публикации И. В. Синицына, К. Ф. Смирнова, В. П. Шилова).

[144] *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э. — I в. н. э. // СА. — 1959. — № 1. — С. 52 — 71.

[145] *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. — 1962. — № 120 (п. № 13/1; 17/2; 20/1,2; 22/4; 25/2; 38,40,43,46,47); *Сальников К. В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. — 1952. — № 24.

[146] *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье I // Из истории Сибири. — 1973. — Вып. 5. — С. 53 — 64.

[147] *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 3 // Из истории Сибири. — 1973. — Вып. 11. — С. 21; *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск. 1985. — С. 102.

[148] *Генинг В. Ф., Ещенко Н. К.* Могильник эпохи..., рис. 2; *Молодин В. И.* Бараба в эпоху..., рис. 32, *54*.

А. Вадаи

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД У САРМАТОВ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА

Связь погребального обряда с культом умерших определенного этноса, соответствие археологическим находкам или группировкам археологического материала представляет собою сложный вопрос. После переселения Jazyges metanastae в соседние с римской провинцией Паннонией области на территорию Большого Алфёльда переселяются многочисленные группы сарматских племен «чистого» или «смешанного» этноса. По определению И. Боны, «при исследовании того или иного этноса первостепенным показателем является консервативность культа умерших. Ориентировка захоронений также представляет собой устойчивое явление, часто соблюдавшееся на протяжении столетий» [1]. При классификации археологических памятников сарматов с территории Карпатского бассейна М. Пардуц взял за основу ориентировку погребений [2] и дополнил ее некоторыми соображениями, связанными с погребальным обрядом. Однако за последние годы на основании новых данных можно оспаривать отдельные его достижения и результаты. Удачным началом исследований в области сарматской археологии явилась диссертация М. Пардуца [3], где на основании погребального обряда сделана попытка рассматривать материал в его хронологической последовательности. Позже [4] погребальный обряд играет у него уже второстепенную роль, а основой для этнического определения становятся археологические находки. Он систематизировал и проанализировал ранее не известный археологический материал [5]. Эта классификация стала основой выделения небольших периодов, создания новых подгрупп. В первую очередь рассматривалась хронология, затем ориентировка, наличие гроба, скелета (скорченное, диагональное, «захоронение сидя, сидя на корточках или стоя»), грунтовое или курганное захоронение и, наконец, наличие оружия в могиле. К сожалению, выделенные таким образом группы не дифференцировались.

Тем не менее проявилась необходимость соотнесения известных по письменным источникам названий племен и народов с определенными археологическими комплексами. На территории Алфёльда на основании археологических материалов следовало бы разделить этносы сармато-языгов, роксолан, алан, германцев-вандалов, гепидов, скифов, а также гуннов. Немаловажным в этом направлении явился бы серьезный антропологический анализ материалов с территории барбарикума на основании не только морфологии, биометрии, но и археопатологии, химического состава костного материала и т. д. Градационное археологическое разделение на группы уже неприменимо к вновь открытым большим могильникам. Внутри одного и того же могильника,

если существование его охватывает длительный период времени и он содержит достаточное количество погребений, обнаруживаются все те же особенности, которыми М. Пардуц охарактеризовал каждую свою группу в отдельности.

В сарматских могильниках с группами и рядами могил [6] основная ориентировка — южная. Очень редки погребения с северной ориентировкой. В научной литературе, посвященной многочисленным исследованиям или известным из устных сообщений могильникам, также встречаются данные о северной ориентировке, но поскольку не указывается положение черепа, которое, возможно, не было прослежено, то в большинстве случаев фиксировалась только ориентировка могилы [7]. Количество больших, достоверно раскопанных или лучше описанных могильников, настолько значительно, что затрудняет выявление каких-либо закономерностей. Между тем установлено, что могилы с противоположной ориентировкой не могут быть связаны только полом и возрастом погребенных даже внутри одного могильника. Различия в погребальном инвентаре также не прослеживаются. В этой группе равно представлены как более богатые, так и более бедные захоронения. Противоположная ориентировка также не может быть связана с узкими хронологическими периодами. В связи с наличием стольких несоответствий можно заключить, что поскольку противоположная ориентировка редка внутри могильников, то в ней следует видеть некую связанную с суевериями традицию, существующую у сарматов Карпатского бассейна на протяжении всего времени их бытования, не завися от пола, возраста, общественного и экономического положения умершего.

Далее рассмотрим черты погребального обряда, которые могут облегчить этническое определение погребенных. М. Пардуц, в связи с курганами у Вашкута [8], пришел к следующему заключению: «В погребальном обряде рассматриваемой группы курганов определенную роль играл огонь. Можно предположить, что данный обряд связан с гуннами, хоронившими своих умерших под курганами. Что касается Вашкута, то здесь, наряду с трупосожжением в одном и том же кургане, вероятно, существовало также погребение, где скелет умершего находился в сидячем положении. Далее можно предположить, что общественное положение погребённого в сидячем положении было подчинённым. Это подкрепляется тем, что в Ясалшёсэнтдьёрде под одним из второстепенных курганов, возведенных рядом с главным курганом, который имел обычное захоронение, мы встретили захоронение в сидячем положении». Итак, возникает такое определение, как «захоронение в сидячем положении», которое с точки зрения ритуала и этноса, если бы его можно было правильно оценить и понять, в дальнейшем превратилось бы для нас в важный показатель. М. Пардуц считает погребенных в сидячем положении кавказским этническим элементом [9].

Рассмотрим это определение более подробно. Уже ранее М. Пардуц [10] считал характерными особенностями ритуала захоронение погребённых сидя, на корточках и стоя. Более подробно он остановится на этом в работе, посвященной проблематике гуннской эпохи [11]. Ему было известно 103 таких захоронения, происходящих из 34 памятников. (Здесь же Пардуц писал о том, что количество таких погребений было гораздо больше, поскольку часть ограбленных могил могла содержать подобные захоронения). Более того, М. Пардуц сделал графическую реконструкцию положения умерших, погребенных сидя и на корточках [12]. Было бы очень интересно действительно доказать, что и в Карпатском бассейне также существовали погребения восточного типа, когда умерших хоронили сидя или более того, стоя. Во многих частях мира известен обряд захоронения в сидячем и стоячем связанном положении. В таких случаях умершего прислоняли к дереву, скале, стене пещеры и т. д.

Рассмотрим примеры, приводимые М. Пардуцем, о сидячих и стоячих захоронениях. Большая часть упомянутых памятников получена путем недостоверных раскопок. Собранные находки были переданы в музей или прибывшему на объект специалисту. Данные относительно погребения, местоположения предметов погребального инвентаря и ритуала основаны не на наблюдениях специалистов, а на устном сообщении людей, обнаруживших их. Такими памятниками, например, являются Баймок, Дунахарасти, Куманд, Эрнёхаза,

Апатин, Избиште, Акасто, Сегед-Кенъерварохалом, Пюшпёклеле, Алдьё-Леле Иштван-Хаза, Кишкунхалаш-Фехерто, Кишкёрёш-Алшоцеле, Вашкут, Ниредьхаза-Арпад утца. Среди погребений, где скелеты найдены в сидячем положении, упоминается Ясалшёсэнтдьёрдь-Баршахалом, где курган № 2 был раскопан Г. Байзатом. Чертеж кургана позже, на основании устного сообщения, был выполнен В. Хилдом [13]. В описании действительно упомянут скелет в положении на корточках, однако в действительности все говорит о *скорченном положении* на левом боку. Точно так же напоминает скорченное погребение и описание могилы из Сегед-Кеньерваро-халом.

Известно, что часть вышеперечисленных могил подверглась ограблению и разрушению. В таких случаях кости частично сохранившегося скелета нередко оставались в одной куче в ногах погребенного. Поскольку обычно была ограблена верхняя часть скелета, то кости и череп попадали на непотревоженные кости ног. Лица, обнаружившие захоронения, в таких случаях, разумеется, считали, что покойник сидел, поскольку череп и кости верхней части скелета были расположены над костями ног. В каждом таком случае, когда в погребениях был найден не погребальный инвентарь, а только обломки предметов в заполнении могилы, т. е. не in situ, можно считать, что сидячее на корточках или стоячее положение скелета является следствием ограбления.

Подобным образом скорченное погребение нередко определяется лицами, обнаружившими захоронение, и не знакомыми с таким обрядом, как сидячее. Прочие позиционные замечания также аналогичным образом были оценены М. Пардуцем. Например, скелет в сидячем положении из Гомбоша описан им так: «руки и ноги скелета погребены в защитном положении, на основании чего, вероятно, можно думать о захоронении сидя». Также представляет интерес описание погребения № 121 из Чонграда-Лактана: «точное положение скелета неопределимо, потому что недавно в процессе земляных работ само погребение, а также часть скелета были сильно разрушены. Несмотря на это, следует признать вероятным, что умерший первоначально был захоронен в *сидячем* положении». Среди костей найдено несколько обломков предметов погребального инвентаря. Рисунок, приводимый в публикации, наглядно демонстрирует, что погребение было разрушено и ограблено одновременно. В середине овальной и не полностью прослеженной ямы лежали брошенные кости и обломки предметов погребального инвентаря. Кости не лежали in situ. Между тем, трудно представить захоронение в положении сидя в середине могильной ямы без опоры. В случае захоронения сидя могильная яма должна была быть более глубокой, чем обычно, а при захоронении умершего стоя она должна быть еще глубже.

Не имеет смысла далее перечислять плохо документированные погребения. Приведу несколько погребений из могильника Чонград-Кендерфёлдек, где, по мнению М. Пардуца, в 45 погребениях находились скелеты в сидячем на корточках положении. Характерным примером является описание погребения № 30 [14], где о мужском скелете, обнаруженном на глубине 110 см, говорится следующее: «... он действительно находился в сидячем положении, берцовые кости вытянуты, расположены параллельно, верхняя часть тела находилась над берцовыми костями... в погребении находились обломки изогнутых по обоим концам железных скоб от гробов». Из описания могилы однозначно следует, что речь идет о погребении в гробу. Также при описании погребения № 38: «Скелет погребенного, приблизительно длиною 120 см, вероятно, находился в положении стоя на глубине 70 см в могильной яме. В одном из ее углов была выкопана яма, где и был поставлен мужчина (?) со слегка согнутыми ногами... У верхних костей рук находилось большое количество железных оковок с изогнутыми концами, принадлежавших гробу».

В этом могильнике, несмотря на недостаточную документацию, отчетливо видно, что часть погребений была разрушена, на что всегда указывают обломки предметов погребального инвентаря, найденные не in situ (например, погребения № 41, 102, 103, 104, 106). Вероятно, в остальных погребениях положение сидя и на корточках следует признать ошибкой, поскольку в обычных по

своему размеру и ориентировке могилах сохранились скобы от гробов (например, погребения № 43, 65, 75, 95).

Мы не располагаем данными из других мест относительно наличия на территории Карпатского бассейна обычая хоронить умерших в сидячем положении в гробу. Гробы крепились железными скобами, по форме напоминавшими букву S. Судя по размерам и размещению в могилах, они являются обыкновенными гробами-ящиками, в которых, в крайнем случае, можно было бы поместить лишь слабо скорченного покойника. Следовательно, мы не располагаем никакими доказательствами того, что на территории Алфёльда в гуннскую эпоху был распространен обряд захоронения в сидячем положении, на корточках или стоя. Как видим, аргументы М. Пардуца необходимо заново пересмотреть с точки зрения достоверности, с учетом факта ограбления и возможности скорченного положения. Что касается «устных сообщений», то к ним следует подходить весьма критически.

Ниже перейдем к другому вопросу, связанному с проблематикой курганных могильников. Ранее мы уже рассматривали ее более подробно [15]. Южные и северные курганные погребения М. Пардуц считал отдельными группами. Высказывания его относительно Ясалшёсэнтдьёрдя сводятся к тому, что, несмотря на нахождение на севере, по остальным признакам его следует относить к южным курганным могильникам. Попробуем рассмотреть этот вопрос с другой стороны, поскольку мы не можем установить хронологических отличий между северными и южными могильниками. У тех погребений с территории Алфёльда, где могилы окружены кольцевым или квадратным, открытым с южной стороны, ровиком, их размеры и расположение свидетельствуют о том, что над центральным погребением насыпался курган. Доказательства этому есть в могильниках из Хортобадь-Порошхата и Юхяраша. Когда Л. Золотаи вскрывал погребения более крупным или не совсем точно направленным на центр шурфом, он заметил, что вокруг кургана находился ровик, который в процессе раскопок оказался уже под курганом из-за выброса земли. М. Кёхёди также наблюдал рвы вокруг курганов в Мадараше. Аналогичные наблюдения сделаны и в Пинцеде.

На основании наличия курганов с ровиками можно высказать предположение, что над грунтовыми погребениями с ровиками некогда возвышался курган, но более низкие и рыхлые насыпи подверглись уничтожению временем и интенсивной распашке. У могильников, обнаруженных в процессе земляных работ, ровики вокруг могил, менее глубокие, чем погребальные ямы, уничтожаются бульдозерами. Когда на плане могильника среди неправильных рядом могил на некоторых пустых местах обнаруживаются одиночные погребения, можно предполагать существование ровиков вокруг них и курганной насыпи над ними (например, Эндрёд-Кочорхедь).

На рис. 1 показано распространение северных и южных курганных могильников, по М. Пардуцу, и те памятники, где в последнее время зафиксированы могилы, окруженные ровиками. Таким образом, граница между южной и северной группами исчезает. Хорошо заметно, что могилы с ровиками распространены про всей территории сарматского барбарикума, а не в двух локальных областях. С точки зрения установления этноса это явление также важно, поскольку уже при первоначальном обнаружении старались определить его с помощью восточных аналогий [16]. Э. Золотаи усмотрел в наличии ровиков у алфёльдских сарматов проявление погребальных традиций прохоровской культуры. Однако эта культура не смыкается с сарматским барбарикумом ни территориально, ни хронологически. Положение Э. Золотаи венгерские исследователи приняли без критики и даже попытались связать с роксоланами [17]. Если принять это отождествление, то погребения с ровиками не должны были бы появиться еще во II в., а лишь после середины III в. Также спорным представляется утверждение М. Пардуца о том, что между 375 — 380 гг. в междуречье Дуная и Тисы появились группы, состоявшие из новых кавказских, сарматских, германских и гуннских элементов, причем, одну из этих групп составляло племя, оставившее южные курганы [18]. Против этого говорит тот факт, что часть южных курганных могильников более ранняя (например, Визешд-пуста, в настоящее время Визежда в Румынии).

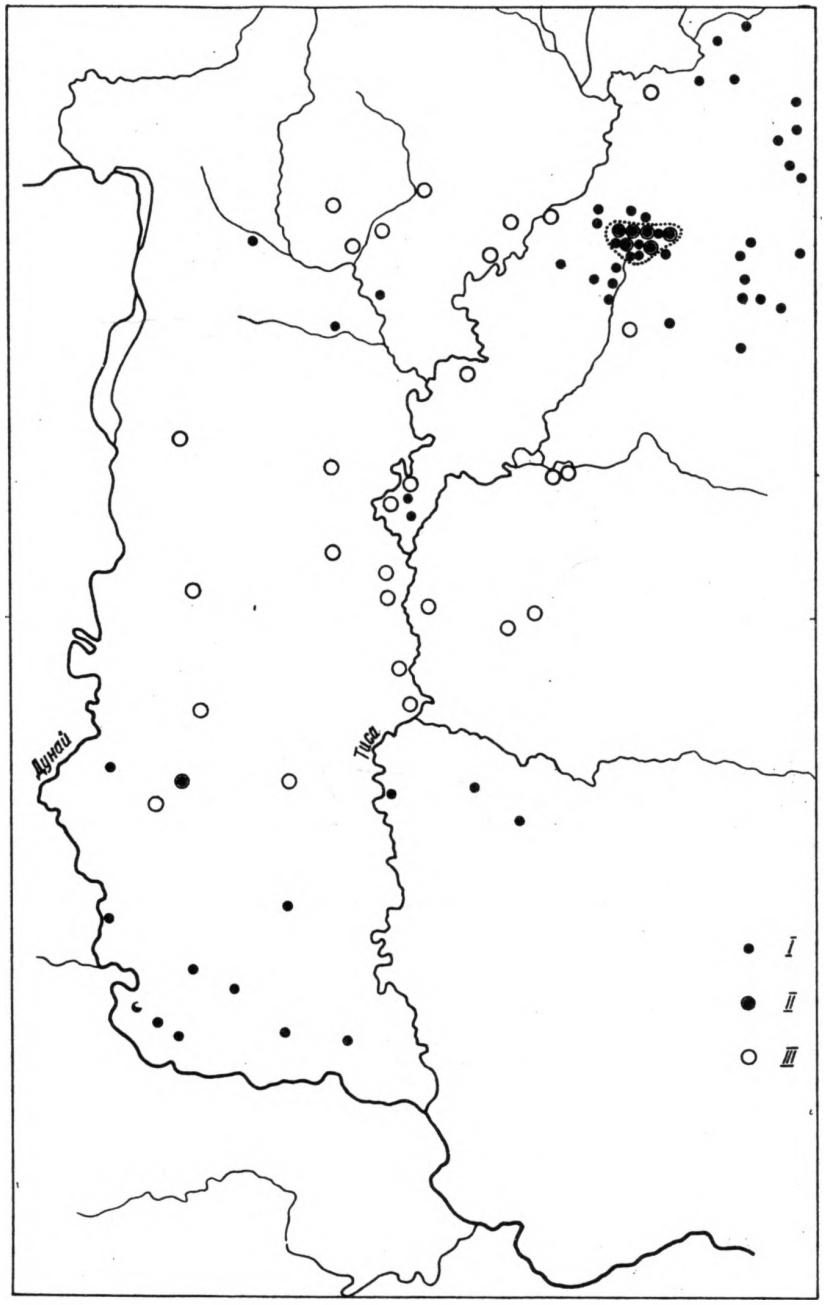


Рис. 1. Сарматские памятники Алфёльда:
I — курган, курганный могильник; II — подкурганный ров; III — ров при грунтовом погребении.

Между тем, несомненный интерес представляет то, что курганные погребения с ровиком не связаны узким хронологическим периодом, полом или возрастом и не могут быть объяснены исключительно имущественным положением погребенных. В то же время они не отличаются ни погребальным инвентарем, ни ориентировкой от остальных погребений внутри одного и того же могильника. Более того, не прослеживаются различия между ними и могилами с гробами, снабженными железными скобами. И в курганных, и в грунтовых могильниках в ряде случаев наблюдается наличие внутри одного

ровика под одним курганом нескольких самостоятельных захоронений (Секкуташ, Мадараш, Шандорфалв, Кишкунфеледьхаза-Кёваго Эридюлё, Шандорфалв-Э перьеш). В центре последнего кургана открыто погребение взрослого, рядом с которым находились два детских погребения.

На материалах сарматских погребений и могильников с территории Карпатского бассейна лишь в редчайших случаях можно доказать, что положение покойника может свидетельствовать о связи между двумя погребениями. Анализ северных и южных могильников был проведен на основании различной, а в некоторых случаях недостаточной или недостоверной информации. Ранее мы уже упоминали о том, что южная и северная группы курганов сосуществовали начиная со II в. до конца гуннской эпохи. На кодовом плане ориентировки север— юг (рис. 2) дана самая важная информация. Приведенная модель указывает на количественное содержание отдельных полей и их качественное определение. Как на северной, так и на южной территории известны ориентировки север — юг и запад — восток.

Захоронение в одной могиле нескольких умерших встречаются реже, но также по всей территории. Там, где не были проведены достоверные наблюдения, в настоящее время уже нельзя установить, что скелеты, найденные в одном кургане, лежали в одной или в отдельных могильных ямах или, возможно, являлись впускными. Неоднократно речь шла о том, что одиночные или иные погребения, совершнёные без погребального инвентаря над основной могилой в кургане, являлись захоронениями слуг или, возможно, членов семьи. Такие захоронения чрезвычайно редки как в северной, так и в южной группах.

Погребальные камеры достоверно известны на трех памятниках, открытых в средней полосе Алфёльда (на северо-востоке). Катафалки встречаются спорадически и зафиксированы лишь на трех памятниках: в могиле, в могильной камере или рядом с могильной ямой. Захоронения в гробах известны, примерно, в одной трети памятников. Нередки находки гробов с S-видными скобами; реже встречаются скобы с плавно или под прямым углом загнутыми концами, очень редко оба типа встречаются в одной могиле. В некоторых могильниках известны деревянные гробы без железных скоб, тесаные ящики, реже — просто доски, подложенные под покойника.

Однако это характерно только для северо-восточной части Алфёльда. Лишь в трех случаях погребенный лежал в скорченном положении. В Ясалшёсэнтдьёрде скелет в скорченном положении на левом боку лежал вне камеры. В Вашкуте в гробу и в Апатине без гроба упоминаются скелеты в «сидячем» положении, но в настоящее время из-за отсутствия документации уже невозможно установить, что это означало — скорченное положение или последствия ограбления. Однако, поскольку скелеты в скорченном положении изредка встречаются в сарматском барбарикуме на территории всего Карпатского бассейна в погребениях без внешних признаков, то не исключено, что этот обряд мог существовать в курганных могильниках на юге.

На рис. 2 приводятся данные о наличии в курганах погребений с конем и оружием. В публикациях достаточно часто упоминаются находки костей животных, указывающие на захоронение с конем или на частичные конские захоронения. К сожалению, все курганы были разрушены, а части конских скелетов найдены в грабительских ходах. В сарматских грунтовых могильниках до сих пор не известны частичные конские захоронения. Верхние слои сарматских курганов, окруженных ровиками, также были разрушены, но существуют данные, указывающие на то, что возле погребений, окруженных ровиком, и в их заполнении найдены кости лошадей. Что касается оружия — копья, меча, щита, то в курганных могильниках оно найдено в небольшом количестве.

При анализе курганов следует назвать курган Лайош (Лайош-халом) в Пустаиштванхазе [19], о котором, на основании отчета А. Ковача, Ф. Ромер, а затем М. Пардуц писали, что в Тисазуге, вдоль «Рва черта» («Ердёгарок»), вытянутого по линии север — северо-восток, с востока на запад размещались курганы Киш-халом, Лайош-халом и Буки-халом. Раскопан средний по величине курган Лайош-халом. Он немного овальный в плане, высотой 4,8 м, рас-

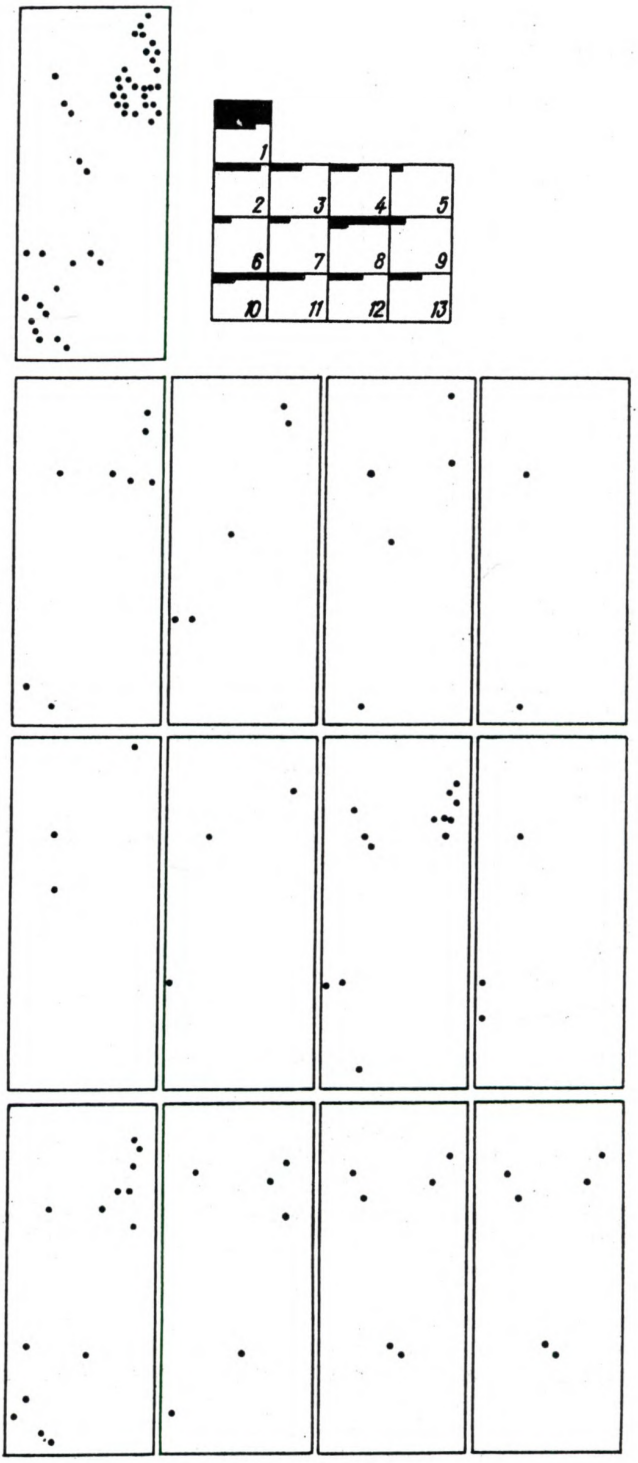


Рис. 2. Основные признаки сарматских погребений Алфёльда:

1 — полностью проанализированный материал; *2* — северо-южная или юго-северная ориентировка; *3* — восточно-западная или западно-восточная ориентировка; *4* — несколько погребений в одном курганном захоронении; *5* — в нескольких курганных захоронениях несколько погребений; *6* — погребальная камера; *7* — катафалк; *8* — гроб; *9* — скорченное погребение; *10* — конское захоронение; *11* — погребение с копьем; *12* — погребение с мечом; *13* — погребение со щитом.

паханная поверхность на вершине кургана составляла 53 × 41,7 м, основание кургана по короткой оси запад — восток 45,5 м. В насыпи найдены кости лошади и мелкие фрагменты керамики черного цвета. Согласно описанию, погребальная камера состояла из квадратного сруба, покрытого ветками. На дне обнаружены три скелета, ориентированные по линии юг — север. У восточной стенки лежал скелет взрослого субъекта длиной 163 см, рядом (в центре) — скелет длиною 134 см и у западной стенки скелет ребенка длиною 126 см. Все три скелета от головы до колен были покрыты смесью песка-извести и глины толщиной 2 см. Поскольку погребение безынвентарное, то Ромер высказал предположение, что найдено не основное захоронение, а скелеты слуг. Однако из документации А. Ковача однозначно явствует, что под погребальной камерой находился нетронутый материк. Поблизости от Ракамаза (обл. Саболч) в кургане Ваготт-халом обнаружено три скелета с северной ориентировкой также без погребального инвентаря.

Согласившись с более ранним заключением М. Пардуца, исследователи высказали предположение, что в раннесарматский период захоронения в гробах, в том числе с железными скобами, не были известны сарматам территории Алфёльда [20]. Меньшее количество погребений в гробах на ранней стадии обусловлено меньшим количеством раннесарматских памятников в целом, например, в Солноке-Санде, Эндрёде-Суйокересте в одинаковой мере известны погребения обоих периодов в гробах. В Задьваре-каше нам удалось зафиксировать пока неизвестный обычай. К гробу был прибит большой свинцовый лист, на оборотной стороне которого находились расположенные в ряд большие скобы со слабо загнутыми концами, помещенные в еще горячий свинец. Полностью исследованные могильники с территории Карпатского бассейна пока неизвестны.

Современные данные сарматских могильников и погребений, открытых в окрестностях Тёрёксэнтмиклоша, подсказывают новые выводы относительно характера больших могильников. В материале отдельных памятников не проявляются резкие хронологические различия. Если сопоставить количество сарматских поселений с количеством населения в пределах хронологических границ самих поселений, то количество синхронных сарматских погребений действительно невелико. Во многих случаях нельзя даже сделать выкладки относительно одной семьи. Вероятно, именно поэтому на территории Алфёльда существовали могильники семейных групп [21]. Внутренняя структура таких могильников с групповыми захоронениями, возможно, была одинаковой. Планы могильников Уйтелеп и Тёрёксэнтмиклоша также указывают на это (рис. 3; 4). У могильников с групповыми захоронениями погребения, окруженные ровиком, заключают в кольцо — «пояс» погребений, к северу от которого могилы размещаются рядами. Семейные могильники находились как вблизи, так и в отдалении. В каждой группе прослежены погребения всего периода существования могильника. Следовательно, внутри больших могильников, где открыто несколько групп, относящихся к одному и тому же горизонту, погребения совершены рассеянно, соответственно семейным группам могил. Такая система объясняет, почему иногда «соседние» погребения расположены на расстоянии 40 — 60 м (между крайними погребениями соседних групп — пустое пространство). С этой точки зрения нам следует заново пересмотреть историческое содержание алфёльдских так называемых одиночных сарматских погребений.

Кратко остановимся на ориентировке погребений. Большим минусом каждого могильника является потеря части информации из-за недостаточно документированных условий обнаружения. Нередко указывают лишь ориентировку могильной ямы без отклонений, выраженных в градусах, и без ориентировки скелета. Хороший пример этому — анализ находок из погребений Хортобадь-Порошхат, относящихся к наиболее качественно раскопанным могильникам (рис. 5). Специалисту, проводящему раскопки, легко определить, сколько погребений может быть использовано с точки зрения данных ориентировки и как внутри одной курганной группы распределяется ориентировка количественно и по отклонениям. Например, в Среднем Потисье только в 69 случаях известны данные ориентировки. Они распределяются следующим об-

разом: Ю-С — 27; С-Ю — 2; З-В — 2; ЗЮЗ-ВСВ — 11; ЮЗ-СВ — 1; ЮЮЗ-ССВ — 15; ЮЮВ-ССЗ — 7.

Как видим, на территории Среднего Потисья основной ориентировкой является южная.

Четыре диагональных погребения с обезглавленными скелетами из памятника Ясалшёсэнтдьёрдь-Боршахалом до настоящего времени не имеют аналогий в Карпатском бассейне. Этот погребальный обряд исследователи, вслед за К. Ф. Смирновым связывают с роксоланами и с аорсами бассейна Волги-Дона. К востоку от Карпат такое положение скелетов встречается часто [22]. М. Пардуц считал, что, несмотря на то что памятник находится на севере Карпатского бассейна, по своей характеристике его следует связывать с южными курганными могильниками. Однако выше мы наблюдали, что курганные могильники с ровиком не разделяются на две группы. Важно определить, местными или восточными являются предметы погребального инвентаря из курганов и погребений «без внешних признаков». В последнем случае на основании хронологических позиций и состава вещевого материала следует предполагать появление новой этнической группы. Северные курганные могильники М. Пардуц датировал периодом начиная с 270 — 280 гг. до второй половины, в крайнем случае, до конца IV в. [23] Их вместе с курганами Хортобадь-Порошхат как Пардуц, так и Харматта отождествляли с роксоланами [24], считая, что в населении, оставившем северные курганные могильники, следует видеть их первую волну, которая через теснины Нижнего Дуная и долину р. Темеша вдоль Тисы достигла ее верхнего течения.

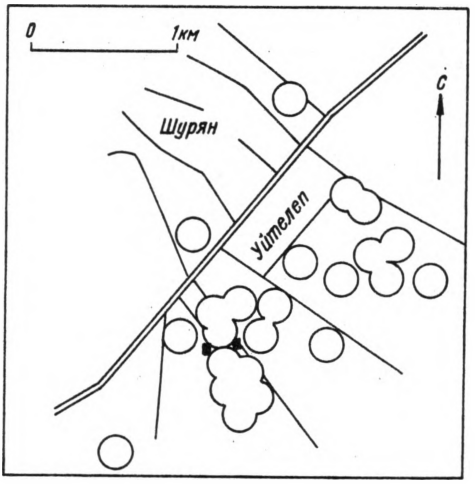


Рис. 3. Топография могильника Уйтелеп.

Относительно роксоланской принадлежности северных курганных могильников и группы «Кишхомбор-Эрнёхаза» с этой же территории высказал свое сомнение Л. Баркоци [25]. Он отметил, что северные курганные могильники, а также и курганы Хортобадь-Порошхат уже только по своей хронологии не могут быть связаны с роксоланами. В этих могильниках открыто множество погребений, предшествующих появлению роксоланов в Алфёльде. Поскольку речь идет об идентичном этносе, археологическое определение раннесарматской волны является значительно более легким, чем разделение поздних смешанных этнических групп более поздней волны.

Таким образом, ранний материал племен восточного происхождения легко выделяется. Позже это представляется более трудным, так как на сарматские племена — восточных соседей Дакии, как и на сарматов Алфёльда, влияло соседство Рима. На обеих территориях произошла унификация и «романизация» материала. Следовательно, более точно определить новую волну переселенцев можно лишь в тех случаях, когда среди находок или в обряде обнаруживаются такие восточноварварские черты, которые ранее не были известны в Карпатском бассейне. Что касается Ясалшёсэнтдьёрдя, то примером этого служат как обряд, так и происхождение вещей. Однако более точной этнической интерпретации они не поддаются. Таким образом, хронологически этот могильник не является памятником первой фазы роксоланского переселения (умбоны, золотой пластинчатый наконечник ремня, стеклянный стакан). Какие именно племена появились в Карпатском бассейне на позднесарматско-гуннском этапе, можно лишь предполагать. Не исключено, что те курганные погребения гуннской эпохи, где в захоронениях наблюдаются значительные следы кремации, как отмечал М. Пардуц, следует рассматривать как курганы, возведенные над трупосожжением гуннского предводителя и его окружения, куда могли входить сарматские воины и слуги.

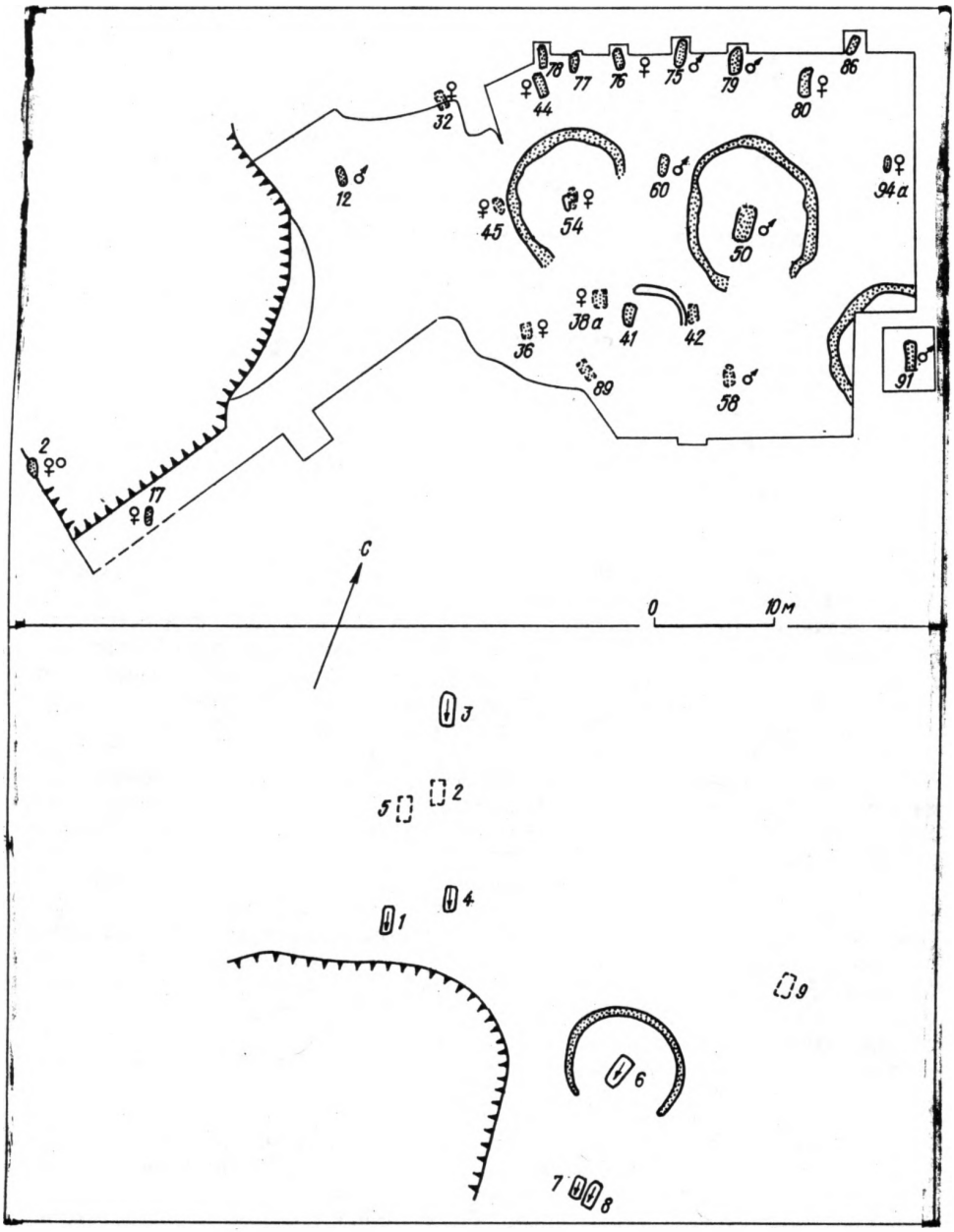


Рис. 4. Могильники Тёрёксентмиклош.

В связи с погребениями в алфёльдских курганах с ровиком следует внести еще одно дополнение. При обработке могильника у Холмского [26] были проанализированы памятники с подобными ровиками. Оказалось, что они в одинаковой мере встречаются как в курганах, так и грунтовых погребениях. В Холмском ровики встречаются как в женских, так и мужских погребениях. В центре небольших ровиков находилось, как правило, одно, в более крупных — иногда два погребения. Здесь погребения без внешних признаков также размещались бессистемно среди могил с ровиками. Кроме того, зафиксированы ровики, не имевшие относящихся к ним погребений. В Холмском самым небольшим оказался ров размером 11 × 11,5 м с входом, самый крупный 16 × 16 м. Это четырехугольные арковые обрамления. В Карпатском

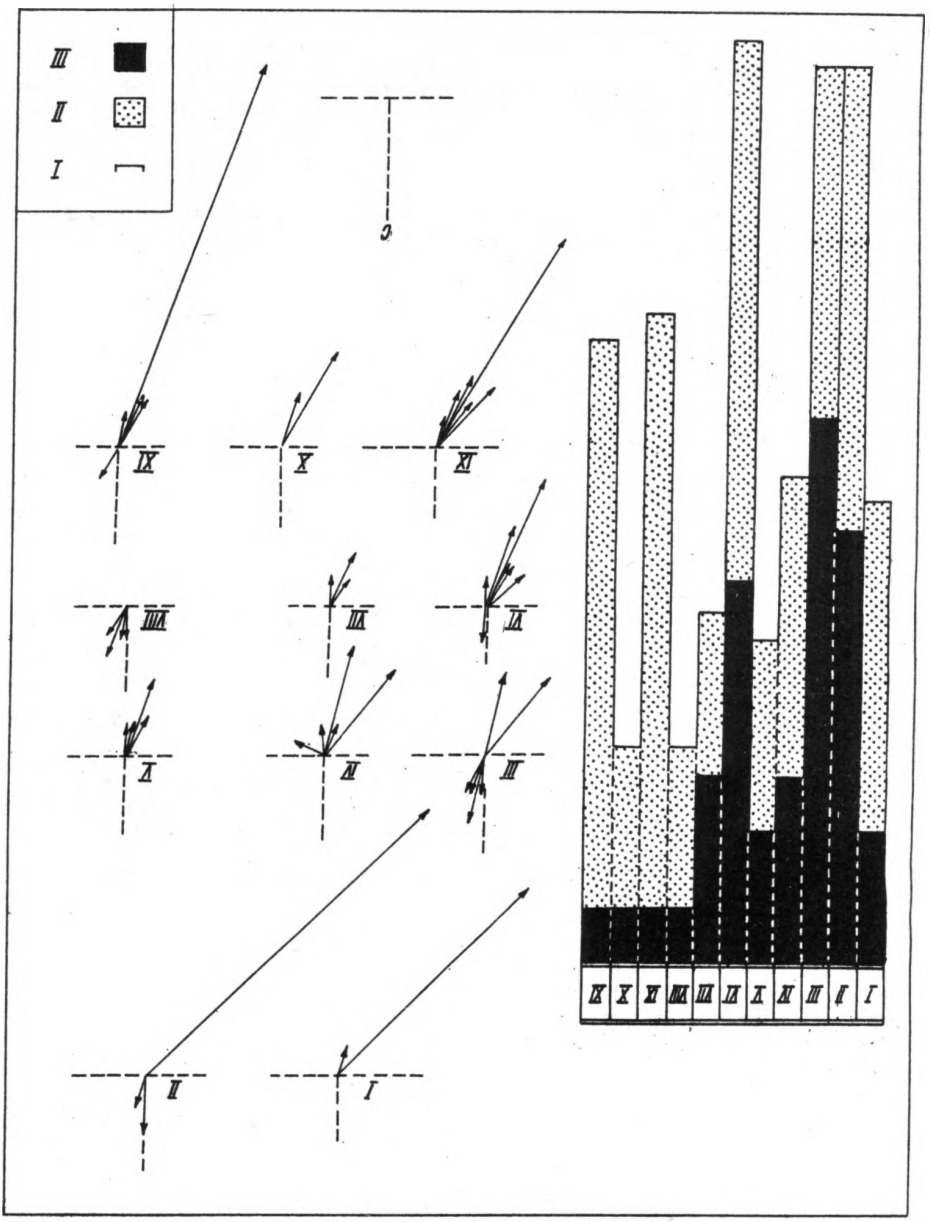


Рис. 5. Распределение ориентировки в сарматских погребениях Алфёльда:
I — величина погребения; II — известная ориентация погребений; III — погребения без наличия ориентации.

бассейне, хотя и редко, также встречаются могильные рвы квадратной формы, а также такие, где внутри рва погребения отсутствовали. Для нас может представлять интерес еще и тот факт, что погребения с ровиками в черняховской фазе холмского могильника уже не встречаются. К сожалению, у нас нет достаточных данных относительно крупных восточных сарматских могильников для того, чтобы можно было определить — полностью ли исчезает на востоке обычай «обрамления» могил в черняховской фазе. Между тем, несомненно, что на территории Карпатского бассейна этот обычай встречается еще в позднесарматско-гуннской фазе. Если бы удалось установить время исчезновения этого обычая на востоке, то это облегчило бы идентификацию хотя бы части курганных памятников Карпатского бассейна с пришедшими с востока сарматами.

[1] *Bóna I.* Az ujhartyàni germán lovassir // AE. — 1961. — N 88. — S. 196.
[2] *Parducz M.* A Nagy Magyar Alfold romaikori leletei. Dolg. Szeged. 1931. — N 7; A szarmatakor emlekei Nagyarorszagon 1 // AH. — 1941. — N 25; A szarmatakor emlékei Magyarorszagon II // AH. — 1944. — N 28; A szarmatakor emlekei Magyarorszagon III // AH. — 1950. — N 30; Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn // AAH. — 1959. — N 11; Die etnischen Probleme der Hunnenzeit in Ungarn // SA. — 1963. — N 1.
[3] *Parducz M.* A Nagy Magyar Alfold...
[4] *Parducz M.* A szarmatakor...
[5] *Ibid.*
[6] Относительно захоронений в группах и рядах см.: *Vaday H. A., Szöke B. M.* Szarmata temető es gepida sir Endrőd-Szujó kereszten // CAH. — 1983. — S. 119 — 121; *Vaday H. A.* Sarmatisches Graberfeld in Törökszentmiklos. — Surjan-Ujtelep. — 1985. — S. 386 — 387.
[7] Подробнее об «обратной» ориентировке север — юг см.: *Vaday H. A., Szoke B. M.* Op. cit., s. 119 — 121.
[8] *Parducz M.* Hunkori halmok Vaskut határában // FA. — 1959. — N 11. — S. 101.
[9] *Vaday H. A., Szöke B. M.* Op. cit.
[10] *Parducz M.* A Nagy Magyar...; A szarmatakor...
[11] *Parducz M.* Archaologische Beiträge...; Die etnischen...
[12] *Parducz M.* Archaologische Beiträge..., рис. 10, *1,a-b.*
[13] *Stanczik I.* Szolnok megyei régészei adatok Hild Viktör jegyzeteiből. — Szolnok. — 1975. — S. 139.
[14] *Parducz M.* Archaologiche Beitrage..., — s. 312.
[15] *Ibid.*
[16] *Ibid.*
[17] *Kohegyi M.* Die Bestattungsart von Prochorowka-Typ bei den Sarmaten in Ungarn // MFME. — 1969. — N 2; *Nepper M. I.* Prochorovkai temetkezési szokás nyomai Püspökladany határában // DME. — 1975. — N 56.
[18] *Parducz M.* Hunkori halmor... — S. 101.
[19] *Kovach A.* Tisza-Zughi Arch. Magan Tarsulat 1876-ik évi ásatáinak leirása. // Kézirat a Magyar Nemzeti Muzeum Adattaraban ltsz. — 1876. — S. 3. — 7; *Romer F.* Resultats generaux du monvement archeologique en Hongrie // Cómpte-rendu de la huiteme session à Budapest 1876. II/1. — Budapest, 1878. — S. 128 — 231; *Parducz M.* A szarmatakor..., 1950. — S. 72 — 73.
[20] *Dinnyes I.* Az S-alaku Koporsókapesok hasznalatarol // SC. — 1975. — N 3. — S. 66 — 68.
[21] *Parducz M.* Hunkori halmok... — S. 101.
[22] *Смирнов К. Ф.* О погребениях роксолан // ВДИ. 1949. — N 1. — С. 214 — 218; *Bichiri Gh.* Les Sarmates au Bas-Danube // Dacia, 1977. — N 21. — S. 173, 177.
[23] *Parducz M.* A szarmatakor..., 1950. — S. 116 — 117.
[24] *Ibid*; *Harmatta J.* A magyarorszagi szarmaták történetész // AE. — 1950. — N 77. — S. 15.
[25] *Barkoczi L.* Die Grundzüge der Geschichte von Intercisa // AH. — 1957. — N 36. — S. 509; Transplantations of Sarmatians and Roxolans in the Danube-Babin // AAA. — 1959. — N 7. — S. 447 — 449.
[26] *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I — IV вв. н. э. — Киев, 1984. — С. 24.

Ч. Балинт

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАХОДКИ В МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЕ КУВРАТУ (ИСТОРИЯ ВОПРОСА)

Всем исследователям хорошо известен найденный в 1912 г. в Малой Перещепине [1] комплекс евразиатской степи раннесредневековой эпохи. Он хранится в Государственном Эрмитаже, но о существовании некоторых предметов из него, попавших в свое время в Полтавский музей, исследователи узнали только недавно [2]. О находке упоминается в работах, посвященных археологии восточноевропейской степи VII — VIII вв. и раннефеодальной эпохи. Предпринимались попытки историко-этнического анализа комплекса [3].

Принадлежность перещепинской находки и других памятников этого круга к погребальным комплексам отстаивала Г. Ф. Корзухина, которая в отличие от господствующей в то время трактовки доказывала, что находка в Малой Перещепине и другие памятники этого круга не могут быть кладами, а являлись инвентарем могил кочевнических вождей [4]. Корни определения этих находок как кладов очень глубоки и, вероятно, происходят не из сферы научной жизни. Здесь нельзя не вспомнить о той атмосфере политической

жизни, которая охватила страну во время выхода в свет статьи Корзухиной (1955 г.). Для иностранца, не являющегося современником тех событий, в какой-то степени ситуацию проясняет одна из газетных статей Иванова, опубликованная в «Правде» 25 декабря 1951 г. и содержавшая очень резкую критику на М. И. Артамонова, руководителя Волго-Донской экспедиции по раскопкам Саркела, в том плане, что он переоценивает роль Хазарского каганата в раннесредневековой Восточной Европе и одновременно недооценивает значение славян [5].

М. И. Артамонов не являлся специалистом по археологии и истории хазар и до, и после появления статьи. «Иванов» — одна из наиболее распространенных русских фамилий — была, очевидно, псевдонимом. В свое время эта статья имела тяжелые последствия: директор Государственного Эрмитажа, академик, ученый с международным именем в ответ на критику признал все обвинения, выдвинутые против него [6]. Мне трудно представить, что признание богатых находок восточноевропейской степи именно славянскими состоялось бы независимо от изложенной в «Правде» концепции. Наше подозрение подтверждается и тем, что одна обобщающая работа Б. А. Рыбакова по раннесредневековой истории и археологии восточных славян, вызвавшая большой резонанс и написанная в этом же духе (в том числе и об определении упомянутых находок как кладов), вышла в свет в 1953 г. [7] Круг этих деликатных вопросов в какой-то мере освещается в ссылках к общеизвестной статье С. Шишмана. Из работы последнего выясняется, что подход «Иванова» к истории хазар — а через это и к истории всех степных народов раннего средневековья — не имеет предыстории. Хотя влиятельная статья Б. А. Рыбакова, о которой идет речь, опубликованная в 1953 г., очерчивает территорию Хазарского каганата нереально узкими границами, в карте из второго тома «Повести временных лет», увидевшего свет в 1950 г. (то есть непосредственно перед опубликованием статьи «Иванова»), границы Хазарского каганата выделены беспристрастно (более того: согласно карте, его западные границы тянулись до р. Буг!).

Замечательно, что тезис Б. А. Рыбакова, оказывавший огромное влияние на исследования Хазарии в СССР, явился результатом опечатки. В общеизвестном издании хазарской переписки X в. при описании северной границы Хазарии вместо «40 фарсахов» проставлено «20 фарсахов». Д. Лудвиг обратил внимание в своей докторской диссертации, защищенной в университете г. Мюнстера, что эта ошибка была исправлена уже в списке опечаток, помещенном в конце книги П. К. Коковцова. Интересно также отметить курс, принятый на заседании АН СССР в июне 1952 г., согласно которому даже в истории Крыма должна была решительно подчеркиваться роль русского народа [8].

Состав перещепинского комплекса удобнее рассматривать по системе, разработанной Й. Вернером: вначале анализировать наиболее ранние находки, затем византийские и сасанидские настольные приборы и, наконец, группу вещей степного и византийского происхождения. После этого он изучил предметы личного убора. С точки зрения датировки и историко-этнической интерпретации находки следует учитывать только предметы степного и византийского происхождения. По мнению Й. Вернера, серебряные блюда Патернуса, епископа в Томи (около 520 г.) и Шапура II (309 — 379) являются более поздними (такой подход облегчит решение вопроса: когда и как создался состав погребального инвентаря).

Исходя из вещей перещепинского комплекса можно заключить, что здесь мы имеем дело с могилой представителя высшей степной знати, умершего около середины VII в. или несколько позже, имевшего тесные связи с Византией (хотя интенсивность этих связей до последнего времени не привлекла должного внимания [9]). Выводы Й. Вернера были в основном приняты [10]. При анализе аварской истории, кроме ранних, не упомянутых Й. Вернером результатов археологических исследований [11], он, вероятно, опирался на материалы еще полностью не опубликованной могилы аварского кагана, раскопанной в Кунсентмиклоше-Бабоне [12], где сочетались элементы местной и византийской культур. Для Й. Вернера мог иметь информативное значение и тот факт, что

находка в Кунсентмиклоше оказалась, очевидно, более «бедной», чем перещепинская. Следовательно, последняя, по всей вероятности, должна принадлежать государю более «богатому», чем один из потомков аварского кагана Байана, чья могила, очевидно, открыта в Кунсентмиклоше. Исследованный ранее набор поясных бляшек [13], изготовленный, несомненно, в византийской ювелирной мастерской, указывает на особенный ранг погребенного в Малой Перещепине вождя, ибо получить его, например, путем грабежа было почти невозможно. Й. Вернер показал, что, вероятно, упомянутый вождь был христианином [14], а этот факт также подтверждает последний вывод. К сказанному добавим, что это же можно предположить относительно келегейской находки, причисленной исследователями к перещепинскому кругу [15]. Й. Вернеру следовало бы упомянуть о византийских связях и вероятности исповедания христианства аварской княжеской фамилией, похороненной около 680 г. в деревне Мезесилаш-Тотипуста, связанной именно с расселением сыновей Куврата и переселением одного из них в Паннонию [16].

После краткого анализа раскопанных предметов Й. Вернер рассмотрел данные письменных источников о Куврате. Наиболее важный из них состоит в том, что присуждение сана patrikios-a сопровождалось дарением пряжки для пояса [17]. Однако при учете византийских связей стоило бы обращать внимание на проблему оногурского епископства, упомянутого в Natitia episcopatuum-e, записанной в VIII в. [18], ибо здесь возникает возможность установить связь между деятельностью этого епископства и дружескими отношениями Куврата с Византией [19].

Подводя итоги, Й. Вернер пришел к выводу, согласно которому перещепинская находка принадлежала вождю весьма высокого ранга, христианину, имевшему тесные связи с Византией, умершему в середине VII в. — то есть Куврату, князю Великой Болгарии. Отметим, что хотя Бона считал Куврата умершим в 668 г. и не отождествлял саму могилу с ним, он был первым, кто упомянул о находке в Малой Перещепине (в Новых Сенжарах и Келегее) в связи с окружением Куврата.

В конце книги помещено приложение В. Зейбта, посвященное толкованию двух византийских перстней с печаткой. По мнению В. Зейбта, одного из лучших специалистов по византийским монограммам, одна из них читается как «ХОБРАТОН», то есть «КОБРАТОС», а другая как «ХОБРАТОН ПАТРИКИОН». Наконец, Й. Вернер справедливо упоминает об истории одной выдающейся находки из могил раннесредневековой Западной Европы, когда с помощью надписи на перстне CHILDERICIRCIS сразу же удалось определить имя погребенного.

В свете вышеизложенного перед исследователями еще более четко поставлена задача выяснить, какие народы жили в VI — VII вв. в степной зоне западнее Северского Донца до хозарского завоевания этой территории, и определить их археологический эквивалент (до появления там памятников салтово-маяцкого типа). Последняя попытка решения этого вопроса проделана Гауссигом [20]. К сожалению, неизвестно, какими археологическими памятниками эти народы могут быть представлены. По моему мнению, вряд ли можно ответить на этот вопрос, ссылаясь только на пеньковскую культуру (поскольку она распространилась далеко не на всю степную зону).

Вполне естественно, что отождествление одной (пусть очень богатой) находки с конкретным историческим деятелем вызывает возражение со стороны исследователей, ибо в археологической науке очень редко встречаются такие возможности. Обращают внимание две рецензии на книгу Й. Вернера, которые не просто оспаривают возможность отождествления перещепинской находки с Кувратом [21].

Подвергать критике работу Й. Вернера возможно, ибо упомянутое отождествление сделано без подробного анализа самих находок и истории степи. Археологическая оценка находки готовилась без личного изучения предметов. 19 — 21 июля 1983 г. Й. Вернер посетил Государственный Эрмитаж, но его краткое пребывание не дало возможности тщательно изучить материал, а полученная информация не могла быть включена в работу, вышедшую в свет весной 1984 г. Что касается метода разработки источников, то об этом говорит

и заглавие книги: «Куврат, каган болгаров». Не исключено, что после прихода к власти Куврат действительно принял этот титул, однако подчеркнем, что ни один из источников не упоминает о том, что Куврат являлся каганом.

Состоятельность концепции подтверждается скорее правильным историческим предчувствием Й. Вернера и — еще раз подчеркиваю — ранее полученными итогами международного исследования, которые также шли в этом направлении. Однако большинство возражений носит иной характер.

Во-первых, нельзя не отметить личные мотивы Х.-В. Гауссига. Почему он констатирует, что в 1981 г. вместе с А. Банк он уже изучил хранящиеся в Эрмитаже материалы, а о конкретных результатах этих исследований нам не сообщает. Он рассматривает только типы и группы находок, а если и называет конкретную вещь, то ссылается не на первоначальное сообщение А. Бобринского, а на таблицы Й. Вернера. Статье Х.-В. Гауссига недостает личных впечатлений об отдельных предметах. Она, как подчеркивается во введении, является самостоятельным размышлением (добавлю, написанным только по поводу книги Й. Вернера). Критика Х.-В. Гауссига поспешна. Для его метода характерна произвольная трактовка и группировка источников, что свидетельствует о поверхностном знакомстве с соответствующей литературой. Ключевым для автора является слово «очевидно», служащее для введения иногда неоправданных и неоправдываемых утверждений. Так, по Гауссигу, например, парцирь, «сабля» * и сбруя перещепинской находки, «очевидно», представляют собой имущество враждебного полководца или короля, захваченное в битве; среднеазиатскую часть «клада», «очевидно», принесли с собой болгары, во время странствования с Востока на Запад и т. д. Неясно, имеет ли он в виду родство или иной путь наследования власти, когда говорит о том, что Гордас являлся одним из предшественников Аспаруха.

Такой тезис ничем не доказывается. Утверждение автора о том, что выступивший тогда же народ Муагериса состоял из буддистов, стало бы сенсацией, если бы получило подтверждение. Служащие подтверждением этой теории идолы из благородных металлов, упомянутые Феофаном, можно отождествлять скорее с хорошо известными у степных народов «балбалами» (каменными бабами). Утверждение Гауссига о том, что сосуды сасанидского и среднеазиатского происхождения из перещепинской находки похожи на те, которые видела византийская делегация Зимарха в 569 г. во дворе западнотюркского кагана Сизавулоса, является очень шатким. Сообщение Менандра настолько немногословно, что указать в нем какой-то конкретный тип посуды невозможно. Статья Гауссига обильно снабжена ссылками, но среди них можно долго искать названия основных трудов, посвященных проблемам, затронутым автором. Однако рассмотрим его представления о перещепинской находке.

Возражения Гауссига против отождествления находки в Малой Перещепине с Кувратом родились у письменного стола. Ибо наличие в могиле insignia, свидетельствующих о ранге патриция, имело бы значение только для патриция из Византии. Однако Куврат не жил в Византии и похоронен был не византийцами, а болгарами, по обычаю последних. И византийцы, и болгары в равной степени знали, что в данном случае мотивы дарения ранга носят личный и политический характер. Можно сказать, что ранг Куврата не представлял собой ничего большего, чем «patriciushonoris causa». Значение и религиозное содержание принятия Кувратом христианства могло сыграть такую же роль. Х.-В. Гауссиг, вероятно, исходит из умозрительного предположения, что в могилу «порядочного» христианина не могли положить ворованные, по его мнению, церковные сосуды, и, следовательно, сразу опровергает гипотезу о принадлежности покойного к христианству. Но поскольку нельзя доказать, что эти сосуды являются действительно грабительской добычей, один из его аргументов опровергается. Гауссиг не считается с веротерпимо-

* Гауссиг, как и критикуемый им Вернер, а также многие другие исследователи, употребляет термины «сабля» и «меч» в качестве синонимов. Этот спорный вопрос выяснен с помощью рентгеновских съемок, доказавших, что это мечи.

стью степных и вообще восточных народов. На основе археологических признаков очень трудно судить о религиозной принадлежности последних.

Этому кругу вопросов посвящена богатая литература, но нам достаточно обратить внимание только на народы восточноевропейской степи. Наиболее известна в этом отношении веротерпимость в Хазарском каганате. Здесь я могу сослаться на общеизвестный факт, что в последней четверти X в. венгерский великий князь Геза продолжал приносить жертвы языческим богам и после принятия христианства. Я могу сослаться и на венгерские кладбища XI в., на которых, в нескольких километрах от епископских центров, без особого соблюдения ритуала умершие хоронились в одежде и с предметами, напоминающими языческие. Я могу вспомнить и тех христиан, куманских аристократов XIII в., при похоронах которых приносили в жертву лошадей (Rubruk, VIII, *4* и *48*, табл. IV. 1). И наконец, возвращаясь к болгарам, существование упомянутого в «Notitia episopatuum» оногурского епископства также является историческим фактом, хотя его археологическое предметное и ритуальное отражение почти отсутствует.

Таким образом, факты из истории восточноевропейской степи раннего средневековья показывают, что у нас нет серьезных оснований сомневаться в христианстве погребенного в перещепинской могиле, но, с другой стороны мы должны считаться с тем, что археологическая наука очень редко способна несомненно доказать действительную христианскую принадлежность того или иного погребенного.

В этой связи трудно понять, на каком основании Гауссиг отрицает христианство погребенного из Малой Перещепины, если он считает находку трофеем, кладом? Он разделяет перещепинские предметы на пять групп. Две из них он связывает со Средней Азией, а три — с Византией. Типы предметов степного происхождения, в отличие от предыдущих исследователей, им причислены к византийским. По его мнению, они изготовлены в причерноморских мастерских, на заказ и вкус кочевников. Игнорирование общеизвестных степных аварских аналогий можно воспринимать как обычную небрежность, но в своем исследовании автор не обратил внимания на гипотезу хозарского происхождения перещепинской находки [22].

Х.-В. Гауссиг в своей работе высказывает предположение, что последний владелец находок являлся хазарином. Согласно этой концепции, хазары, прогнавшие Аспаруха до Онглоса, на обратном пути, дойдя до Днепра, держались берега Ворсклы, очевидно с целью дойти до Нижнего Дона, где якобы находились места их зимовки. Из-за большой добычи хазары двигались медленно, и поэтому они решили скрыть часть добычи среди холмов по берегам Ворсклы.

Вопросы, поднятые или затронутые в статье Х.-В. Гауссига, можно было бы долго обсуждать, однако и изложенное дает достаточную информацию о несостоятельности хода мыслей и метода автора.

Статья М. Казанского и П. Содини о книге Й. Вернера одновременно является и рецензией, и критикой. Здесь нам интересны, прежде всего, критические замечания авторов. Важнейшее из них состоит в том, что находка в Малой Перещепине, по их мнению, является не инвентарем из могилы, а кладом (их трактовка сближается с концепцией Гауссига только формально, а в мотивации и исторической интерпретации отличается от нее). Один из аргументов, подтверждающий эту концепцию, состоит в том, что упомянутые в первой публикации остатки дерева могли быть фрагментами ящика или коробки. В связи с этим мы можем отметить, что работа Н. Е. Макаренко и И. А. Зарецкого свидетельствует о том, что они восхищались необыкновенным богатством находки. И если они все-таки упомянули о «деревяшках», которые для них, очевидно, не представляли никакого интереса, то их количество и размер скорее всего свидетельствуют не об одной коробке. Напомним и о том, что с эпохи Хунну азиатские гунны в евразиатской степи раннего средневековья распространили обычай хоронить умерших в гробу [23].

В первом отчете речь идет и о том, что земля провалилась под ногами нашедшего комплекс человека [24]. Может это обстоятельство означает наличие могильного склепа, о котором писал Ибн Фадлан в X в., описывая похо-

роны хазарского кагана. К. М. Скалон удалось побеседовать с одним из тех, кто нашел перещепинский комплекс, а он отчетливо помнил о находке человеческих костей (остатки черепа и коленная чашка).

Другое возражение французских авторов против работы Й. Вернера связано с интерпретацией монограмм на перстнях. Против толкования монограммы, как принадлежавшей Куврату, они не выдвигают эпиграфические возражения, которые могут приниматься во внимание даже несмотря на восьмидесятилетнюю безуспешность исследований в этом отношении и на общие трудности толкования византийских монограмм. Вместо этого они ссылаются на могилу другого вождя гораздо меньшего ранга и, вероятно, не степного происхождения, где найден перстень, принадлежавший когда-то, исходя из монограммы, написанной на языке пехлеви, сасанидскому адвокату (вместо Йессена, опубликовавшего материалы могилы, было бы более справедливо ссылаться на В. Г. Луконина, сделавшего эпиграфическую расшифровку) [25].

Приведем еще пример тому, что французские авторы использовали не всю литературу, связанную с находкой в Малой Перещепине (что нельзя объяснить, например, малым объемом рецензии). Так, при определении хронологии одной из ключевых групп византийских монет они ссылаются на книгу Й. Вернера, но не на определение известного нумизмата Н. Бауера [26]. Й. Вернер тоже не знает о выводах Н. Бауера.

В статье французских авторов только книга Д. Ласло представляет венгерскую археологию в связи со всей проблематикой, да и то лишь в рамках общего упоминания о псевдопряжках и без постраничных ссылок. Заслуга Д. Ласло в исследовании перещепинской находки неоспорима так же, как ценны и его наблюдения о псевдопряжках. По моему мнению, в связи с этими типами находок нельзя игнорировать работы Н. Феттиха, которые хорошо известны международной научной общественности.

Традиционные методы археологической датировки состоят из анализа монет или изучения аналогий характерных находок [27]. В погребении, раскопанном в Малой Перещепине, terminis post quen определяется солидами Констанса II (641 - 648), чеканенными в 641 — 646 гг., то есть археологические аналогии здесь необходимы только для более узкой датировки [28]. Для подкрепления историко-этнических оценок некоторые исследователи добавляют определенный период к дате монеты последней чеканки, который должен был пройти от момента выпуска до попадания монеты в комплекс. Таким образом утвердилось мнение, согласно которому монеты Малой Перещепины попали в комплекс в конце VII — начале VIII в. [29] Другие исследователи датируют это событие серединой — второй половиной VII в. [30] Аналогии играют решающую роль при оценке этих двух подходов (какие и сколько предметов являются более древними и какие поздними?). Особенно важны многочисленные и существенные аналогии с комплексами аристократии раннеаварской эпохи Карпатского бассейна, которая, по мнению одних исследователей закончилась около 650 г. [31], а по мнению других — около 670 — 680 гг. [32] Как и почему это стало возможно? *

Исчерпывающее рассмотрение данного вопроса потребовало бы отдельной статьи, посвященной теоретико-методическому и историко-археологическому обоснованию целесообразности использования при датировке комплекса, раскопанного недалеко от Полтавы, группы находок, исследованных более чем в 1000 км от него. Поэтому коротко напомним: 1) состояние археологических исследований памятников раннего средневековья на территории между Северским Донцом и Дунаем заранее вынуждает нас использовать выводы, сделанные на основе находок, обнаруженных вне этой территории, так как число опубликованных южноукраинских кочевнических погребений VI — VII вв. насчитывает не более 20, а в Карпатском бассейне — несколько тысяч. Среди по-

---

* В данном исследовании используется метод датировки, при котором к дате последней чеканки добавляется одно-два десятилетия. Однако на основе каталогов Британского музея и новейших исследований уже ясно, что монеты из Малой Перещепины датируются первым периодом господства Констанса II, и, следовательно, применяя упомянутый метод, мы можем датировать находку серединой VII в., но не 80-ми годами.

следних некоторые датированы монетами (сводная обработка их Э. Гарам в печати [33]). Аварский материал многочисленный, его внутренняя хронология относительно хорошо разработана. 2) При изучении степных находок археологи нередко обращаются к материалам, раскопанным в далеко расположенных друг от друга пунктах [34]. Такой подход оправдывается и тем, что на территории евразийской степи, в зоне, расположенной от Алтая до Карпатского бассейна, известны однотипные находки (с локальными изменениями в типологии), отражающие модные течения, происшедшие одновременно и только с различиями в несколько десятилетий. 3) Восточноевропейская историческая наука почти единогласно отрицает [35] тот факт, что выдающиеся представители международной научной общественности однозначно признают то, что политическое господство аваров сохранилось в определенной части восточноевропейской степи даже после их переселения в Карпатский бассейн и что после обретения родины они, двигаясь с Запада на Восток, распространили там свою власть. Я имею в виду не столько спорные сведения «Повести временных лет» (см.: насилие аваров над дулебами, литература по данному вопросу весьма обширна). Возникло предположение о том, что эти события относятся к западным дулебам [36].

Здесь я пользуюсь возможностью обратить внимание исследователей на следующее: тщательный анализ доказал, что неоднократно цитированный текст «Повести временных лет» о вымирании аваров первоначально появился в среде паннонских дулебов об аварах. В Преславе под влиянием одного из писем патриарха Николая Мыстыкоса к болгарскому царю Симеону текст получил форму, сохранившуюся в киевской летописи [37].

Войну аваров против антов можно причислить к обыкновенным кочевническим набегам, хотя и в оценке грабительских войн в раннесредневековой Европе появляются новые черты. Новые исследования доказали, что грабительские набеги против соседей характерны не только для степных народов, но и являются обычным в общественном развитии по пути к феодальному строю (см.: термин «военная демократия»). Кроме общеизвестного примера викингов, следует упомянуть и набеги славян на Византию. Византийским войскам и воинам Каролингов война помогала грабить церковные и светские сокровища. Также было и с кочевниками, паразитический характер и отрицательную историческую роль которых старалась ранее доказать историческая наука [38].

Вернемся к антам. Известен источник, косвенно освещающий отношения аваров с антами. На основе сообщений Феофилакта Симоккаты и Феофана можно прийти к выводу о возможности существования между аварами и антами союзнических отношений, которые прервались в результате заключения последними какого-то тайного соглашения с Византией [Histoia, VIII. 5, 13, chonografhia 6094]. Последовавший после этого набег аваров [39], вероятно, представлял собой карательный поход. Такого рода переходы на другую сторону являлись довольно частыми среди союзников.

Чем же объяснить резкость реакции аваров (об антах в источниках больше уже не упоминается)? Говоря о совершенно иных событиях, Маврикий пишет, что авары очень расстраиваются, если с их стороны кто-то переходит на другую [Strategikomik 2, 22]. Поэтому мое осторожное предположение об этом состоит в следующем: возможно, гнев аваров против антов был вызван тем, что вассальный народ попытался вступить на путь самостоятельной политики *. Предположение о походе аваров в 602 г. представляет собой не более чем гипотезу, которую, вероятно, легко опровергнуть. Однако о власти аваров на востоке свидетельствует еще один, более определенно толкуемый факт (характерно, что отказавшаяся от аварского союза сторона и в этом случае обращается к Византии с целью найти союзника). Записка, написанная вскоре после событий и использованная патриархом Никифором, рассказывает о том, что Куврат во многих битвах одержал победу над «людьми» аварского кагана, находящимися у него, а потом заключил союз с Византией. Переводчики

* Чтобы избежать дальнейших дискуссий, я сознательно не хочу останавливаться на далеко идущем вопросе локализации населенной антами территории. Во всяком случае очевидно, что вышеупомянутая история свидетельствует о наличии сферы аварского влияния где-то на восточной от Карпат территории.

упомянутого источника трактуют это как знак господства аваров над Великой Болгарией.

Отметим, что некоторые восточноевропейские ученые тоже не отрицают априори политическое господство аваров в восточноевропейской степи [40]. М. И. Артамонов в этом вопросе колебался, считая господство аваров над кутригурами Приднепровья вероятным, однако, сомневаясь в отношении болгар.

Я подчеркиваю: и речи не может быть о том, что это обозначает реальную восточную границу аваров где-нибудь у Азовского моря (о наличии аварского влияния на восточноевропейские степи обобщенно говорится в малоизвестной статье) [41]. Эти (наверное, недолгие) аваро-булгарские вассальные отношения я сравниваю с некоторой зависимостью хазар от Западного тюркского каганата, длившейся до начала VIII в. Такое положение, учитывая огромное расстояние Карпатского бассейна, ни в коем случае не могло возникнуть в результате прямой военной оккупации и непосредственного обитания аваров. Скорее всего, оно представляло собой взаимовыгодный союз, конкретное содержание и направленность которого определились политикой против соседних хазар. Несомненно, что и это предположение также не выходит за рамки гипотезы, но все-таки основывается на конкретном источнике. В конце концов, мы должны учитывать и то, что штурм Константинополя аварами в 626 г. произошел в союзе с сасанидами [42]. А эта связь могла возникнуть только через восточноевропейскую степь.

Я обращаю внимание и на то обстоятельство, что как перещепинская, так и другие находки, датируемые VIII в. и найденные к западу от Дона (а следовательно, далеко от Хазарии), содержали в себе сасанидские или сасанидского облика находки: Глодосы, Вознесенка, Келегеи, Хомяково, Павловка и т. д. Их историческая оценка до сих пор еще не сделана *. Мы должны считаться и с тем, что сасанидские или среднеазиатские купцы и послы нередко посещали восточноевропейскую степь в VII в. Вот те исторические условия, которые не просто возможны, но и необходимы при использовании раннеаварских аналогий в оценке находки в Малой Перещепине.

Вернемся к аналогиям перещепинской находки. Я убежден, что не только их присутствие, но и отсутствие может дать хорошую информацию — в случае наличия качественно раскопанных, богатых находок, которые в культурно-этническом смысле роднятся друг с другом. При этом я считаю показательным то, что ни один предмет перещепинской находки, за исключением ритона (аналогии в Сегед-Атокхаза, Кундомб, Жей-Желовце, клад из Надьсентмиклоша), не сходится со среднеаварскими. Однако в результате хронологических соотношений видно, что при отнесении находок к среднеаварским мы имеем дело с продолжением местных традиций, а отдельные предметы упомянутого клада изготовлялись в различные эпохи и в различных мастерских.

Начало существования салтово-маяцкой культуры в археологической науке относится к середине VIII в. [43] Обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Однако отмечу, что не бесспорны как концепция, послужившая исторической основой вышеупомянутой датировки, так и господствующий, хотя и подвергающийся критике, метод, согласно которому при датировке комплексов к дате находок добавляют 50, а иногда и 100 лет.

А. К. Амброз спустя десятилетия увидел недостатки в собственной хронологической системе и поправил ее. Важную роль в этом сыграли материалы многочисленных могильников Прикамья, датированных монетами. А. К. Амброз высоко оценил работу Р. Д. Голдиной, где изложено противоположное мнение. В связи с вопросом методики датирования, для нас представляет интерес тот факт, что специалисты, отлично ориентирующиеся в

* На этом вопросе я коротко остановился в докладе «Восточное серебро в Прикамье и западнее Дона» (Всесоюзный конгресс финно-угроведов. — 1987, г. Ижевск).

условиях данных теорий, датируют появление отдельных типов вещей салтово-маяцкой культуры концом VII — рубежом VII — VIII вв. (датировка поясных пряжек салтовского типа [44]; салтово-маяцкая культура в Приднепровье [45]; керамика салтовского типа у Азовского моря [46], в Крыму [47], на Северном Кавказе [48]). Такую датировку, на мой взгляд, легче согласовать и с историей степи. Исходя из этого я ранее высказал предположение, что погребение в Малой Перещепине совершено во второй трети VII в. [49] Для нее очевидно отождествление перещепинской находки с Кубратом — особенно в свете расшифровки монограмм перстней. Следовательно, искать объяснение выбора места погребения мы должны все-таки в болгарской истории и личной судьбе Куврата. Можно предположить следующее: после битвы с хазарами Куврат двинулся на Запад, на землю родственных и союзных (вассальных) кутригуров («котрагов»). Не исключено, что это движение могло быть скорее планомерным переселением, чем паническим бегством, ибо одного разбитого и ограбленного вождя не похоронили бы так пышно. Следовательно, предположительно, Куврат и его народ временно нашли себе новую родину на левом берегу Среднего Днепра, пока хазары окончательно не разгромили их. Напомним один текст — кстати, весьма спорный — хазаро-еврейской переписи: «... они (т. е. болгары. — *Ч. Б.*) оставили свою страну и бежали, а те (т. е. хазары. — *Ч. Б.*) преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени Дуна» [50].

Подводя итоги, я хочу подчеркнуть, что полное осмысление перещепинской находки еще впереди. Неоценимую услугу в этом отношении окажет коллектив Гос. Эрмитажа, подготавливающий издание всего материала комплекса совместно с Институтом Археологии Венгерской Академии наук. Видимо, настоящее изучение комплекса из Малой Перещепины начнется только после публикации этой работы.

[1] *Зарецкий И. А.* Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии // Тр. Полт. Ученой Комиссии. — 1912. — Вып. 9; *Бенешевич В., Фармаковский М.* К изучению перещепинского клада // ИАК. — 1919. — Вып. 49; *Бобринский А.* Перещепинский клад // МАР. — 1914. — Вып. 34.

[2] *Семенов А. И.* К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АСГЭ. — 1986. — Вып. 27.

[3] Werner *J.* Der Grabfund von Malaja Perescepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. — Munchen, 1984.

[4] *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в первом тыс. н. э. // СА. — 1955. — С. 68.

[5] *Иванов П.* Об одной ошибочной концепции // Правда, 25 декабря 1951 г.

[6] *Артамонов М. И.* Белая вежа // СА. — 1952. — № 16. — С. 42.

[7] *Рыбаков Б. А.* Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // СА. — 1953. — № 17.

[8] *Селюк С.* За глубокое изучение истории Родины // Правда, 4 июня 1952 г.; *Szyszman C.* Les Khazares. Problemes et controverses // Revue de l'histoire des religijns. — 1957. — N 52. — S. 176 — 210.

[9] *Bona I.* A nepvadorlas kora Fejer megyeben // Fejer megye tortenete. Fejer megye tortenete az oskortol a honfoglalasig 5. — Szekesfehervar, 1971. — S. 260.

[10] *Marosi A.* — *Fettich N.* Trouvailles afares de Denapentele // AH 1936. — 18. — S. 59 — 63; *Csallany D.* Szegedi avarkori sirleletek es hunbolgar ivokurtok regeszeti kapcsolatai. // AE 1946. — 1948. — S. 358 — 359; Laszlo Gy. Etudes archeologiques sur l'histoire de la societe des Avars // AH. — 1955. — N 34. — S. 278 — 284.

[11] *Garam Sz.* E. Adatok a kozepavar kor es az avar fejedelmi sirok regeszeti es torteneti kerdeseihez // FA. — 1976. — N 27. — S. 136 — 143; *Horvath T.* Die awarischen Graberfelder von Ullo und Kiskoros // AH. — 1935. — N 19. — S. 124; *Toth H. E.* Preliminary Account of the Avar Princely Find at Kunbabony // Cumania. — 1972. — N 1. — S. 146 — 158; *Kovacevic J.* Avarski kaganat. — Beograd, 1977. — S. 73 — 77; *Erdelyi* I. Az avarsag es Kelet a regeszeti forrasok tukreben. — Budapest, 1982. — S. 30 — 36.

[12] *Toth H. E.* Opt. cit.; *Toth H. E.* A kunbabony avar fejedelem. — Budapest; Kecskemet, 1971; *Toth H. E.* Nezzuk meg egyutt. — Muveszet. — N 16. 1976 junius.

[13] *Мацулевич Л. А.* Большая пряжка перещепинского клада и псевдопряжки // Seminarium Kondakovianum. — 1927. — S. 124 — 140.

[14] *Werner I.* Opt. cit. — S. 40.

[15] *Фабрициус И. В.* Літопис Музею Херсонеса, 1927. — № 8. — С. 15 — 16; *Marosi A.* — Fettich N. Opt. cit. — S. 59. — Abb. 22; *Fettich N.* Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn //

АН. — 1937. — N 21. — T. CXXVIII, I; CXXIX, 1 — 46; *Смиленко А. Т.* Речові скарби // Археология Украинской РСР. — Київ, 1975. — Т. 3. — С. 176.

[16] *Bona I.* Opt. cit. — S. 248, 250.

[17] *Werner I.* Opt. cit. — S. 40 — 41.

[18] *Moravcsik Gy.* Opt. cit. — S. 68; *Noonan Th. S.* Why Dirhams first reached Russia: the Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // AEMAE. — 1984. — N 4. — S. 239.

[19] *Moravcsik Gy.* Studia Byzantina. — Budapest, 1967. — S. 251 — 257.

[20] *Haussig H. W.* Die ethnichen Verhalthisse der Spatantike und des fruhen Mittelalters in Sydru 31. // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor und gruhgeschichtlicher Zeit in Mittel- und Nord Europa. — Gottingen. — 1987. — Balint Cs. Die Archoologie der Steppe...

[21] *Haussing H. W.* Einige Bemerkungen zu der Arbeit von J. Werner uber den Schatz von Malaja Peresc serina. // Meterialia Turcica. — 1984. — 10; Kazanski M., *Sodini J.-P.* Byzance et l'art «nomade»: Remarques a propos de l'essai de J. Werner sur 1 depot de Malaja Perescepina (Perescepino) // Revue Archeologique. — 1987. — N 1.

[22] *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. — С. 68; *Маршак Б. И., Скалон К. М.* Перещепинский клад. — Ленинград, 1972. — С. 10; *Noonan Th. S.* Russia the Near and the Steppe in the Early Medieval Period // AEMAe — 1982. — N 2. — S. 283.

[23] *Tomka P.* Adatok a Kisalfold avar kori nepessegenak temetkezesi szokasaihoz // Arrabona. — 1977 — 1978. — N 19 / 20. — S. 71 — 85.

[24] *Зарецкий И. А.* Указ. соч. — С. 182.

[25] *Луконин В. Г.* Надпись на перстне из кургана Уч-тепе // МИА. — 1965. — 125. — С. 113.

[26] *Bauer N.* Zur byzantinischen Munzkunde // Frankfurter Munzzeitung, 1931. — N 2. — S. 228.

[27] *Балинт Ч.* О датировке центрально- и восточноевропейских древностей раннего средневековья // Interaktionen der mitteleuropaischen Slaven und anderen Enthnika im 6. — 10. Jahrhundert. — Nitra, 1984.

[28] *Bauer N.* Op. cit. — S. 228; Hahn W. Moneta inperii Byzantini, II. Osterreichic she Akademie der Wissenschaften, Phil. Hist. Klasse, Denkschriften N 148, 1981. — S. 136.

[29] *Бобринский А.* Указ. соч. — С. 119; *Tallgren A. M.* Zur osteuropaischen Archaologie // Finnisch-ugrische Forschungen. — 1929. — Vol. 20. — S. 45; *Fettich N.* Zum Problem des ungarlandischen Stils II. — S. 321, 9; *Смиленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II — XIII ст.). — К., 1975. — С. 116 — 117; *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи в первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С. 21.

[30] *Marosi A., Fettich N.* Opt. cit; *Csallany D.* Opt. cit; *Laszlo Gy.* Opt. cit. — S. 278 — 284; *Balint Cs.* Vestiges archeologiques de L'epoque fardive des Sassanides et leurs relations avec les peuples des steppes // ААН. — 1978. — N 30. — S. 196.

[31] *Cillinska Z.* Frauenschmuck aus dem 7-8. Jahrhunndert im Karpatenbecken // SA. — 1975. — N 23. — S. 92, p. 12; *Daim F., Lippert A.* Das awarische Graberfeld von Sommerein am Leit hagebirge, NO. // Studien zur Arcgaologie der Awaren. — 1984. — N 1. — S. 61 — 91.

[32] *Laszlo Gy.* Opt. cit. — S. 221; *Vinski Z.* Zu den Funden des 6. und 7. Jahrhunderts in Jugoslawien mit besonderer Berucksichtung der archaologischen Hinterlassenschaft aus der ersten awarischen Kaganats. // Opuscula Archeologica, 1958. — N 3. — S. 58; *Kovrig I.* Das awarenzeitliche Graberfeld von Allatyan // AH. — 1963. — N 40. — S. 227 — 230; *Bona J.* Opt. cit. — S. 259; *Garam E.* Das awarenzeitliche Graberfeld von Kiskore // Budapest, 1979. — S. 53 — 73; *Comsa M.* Ostliche Elemente in Karpaten-Balkan-Raum in 7.-8. Jh. // Beitrage zur Ur- und Fruhgeschichte 1982. — N 2. — S. 39.

[33] *Daim F., Lippert A.* Opt. cit. — S. 84 — 85.

[34] *Амброз А.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — № 2; *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразиатские степи IV — IX вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972.

[35] *Погодин А.* Из истории славянских передвижений. — СПб., 1901. — С. 59, 61; *Мерперт Н. Я.* Авары в Восточной Европе // Очерки истории СССР III — IX вв. — М., 1958. — С. 584; *Мерперт Н. Я.* Древнейшие болгарские племена в Причерноморье // Очерки истории СССР III — IX вв. — М., 1958. — С. 596; *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 174 — 176, 59 — 66.

[36] *Vaczy P.* Der frankische Krieg und das Volk der Awaren // Acta Antiqua Academiarum Scienciarum Hungaricea. — 1972. — 20; *Kollautz A.* Nestors Quelle uber die Unterdruckung der Duleben durch die Obri (Awaren) // Die Welt der Slawen. — 1982. — N 27.

[37] *Vaczy P.* Opt. cit. — S. 403.

[38] *Kristo Gy.* Magyar kalandozo nagyarok // Fejezetek a regebbi magyar tortenelembol. — Budapest, 1981; *Duby G.* Guerriers et.

[39] *Marquart J.* Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. — Leipzig, 1903. — S. 127.

[40] *Королюк В. Д.* Авары (обры) и дулебы русской летописи // АЕ. — 1962; *Амброз А. К.* Указ. соч. — С. 122; *Артамонов М. И.* История хазар. — Ленинград, 1962.

[41] *Marquart J.* Die altbulgarischen Ausdrucke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Furstenliste. Отдельный оттиск из ИРАИ в Константинополе. — 1911. — № 15. — S. 13; *Szadeczky-Kardoss S.* Uber die Wandlungen der Ostgrenze der awarischen Machtsphare // Researches in Altaic Languages. — Budapest, 1975. — S. 267 — 274.

[42] *Besevliev Ves.* Opt. cit. — S. 119 — 123. *Balint Cs.* Die Archeologie der Steppe // Wien — Koln, 1989. — S. 107 — 109.

[43] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура // МИА. — 1967. — Вып. 142. — С. 64.

[44] *Голдина Р. Д.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье // КСИА. — 1979. — № 178; *Геринг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. // КСИА. — 1979. — № 158. — С. 100 — 101.

[45] *Сухобоков О. В., Юренко С. П.* Этнокультурные процессы на территории Левобережной Украины в I тыс. н. э. // Проблема этногенеза славян. — К., 1978. — С. 139. — Рис. 3, *8*.

[46] *Гадло А. В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII — X вв. // Вестник Ленинградского Университета. — 1968. — № 14, 3. — С. 29.

[47] *Баранов И. А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска — Преслав. 1981. — С. 57 — 61.

[48] *Флеров В. С.* О хронологии салтово-маяцкой культуры // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону, 1983. — С. 103 — 106.

[49] *Balint Cs.* Opt. cit. — S. 196.

[50] *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. — Ленинград, 1932. — С. 32.

О. М. Приходнюк

ВЕРСИЯ НЕСТОРА О РАССЕЛЕНИИ СЛАВЯН ИЗ ПОДУНАВЬЯ (ОПЫТ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

«Повесть временных лет» Нестор-летописец начинает с пересказа библейского текста о вавилонском столпотворении. После того, как была разрушена башня и разделены народы «По мнозех же временах сели суть словене по Дунаеви, къде ныне Угърьска земля и Българьска. И от тех словен разидошася по земли и прозвашися имены своими, где седша на котором месте. Яко пришедше седоша на реце имянем Морава, и прозваша морава, а друзии чехи нарекошася. А се ти же словени; хорвати белии и серебь и хорутане. Волохом же нашедшемъ на словени на дунайския, и седшем в низ и населящем им, словени з они пришедши и седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи ини мазовшане, ини поморяне. Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесех; а друзии седоша межню Припетью и Двиною и нарекошеся дреговичи; иние седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, я же втечет в Двину, имянем Полота, от се я прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянем, сделаша град и нарекоша и Новгород. А друзии седоша по Десне, и посеми по Суле, и нарекошася север. И тако разидися словеньский язык, семже и грамота прозвася словенская» [1].

Летописное, полулегендарное упоминание о пребывании славян в Подунавье было положено в основу дунайской теории происхождения славян. Версию Нестора поддерживали: Богухвал (XIII в.), Винцентий Кадлубек (XIII в.), Прибик Пулкова (XIV в.), Ян Длугош (XV в.), Матвей Меховит (XV — XVI в.), С. Герберштейн (XVII в.), М. Френцель (XVII — XVIII в.), И. Гаттерер (XVIII в.), С. М. Соловьев, Д. Я. Самоквасов, Л. Леонардов, М. Заборовский, О. Н. Трубачев и др. Вместе с тем, значительная часть историков не разделяет такой взгляд на происхождение славян. Среди них: Гвидо из Пизы (XII в.): Дубравский (XV в.), Григорий из Санока (XV в.), Бернард Вановский (XV — XVI вв.), Мавро Орбини (XVI — XVII вв.), Фауст Вранич (XVII в.), В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, П. Шафарик, Л. Нидерле, И. А. Хойновский, А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, М. Грушевский и др. [2]

К версии Нестора о пребывании славян на Дунае исследователи относились и относятся максималистски, не вдаваясь глубоко в анализ и сопоставления этого летописного сообщения с другими письменными и археологическими источниками. Недостаточно внимания уделялось и хронологической стратификации этого события.

Следует подчеркнуть, что согласно летописи, славяне не были коренными обитателями Подунавья, а лишь «По мнозех же временах сели суть словене по Дунаеви». То есть, там они были пришлым населением. Из произведений раннесредневековых авторов мы знаем, что только в третьей четверти I тыс. н. э. (и не ранее этого времени) славяне проводили активную политику на Балканах. Дело в том, что в Карпато-Дунайском бассейне в первые века нашей эры размещался римский Дакийский форпост, препятствующий проникновению «варваров» в среду нижнедунайской цивилизации. После его эвакуации в 271 г. в Нижнем Подунавье появляются племена, продвинувшиеся с востока: гунны, готы, авары, тюрко-болгары, славяне и другие, активно влиявшие на ход европейских событий в Балканском регионе. Среди этих племен в борьбе с Византией, как свидетельствуют письменные источники, важнейшую роль играли славяне. Прокопий Кесарийский, Иордан, Иоанн Эфесский, Феофилакт Симокатта, Псевдо-Маврикий, Менандр и др. неоднократно упоминают в своих сочинениях племена славян, успешно совершавших набеги на Придунайские провинции. С начала VI в. граница Византии, проходившая по Дунаю, практически перестала существовать, славяне свободно переходили ее [3], неоднократно брали множество придунайских крепостей, городов и гарнизонов [4]. Как северная граница Византии Дунай в последний раз упоминается под 600 г. [5] Несмотря на это, только в 547 — 548 гг. славяне проникли в глубь Византийской империи, «произведя ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна» [6]. То есть, сначала это были отдельные набеги с целью получения добычи. Прокопий подчеркивал, что ограбив провинции, славяне всегда возвращались домой [7]. Однако постепенно они действуют решительнее и уже в 550 — 551 гг. славяне решились перезимовать на Правобережье Дуная. Наиболее интенсивно они колонизовали северо-восточную часть Балканского полуострова между 580 — 650 гг. О том, что славяне прочно обосновались в это время в Карпато-Дунайских землях, свидетельствует тот факт, что византийские историки иногда называли славян гетами, считая их потомками местных дакийских племен. Феофилакт Симокатта писал: «Войска гетов, а иначе говоря, — толпы славян сильно опустошили область Фракии» [8]. В своем сочинении он еще несколько раз называет славян гетами.

Славяне стали полными хозяевами освоенных ими земель. Иоанн Эфесский писал в 80-е годы VI в.: «В третьем году после смерти царя Юстиниана и воцарения победителя Тиверия свершил нападения проклятый народ славяне. Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяв пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как в своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на восток, по причине этого они растеклись по земле, осели на ней теперь, пока допускает их Бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных, так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны, много тысяч [голов] и другую разную [добычу]. Вот и до сего дня они остаются, живут и спокойно пребывают в стране ромеев — люди которые не смели [ранее] показываться из дремучих лесов и мест, защищенных деревьями» [9].

На новые территории славяне принесли более архаичную культуру, что засвидетельствовано археологическими источниками. В северо-восточной части Балканского полуострова высокоразвитую провинциально-римскую культуру в VI — VII вв. н. э. сменяет примитивная культура славян. Там появляются поселения, где основным типом жилищ становятся четырехугольные полуземлянки (пос. Джеджови Лозя и др.), бескурганные могильники с погребениями, выполненными по обряду кремаций (могильники Гарван, Бабово, Юпер и др.) [10]. Среди находок преобладает лепная керамика: горшки с округлобоким корпусом, сковородки и др. Вместе с тем, встречаются и гончарные изделия шаровидных форм, истоки которых прослеживаются в позднеримском гончарстве.

Местная и центральная власти Византии не могли помешать колонизации Балкан славянами. Поскольку византийская администрация была вынуждена вступать в отношения со славянскими общинами, юридически регламентируя их, М. Ю. Брайчевский пришел к выводу, что «Земледельческий закон» VIII в. и был призван сыграть именно такую роль. Этот закон «является памятником, отражающим развитие не столько собственно византийского общества, сколько славянской общины, осевшей на византийских землях и попавшей в сферу императорской юрисдикции» [11].

Ни до, ни после этого времени таких масштабных переселений славян в Подунавье больше не было. Поэтому летописную версию о пребывании там славян скорее всего следует связывать с VI — VII вв.

Приведенные выше факты убеждают, что летописное сообщение о переселении славян в Подунавье имеет под собой историческую почву. Оформляя его Нестор пользовался устными преданиями, а, возможно, и ранневизантийскими письменными источниками.

Так же можно найти конкретно-историческое объяснение и второй части Несторовского сообщения, если не воспринимать его буквально, безоговорочно следуя за летописцем. «И от тех словен разидошася по земли и прозвашися имены своими» — читаем у Нестора. Возникает вопрос, что побудило славян покинуть с таким трудом колонизированные земли? Были те отселения поголовными или только частичными? Об этом в «Повести временных лет» не говорится. По нашему мнению, ответ на поставленные вопросы кроется в сообщениях Феофана Исповедника (760 — 818 гг.) и патриарха Никифора (ок. 758 — 829 гг.), которые свидетельствуют о том, что болгары во главе с ханом Аспарухом попав на Балканы в 680 г. застали там группу славянских племен, с которыми образовали болгаро-славянское государство.

Однако вначале болгаро-славянские отношения не были мирными. Согласно Феофану, болгары, переправившись через Дунай, покорили «из живущих там племен славинов, так называемые семь родов, северов... которые платили им дань» [12]. Попав на Балканы, подтверждает Феофана Никифор, болгары «подчиняют живущие поблизости славянские племена и одним из них поручают охранять [области], прилегающие к аварам, другим — смотреть за соседними с ромеями [землями]. Укрепившись и умножившись благодаря этому, они нападают на села и города Фракии и опустошают их. Императору, видевшему все это, пришлось заключить с ними договор об уплате дани» [13]. Это событие не прошло мимо внимания Нестора, который отмечал насилия, творимые болгарами над славянами в Подунавье. «Словенску же языку, якоже рекохом, живущю на Дунаи, придоша от скуф, рекше от Козар, рекомии болгаре и седоша по Дунаеви, населниц словеном беша» [14].

С приходом болгар в северо-восточную часть Балканского полуострова сложилась примерно такая же ситуация, как и в Среднем Подунавье с появлением там волохов. Нестор пишет: «Волохом же нашедшемъ на словени на дунайския, и седошем в низ и населящем им, словени з они пришедши и седоша на Висле, и назвашася ляхове» [15]. Однако эти отселения славян были частичными: «по сем же Угре прогнаша волохи и наследища землю ту, и седоша с словеньми, покорившея под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» [16].

Приход болгар на Балканы привел, по-видимому, и к оттоку части населения, и к переселению их на свои исконные территории. В частности, Б. Достал отметил появление в это время на городище Бжецлав-Поганско в Словакии среди моравской керамики посуды дунайского типа [17]. С отселениями из Нижнего Подунавья в конце VII в. исследователи связывают появление богатых кладов из Земянского Врбовка в Словакии и Залесья в Среднем Поднестровье [18]. Выходцами из Нижнего Подунавья, по-видимому, были мастера, оставившие клад костяных формочек в Костешти-Яссы (Румыния), клад каменных литейных формочек в Бернашевке (Средний Днестр) и клад украшений в с. Большие Будки (Сумщина), где встречаются вещи или их изображения дунайского типа. С Подунавьем связано и большинство ювелирных изде-

лий Зимновского городища на Волыни. Это пряжки с фигурными геральдическими щитками, геральдические поясные бляшки и поясные наконечники, которые датируются второй половиной и последней четвертью VII в. н. э. О том, что они или, как минимум, часть из них не были дунайскими импортами свидетельствуют литейные приспособления, формочки и мастерские на городище, связанные с местной ювелирной обработкой цветных металлов и серебра [19]. Свидетельством этому являются ремесленные комплексы с. о. Мытковского на Южном Буге [20].

Особенно интересные материалы, свидетельствующие о переселении славян из Подунавья, получены при раскопках Пастырского городища, расположенного на пограничье Лесостепи и Степи возле с. Пастырское, Смилянского района, Черкасской области. Пастырское городище являлось ремесленным центром, где работали высококвалифицированные ремесленники: гончары, кузнецы и ювелиры. Их продукция выгодно выделяется среди изделий восточных славян высоким качеством. Например, на всех восточнославянских памятниках данного времени преобладала лепная керамика. В то же время, на городище большой процент составляют высококачественные гончарные изделия, которые лишь изредка встречаются на других славянских памятниках, куда они попали с Пастырского. Там найдено более 100 предметов ювелирных изделий из меди, бронзы, серебра и золота. На территории городища обнаружено несколько кладов женских украшений. Массовость таких находок и наличие многочисленных украшений, изготовленных по одному шаблону или по одной модели, указывает на их местное производство. Неоспоримым доказательством этому является набор инструментов, связанных с ювелирной обработкой цветных и благородных металлов, найденный на Пастырском городище в 1991 г. Изделия из черных металлов более высокого качества и широкого ассортимента. На городище обнаружена даже кузница с полным набором кузнечных инструментов [21].

Гончарная посуда Пастырского городища также высокого качества. Ее изготовляли высокопрофессиональные ремесленники на быстром гончарном круге и обжигали в специальных гончарных горнах. На дне одного из горшков обнаружено клеймо мастера в виде рельефного креста (рис. 1.1). Посуда изготовлялась из плотного глиняного теста с примесями песка и слюды. Цвет серый, черный, реже светло-кирпичный. Преобладающими среди гончарных изделий являются округлобокие, почти шаровидные горшки. Между ними заметна небольшая разница в размерах, расположении наибольшего расширения корпуса в оформлении венчиков и орнаментации. Высота горшков колеблется от 14 до 24 см. Среди гончарной пастырской посуды очень редко попадаются неорнаментированные, лощеные изделия. Чаще всего корпус украшен лощеным и врезным орнаментом. Прослеживается две системы орнаментации. Первый — когда однотипный орнамент наносился почти по всей поверхности горшков: вертикальные лощеные линии (рис. 1,*2,4*), сетки (рис. 2, *3*). Второй — когда корпус разделен горизонтальными, различными по сложности, фризами, то есть на середине или верхней трети высоты (рис. 1,*5*; рис. 2,*1,2,4*). Нижняя часть корпуса оставалась неорнаментированной, или же украшалась вертикальными лощеными линиями. Основное внимание уделялось оформлению фриза и верхней части изделий. На Пастырском городище найдены гончарные миски (рис. 2, *7*), кувшины (рис. 2, *3* — *5*), амфоры (рис. 2, *8*).

Лепная кухонная пастырская керамика серо-коричневого, черно-коричневого и коричневого цветов с бугристой поверхностью и примесями дресвы, шамота и песка в глиняном тесте. Высота от 10 до 28 см. Наиболее многочисленную группу составляют приземистые с широким корпусом изделия, у которых максимальное расширение приходится на верхнюю треть изделий (рис. 3, *1*) или середину высоты (рис. 3, *2, 6*). Менее распространены горшки с открытой горловиной и коническим корпусом (рис. 3, *3*), вытянутые со слабо профилированным корпусом (рис. 3, *4*), биконические сосуды (рис. 3, *5*). У всех венчик более или менее отогнут наружу, иногда с пальцевыми вмя-

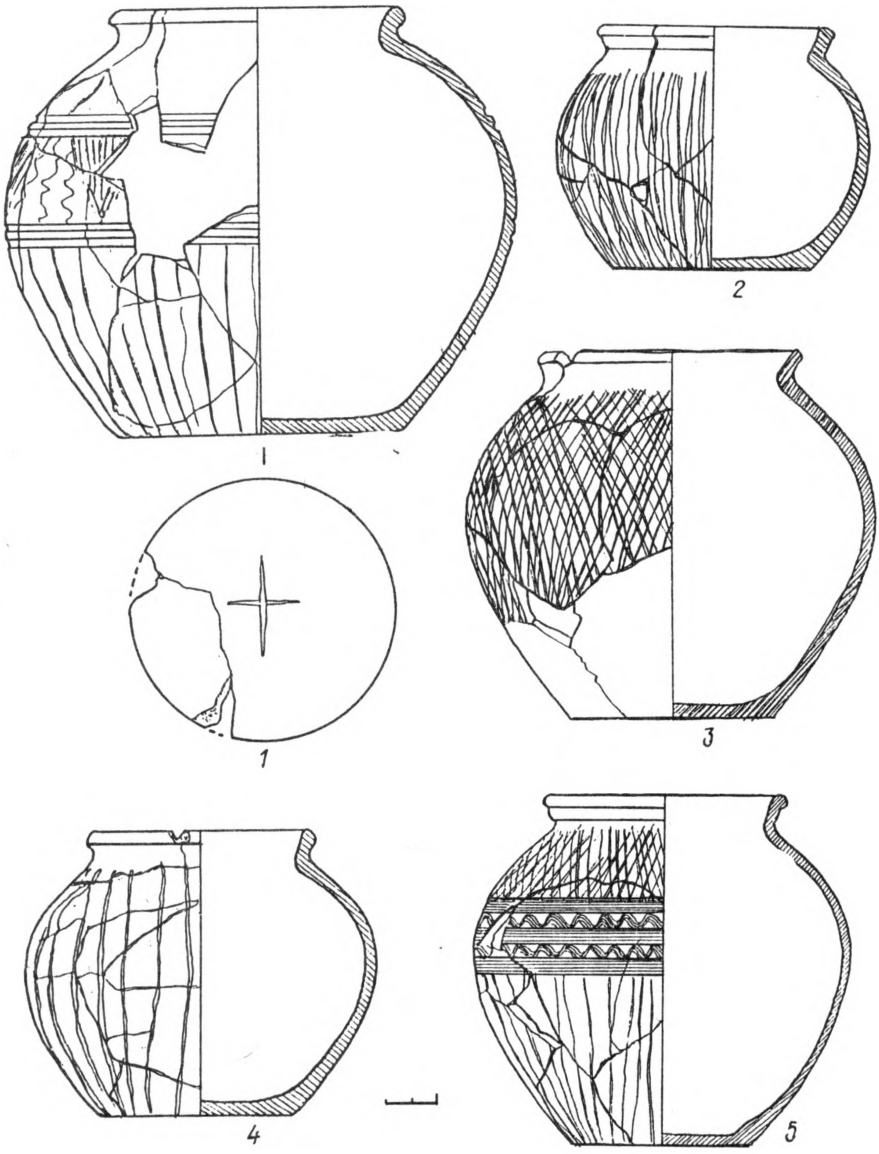


Рис. 1. Гончарные горшки (*1* — *5*) с Пастырского городища.

тинами или насечками по краю (рис. 3, *4*, *5*). Изредка встречаются сковородки (рис. 3, *7*).

Следует подчеркнуть, что ни на одной из синхронно близкой Пастырскому археологическом памятнике Восточной Европы не встречается в таких количествах шаровидная гончарная керамика. Раннесредневековые древности пражского, пеньковского, колочинского типа, типа Сахновки и Луки-Райковецкой представлены лепной посудой. Лишь на финальной стадии культуры Луки-Райковецкой появляются примитивно-гончарные изделия, которые ничего общего не имеют с высококачественной гончарной посудой Пастырского городища.

Лепные наборы Пастырского больше всего похожи на керамический комплекс славянских древностей этапа Сахновки, датируемый концом VII — се-

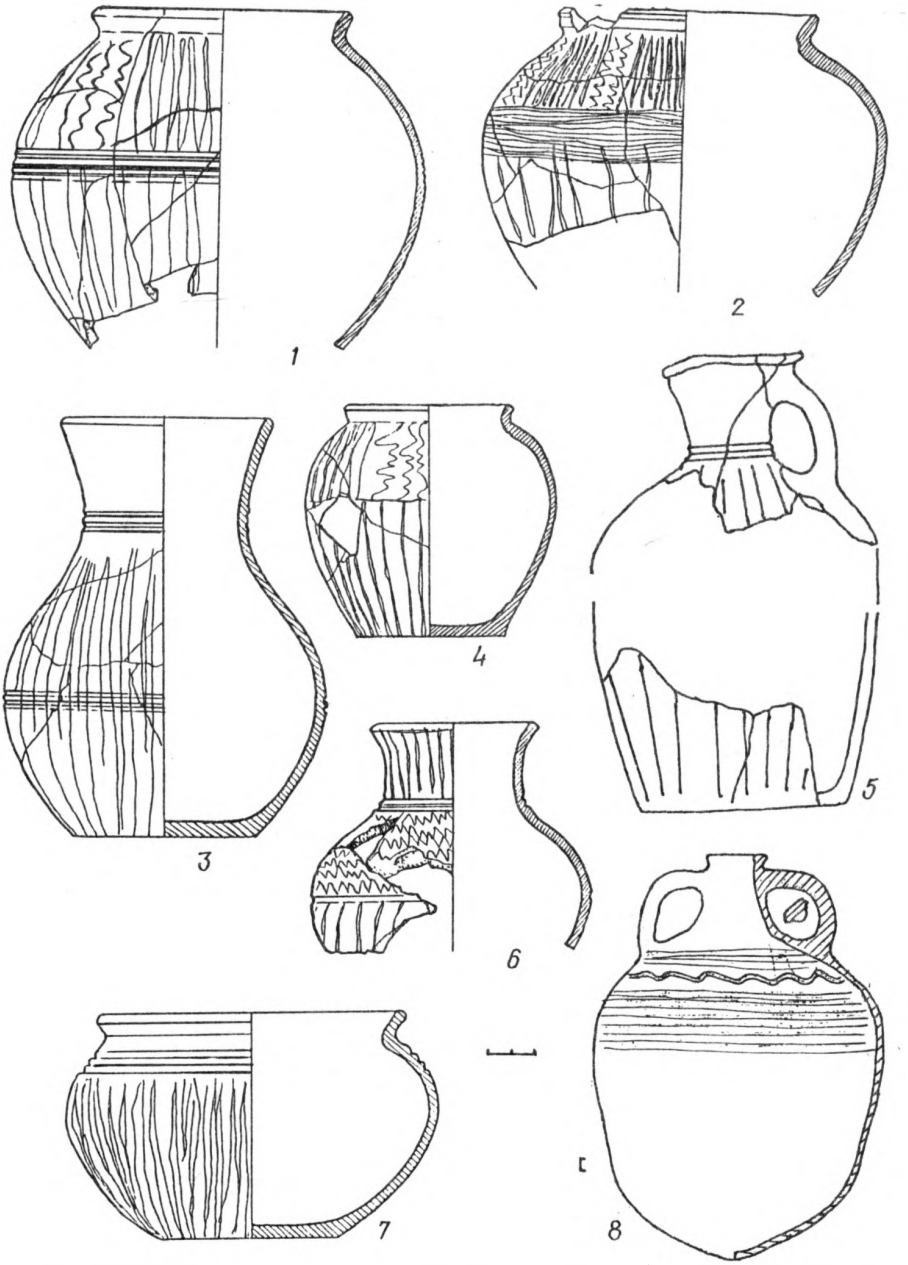


Рис. 2. Гончарные горшки (*1, 2, 4*), кувшины (*3, 5, 6*), миска (*7*) и амфора (*8*) с Пастырского городища.

рединой VIII в. [22] Вместе с тем, лепная кухонная посуда Пастырского городища очень близка к лепной раннесредневековой керамике Нижнего Подунавья. В частности, это относится к славянским памятникам VI — VII вв. с территории Северо-Восточной Болгарии [23].

Нет сомнений, что пастырская гончарная шаровидная керамика берет свое начало в позднеантичном гончарстве. В частности, черняховские шаровидные изделия, возникшие под провинциально-римским влиянием, очень напоминают пастырские горшки. И если бы не хронологический разрыв между временем существования черняховской культуры (конец II — начало V в.) и Пастырским городищем (конец VII — середина VIII в.), то такие истоки пас-

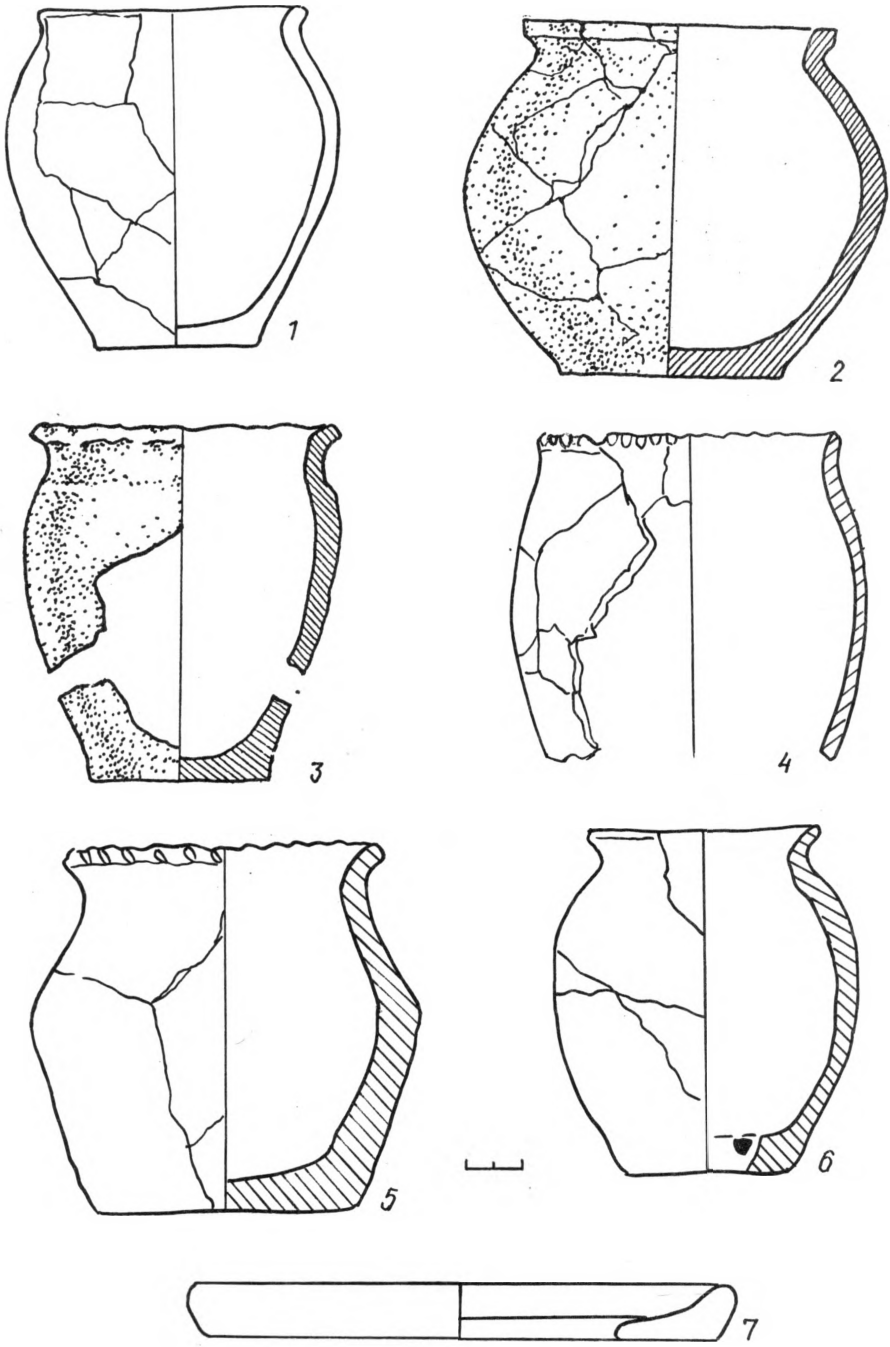


Рис. 3. Лепные горшки (*1 — 6*) и сковорода (*7*) с Пастырского городища.

тырских гончарных горшков были бы очень вероятными. Однако существующая между ними хронологическая лакуна делает такой генезис пастырской керамики невозможным. Ее истоки следует искать там, где есть синхронные Пастырскому памятники с гончарной посудой. Такой территорией является Нижнее Подунавье, где беспрерывная линия развития шаровидных горшков прослеживается от эпохи античности до IX в. н. э. [24] На славянских памятниках с территории Северо-Восточной Болгарии, датирующихся VI — VII вв.

шаровидная гончарная посуда найдена в могильниках с трупосожжениями из Гарвана, Бабово, Юпера, могильнике Сарата-Монтеору в Румынии *.

Помимо шаровидной формы корпуса, пастырскую гончарную керамику с придунайской сближают и орнаментальные мотивы. На Придунайских горшках встречаются горизонтальные канелюры-фризы, лощеные вертикальные линии, сеточки и треугольники [25]. Вообще, мастера Пастырского пошли значительно дальше в украшении керамики. Ее орнаментация в сравнении с придунайской посудой намного разнообразнее.

Амфоры аналогичны пастырским типа Карфаген-2 (рис. 2,*8*). Впервые они появляются на побережье Боспора и Дунайском лимесе в начале VI в. Позже, особенно во времена Юстиниана (*527 — 565*) они распространяются на других территориях. Такие амфоры хорошо известны в Причерноморье и Средиземноморье вплоть до Галлии на западе [26]. В Причерноморско-Подунайском регионе они найдены в Варне, Истрии, Яссах, при исследовании погребения аварского кагана из Кунбабони в Венгрии [27] и др. местах.

Кувшины являются той немногочисленной частью керамического набора Пастырского городища, которая сближает его с салтовской культурой. С появлением болгар Аспаруха на Балканах славянские могильники с трупосожжениями сменяются биритуальными с трупосожжениями и трупоположениями. Кувшины становятся одной из ведущих форм ритуальной посуды [28]. Один из Пастырских кувшинов с ручкой мог быть салтовским импортом (рис. 2,*5*). Другие — местного производства. В их оформлении гончары Пастырского внесли некоторые изменения. Сказанное относится к формам изделий, отсутствию ручек, орнаментации (рис. 2, *3,6*).

Изделия из цветных и благородных металлов с Пастырского городища по технологии производства можно разделить на две большие группы. К первой относятся литые, наиболее разнообразные по деталям профилировки и орнаментации пальчатые (рис. 4, *1 — 12*), зоо-антропоморфные фибулы (рис. *5,1 — 8*; 6, *2 — 6*), подвески (рис. 7, *1 — 8, 11*) и т. д. Ко второй — кованные пластинчатые антропоморфные фибулы (рис. 6,*7*), штамповано-паянные полые подвески (рис. 7, *9, 10, 15, 16*) и браслеты с пустотелыми расширенными концами (рис. 8, *1 — 5*). Более простые литейные технологии характерны для массовых, недорогих изделий из бронзы, рассчитанных на рядовых общинников. Дорогие изделия из серебра, производились по заказу представителей социальной верхушки общества. Поэтому не удивительно, что их единичные находки очень редко встречаются за пределами Пастырского городища, и, главным образом, входили в состав кладов. Это клады 1898, 1949, 1992 годов с Пастырского, Самгородка, Зайцева и Киева [29].

Следует подчеркнуть, что уже во второй половине I тыс. н. э. пастырские мастера применяли технику тиснения, скани, чеканки и покрытия изделий тонким слоем металла, что на восточнославянских территориях получило распространение лишь в период Киевской Руси. В предшествующее время все эти приемы были хорошо известны ремесленникам Подунавья. На Балканах ранневизантийские мастера восприняли все виды техники и формы античности, которые несколько видоизменились под влиянием «варварского» стиля и вкусов пришлого населения.

Мастера Пастырского городища при изготовлении украшений не только применяли сложные византийские технологии, но и производили вещи по дунайским образцам. Наиболее вероятно, что образцами для подражания являлись завезенные на Пастырское небольшие пяти- и семилучевые фибулы придунайского стиля (рис. 4, *1 — 8*), ставшие основой для создания больших пальчатых застежек днепровского типа (рис. 4, *9 — 11*). Небольшие пальчатые фибулы впервые появляются в начале VI в. н. э. в Подунавье, на базе засте-

---

* На могильнике в Гарване такая посуда найдена в погребениях № 40, 48, 67, 89; в Бабово — № 8, 11, 13, 20, 22, 40 — 43, 46; Юпер — № 5, 9, 12, 15, 17, 24, 34, 35, 38, 49, 44, 45, 49, 57, 58, 67, 70. На более поздних могильниках VIII — IX вв. с территории Нижнего Подунавья они обнаружены в Бдинце (погр. № 242), Бласково (погр. № 17), Гирлифе (погр. № 25), Довня (погр. № 41), Кюлевча (погр. № 12, 40, 90, 174), Роздельное (погр. № 7, 65, 89, 182, 185, 219), Истрия (погр. № 15, 92, 125, 198), Сата-Ноу (погр. № 2-а) и др.

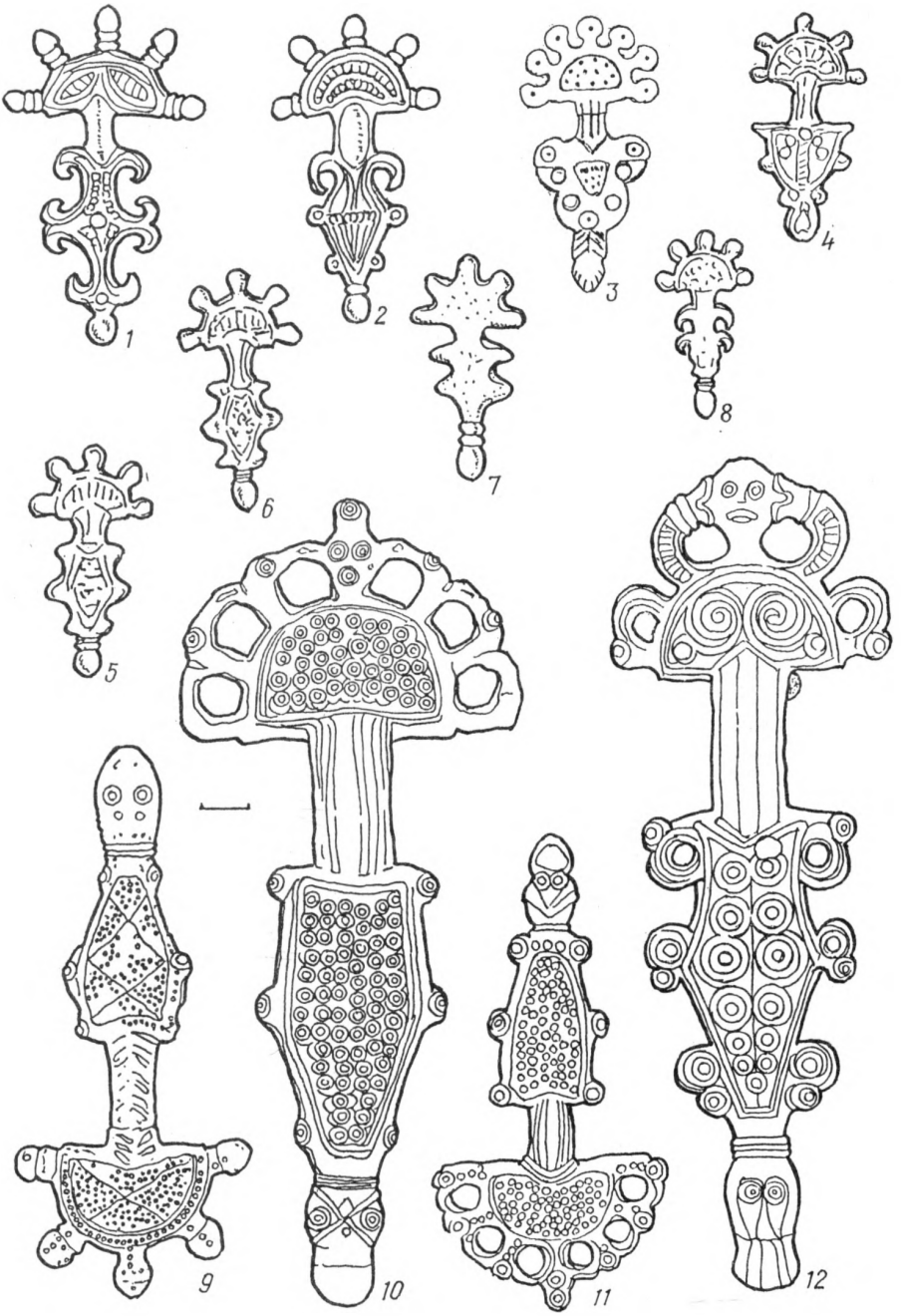


Рис. 4. Литые пальчатые фибулы дунайского (*1 — 8*) и днепровского (*9 — 12*) типов с Пастырского городища.

жек с тремя пальцами, датируемые второй половиной V в. [30]. Для них характерна полуовальная головка и ромбическая ножка, завершаемая головкой животного. Поля пластин покрыты врезными S-видными завитками. Их орнаментация является продолжением оснащения позднеримских пряжек [31].

Небольшие пяти- и семилучевые фибулы, возникшие на базе фибул с тремя отростками, иногда интерпретируются как славянские [32]. В Нижнем Подунавье они известны более чем в 40 пунктах. Только на славянском мо-

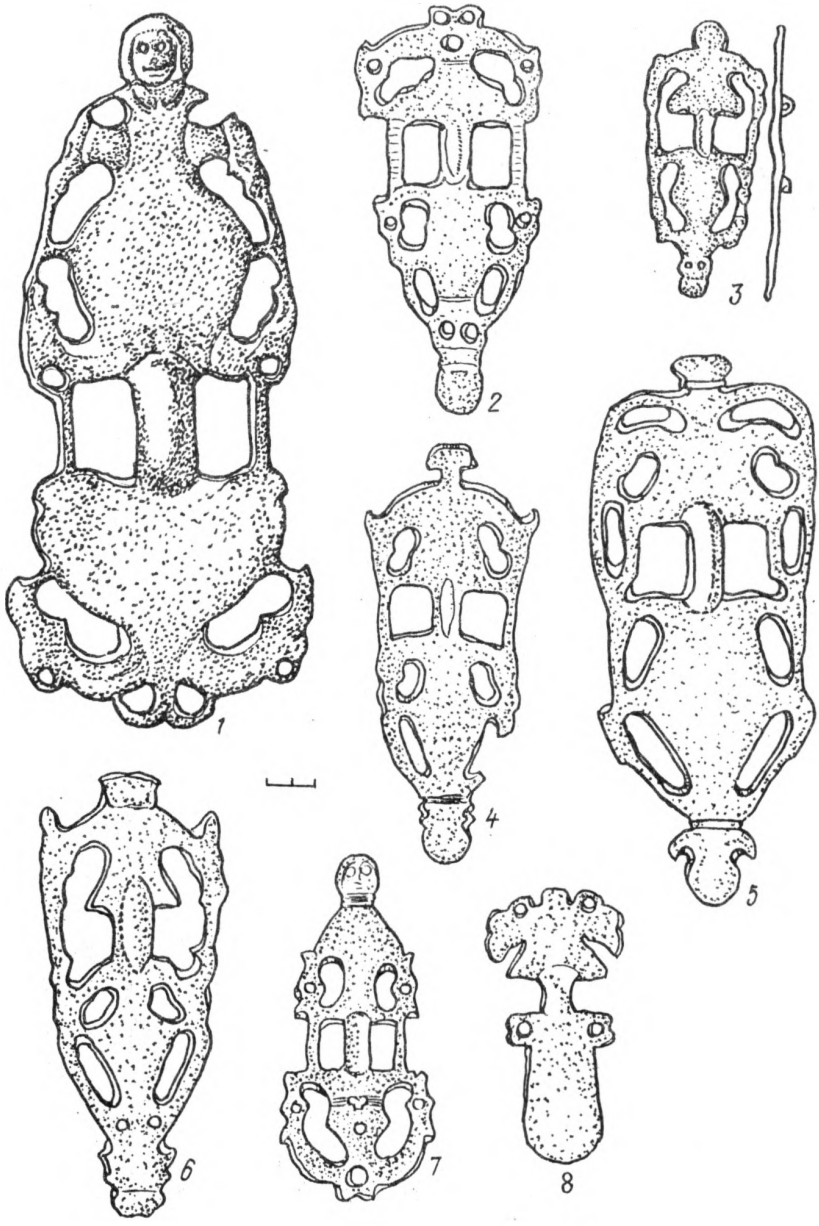


Рис. 5. Литые зоо-антропоморфные (*1* — *7*) и зооморфная (*8*) фибулы с Пастырского городища.

гильнике Сарата Монтеору в Румынии их найдено более десяти [33]. С Придунайских областей они широко распространились вплоть до Прибалтики [34].

На то, что прототипами зоо-антропоморфных фибул (рис. 5, *1* — *7*) стали двухпластинчатые дунайские застежки с треугольной головкой, указывал А. П. Калитинский [35]. А. К. Амброз [36] утверждает, что сконструировал их не местный, а византийский мастер. Иногда головка таких фибул теряет четкость треугольных очертаний. В этом случае контур гравировался резцом на плоскости [37]. Декор таких застежек формировался с использованием гепидских птичьих элементов, головы человека или животного. Последний мотив заимствован у пальчатых фибул. Конструирование головки зооморфных двухпластинчатых фибул шел тем же путем, что и зоо-антропоморфных изделий:

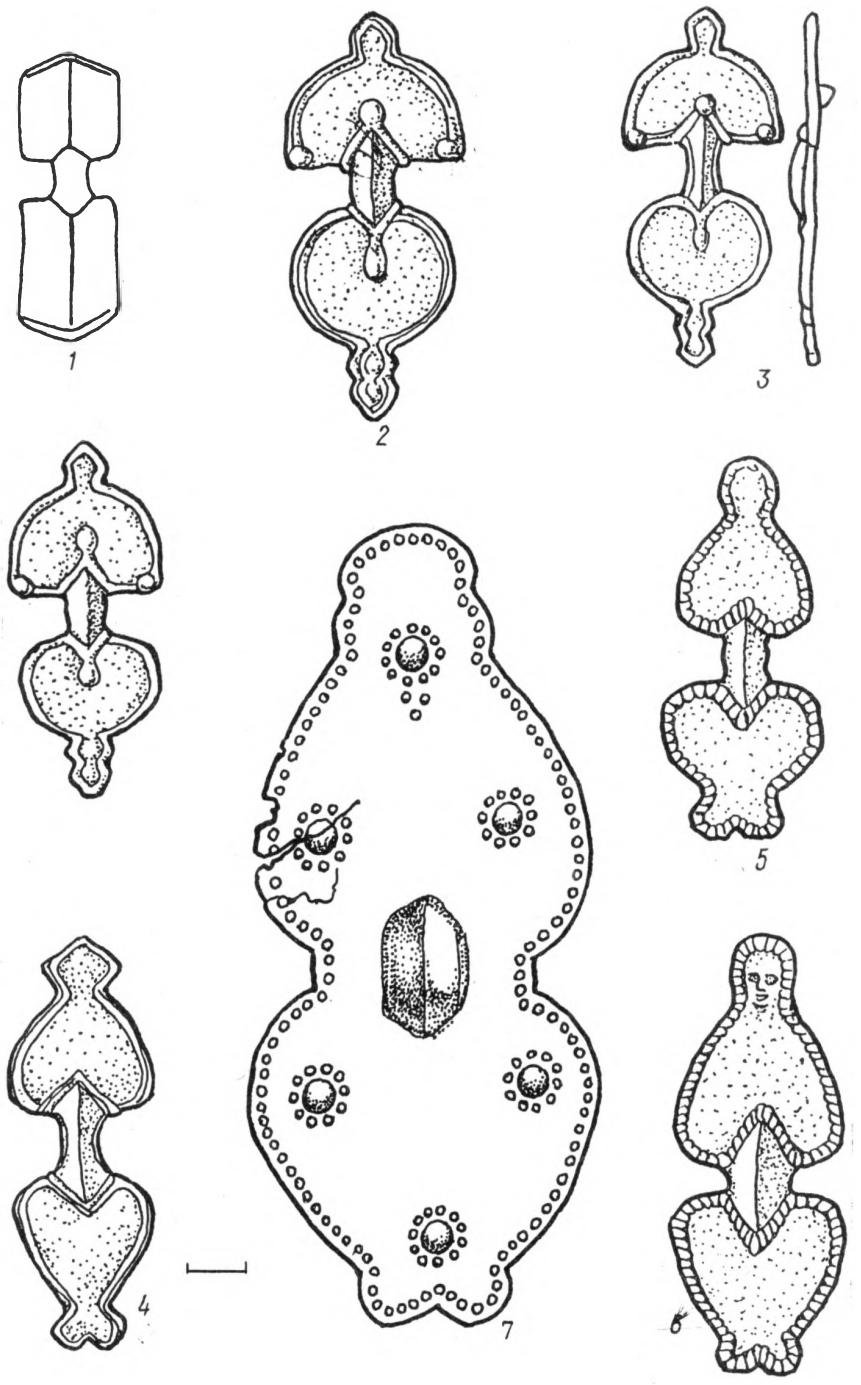


Рис. 6. Литые двухпластинчатая (*1*), антропоморфные (*2 — 6*) и кованная антропоморфная (*7*) фибулы с Пастырского городища.

треугольник, оснащенный двумя, направленными в разные стороны головами. Ножка широкая, геральдических очертаний (рис. *5*, *8*). Наиболее вероятно, что антропоморфные застежки берут свое начало от фибул с двумя геральдическими щитками (рис. 6, *1*). Видоизменяясь такие щитки приобретают антропоморфный контур (рис. 6, *2 — 7*).

Рис. 7. Литые (*1 — 8, 11, 12, 14, 15*) и штампованные (*9, 10, 13, 16*) подвески с Пастырского городища.

Пастырские ювелиры активно работали над модификацией фибул дунайских прототипов. На их основании были созданы зоо-антропоморфные застежки, основная декоративная нагрузка которых вынесена на контур, в то время как на пальчатых фибулах основной декор размещался на плоскостях щитков. Шел поиск приемлемых для местного населения форм фибул и их орнаментации. Особенно хорошо это видно на примере застежки, вобравшей элементы пальчатых и зоо-антропоморфных фибул. Первые — прослеживаются в форме щитков и их орнаментации, вторые — по вынесенным на контур зоо-антропоморфным деталям (рис. 4, *12*). Полуовал верхнего щитка украшен не традиционными пальцевыми отростками, а изогнутыми змеями, кусающими голову человека. Если внимательно всмотреться в этот мотив, то не трудно заметить его близость к мотивам больших гепидских орлинноголовых пряжек,

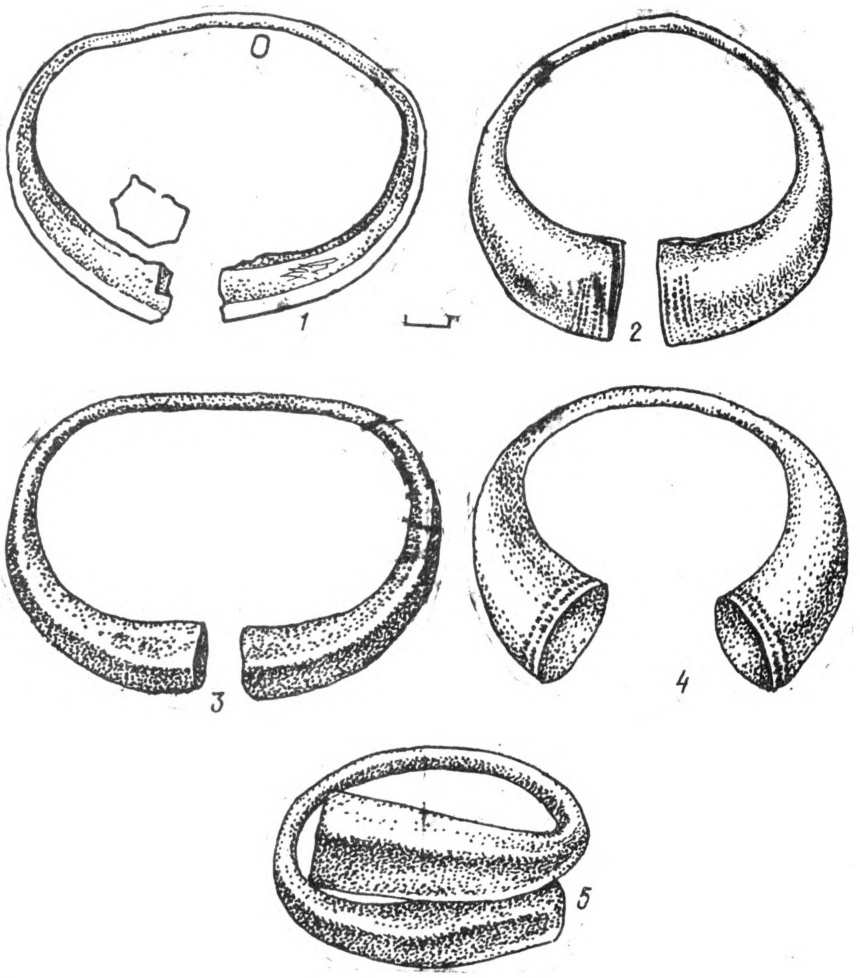


Рис. 8. Кованные браслеты с полыми расширенными концами (*1* — *5*) с Пастырского городища.

у которых дужка оснащена такими же головами змей с раскрытыми пастями. Гепидскими, по своему стилю, являются и головы орлов с сильно загнутыми клювами, две из которых на этой фибуле размещены в нижней части верхнего и две пары на нижнем щитке.

С возникновением в Среднем Поднепровье Пастырского ремесленного центра на позднепеньковских памятниках отмечена концентрация литых пальчатых и зоо-атропоморфных фибул. Часть этих изделий попала в пеньковскую среду с Пастырского городища, а часть могла изготовляться сельскими мастерами, о чем свидетельствуют следы бронзолитейного дела на поселениях Гута-Михайловская и Хитцы. Если сельские ювелиры сравнительно легко могли освоить литье украшений по восковой модели, то производство сравнительно сложных кованных и штампованных изделий требовало высоких производственных навыков, специальных инструментов и приспособлений, что было почти не доступным сельским мастерам.

Значительные объемы производства ювелирных изделий на Пастырском привело к тому, что часть из них попала в Крым. В первую очередь это касается пальчатых, зооморфных и зоо-антропоморфных фибул днепровского типа. В пользу того, что такие изделия попали в Крым с Поднепровья, а не наоборот, свидетельствует тот факт, что на полуострове отсутствует полный набор ювелирных изделий днепровского стиля. Отсутствуют там и кованные, и литые антропоморфные фибулы, браслеты с полыми концами, литые звез-

дчатые подвески и т. п. Вероятно, туда доходили только те украшения, которые нравились местным жителям. Крымское население с удовольствием воспринимало и дунайские (гепидские) изделия. Это некоторые типы фибул, орлиноглавые пряжки и т. д. [38] Нельзя исключать, что в Крыму работали ювелиры, выходцы из Подунавья и Поднепровья. В раннесредневековую эпоху ювелиры легко снимались с места в поисках заказов на свою продукцию, что способствовало распространению выработанных художественных стилей [39].

Дунайские прототипы имеют и большинство подвесок пастырского типа. Так, золотые звездчатые паянные подвески впервые появились в VI в. в Византии, откуда они попали в Подунавье. В VII в. там начинают изготовлять аналогичные литые изделия [40].

В этом плане очень интересны изделия из Харьевского клада, найденного на Левобережье Днепра [41]. Он включает изделия византийского, пастырского и местного происхождения. К кругу византийских принадлежат пять золотых и серебряных с позолотой паянных звездчатых подвесок, украшенных зернью и сканью; фрагмент золотой шейной гривны, полой изнутри, поверхность которой украшена граненными ромбами и др. Из пастырского происходят три пары серебряных двухпластинчатых фибул, фрагмент серебряного браслета с полыми концами и др. К местным изделиям можно отнести семь проволочных шейных гривн и девять кованных браслетов с расширенными концами. Состав этого клада позволяет считать, что харьевский ювелир сначала переселился с Подунавья на Пастырское городище, где освоил производство кованных антропоморфных фибул. После разгрома Пастырского городища в первой половине VIII в. он переселился на Левобережье Днепра, где изготовил шейные гривны и браслеты, типичные для этого региона.

Таким образом, памятники конца VII — первой половины VIII вв. типа Пастырского-Харьевки, археологические комплексы которых содержат значительное количество провинциально-византийских черт, подтверждают отселение части населения с Подунавья. Наиболее вероятно, что этот процесс был более масштабным. На исконные территории вернулись не только ремесленники, но и рядовые общинники. Так, на Пастырском городище обследовано около 50 жилищ-полуземлянок. Значительное их количество свидетельствует о том, что они принадлежали не только ремесленникам, но и рядовому населению. Однако последние не являлись коренными обитателями Среднего Поднепровья. В пользу сказанного можно привести тот факт, что в заполнении полуземлянок найдена лепная, близкая к дунайской, посуда, тогда как на синхронных пеньковских памятниках, в ареале которых расположено Пастырское городище, определяющей была лепная биконическая керамика.

Нельзя исключать, что возникновение на пограничье Днепровской лесостепи и степи на рубеже VII — VIII вв. древностей славян этапа Сахновки, лепной керамический комплекс которого напоминает как посуду ранней Луки-Райковецкой, так и горшки дунайского типа, связано не только с влияниями племен, проживавших к северу от сахновского ареала, но и с переселениями славян с Балкан. Кроме того, только пребывая на землях Византии, они могли воспринять протоиталийские элементы, выделенные О. Н. Трубачевым в языке славян [42].

Как видим, сопоставление данных письменных источников о древних славянах с археологическими материалами, позволяет придти к заключению о том, что сообщения «Повести временных лет» о славянах в Подунавье является историческим. Заселение ими Нижнего Подунавья следует связывать с колонизационными войнами VI — VII вв., а частичное отселение — с приходом в этот регион болгар во главе с ханом Аспарухом в 680 г.

Феномен Несторовской модели происхождения славян, наиболее вероятно связан с патриотическим стремлением летописца придать больший историзм славянству. Действительно, одно дело когда славяне формировались на удаленных от Европейской цивилизации территориях Восточной Европы, и совсем другое — когда они являлись выходцами, а вместе с тем и преемниками высокой Причерноморско-Средиземноморской цивилизации.

Наверное, в формировании этой концепции не последнюю роль сыграл и тот фактор, что нередко народная память связывает свои истоки с действи-

тельными или вымышленными переселениями на новые территории. Такое событие является очень важным в жизни этноса, ведь с ним связана смена представлений о пространстве и времени, способе жизни, социальных и политических отношениях и т. д. Так германцы, болгары, мадьяры и другие фиксируют свою историю с времен завоевания родины. По-видимому, именно такая ментальность заставила Нестора сначала поселить славян в Подунавье, а потом расселить их на занимаемые ими территории в древнерусское время. Он не придавал особого значения истории славян до их расселения с Подунавья, считая тот период в их развитии состоянием «детства», которое не заслуживало внимания.

Стремление придать славянам более весомый историзм проявился и в том, что Нестор-летописец, вопреки библейскому тексту, выводит их из племени Яфетового и 72 библейских народа.

[1] *Повесть* временных лет. — М.: Л., 1950. — Т. 1. — С. 11.
[2] *Седов В. В.* Очерки по археологии славян. — М., 1994. — С. 7 — 43.
[3] *Мишулин А. В.* Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей VII в. н. э. // ВДИ. — 1941. — № 1. — С. 139, 141, 143, 144, 146, 147, 235, 239, 241, 247, 249, 250, 252, 269, 270.
[4] *Прокопий Кесарийский.* Готская война // ВДИ. — 1941. — № 1. — С. 238 — 240.
[5] *Феофилакт Симокатта.* История. — М., 1957. — С. 168.
[6] *Прокопий Кесарийский.* Указ. соч. — С. 239.
[7] Там же. — С. 240.
[8] *Феофилакт Симокатта.* Указ. соч. — С. 75.
[9] *Дьяконов А.* Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI — VII вв. // ВДИ. — 1946. — № 1. — С. 32.
[10] *Вължарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища в Българските земи VI — XI век. — София, 1965. — С. 225; *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари (по дании на некрополите от VI — XI вв. на територията на България). — София, 1976. — С. 66.
[11] *Брайчевский М. Ю.* Славяне в Подунавье и на Балканах в VI — VIII вв. (по данным письменных источников) // Славяне на Днестре и Дунае. — К., 1983. — С. 228.
[12] *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. — М., 1980. — С. 62.
[13] *Там же.* — С. 162.
[14] *Повесть* временных лет. — С. 13.
[15] *Там же.* — С. 11.
[16] *Там же.* — С. 15.
[17] *Dostal B.* Bzeclav Pohansko Casne slovanske osidleni, — Brno, 1985. — 168 S.
[18] *Svoboda B.* Poklad Byzantskehe kovotepce v Zemianskem Vrbovku // PA. — 1953. — T. XLIV. — N 1. — S. 101.
[19] *Ауліх В. В.* Зимнівське городище. — К., 1982. — С. 55 — 86.
[20] *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. — 1963. — № 108. — С. 320 — 321.
[21] *Брайчевская А. Т.* Кузница на Пастырском городище // КСИАУ. — 1960. — Вып. 9. — С. 99 — 103.
[22] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI — IX ст. н. э. — К., 1980. — С. 49. — Рис. 27.
[23] *Мията К.* Славянска керамика в България и ейнота значение за славянската археология на Балкана. — София, 1948. — С. 36 — 51; *Вължарова Ж. Н.* Славянски и славянобългарски селища... — С. 92 — 104; *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари... — С. 381 — 384.
[24] *Георгиева С. К.* К вопросу о материальной культуре славян на Нижнем Дунае // Исследования в чест на Марин С. Дринов. — София, 1960. — С. 365; *Михайлов С.* Относно происхода на раннесредневековита чернолъската керамика в България // Археология. — София, 1961. — № 3. — Кн. 4. — С. 9.
[25] *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари..., с. 25. — Обр. 12, 8; с. 33. — Обр. 17, 2, с. 45. — Обр. 25, 2, с. 47. — Обр. 26, 2, с. 56. — Обр. 32, 5; *Fidler U.* Studien zu Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. — Bonn, 1992. — Band II. — Teil 2. — Taf. 9, 10; Taf. 13,9; Taf. 16, 19; Taf. 37, 12.
[26] *Домник П.* Импорт восточносредиземноморских амфор в Галлию (V — VII вв.). Состояние исследований // Тез. междун. конф. «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье IV — IX вв. — Симферополь, 1994. — С. 95.
[27] *Toth E., Horvath A.* Kunbalony. Das grab eines awarenkhagans. — Kecskemet. — 1992. — S. 63. — Abb. 16, 5.
[28] *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари..., С. 389. — Обр. 232, с. 390. — Обр. 333 и др.
[29] *Щеглова О. А.* О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. — Курск. — 1990. — Рис. 8 — 13.
[30] *Tejral J.* Morava na sklonku antiky. — Praha, 1982. — S. 96.
[31] *Bona J.* Die Langobarden in Ungarn // Achta Archaeologica Hungaricae. — 1955. — T. VII. — S. 183 — 242.
[32] *Werner J.* Slawische Bügelfibeln des 7 Jahrhunderst // Reinecke Festschrift. — Meinz. — 1950. — S. 150 — 172; *Fidler U.* Op. cit. — S. 98 — 121.
[33] *Fidler U.* Op. cit. — S. 83. — Abb. 11.

[34] *Kühn H.* Das Problem der masurgermanischen Fideln in Ostpreuben // Rheinische Forschungen zur Vorgeschichte. — Bonn. — 1956. — Band 5. — S. 101.
[35] *Калитинский А. П.* К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России // Seminarium Kondakovianum. — 1928. — Т. 5. — № 2. — С. 295.
[36] *Амброз А. К.* К происхождению днепровских антропо-зооморфных фибул // РА. — 1993. — № 3. — С. 181.
[37] *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь. — 1990. — С. 192. — Рис. 13, *1*.
[38] *Там же.* — С. 208 — 214.
[39] *Werner J.* Op. cit. — S. 8 — 9.
[40] *Айбабин А. И.* К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. — 1973. — № 3. — С. 68.
[41] *Березовець Д. Т.* Харівський скарб // Археологія. — 1952. — Т. 6. — С. 109 — 119.
[42] *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древних славян. — М., 1991. — С. 37.

О. М. Приходнюк, В. А. Падин, Н. Г. Тихонов

ТРУБЧЕВСКИЙ КЛАД АНТСКОГО ВРЕМЕНИ

Клад найден во время земляных работ 1988 г. на пологом склоне большого ответвления древней балки, врезавшегося в северо-западную окраину г. Трубчевска. В конце ответвления находится пересохшее болотце, питавшее в древности ручей, следы которого ведут к р. Играевке (в старых документах — Малая Десенка), протекающей в 2 км южнее места нахождения клада. Это правый коренной высокий берег р. Десны, изрезанный оврагами, далеко заходящими на плато. Некоторые овраги древнего происхождения, а какая-то их часть появилась в результате размывов последних веков.

По словам В. Иванова, нашедшего и сдавшего клад в Трубчевский краеведческий музей, он обнаружен на глубине 1,5 м. От горшка, в котором лежали изделия, сохранился обломок лепной стенки с хорошо заметной тупой ребристостью. Поверхность черепка коричневая, тесто в изломе темно-серое, плотное с редкими включениями мелкозернистого песка. Толщина стенки — 6 мм. На внутренней стороне заметно косое сглаживание. Размеры сосуда установить не удалось. Вероятно, он имел пропорции и профилировку как у горшка, найденного на колочинском поселении Макча — широкое горло, узкое дно и выпуклые бока с тупым ребром [1].

Клад насчитывает 150 предметов и более десяти мелких обломков от бронзовых изделий, пальчатые и зооморфные фибулы, шейные гривны, наручные браслеты, трапециевидные подвески, пряжки, лжепряжки, поясные наконечники, височные кольца, зооморфные профильные фигурки, обломки обруча от головного убора и т. д.

В кладе насчитывается 17 пальчатых фибул длиной 122 — 178 мм (от одной сохранилась только головка с лучами). Фибулы бронзовые, литые с полукруглой головкой, украшенной пятью расширенными на концах выступами — пальцами (12 шт.). Центральные отростки бывают с намеченными «глазками» или с антропоморфной личиной (рис. 1,*1*, *2*; 2,*2*). У части из них (5 экз.) головки по внешнему овалу оснащены не отростками, а птичьими головками, соединенными между собой клювиками (рис. 1,*2*; 2,*4*). Ромбическая ножка фибул, соединенная с головкой граненной узкой перемычкой, завершается схематическим изображением звериной головки с глазками. В верхней части ножки, на двух ее противоположных концах, иногда бывают птичьи клювики (рис. 1,*3*,*5*; 3,*2*; *5*,*6*).

Таким образом, по характеру оформления овала головки они делятся на фибулы с пальцевыми отростками и с птичьими головками. По характеру декора плоских полей головки и ножки большинство из них разделяются на фибулы с концентрическими кругами и коническими углублениями в центре (рис. 1,4; 3,1; 2; 4; *5*; *6*) с густо нанесенными круглыми углублениями (рис. 1,*2*; фото 2,*4*) и с S-овидными рельефными завитками (рис. 1,*1*; 3,*2*; фото 2,*3*).

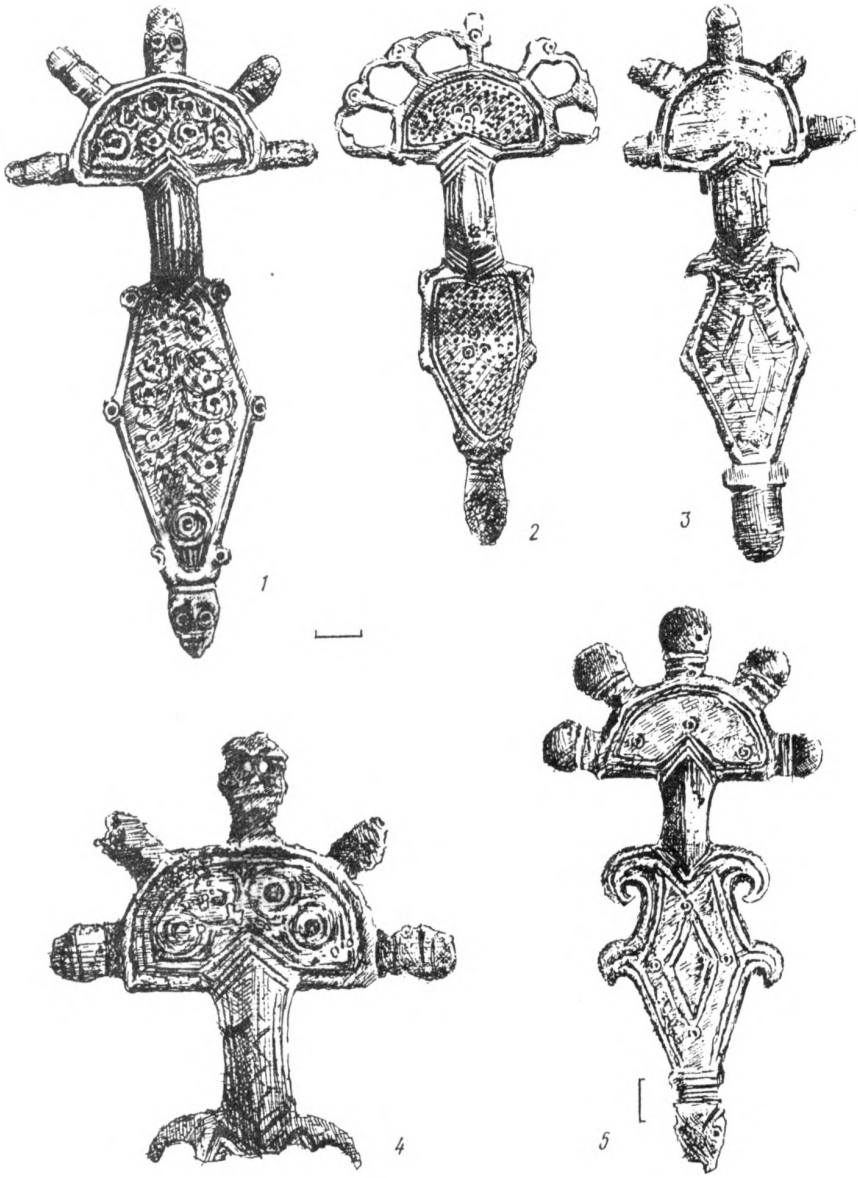


Рис. 1. Фибулы пальчатые.

Эти изделия относятся к днепровскому кругу фибул, где они представлены наиболее многочисленными образцами [2]. Кроме Среднего Поднепровья они массово встречаются только в Крыму [3]. Изредка их находят в Центральной и Северной Европе [4].

Среди пальчатых застежек Трубчевского клада выделяется три фибулы. Первые две парные. У них увеличенная гладкая головка и пять укороченных пальцевых отростка. В центре ножки двумя рядами каннелюров намечен ромб. С противоположных сторон верхней части ножки — два выступа, напоминающие птичьи головки (рис. 1,*3*). Третья фибула по периметру ромбической ножки, с противоположных ее сторон имеет по два выступающих ключика, а в центре гладкой ножки — ромб, такой же как и у двух предыдущих изделий. Головка нормальных пропорций с тремя пуансонами на гладкой поверхности (рис. 1, *5*). Близкие по форме и орнаментации застежки известны

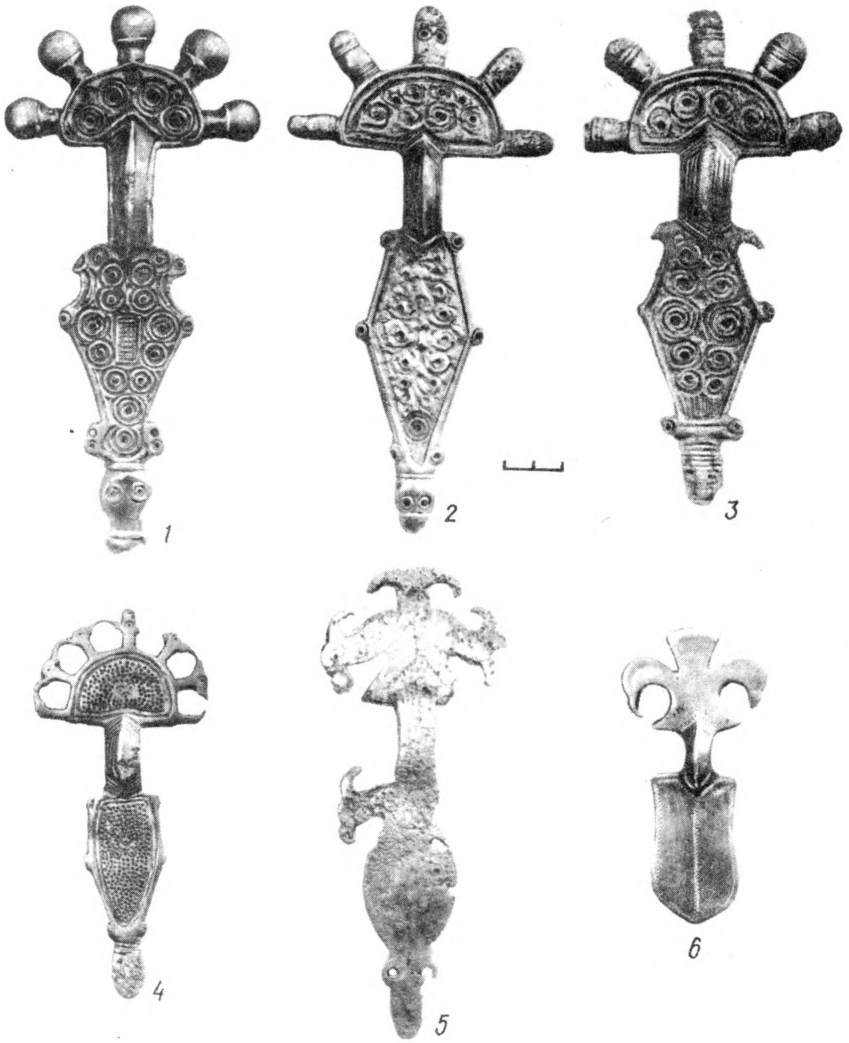


Рис. 2. Фибулы пальчатые и зооморфные.

по раскопкам раннесредневековых могильников Лучистое и Скалистое в Южном Крыму [5].

Отдельную группу застежек Трубчевского клада составляют две зооморфные двущитковые фибулы длиной 92 — 111 мм (рис. 3, *3,4*; 2, *4,6*). Фигурные головки у них украшены двумя, направленными в противоположные стороны головками птиц или зверей. Ножки, соединенные с головками дужкой, щитовидной или овальной формы. В одном случае ножка в верхней части украшена двумя парами головок (правая не сохранилась, а в нижней — зооморфная личина. На поверхности изделий видны следы гравированного зигзагообразного орнамента (рис. 3, *3,4*; 2, *4,6*). Зооморфные двущитковые фибулы встречаются только в Среднем Поднепровье и Крыму [6].

Б. А. Рыбаков, изучая вещи Суджанского клада, отметил грубоватость в обработке орнаментации фибул. Он объяснял это тем, что в отличие от более ранних боспорских прототипов в Приднепровье обработка восковой модели производилась не резцом, а более грубым инструментом [7]. Вероятно, это относится и к орнаменту на некоторых фибулах из Трубчевска. В то же время орнамент ряда застежек из клада отличается тщательностью проработки.

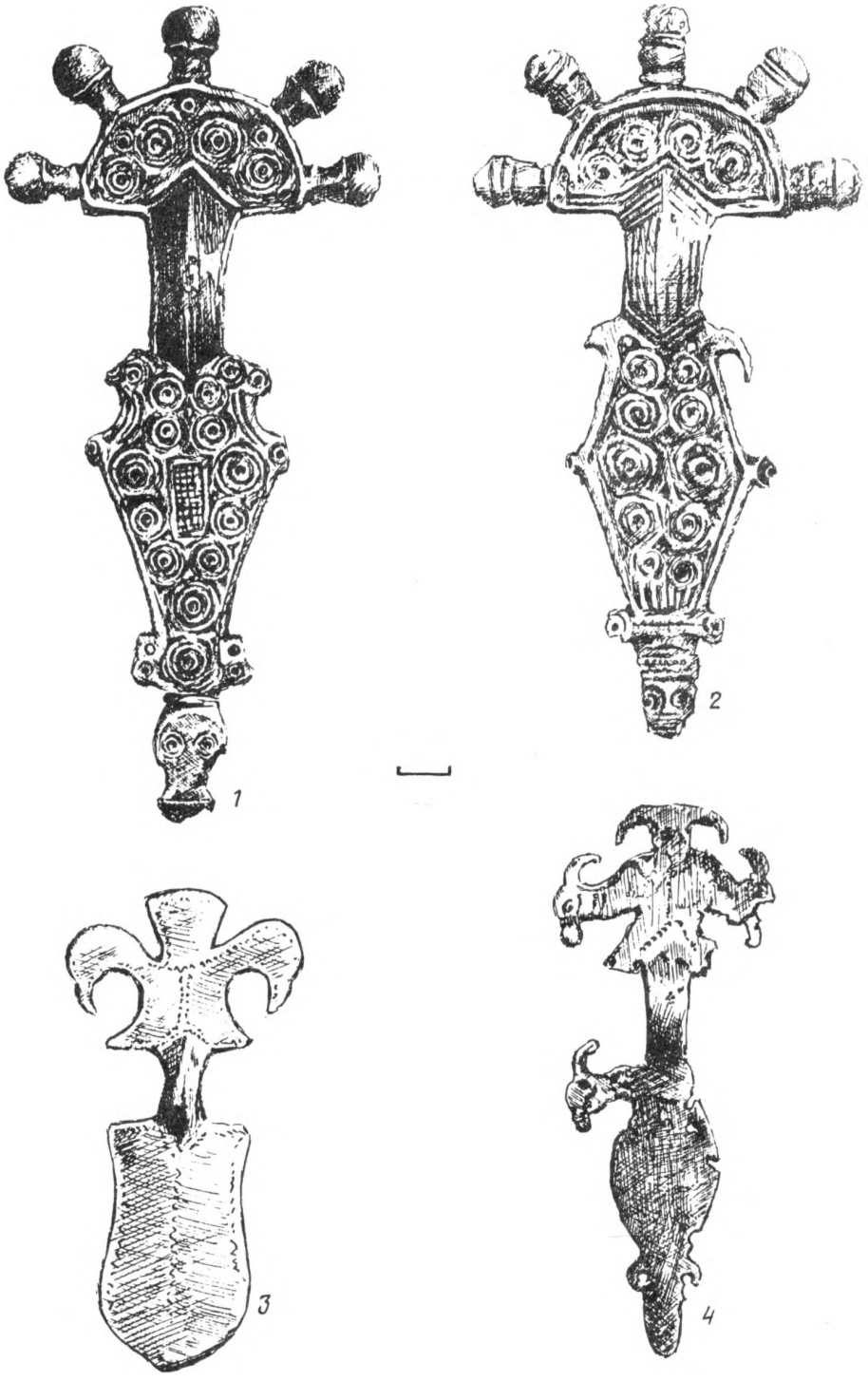


Рис. 3. Фибулы пальчатые и зооморфные.

В состав Трубчевского клада входили шесть целых и один фрагмент височных колец диаметром 110 — 140 мм, изготовленных из круглой в сечении проволоки. У трех — не сомкнутые концы круглые с утолщением (рис. 7, *10*). У четырех — один конец с утолщением, как у предыдущих трех изделий, а второй — утончается к концу и закручен в спираль из 4 — 5 витков (фото 7, *9*). В двух случаях конец обмотан тонкой проволочкой из 9 — 16 витков. Спиралевидные височные кольца встречаются на территории Среднего Приднепровья.

Две шейные гривны диаметром около 20 см изготовлены из круглой в сечении проволоки. На концах — застежки в виде петли и крючка. Поверхность одной гривны гладкая, а второй — покрыта густо расположенными луночками (рис. 7, *1, 2*). Петля и крючек у второй гривны четырехугольные в сечении. Изделия с гладкой поверхностью встречаются на раннесредневековых памятниках Центральной, Восточной и Северной Европы [8]. Фрагменты гривны, украшенной луночками, обнаружены в составе Мартыновского клада [9].

В кладе четыре целых и четыре фрагмента браслетов с расширенными, уплощенными концами (рис. 7, *5,7,8*). Они изготовлены из бронзовых, овальных в сечении стержней. У двух обломков поверхность орнаментирована насечками в виде елочки, а еще у двух — узкими врезными канавками. Такие изделия повсеместны на памятниках середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Восточной Европе. Кроме того, среди изделий из бронзы — два изогнутых, круглых в сечении стержня и стержень с расплющенными концами (рис. 7, *6*). Возможно, что это испорченные браслеты.

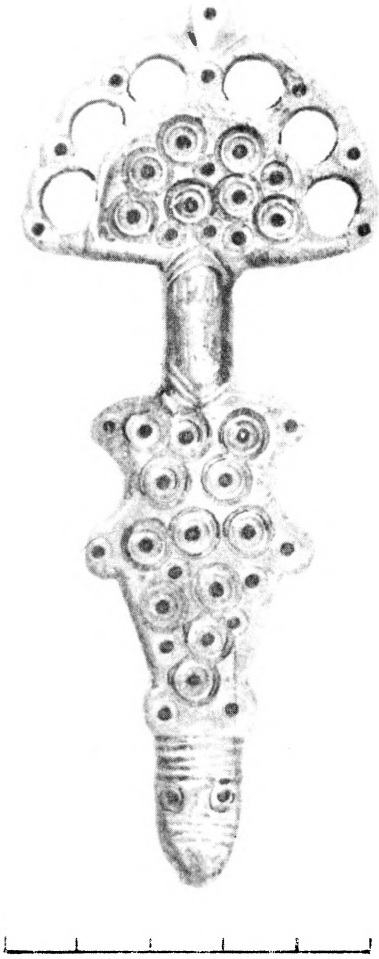


Рис. 4. Фибула пальчатая.

Из тонких пластинок изготовлены шесть трапециевидных подвесок высотой 35 — 56 мм. Большинство из них у основания и вершины украшены тремя выпуклостями диаметром около 5 мм и пояском из мелких выпуклостей, выгравированных с обратной стороны по краю изделий. Одна подвеска гладкая. У одной на вершине сохранилось медное кольцо (рис. 8, *16, 17*; 9, *9, 10*). Аналогичные изделия широко распространены на памятниках Поднепровья I тыс. н. э.

Трубочки-пронизи длиной до 85 мм свернуты из тонкого листа. Некоторые из них обмотаны тонкой проволочкой.

Обломки налобных венчиков шириной 34 — 48 см изготовлены из тонкого металлического листа, концы которого закручены, а вдоль продольных краев, путем тиснения, помещено по два рубчика (рис. 8, *18*, фото 9, *1*). На одном фрагменте сохранились следы ткани. Судя по ширине и деталям орнаментации фрагментов, в кладе представлено несколько налобников. Аналогичный целый налобник обнаружен в составе Мартыновского клада [10].

Большую группу находок из Трубчевска составляют предметы поясных наборов. Это пряжки, лжепряжки, поясные наконечники и накладки. Среди них выделяются три серебряные В-образные пряжки с прямоугольным отверстием рамки и подвижным фигурным щитком (рис. 8, *11*; 10; 11, *1,2*). Щиток одной из них украшен гравированными точками, от которых к краям прочер-

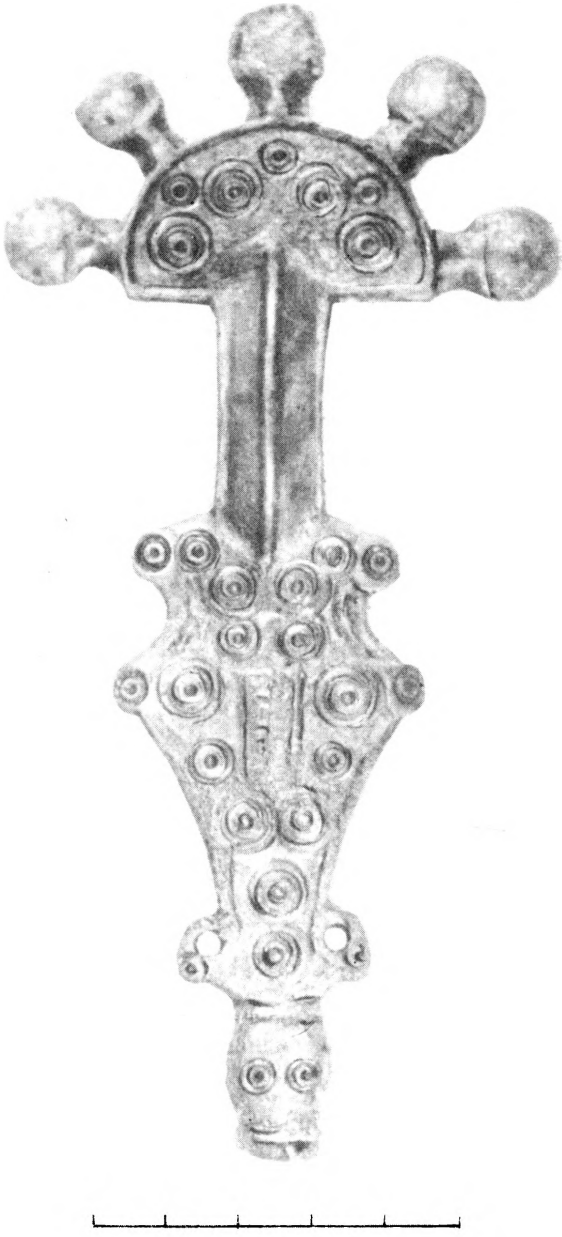


Рис. 5. Фибула пальчатая.

чено по две неглубокие линии, а у второй — в центре щитка сделано в процессе литья сквозное отверстие в форме З-образных дуг. У третьей пряжки щиток удлиненных пропорций. Такие пряжки повсеместно встречаются на Евразийском континенте. Известны они в Поволжье [10], Приуралье [11], на Северном Кавказе [12], Крыму [13]. Типологически близкая пряжка найдена в погребении на Лебяженском могильнике колочинской культуры в Курском Посеймье [14]. Такие изделия зачисляются к кругу так называемых византийских пряжек.

В коллекции клада — 23 однотипных В-образных пряжки с размерами рамки 50×32 мм (12 экз.) и 39×25 мм (11 экз.). По форме они напоминают бабочку с раскрытыми крыльями. Внешний край рамки сложно фасетирован. На «крыльях» сделано по одному круглому отверстию. Массивные язычки с квадратной площадкой у основания отлиты вместе с рамкой и неподвижны, что полностью исключает продевание ремня. Пряжки декоративные. Шарнирно соединенные с рамкой фигурные щитки с гладкой поверхностью (рис. 12). С обратной стороны щитков имеются шпеньки длиной около 10 мм. Нередко они чередуются с крючками. Шпеньки отлиты вместе со щитком или вклепаны. Рамка от аналогичной пряжки известна в составе Мартыновского клада [15].

Двенадцатью экземплярами представлены узкие литые наконечники от пояса длиной 65 и шириной 14 мм. Они гладкие, с прямыми боковыми сторонами и закругленным концом. У основания наконечники орнаментированы мелкими насечками, гравированной линией и двумя круглыми прорезями (рис. 11, *3*). На их тыльной стороне помещены шпеньки высотой 3 — 4 мм, что соответствует толщине ремня, на котором крепились наконечники. По-видимому две пластины из жести длиной 105 — 105,5 и шириной по 17,8 мм происходят от одного паянного поясного наконечника (рис. 8, *19*; фото 9, *7*). Такие детали поясных гарнитур получили широкое распространение у кочевников и оседлого населения. Иногда они украшались антропоморфными прорезями или тамгообразными знаками.

Наконечниками дополнительных ремней к портупее являются четыре идентичные щитовидные изделия размерами 62×34 мм. У них фигурные бока с полуовальными врезами и округленным концом. Прямое основание украшено мелкими насечками по краю и двумя врезными линиями. Ниже расположены два круглых отверстия. Лунообразные прорези сделаны возле боковых овальных врезок. В нижней части изделия — крестообразная прорезь с круглыми дырочками на концах (рис. 8, *4*; 13). Пятый, меньший наконечник размерами 55×30 мм такой же конфигурации. В центре, между внешними боковыми врезками он украшен крестовидной прорезью, а снизу и сверху — сквозными отверстиями в форме запятых. Одно отверстие круглое — результат литейного брака (рис. 8, *5*; 13).

По-видимому, наконечниками дополнительных поясков, которые Б. А. Рыбаков определяет как застежки [16], были Т-образные литые изделия, состоящие из щитка и перекладины, соединенные между собой узкой шейкой. У четырех из них, длиной 53 мм, фигурный щиток размерами 28×24 мм с орнаментом в виде сквозной крестовины, концы которой заканчивались круглыми отверстиями; расширяющаяся к краям полукруглая перекладина длиной 45 мм (рис. 8, *6*; 9, *6*). Пятая Т-образная бляшка из Трубчевского клада имеет фигурный щиток с двурогим основанием и четырьмя круглыми отверстиями. Перекладина на концах украшена шарикообразными утолщениями (рис. 8, *7*). Такие находки являются повсеместными в третьей четверти I тыс. н. э. на Евразийском континенте. Одна такая застежка найдена в погребении Лебяжненского могильника, расположенного в одной географической зоне с Трубчевском [17].

Рис. 6. Фибула пальчатая.

В кладе 84 поясных геральдических накладок. Прежде всего это 13 четырехугольных бляшек с более узкой одной стороной (размеры большей части 33×22 мм, меньшей 25×27 мм). На крупном поле — сквозное крестообразное трехлинейное отверстие с круглыми дырочками по бокам и З-образное отвер-

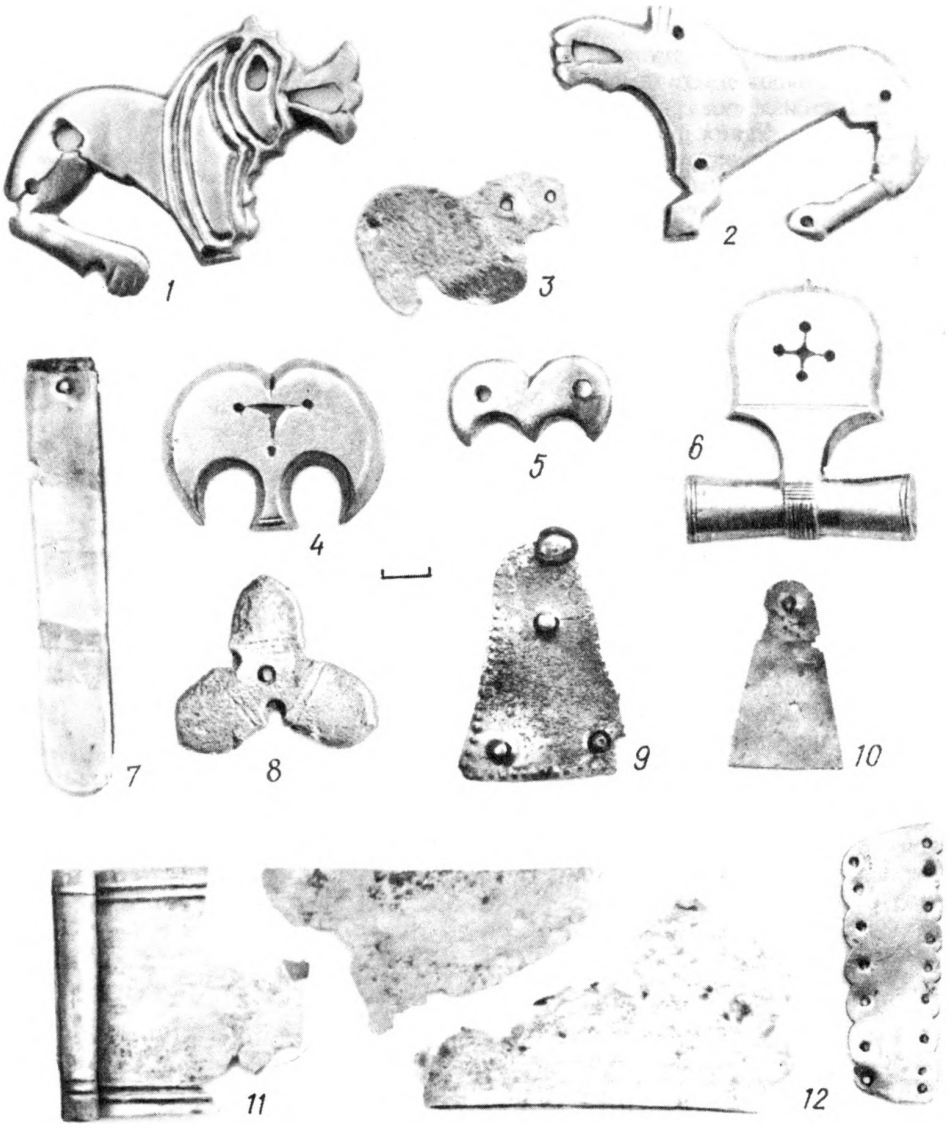


Рис. 7. Предметы женских и мужских уборов.

стие с круглыми дырочками под дугами на меньшем поле (рис. 14). Аналогичная по форме и орнаментации бляшка известна в Колосковском кладе [18].

Вторую группу двухчастных накладок составляют семь бляшек, состоящих из большего прямоугольного щитка, размерами 20×20 мм и меньшего закругленного, размерами 20×17 мм. У большего щитка — фигурно вырезанное основание. На поверхности — четыре круглых отверстия с отходящими от них двумя параллельными линиями. На конце второго щитка небольшое острие и два отверстия на поверхности с отходящими параллельными линиями (рис. 8, *14*). Не исключено, что они как и предыдущие двухчастные бляшки, служили для декорирования и крепления дополнительных ремешков к основному поясу. Если это так, то по ним можно судить о ширине основного и дополнительных ремней.

Для этой же цели, по-видимому, служили пять небольших щитовидных накладок. У них прямое основание и фигурные бока, переходящие в округ-

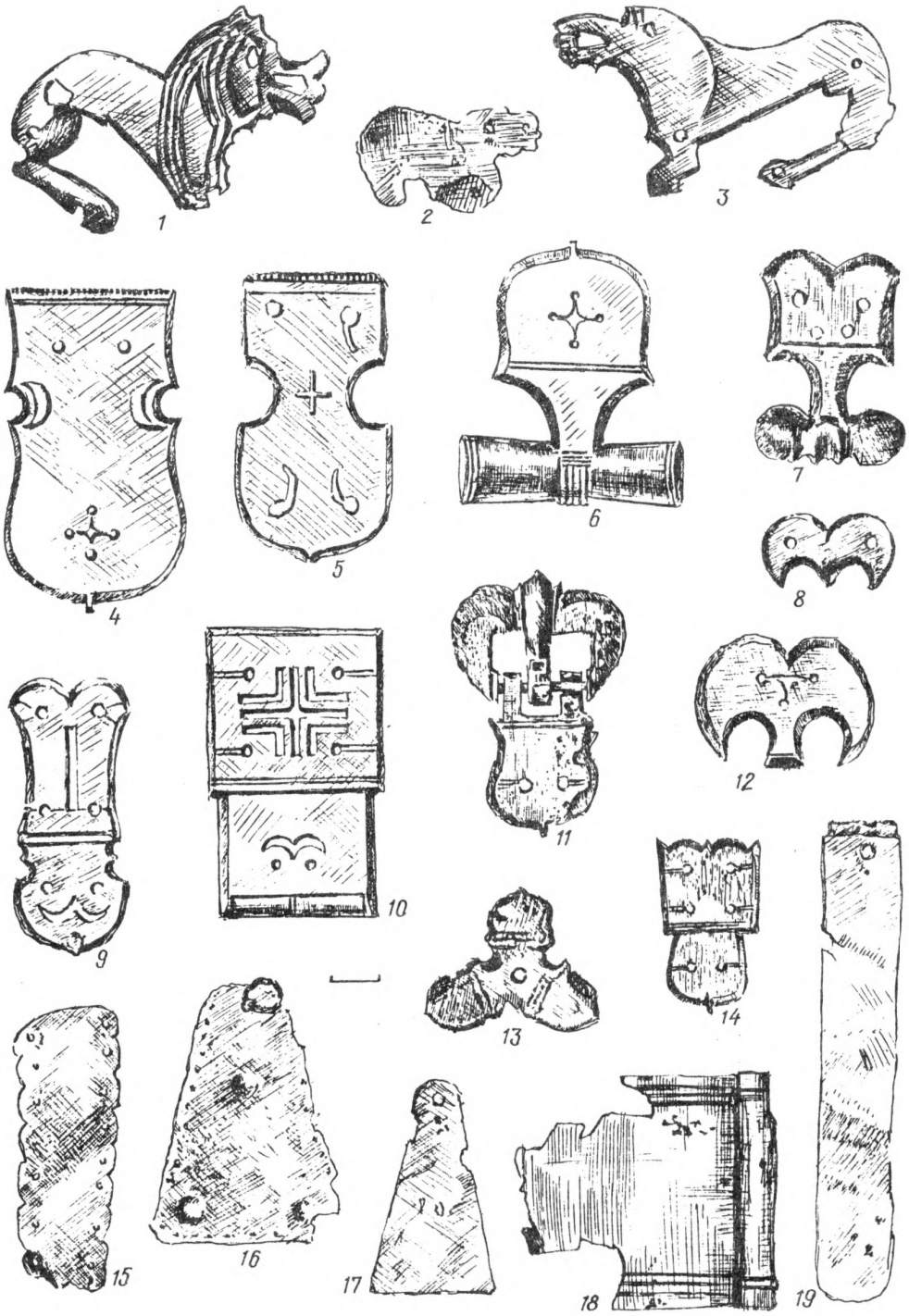


Рис. 8. Предметы мужских и женских уборов.

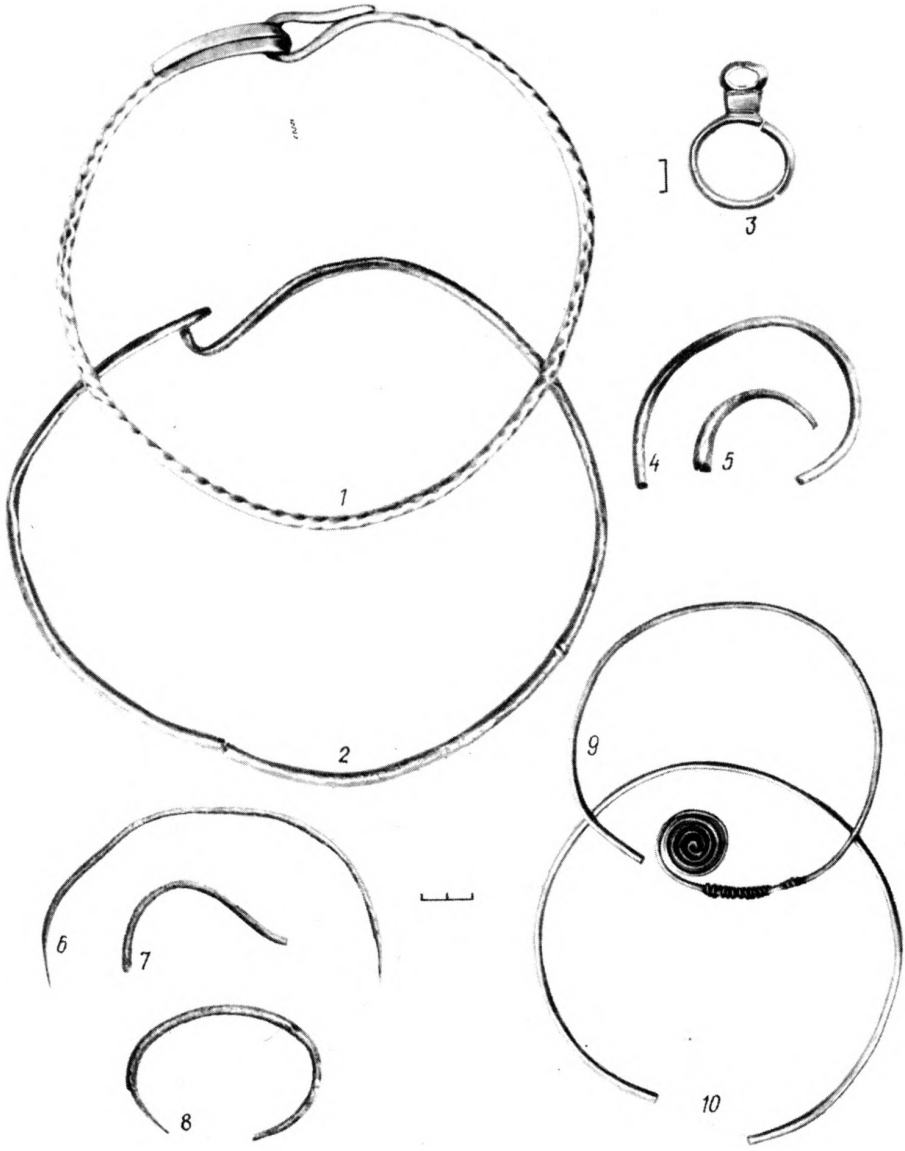


Рис. 9. Предметы мужских и женских уборов.

ленный конец. Поверхность орнаментирована сквозными круглыми или З-образными отверстиями (рис. 11, *4* — *6*). Похожая бляшка найдена при раскопках Лебяжненского могильника [19].

В Трубчевском кладе одним экземпляром представлена двурогая с фигурными очертаниями бляшка удлиненных пропорций размерами 50×20 см. Она относится к типу двухчастных. Более крупное поле в центре имеет узкую продольную прорезь и четыре круглых отверстия, расположенных у краев продольного выреза. Второе поле изготовлено в форме геральдического щитка с З-образными прорезями и двумя круглыми отверстиями под ними (рис. 8, 9). По конфигурации и декору оно довольно редкое. Двурогие бляшки наиболее часто встречаются к Крыму [20].

Среди геральдических бляшек — девять З-образных поделок, напоминающих птицу в полете с размахом «крыльев» от 20 до 33 мм. У меньших на

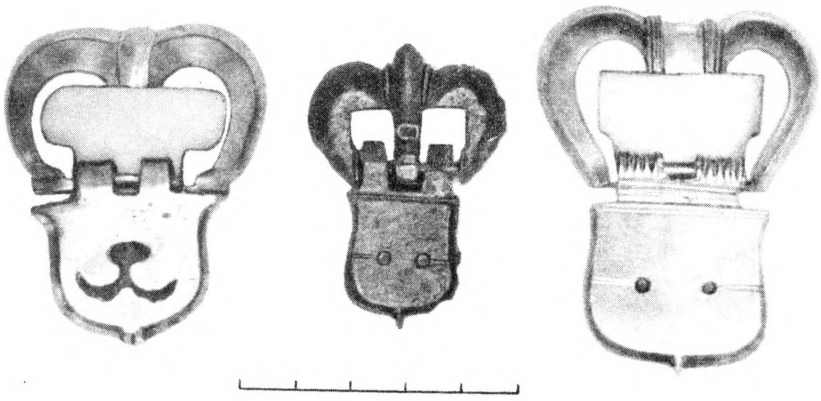


Рис. 10. В-образные пряжки.

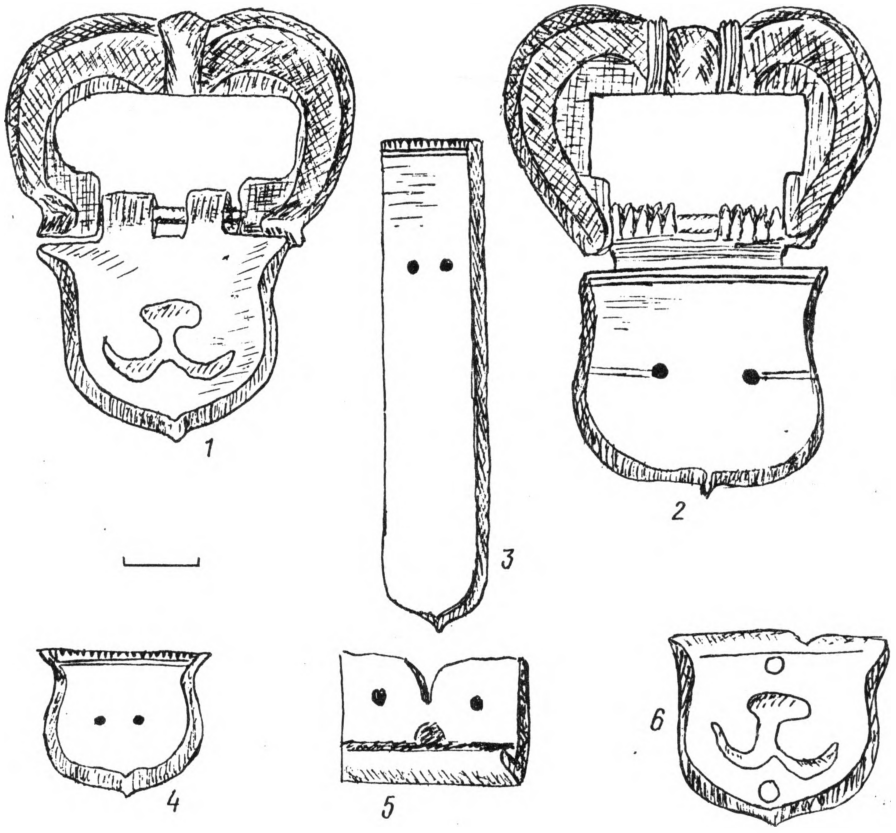


Рис. 11. Предметы поясных наборов.

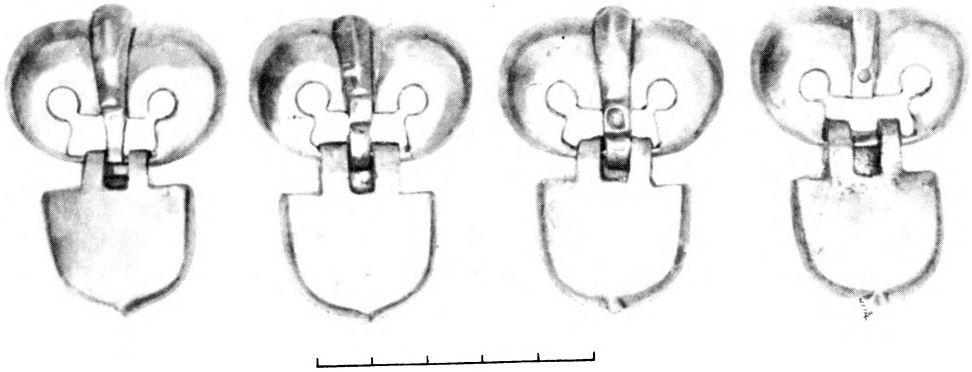


Рис. 12. В-образные лжепряжки.

гладкой поверхности сделано по два круглых отверстия (рис. 8, *8*; 9, *5*). У больших — по три отверстия, соединенных перекрестием (рис. 8, *12*; 9, *4*). Орнамент стилистически близок к прорезным крестовидным отверстиям, сделанным на Т-образных лжепряжках, некоторых накладках и на малых наконечниках поясов. По-видимому, все они входили в комплект одного геральдического набора. У больших З-образных накладок с тыльной стороны имеется по два влитых или вклепанных шпенька длиной до 10 мм. У одной бляшки два крючка, у меньших поделок — по одному. З-образные накладки, вероятно, были принадлежностью пояса или сбруи. Некоторые могли крепиться к одежде при помощи крючков. Близкие по форме накладки часто встречаются среди геральдических наборов третьей четверти I тыс. н. э. В частности, известны они на территории Крыма [21] и Среднем По-днепровье [22].

В состав клада входила серебряная накладка с тремя щитовидными выступами и отверстием в центре. Щитки от центра отделяют канелюры (рис. 8, *13*; 9, *8*). Точная аналогия ей известна среди вещей средневекового могильника Чуфут-Кале в Крыму [23]. Такие бляшки могли принадлежать поясному набору, сбруе или нашивались на одежду.

По-видимому, петлей для подвешивания сабли или кинжала являлась бронзовая литая поделка, состоящая из несомкнутого кольца с внутренним диаметром 28 — 33 мм и кольца-ушка с внутренним диаметром 6 — 9 мм. Оба они соединены между собой тонкой «шейкой», украшенной гравированными линиями (рис. 7, *3*). Малое ушко первоначально имело трехугольную форму. Оно сильно сработалось вследствие длительного ношения на веревочке или ремешке. Близкие по форме и назначению изделия найдены среди вещей

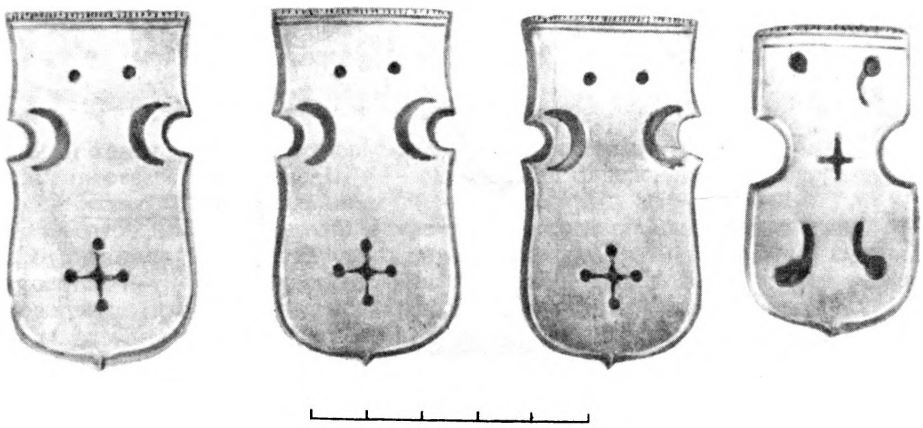


Рис. 13. Наконечники от поясов.

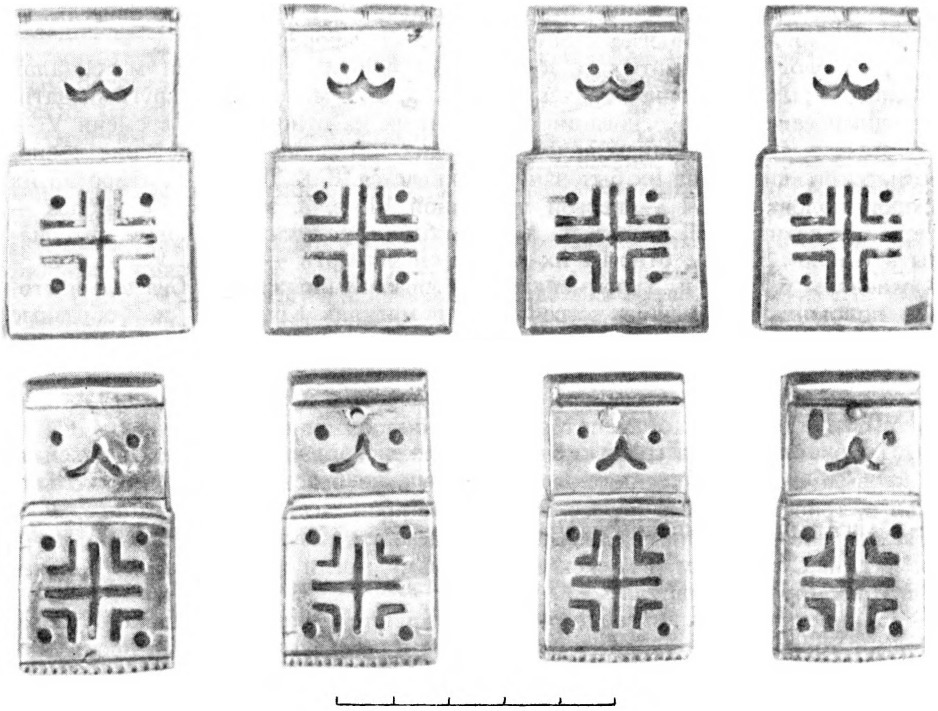


Рис. 14. Накладки от поясов.

Вознесенского комплекса из Днепровского Надпорожья [24] и Мартыновского клада [25].

Накладками от пояса, сбруи или одежды могли быть обломки двух фигурных пластин длиной 54 и 60 и шириной 21 и 22 мм. Их продольные стороны украшены рядом округленных зубчиков, возле которых располагались круглые луночки, а иногда и отверстия (рис. 8, *15*; 9, *12*).

Особое место среди вещей Трубчевского клада занимают зооморфные литые пластины-накладки (рис. 8, *1 — 3*; 9, *1 — 3*). Две из них серебряные длиной 41 и 45 и высотой 55 и 67 мм. Эти фигурки изображают стилизованных право- и левосторонних животных в профиль. У них большие головы, узкие туловища, длинные задние и короткие передние ноги. Концами челюстей животные держат какие-то круглые предметы. Глаза — сквозные круглые отверстия. От головы до передних ног намечена «грива». У одной фигурки «грива» украшена канелюрами и позолочена. У второй — «грива» гладкая, лишь на лобовой части сделано две засечки. На поверхности фигурок имеется несколько отверстий для крепления. Несмотря на то, что эти изделия разносторонние, их нельзя считать парными, поскольку они отличаются в профилировке и декоре. Третья плоская левосторонняя фигурка длиной 30 мм напоминает собаку. На ее поверхности сделано четыре круглых отверстия для крепления. Сейчас известны лишь единичные изделия такого типа. Это фигурки из Северной Греции [26], Южного Приуралья [27], Кубани [28]. В аварском погребении ювелира из Фенлака обнаружены металлические штампы в форме профильных животных [29]. На восточнославянских территориях зооморфные изображения трубчевского облика найдены в ювелирной мастерской пеньковской культуры у с. Скибинцы (о. Мытковский) в Южном Побужье [30]. Очень похожие фигурки известны в Мартыновском кладе [31].

Большая часть вещей, аналогичных трубчевским, традиционно датируется VI — VII вв. н. э. Однако среди них встречаются хронологически более узко диагностирующиеся предметы, позволяющие более точно определить время

зарытия самого клада. К ним относятся пальчатые и зооморфные фибулы, В-образные пряжки и многие предметы поясных наборов.

Хронология пальчатых и зооморфных фибул строится на материалах Южного Крыма, где они встречаются в могилах с монетами и другими датирующими вещами. На основании этих данных их относили ко времени V — VII вв. н. э. С накоплением археологических материалов определение хронологического диапазона их бытования суживается. В. К. Пудовин датировал их второй половиной VI — первой половиной VII в. н. э. [32], А. К. Амброз — второй половиной VII в. н. э. [33], А. И. Айбабин, получивший новые материалы в Южном Крыму, относит их ко второй четверти — концу VII в. н. э. [34] В основном в VII в. н. э. применялись В-образные пряжки [35]. С вещами второй половины VII в. н. э. встречаются в могилах Крыма Т- и З-образные бляшки, двурогие и трехщитковые накладки и т. п. [36]

Как видим, опираясь на узко датируемые вещи, время зарытия Трубчевского клада следует относить ко второй половине, а наиболее вероятно, к концу VII в.

Трубчевский клад содержит предметы женского и мужского снаряжения. К первым относятся шейные гривны, наручные браслеты, височные кольца, очелья, трапециевидные подвески, трубочки-пронизи. Ко вторым — предметы поясных наборов (пряжки, лжепряжки, накладки, петли), зооморфные фигурки и т. п. С женским и мужским костюмами могли использоваться пальчатые и зооморфные фибулы.

Этнически более диагностируемыми являются предметы женского убора. Своими корнями они уходят в европейский культурный массив и, преимущественно, получили распространение среди местных племен. С территорией Прибалтики связано происхождение гладких шейных гривн с крючком и петлей на концах, очелий, спиралевидных височных колей, трапециевидных подвесок и др., где они известны с рубежа — первой половины I тыс. н. э. [37]

Производство пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа большинство исследователей связывает с территорией Среднего Поднепровья, где они наиболее массово выступают в среде племен пеньковской культуры [38]. Б. А. Рыбаков и И. Вернер считают, что эти фибули производились в Среднем Поднепровье по боспорским образцам. А. К. Амброз отстаивал мнение, что такие застежки изготовлялись местным антским населением по дунайским схемам. С территории Среднего Поднепровья они распространились на другие территории, в особенности на Крымский полуостров [39]. Вместе с тем, существуют и другие мнения по этому вопросу. Так М. И. Артамонов связывал их с кутригурами [40], Г. Ф. Корзухина — с аланами [41], Н. Аберг — с готами [42], А. Л. Якобсон высказывал предположение, что они изготовлялись в Крыму. Оттуда они попадали на территорию Среднего Поднепровья и в другие регионы Восточной Европы [43]. Однако эти мнения сейчас имеют чисто историографический интерес.

Три фибулы из Трубчевского клада с ромбическим орнаментом на ножке не являются типичными для Поднепровья (рис. 1, *3*, *5*). Прототипами для их изготовления могли послужить дунайские застежки, у которых ромбический декор на ножке встречается повсеместно [44]. У трубчевских фибул он несколько изменен в сторону упрощения. По мнению Д. Янковича, пальчатые фибулы в Подунавье изготовлялись местными ювелирами, ориентированными на вкусы восточнославянских племен [45].

Более интернациональными были предметы мужского убора. А. К. Амброз связывал возникновение поясных наборов с полуварварской средой византийских городов и крепостей на Дунае *. Оттуда они распространились на большую часть Евразийского континента, как в среде оседлого так и кочев-

---

* Существует также мнение, что геральдические наборы распространились из Причерноморских степей [46], Боспора [47], Северного Кавказа [48], Ирана [49], Алтая [50].

нического населения [51]. По-видимому, именно этим объясняется схожесть геральдических наборов на всех территориях их распространения. Сейчас можно считать установленным, что ранние поясные наборы не являются отражением определенного этноса. В них в большей мере чем в других археологических материалах проявилась общая евразийская мода.

Отметим, что поясные гарнитуры Трубчевского клада происходят от усложненных портупей с дополнительными ремешками, появившимися в середине VI в. н. э. в Византии. Оттуда они распространились на Евразийский континент [52].

У кочевников и оседлого населения встречаются накладки в форме профильных животных.

В состав Трубчевского клада входят несколько женских и мужских комплектов. Если еще можно представить, что одновременно носилось по несколько височных колец, шейных гривн, браслетов и др., то совершенно исключается одновременное ношение около двух десятков фибул и нескольких очелий.

Не являются принадлежностью одной портупеи более 80-ти геральдических предметов. С уверенностью можно утверждать, что накладки со стилистически близким крестовидным орнаментом относятся к одному поясу. Судя по тому, что среди вещей клада находилось три пряжки от основных ремней, можно предполагать наличие там, как минимум, трех портупейных наборов.

Наиболее вероятной нам представляется следующая реконструкция женского убора. Очелье, с накидкой на волосы из легкой ткани, одевалось на голову. Две пары спиральных колец украшали височную часть головы, имитируя локоны волос, шею — гривна, кисти рук — браслеты, одевавшиеся поверх рукавов. При помощи двух парных фибул на груди крепились края легкого плаща-накидки, свободно спадающей вниз.

Воин был подпоясан усложненной портупеей с дополнительными ремешками, богато оснащенной металлическими аксессуарами. К поясу подвешивались сабля и кинжал. Торс и грудь, одетые в панцирь из толстой кожи, могли украшаться парными профильными зооморфными фигурками, З-образными накладками и др. Перекидной плащ, по-видимому, закреплялся на груди при помощи одной пальчатой фибулы. Предложенная реконструкция близка к реконструкциям мартыновских наборов [53].

Мужские гарнитуры были отличительным признаком дружинника, подчеркивая его заслуги, указывая место их владельца в военной иерархии. Очевидно, пояса имели и геральдическое содержание, поскольку все известные комплекты по форме, рисунку и деталям бляшек отличаются друг от друга [54].

Трубчевские находки нельзя считать продукцией одного ювелира, закопавшего их во время опасности. Среди вещей клада встречаются как высокохудожественные изделия, так и такие, изготовление которых не отличается большим мастерством. Маловероятным представляется его формирование путем заказов ремесленникам представителем племенной знати, поскольку портупейные наборы, с художественной точки зрения, разностилевые, с различной геральдической символикой. Поэтому они не могли служить отличительным признаком одного дружинника или одного знатного рода.

Клад из Трубчевска не является единичным на территории Поднепровья. В Среднем Поднепровье и на Левобережье Днепра известно еще девять таких местонахождений: Мартыновский, Мало-Ржавецкий, Вильховчикский, Хацковский клады на Правобережье; Козиевский, Колосковский, Ново-Одесский, Суджакский и Цыпляевский — на Левобережье Днепра. Все они относятся к третьей четверти I тыс. н. э. и по набору вещей очень близки к трубчевским находкам, составляя вместе с ними единый раннесредневековый комплекс древностей. Пальчатые фибулы, похожие на застежки из Трубчевска входили в состав почти всех Днепровских кладов. В Мартыновском наборе есть две зоо-антропоморфные фибулы. Спиралевидные височные кольца входили в состав кладов из Малого Ржавца и Мартыновки; шейные грив-

ны — из Мартыновки и Цыпляево; браслеты с утолщенными концами — из Мартыновки, Малого Ржавца и Цыпляево; трапециевидные подвески — из Хацек, Колосково, Суджи и Новой Одессы; налобник — из Мартыновки; В-образные пряжки — из Мартыновки, Хацек и Колосково; гладкие поясные наконечники — из Мартыновки, Хацек, Суджи и Новой Одессы; фигурные наконечники ремней — из Мартыновки и Хацек; Т-образные подвески — из Хацек и Суджи; двухчастные накладки — из Мартыновки, Колосково, Суджи и Цыпляево; З-образные бляжки — из Хацек; зооморфные литые накладки — из Мартыновки [55]. Не трудно заметить, что наиболее близкие наборы содержат самые большие клады из Трубчевска и Мартыновки.

По своему составу вещи Трубчевского клада, как и других Днепровских кладов, неоднородны. Истоки одних прослеживаются в Подунавье, других — в Прибалтике, третьи — имеют местные корни. Несмотря на это, с большой долей вероятности можно утверждать, что они были зарыты представителями местной знати. Аргументом в пользу этого служит факт наличия в составе кладов европейских уборов, в частности, зооморфных фибул, встречающихся только в Поднепровье и Крыму.

Комплексы Днепровских кладов большинство исследователей связывает с антами письменных источников [56], хотя по этому вопросу существуют и другие мнения *. Анты, в свою очередь, были создателями пеньковской культуры, ареал и хронология которой очень близка к хронологии и территории распространения Днепровских кладов [57]. Вещи, характерные для кладов широко известны на памятниках пеньковской культуры. Более того, клад из Вильховчика был зарыт на территории пеньковского поселения [58]. Некоторые из них (Козиевский, Ново-Одесский) находились на северной окраине пеньковского ареала. Суджанский клад найден в маргинальной зоне с колочинской культурой. Еще севернее расположен Трубчевский клад, на территории Брянского Подесенья, в окружении колочинских древностей. В непосредственной близости от Трубчевска ряд памятников второй и третьей четверти I тыс. н. э. обнаружены разведками П. Н. Третьякова [59]. Поселения Верхний Городец, Прорва, Телец, Макарзно, Старый Любец и др. разведал В. А. Падин. Он же исследовал колочинские поселения Макча и Хохлов Вир, могильник — Крахмальный завод [60]. Л. В. Артишевская осуществила раскопки интересного могильника Квентунь [61].

Как видим, Днепровские клады связываются не только с пеньковской культурой, но частично и с южным ареалом колочинских древностей. Поскольку наборы Трубчевского клада очень близки к наборам из Мартыновки, то можно высказать предположение, что он был зарыт бежавшим под натиском врагов (хазар?) из Среднего Поднепровья (где находился центр антского племенного объединения) в Верхнее Подесенье представителем антской знати. Нельзя исключать и того, что в состав антского межплеменного союза входила часть племен колочинской культуры, представитель которой и зарыл Трубчевский клад в условиях надвигавшейся опасности.

Антская знать, оставившая днепровские клады третьей четверти I тыс. н. э. могла их накопить в результате военных походов, в том числе и на Балканы, сборов дани с соплеменников, в результате торговых операций и т. д.

---

* Часть венгерских исследователей поясные наборы кладов Поднепровья связывает с аварами [62]. В качестве аргумента приводится наличие антропоморфных черт на предметах поясных наборов, встречающихся как в Поднепровье, так и на территории Венгрии. Однако они достаточно широко распространены и на других территориях Евразийского континента. Поэтому нет достаточных оснований связывать наборы с антропоморфными чертами только с аварами. Известны они и на восточнославянских территориях. В частности — среди пеньковских комплексов Среднего Поднепровья [63]. Такие принадлежности геральдических поясов найдены в Арцибашевском погребении на Рязанщине [64] и в одном из погребений Лебяженского могильника в Курском Посеймье [65]. Кроме того, ранние поясные наборы из Венгрии, в отличие от Днепровских, были штампованными, а не литыми. У авар, как и у других народов они не имели ярко выраженных этнических черт. Лишь в начале VIII в. н. э. у авар появляются поясные наборы с чертами, несущими на себе ярко выраженную этническую нагрузку.

Параметры изделий Трубчевского клада

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/135	Фибула пальчатая	Бронза	74,5	167						
4780/136	« »	-"-	80,65	170						
4780/137	« » (фрагмент)	-"-	68,3							
4780/138	Фибула с птичьими головками	-"-	68,2	191,3						
4780/139	Фибула пальчатая (фрагмент)	-"-	43,65	47,5						
4780/140	Фибула пальчатая	-"-	38,2	129,1						
4780/141	« »	-"-	65,4	134,1						
4780/142	Фибула с птичьими головками	-"-	33,55	123						
4780/143	Фибула пальчатая	-"-	45,24	124,5						
4780/144	Фиьбула с птичьими головками	-"-	38,82	123,5						
4780/145	« »	-"-	26,44	107,5						
4780/146	« »	-"-	33,6	103						
4780/147	Фибула пальчатая	-"-	81,4	163						
4780/148	Фибула пальчатая	Бронза	88,76	171,5						
4780/149	« »	-"-	93,5	172						
4780/150	« »	-"-	56,4	169						
4780/151	« »	-"-	75,6	165,2						
4780/152	Фибула зооморфная	-"-	21,15	110,1						
4780/9	« »	Серебро	29,55	93						
4780/122	Подвеска трапециевидная	Бронза	3,57	57						
4780/123	« »	-"-	4,42	61						
4780/124	« »	-"-	4,10	57						
4780/125	« »	-"-	4,31	58						
4780/126	« »	-"-	1,43	35						
4780/127	« »	-"-	1,75	45,5						

Продолжение табл.

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/120	Пластина зооморфная	-"-	2,62	39	28					
4780/78	« »	Серебро с позолотой	13,88	72,5	43,2					
4780/79	« »	-"-	25,29	71	46,2					
4780/119	Накладка трехщитковая	Бронза	6,47			57				
4780/121	Петля из 2-х колец	-"-	13,42	49						
4780/1	Кольцо височное односпиральное	Серебро	36,97			119				
4780/2	« »		33,28			119,9				
4780/3	« » «	-"-	33,18			118				
4780/4	« » «	-"-	27,63			113				
4780/5	Кольцо височное с утолщенными концами	Серебро	38,64			144				
4780/6	« » «	-"-	34,12			138				
4780/7	« » «	-"-	8,72	70						
4780/7а	Кольцо височное (фрагмент)	-"-	8,71							
4780/8	Трубочка-пронизь	Бронза	8,5	всего 13 шт.	из них 10 в обломках,	2 свиты из проволочками				
4780/109	Шейная гривна	Серебро	212			210				
4780/118	« »	Бронза				220				
4780/129	« » (фрагмент)	-"-	12,25	125						
4780/132	« » «	-"-	6,25	81						
4780/110	Браслет с утолщенными концами	-"-	41,35			30				
4780/111	« » «	-"-	46,78			81				
4780/112	« » «	-»-	26,56			76				

Продолжение табл.

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/113	« » «	-"-	18,8	70						
4780/114	« » «	-"-	20,65	55						
4780/130	« » «	-"-	21,7	64,5						
4780/131	« » «	-"-	19,76	70						
4780/115	Стержень изогнутый	Бронза	25,85	70						
4780/116	« »	-"-	25,32	140						
4780/117	Стержень изогнутый с широкими острыми концами	-"-	17,35	137,5						
4780/134	Стержень с расплющенными округленными концами	-"-	13,15	93						
4780/10	Скоба (фрагмент)	-"-	3,21				23			
4780/133	« »	Серебро	2,80	60			27,5			
4780/84	Очелье (фрагмент)	-"-	2,19	75			40			
4780/85	« »	-"-	1,6	78			41,5			
4780/86	« »	-"-	5,89	50			47			
4780/83	« »	-"-	8,02	165			48			
4780/82	« »	-"-		68			34			
4780/74	Пряжка	-"-	27,78					48×33	34×23	
4780/75	«	-"-	31,52					50×33	33×29	
4780/90	«	-"-	27,15					50×32	38×39	
4780/91	«	—	30,87					50×32	37×30	
4780/87	«	—	32,6					50×32	37×30	
4780/88	«	-"-	32,88					50×32	38×29	
4780/89	«	-"-	33,31					49×33	38×29	
4780/92	«	-"-	28,12					50×32	38×29	
4780/93	«	-"-	28,95					50×32	38×29	
4780/94	«	-"-	30,86					50×32	38×30	
4780/95	«	-"-	28,22					50×32	38×29	

Продолжение табл.

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/96	Пряжка	Серебро	25,79					39×25	28×23	
4780/97	«	-"-	18,15					39×25	28×23	
4780/98	«	-"-	18,16					39×25	28×23	
4780/99	«	-"-	18,98					39×25	28×23	
4780/100	« (щиток)	-"-	21,35						28×23	
4780/101	«	-"-	18,13					39×25	28×23	
4780/102	«	-"-	17,45					39×25	28×23	
4780/103	«	-"-	15,75					39×25	28×23	
4780/104	«	-"-	15,58					39×25	28×23	
4780/105	«	-"-	12,86					39×25	28×23	
4780/106	«	-"-	13,28					39×25	28×23	
4780/107	«	-"-	15,135					39×25	28×23	
4780/108	«	-"-	8,685					39×25	28×23	
4780/128	«	-"-	17,05					35×23	20×20	
4780/15	Наконечник для пояса	-"-	11,36	64,8			16			
4780/16	« » «	-"-	11,04	64,8			16			
4780/17	« » «	-"-	12,74	64,8			16			
4780/18	« » «	-"-	12,33	64,8			16			
4780/19	« » «	-"-	11,09	64,9			16			
4780/20	« » «	-"-	11,66	64,8			16			
4780/21	« » «	-"-	11,96	64,8			16			
4780/22	« » «	-"-	12,11	64,8			16			
4780/23	« » «	-"-	11,17	64,8			16			
4780/24	« » «	-"-	11,26	64,6			16			
4780/25	« » «	-"-	11,35	64,8			16			
4780/26	« » «	-"-	12,23	65			16			
4780/67	Накладка двурогая	-"-	18,02	69			35			

Продолжение табл.

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/68	Наконечник для пояса	Серебро	16,01	69			35			
4780/69	« » «	-"-	18,43	69			36			
4780/70	« » «	-"-	17,55	69			34,5			
4780/71	« » «	-"-	13,86	61			47			
4780/80	Пластина от поясного наконечника	-"-	5,13	105,5			17,8			
4780/81	« » «	-"-	5,83	105			17,8			
4780/27	Накладка двухчастная	-"-	6,93	36			19			
4780/28	« »	-"-	7,48	36			19			
4780/29	« »	-"-	7,05	36			19			
4780/30	« »	-"-	6,40	36			19			
4780/31	« »	-"-	6,49	36			19			
4780/32	« »	-"-	6,98	36			19			
4780/33	« »	-"-	6,58	36			19			
4780/38	« »	-"-	18,96	66			33,5			
4780/39	« »	-"-	17,43	66,5			33,5			
4780/40	« »	-"-	15,93	67,5			33,5			
4780/41	« »	-"-	21,73	65			34			
4780/42	« »	-"-	18,78	67			34			
4780/43	« »	-"-	18,08	65			33			
4780/44	« »	-"-	17,04	66,5			34			
4780/45	« »	-"-	15,72	55			23			
4780/46	« »	-"-	13,55	55,5			29			
4780/47	« »	-"-	15,46	56			29			
4780/48	« »	-"-	14,17	52,5			29			
4780/49	« »	-"-	15,46	—			28			
4780/59	« »	-"-	16,17	65			34			
4780/60	« »	-"-								

Окончание табл.

Инвентарный №	Наименование изделий	Материал	Вес в гр.	Размер (в мм)						Примечание
				длина	высота	диаметр	ширина	размер рамки	размер щитка	
4780/61	Накладка Т-образная	Серебро	15,13	52						
4780/62	« »	-"-	14,90	65,5						
4780/63	« »	-"-	14,58	65,5						
4780/65	« »	-"-	17,78	77						
4780/66	« »	-"-	18,52	78,5						
4780/50	« »	-"-	7,36	37	28					
4780/51	Накладка З-образная	-"-	7,25	37	28					
4780/52	« »	-"-	8,83	37	28					
4780/53	« »	-"-	8,89	37	28					
4780/54	« »	-"-	5,55	36	28					
4780/55	« »	-"-	6,36	35,4	28					
4780/56	« »	-"-	8,78	36,5	28					
4780/57	« »	-"-	2,575	21	14					
4780/58	« »	-"-	3	29	15					
4780/34	Накладка	-"-	3,92	22			19,5			
4780/35	«	-"-	4,85	22			19,5			
4780/36	«	-"-	4,52	22			19,5			
4780/3	«	-"-	6,90	26,5			31			
4780/11	«	-"-	1,73	52			23,5			
4780/12	«	-"-	3,4	79			23,5			
4780/13	«	-"-	4,73	115,5			29			
4780/14	«	-»"	3,99	105			31,5			
4780/72	Пластина	-"-	4,27	60			22			
4780/73	«	-»-	4,2	54			21,5			

[1] *Падин В. А.* Раскопки поселения Макча близ Трубчевска // СА. — 1969. — № 4. — С. 200 — 218; *Падин В. А.* Роль Брянского края в происхождении славян Подесенья // Брянский краевед. — 1973. — Вып. 5. — С. 84.

[2] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI — IX ст. н. е. — К., 1980. — С. 64 — 69.

[3] *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь, 1990. — Вып. 1. — С. 196. — Рис. 17, *1 —6*, С. 197, рис. 18, *1 — 6*: С. 198. — Рис. 19, *1, 2*.

[4] *Werner J.* Slawische Bugelfibel des 7 Jahrhunderts // Reinechke Festschrift. — Meinz. — 1950. — S. 150 — 172.

[5] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 199. — Рис. 20, *1, 8*.

[6] *Рыбаков Б. А.* Древние русы // СА. — 1953. — Вып. XVII. — С. 93. — Рис. 23; *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 192. — Рис. 13.

[7] *Рыбаков Б. А.* Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. — 1949. — Вып. XXIII. — С. 76.

[8] *Schmidt B.* Die spate vokerwanderungszeit in Mitteldeutsch land. — Halle. — 1961. — S. 44. — Abb. 24.

[9] *Приходнюк О. М., Шовкопляс А. М., Ольговский С. Я., Струшня Т. А.* Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Симферополь. — 1991. — Вып. 2. — С. 271. — Рис. 6,*4*.

[10] *Рыбаков Б. А.* Древние русы. — С. 81, рис. 18.

[11] *Смирнов К. Ф.* Курганы у сс. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. — 1959. — № 60. — С. 220. — Рис. 7, 6; *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. — 1979. — Вып. 158. — Рис. 2.

[12] *Афанасьев Г. Е.* Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. — М., 1980. — Рис. 2, *19, 23*.

[13] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 218. — Р. 39, *14, 16, 18, 20, 23*.

[14] *Липкинг Ю. А.* Могильник третьей четверти I тыс. н. э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. — Л., 1974. — С. 146. — Рис. 5, *10*.

[15] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 56. — Рис. 17, *4*.

[16] Там же. — С. 90.

[17] *Липкинг Ю. А.* Указ. соч. — С. 146, рис. 5, *11*.

[18] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 65, рис. 12.

[19] *Липкинг Ю. А.* Указ. соч. — С. 146, рис. 5.

[20] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 222, рис. 50, *39 — 41*.

[21] *Там же.* — С. 230, рис, 51, *31 — 33*.

[22] *Рутковская Л. М.* О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовка на р. Тясмин // Раннесредневековые восточнославянские древности. — Л., 1974. — С. 35. — Рис. 4, *2*.

[23] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 230, рис. 51, *52*.

[24] *Грінченко В. А.* Пам'ятка VIII ст. коло с.Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. — 1950. — Т. III. — С. 55. — Табл. VI, *2*.

[25] *Приходнюк О. М., Шовкопляс А. М., Ольговский С. Я., Струшня Т. А.* // Указ. соч. — С. 270. — Рис. 5, *12*.

[26] *Werner J.* Slawische Bronzenfiguren aus Nordgriechenland // Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse fur Gesel // Schaftswissenschaften. — 1952. — N 2. — Taf. 1,*1*.

[27] *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII — XIII вв. — М., 1981. — С. 17. — Рис. 8, *17*.

[28] Минаева Г. М. Находки близ станицы Преградной на р. Урупе // КСИИМК. — 1956. — Вып. 67. — С. 133. — Рис. 52, *2*.

[29] *Hampel J.* Altertrumer des fruhen Mittelters in Ungarn. — Braunschweig, 1905. — T. 3. — S. 640. — Fig. — 2004, 2005.

[30] *Хавлюк П. И.* Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. — 1963. — № 108. — С. 321. — Рис. 2.

[31] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 88, рис. 21.

[32] *Пудовин В. К.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550 — 650 гг.) // СА. — 1961. — № 1. — С. 184.

[33] *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № 2. — С. 114 — 116, 122.

[34] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 23, 26.

[35] *Амброз А. К.* Указ. соч. — С. 114 — 118; *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 37.

[36] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 53.

[37] *Йовайша Э. Л.* Центральная Литва в I — IV вв. (по материалам погребальных памятников) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — К., 1987. — С. 12 — 13.

[38] *Приходнюк О. М.* Основные итоги изучения пеньковской культуры // Archeologica Carpatica. — 1985. — Т. 24. — С. 118 — 119.

[39] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 53; *Werner J.* Op. cit. S. 150 — 172; *Амброз А. К.* Указ. соч. — С. 116 — 122.

[40] *Артамонов М. И.* Етническата принадлежност и историческато значение на Пастыраката култура // Археология. — 1969. — С. 1 — 9. — XI, 3.

[41] *Корзухина Г. Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тыс. н. э. // СА. — 1955. — Вып. XXII. — С. 69 — 79.

[42] *Aberg N.* Ostpreusenie der volver Wander Wanderungszeit. — Uppsala, 1919. — S. 76 — 77.

[43] *Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. — М.; Л., 1964. — С. 155.

[44] *Salin B.* Die Altgermanische Theirornamentik. — Stockolm, 1904. — S. 197.

[45] *Янкович Д.* Позднеантичные фибулы VI и VII вв. и славяне // Raports du III[e] Congres International d'Archeologie slave. — Bratislava, 1980. Т. 2. — С. 173 — 177.
[46] *Fettich N.* Die Metall Kunst der Landnekmenden Ungarn // Archaeologia Hungarica. — 1937. — XXI. — S. 280 — 296.
[47] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 62 — 63.
[48] *Ковалевская В. Б.* К изучению орнаментики наборных поясов IV — IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970. — С. 153.
[49] *Gropp G.* Gurtel mit Reliet in der grassen Grotte des Tag-e-Bostan // Archeologische Mitteilungen aus Iran. — Neue Folga. — 1970. — N 3. — S. 274 — 275.
[50] *Мавродиновъ Н.* Праболгарската художествена индустрия. — София, 1936. — С. 155 — 157.
[51] *Амброз А. К.* Указ. соч. — С. 118.
[52] *Георгиева С.* К вопросу о т. н. «проболгарской» художественной промышленности // Slavia Antigua — 1963. — X. — С. 352; *Амброз А. К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. — М., 1981. — С. 16.
[53] *Prichodnjuk O. M., Sovkopkjas A. M.* Der Martynovka-Hort // Gold der Steppe Archaologie der Ukraine. — Schlecswig. — 1991. — S. 241. — Abl.
[54] *Ковалевская В. Б.* Башкирия и Евразиатские степи IV — IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 102.
[55] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 23 — 104.
[56] *Спицын А. А.* Древности антов // Сборник отделения русского языка и словесности АН СССР. — М., 1928. — С. 492 — 495; *Werner J.* Op. cit. — S. 158 — 165; *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. — М., 1979. — С. 121; *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI — IX ст. н. е. — К., 1980. — С. 92 — 101.
[57] *Приходнюк О. М.* Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. — К., 1989. — С. 58 — 69.
[58] *Приходнюк О. М.* Археологічні пам'ятки... — С. 101.
[59] *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. — Л., 1974. — С. 40 — 48.
[60] *Падин В. А.* Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска // СА. — 1960. — № 3. — С. 317 — 319.
[61] *Артишевская Л. В.* Могильник раннеславянского времени на реке Десне // МИА. — 1963. — № 108. — С. 85 — 96.
[62] *Kovrig J.* Das avarenzeitlich Graberfeld von Alattyan. — Budapest, 1973. — P. 227 — 228; *Laslo G.* Stepenpervolker und Germanen. — Berlin. — 1971. — S. 42 — 55; Balint C. Uber einige ostliche Beziehungen der Fruhawarenzeit (568-circa 670/680) // Mitteilungen des Archaologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. — 1982. — 10/11. — 1980/1981. — S. 131 — 132.
[63] *Приходнюк О. М.* Указ. соч. — С. 69. — Рис. 45, *7*.
[64] *Монгайт А. Л.* Археологические заметки // КСИИМК. — 1951. — Вып. 61. — С. 126. — Рис. 43, *8, 9, 13, 18*.
[65] *Липкинг Ю. А.* Указ. соч. — С. 146. — Рис. *5, 14*.

Р. С. Орлов, Ю. Я. Рассамакин

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ VI — VII вв. ИЗ ПРИАЗОВЬЯ

Памятники сивашовского типа были выделены на основании 20 неопубликованных погребений VI — VII вв., обладающих теми или иными чертами Малоперещепинского клада [1]. Отметим, что давно известные погребения второй половины VI — VII вв. из раскопок 1951 — 1952 гг. у Токмака и совхоза «Аккермень» на р. Молочной выделены А. К. Амброзом в четвертую группу так называемого рядового населения с пряжками и накладками «геральдического» стиля. К одновременным погребениям знати А. К. Амброз отнес комплексы из Малого Перещепина, Глодос, Келегейских хуторов [2].

Ко времени выделения памятников сивашовского типа (1985 г.) к бассейну р. Молочной были отнесены погребения раннесредневекового времени у с. Виноградное Токмаковского района 1983 г. и сел Малая Терновка и Радионовка Акимовского района (р. Большой и Малый Утлюк). В 1990 г. Запорожской экспедицией ИА АН Украины в кургане у с. Виноградное открыто еще одно погребение сивашовского типа (исходя из сохранившегося инвентаря). К сожалению, вся эта группа кочевнических древностей, включая находки из Херсонеской и Николаевской областей остается неопубликованной. Исключением является частичная публикация погребения из с. Портовое в Крыму [3], весьма близкого по инвентарю и обряду самому богатому погребению данной группы

из с. Сивашовка, также неопубликованному. Публикация богатых погребений сивашовского типа позволяет уже не рассматривать Малоперещепинский и Глодосский комплексы как погребения одновременной им знати, так как внутри группы, тяготеющей к Приазовью и Юго-Западному Причерноморью, оказывается достаточно развитое социальное расслоение. Собственно на иной путь интерпретации Малоперещепинского комплекса и указал А. К. Амброз, определив Вознесенский комплекс как каганский поминальный храм первой половины VIII в. [4]

Публикуемые ниже погребения раннесредневековых кочевников открыты в курганах, расположенных на высоком правом берегу р. Молочной между сс. Виноградное и Чапаевка к юго-западу от Токмака [5]. Погребение, исследованное в 1983 г., было впускным в курган № 5 и совершено в яме с подбоем под центром насыпи на глубине 1,40 — 1,60 м. Входная яма овальная (2,25×0,8 м), вытянута по оси восток — запад. Уже в процессе раскопок была отмечена просадка грунта над подбоем вдоль южной стенки, что позволило проследить детали обряда (рис. 1, I, II, III). Во входной яме, на глубине 1,30 м, находилось конское захоронение с деталями сбруи. Лошадь была положена на брюхо, ноги подобраны под корпус, холка приподнята, череп слегка повернут влево (рис. 2). По-видимому, при захоронении лошадь прислонили к стенке ямы правым боком (рис. 3, *2*). Ориентирован скелет головой на запад. У челюсти обнаружены обломки железных удил, двусоставных, возможно двукольчатых (рис. 3, *28, 29*).

Положение лошади в подбое аналогичное публикуемому в данной группе кочевников встречено только в Портовом в Крыму. Наиболее ранние погребения коня восточно-тюркского обряда известны на памятниках более ранних гуннского времени IV — V вв., наиболее ярко представлены могильником на р. Дюрсо под Новороссийском [6]. Позднее, в эпоху I Тюркского каганата, подобный обряд трупоположения с конем характерен для памятников кудыргинского типа Алтая, в Туве VI — VII вв. [7] Другие детали погребального обряда в Виноградном также говорят о тюркской этнической принадлежности погребенного.

Из деталей оголовья найдены пряжки с овальной рамкой и геральдическим щитком, длиной 2, шириной 1 см. Размеры рамки 1,9×1 см. В настоящее время пряжки не сохранились, как, к сожалению, и другие интересные предметы из состава инвентаря. Но представить типы изделий можно по прорисовкам, выполненным по фотографиям (рис. 3, *1, 2*). Из текста отчета следует, что к деталям оголовья относилась накладная бляха геральдической формы с серповидными вырезами (рис. 3, *3*) размерами 1,8×1,9 см, по-видимому, близкого типа найденной в Сивашовке [8], то есть относящейся к типу, чрезвычайно распространенному по всему громадному ареалу кочевания тюрок и соприкасающихся с ними племен [9].

К украшениям оголовья относится набор круглых и овальных бляшек трех типов со стеклянными вставками. К каждому типу относятся по две бляшки, что позволяет предположить их симметричное расположение, скорее всего, на продольном нащечном ремне. Фрагментированность некоторых из них, а также данные химического состава сплавов позволяют описать и некоторые технологические приемы изготовления [10] (спектрограмма).

Две бляшки диаметром около 1 см, представляют собой гнезда из зерни с вставками стекла синего цвета (рис. 3, *4*; 4, *3*). Количество шариков на одной бляшке 27, на другой — часть зерни утеряна. Две другие диаметром 1,3 см, количество зерни соответственно больше — до 38 (рис. 3, *5*). Еще две овальные (1,6×1,1 см), количество зерни — до 39 (рис. 3, *6*). Стеклянные вставки у круглых бляшек сиреневого цвета, у овальных — желтого. Основой для каждой бляшки служила медная шайба со штырем (меди 99 %). Из низкопробного золота или из двух лепестков золота и серебра (анализ показал состав золота 40 %, серебра 50 %, меди 10 %) изготовлялось из полоски гнездо, соединенное замком. Гнездо припаивалось к медной основе шайбы, но предварительно вставлялась тонкая выпуклая пластинка цветного стекла, иногда толщиной всего 1,5 мм, а пространство заполнялось пастой. В последнюю очередь напаивались шарики зерни по краю и создавался эффектный

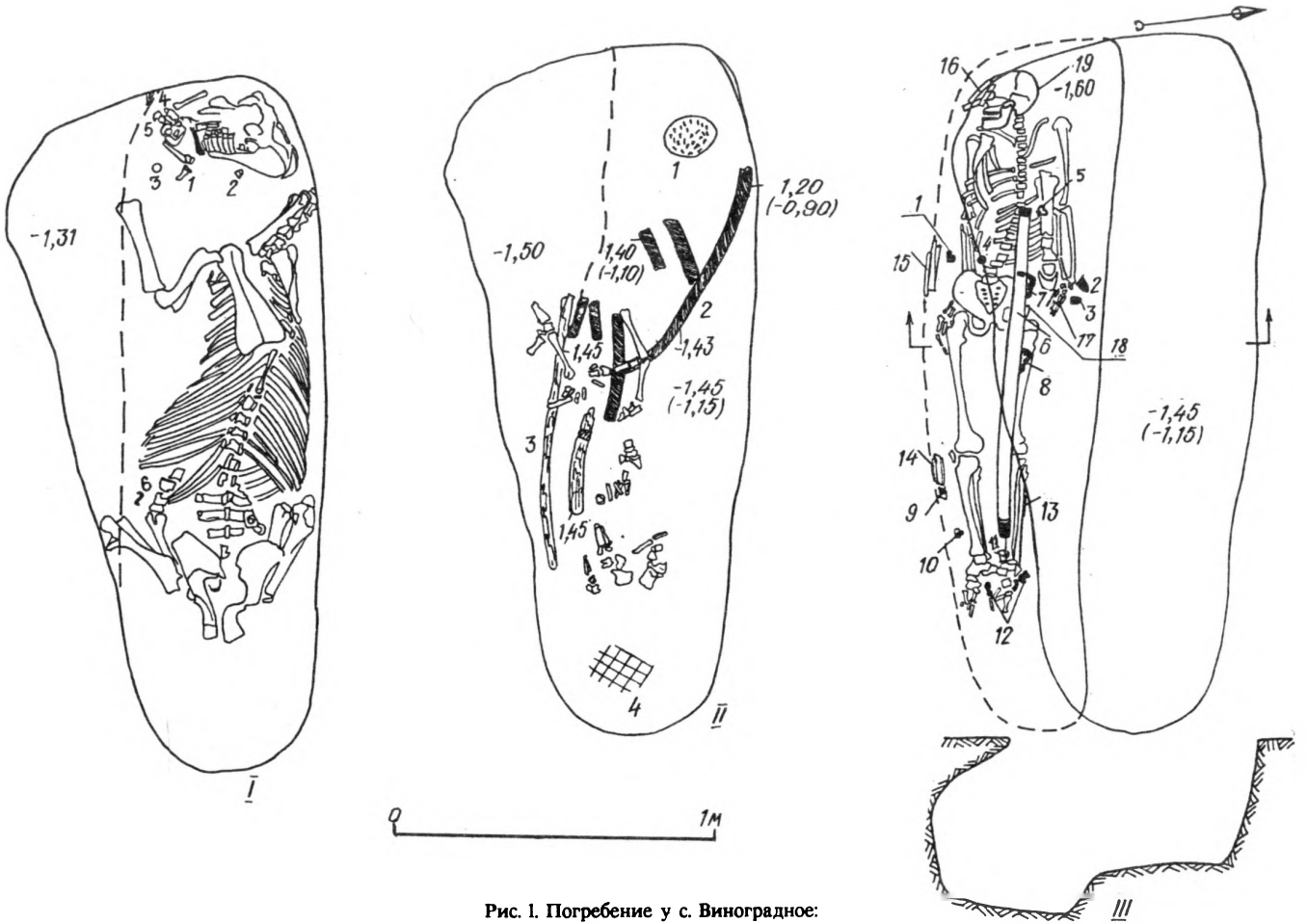


Рис. 1. Погребение у с. Виноградное:

I — *план конского захоронения: 1* — удила; *2* — пряжка; *3* — украшения оголовья; *4* — наконечник ремня; *5* — череп барана; *6* — скобка. II — *план на уровне перекрытия подбоя: 1* — угли, зола; *2* — верхнее перекрытие; *3* — нижнее перекрытие; *4* — ткань. III — *план по дну погребальной ямы: 1* — пряжка, *2, 9, 13* — наконечники поясные; *3, 4, 19* — накладки ременные, *5* — пряжка оголовья; *6* — палаш; *7, 8* — петли ножен палаша; *10, 11* — пряжки от обуви; *12* — украшения обуви; *14, 16* — концевые накладки лука; *15* — срединные боковые накладки лука; *17* — застежка колчана; *18* — пряжка и накладка-бляшка колчана.

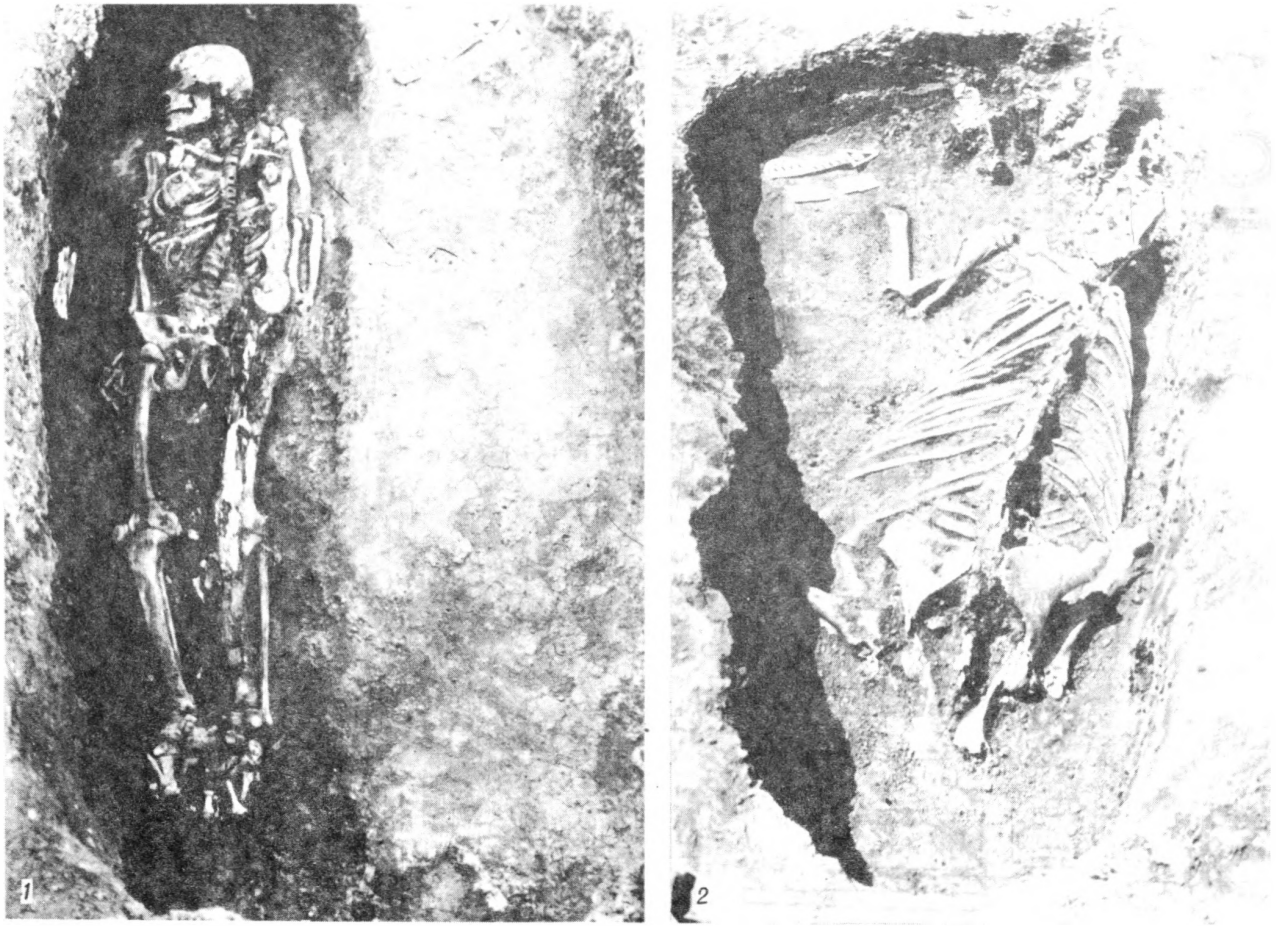


Рис. 2. Погребение у с. Виноградное: *1* — общий вид; *2* — конское захоронение.

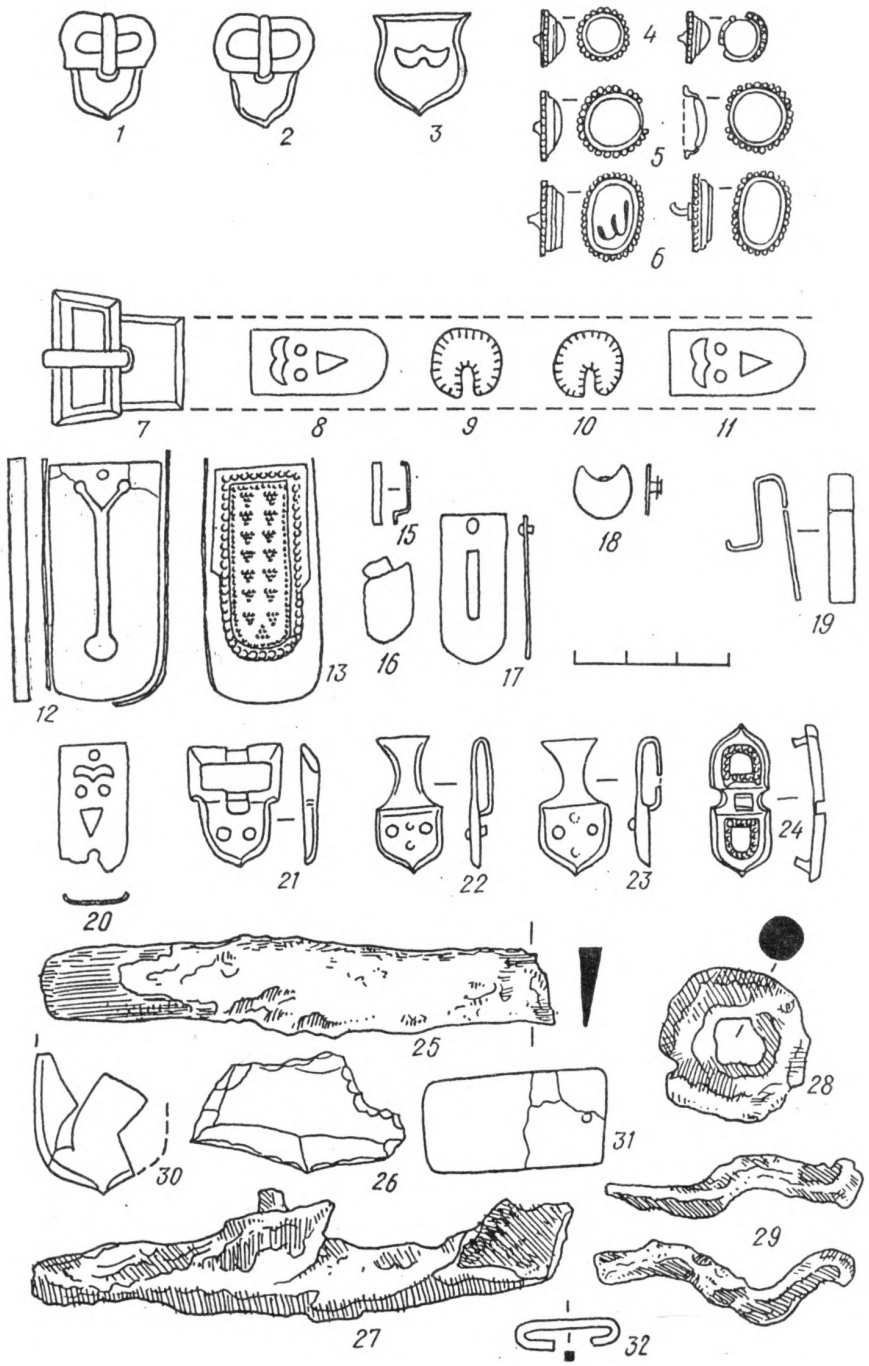


Рис. 3. Инвентарь погребения у с. Виноградное:

1 — 3 — пряжки и накладная бляшка оголовья; *4 — 6* — бляшки оголовья из зерни с вставками цветного стекла (*4* — синего; *5* — сиреневого; *6* — желтого); *7 — 11* — реконструкция пояса (*7* — пряжка; *8, 11* — бляшки с прорезями; *9, 10* — круглые с вырезом); *12* — наконечник у левой ноги; *13* — наконечник у левой кисти; *15 — 18* — находки из заполнения; *19* — обойма у левой задней ноги лошади: *20 — 24* — украшения обуви левой ноги (*24* — со вставками из золотой зерни и стекол); *25* — нож; *26, 27* — кресало; *28, 29* — обломок удил; *30* — наконечник в заполнении у черепа; *31* — наконечник из заполнения; *32* — скоба поясная.

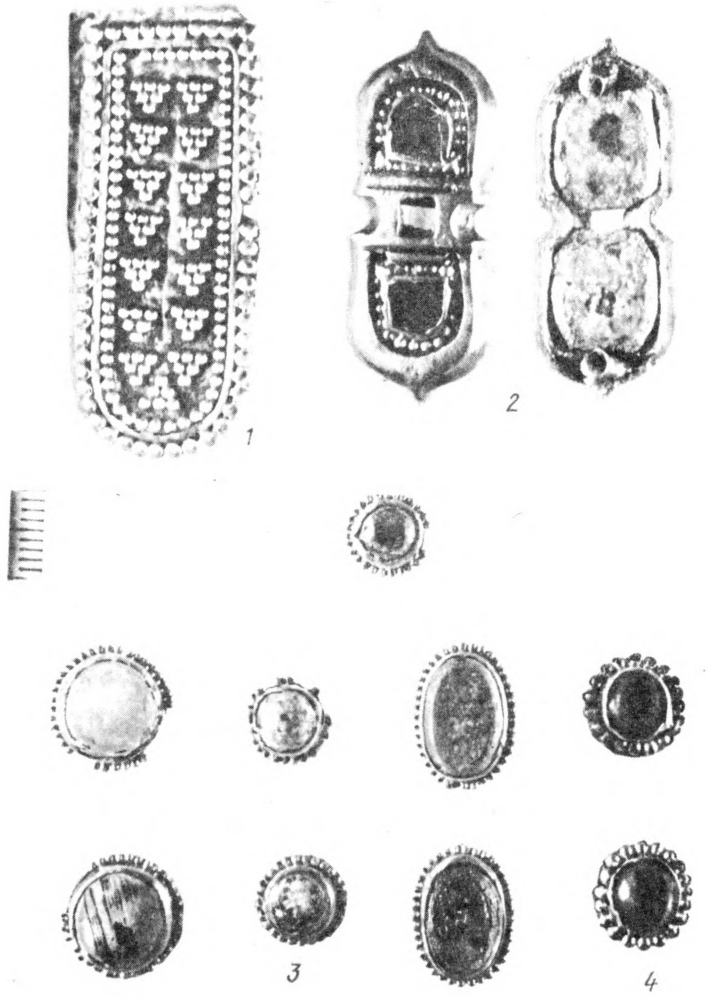


Рис. 4. Инвентарь погребения

1 — золотая вставка с декором из зерни; *2* — украшения обуви левой ноги с декором из зерни; *3* — украшения оголовья; *4* — украшения колчана.

бордюр. Анализ шариков зерни дал тот же состав: 40 % золота, 50 серебра и 10 % меди, что дает возможность определить сплав как близкий биллону [11].

Из приемов отметим огранку вставок в овальные бляшки. На одной из вставок резцом выгравирована монограмма мастера или владельца (рис. 3, *б*). Одинаковые приемы изготовления, состав металла говорят о руке одного мастера или производстве в одной мастерской.

Типы рассмотренных бляшек широко известны и встречаются в виде отдельных бляшек-гнезд, например в кугульских подземных склепах возле Кисловодска, в комплексе с наременными украшениями геральдического типа [12], на поясах древних тюрок [13], у ранних авар из Кернье [14], но чаще в виде круглых гнезд-вставок на ножнах палашей, кинжалов. Как правило, типы круг-

Спектрограмма № 30 от 30 июня 1986 г.

Анализ №	Наименование изделия	Рис. в тексте №	Cu	Ag	Pb	Sn	Bi	Zn	Au
2	Бляшка с зернью от колчана	*5,14*	10	50	0,05	0,01	0,001	—	40
3	Бляшка оголовья	*3,5*	10	50	0,03	0,001	0,008	—	40
4	Шайба бляшки оголовья	*3,5*	99	0,03	0,002	0,005	—	—	0,002
5	Бляшка-петля обуви	*3,23*	88	2	0,9	7	0,003	1,8	0,02
6	« « «	*3,22*	10	86	1,6	1,2	0,04	0,8	0,3
7	Пряжка обуви	*3,21*	15	83	0,3	0,16	0,06	1,2	0,8
8	Бляшка обуви	*3,20*	13	83	0,8	0,8	0,06	1,4	0,6
9	Бляшка Т-видная	*5,11*	17	80	0,6	0,3	0,03	1,6	0,8
10	Пряжка от колчана	*5,13*	89	0,8	0,4	9	0,001	0,3	0,01
11	Бляшка с зернью	*3,24*	12	84	1	0,3	0,15	1,5	0,7
12	Бортик наконечника	*3,13*	12	86	0,7	0,2	0,15	0,8	0,35
13	Пластина наконечника	*3,13*	4	92	0,16	2,5	0,03	0,6	0,7
14	бляшка	*3,18*	15	82	0,3	0,4	0,035	2	0,7
15	Пластина наконечника	*3,16*	5	75	2,5	15	0,035	0,6	1,5
16	Бортик наконечника	*3,12*	15	80	1	0,15	0,025	3	0,6
17	Бортик навершия ножен	*5,7*	84	0,08	0,7	0,2	0,01	14	0,005
18	Бортик навершия рукояти	*5,5*	24	70	2,5	0,6	0,2	2,2	0,6
19	Навершие рукояти	*5,5*	86	0,1	1,6	4,5	0,005	6,8	0,01
20	Верхняя петля	*5,1*	93	0,1	1,6	1,2	0,008	3,0	0,008
21	Нижняя петля	*5,3*	18	75	2,5	2	0,06	2	0,35
47	Наконечник	*3,30*	25	63	1,6	5,6	0,03	1	1

лых поясных бляшек с зернью отличаются большей грубостью и отлиты или штампованы вместе бордюром из зерни. В погребении у с. Виноградное мы сталкиваемся с чертами того роскошного стиля, который особенно проявился в Малоперещепино и Глодосах в зерни и инкрустации глодосского меча и кинжала [15]. Небезынтересно отметить, что наиболее близкое по обряду погребение сивашовского типа из Портового и частично опубликованное погребение из Васильевки на Херсонщине (раскопки 1984 г.) содержат в составе инвентаря изделия со вставками и зернью [16]. Остальные комплексы состоят из более массивных, но изготовленных в технике литья наборов из серебра и меди. В изделиях данного стиля исследователи отмечают глубокие традиции ремесла Византии, кратковременность распространения в Восточной Европе и Подунавье [17]. В контексте приведенных Ч. Балинтом данных, представляется верным его вывод о сильном влиянии ремесла Ирана, образец зерни которого на наконечнике из этого же погребения (см. ниже) указывает на стилистическое единство группы вещей [18].

Последнее изделие, найденное возле левой задней ноги лошади представляет собой обойму из пластинки (латунной — ?) шириной 0,5 см, изогнутой, в обломках (рис. 5, *19*). Обоймы обычны для погребений VI — VII вв., аналогичные найдены у с. Ковалевка на Южном Буге, у хут. Епифановского на Нижнем Дону [19].

Слева от черепа лошади, на приступке входной ямы лежали остатки жертвенного животного — барана. От него сохранились не только череп, но и части ног, ребра. Последние сдвинуты в заполнение подбоя, и, исходя из наблюдения авторов находки, лежали под скелетом лошади. Интересно, что между костями лошади и барана зафиксированы продольные плахи шириной 5 см, немного сместившиеся (рис. 1, II). Назначение конструкции не совсем понятно, так как до сих пор (Сивашовка, тюрки Алтая, Казахстана) были известны перекрытия и перегородки между человеком и конем, а не помост. Деревянные лежанки в погребениях зафиксированы у авар в междуречье Тиссы и Дуная [20].

По дну входной ямы в ее северо-западном углу прослеживались: золистое пятно диаметром 12 см; под костями барана темный тлен; у восточной стенки

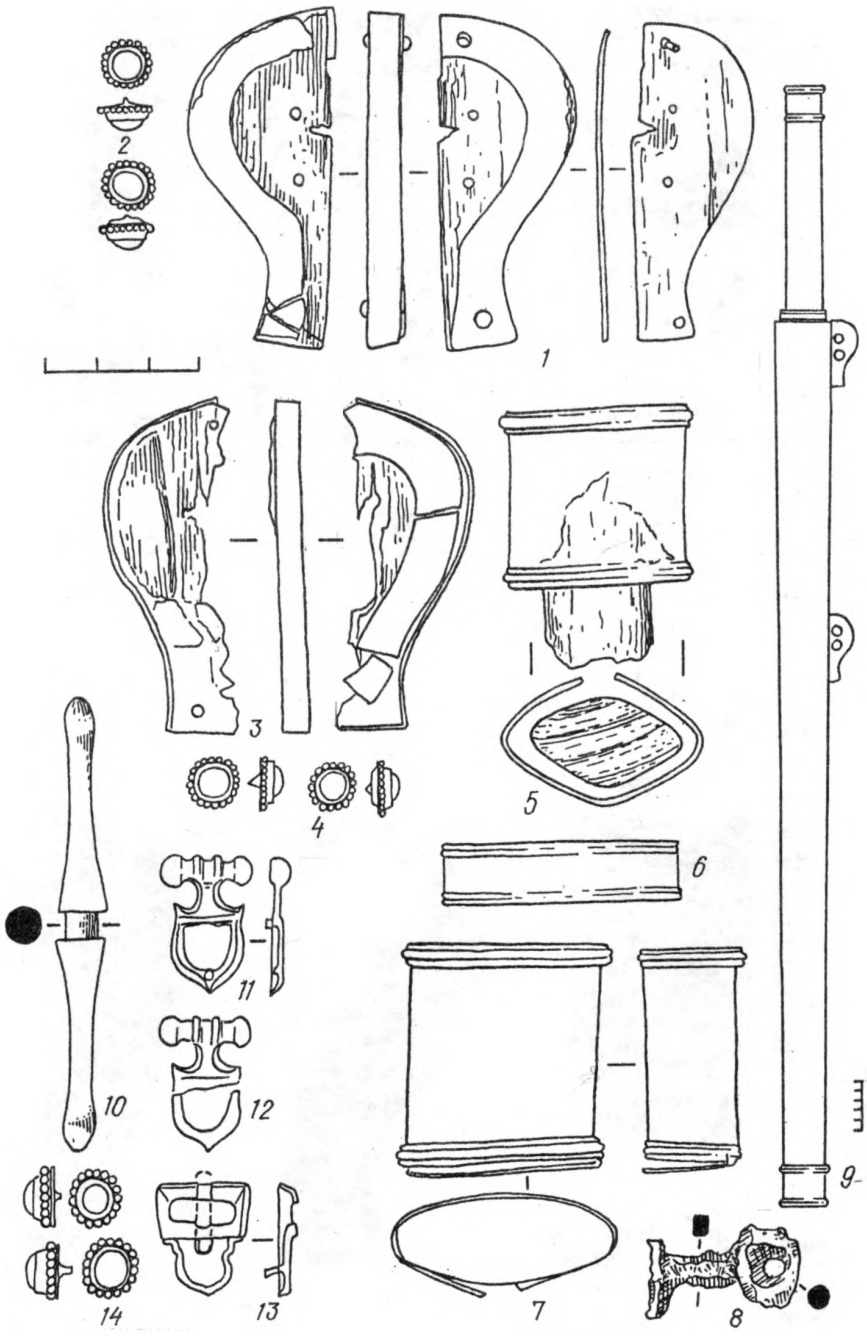
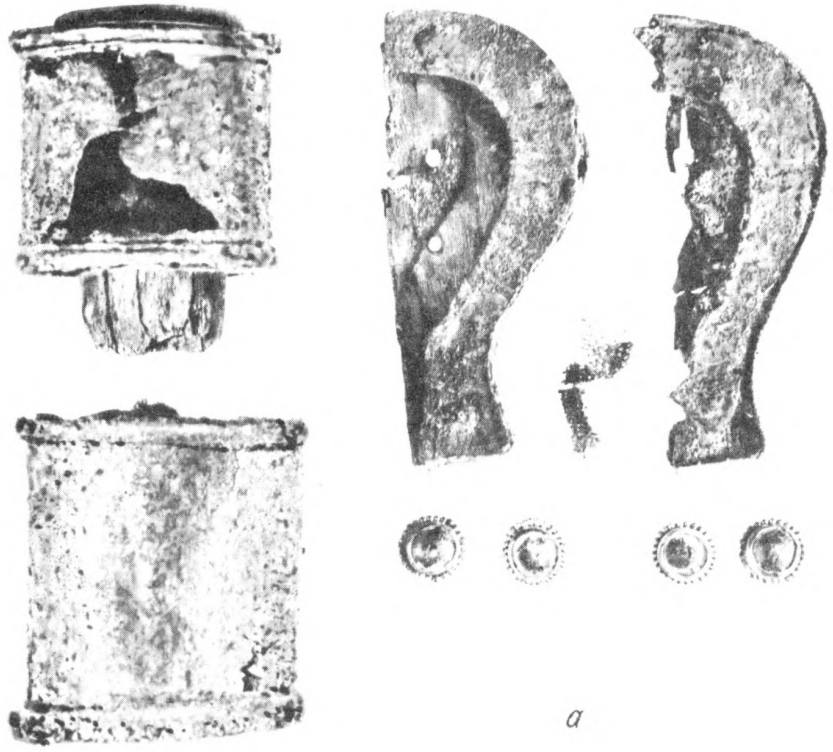


Рис. 5. Инвентарь погребения палаш и колчан:

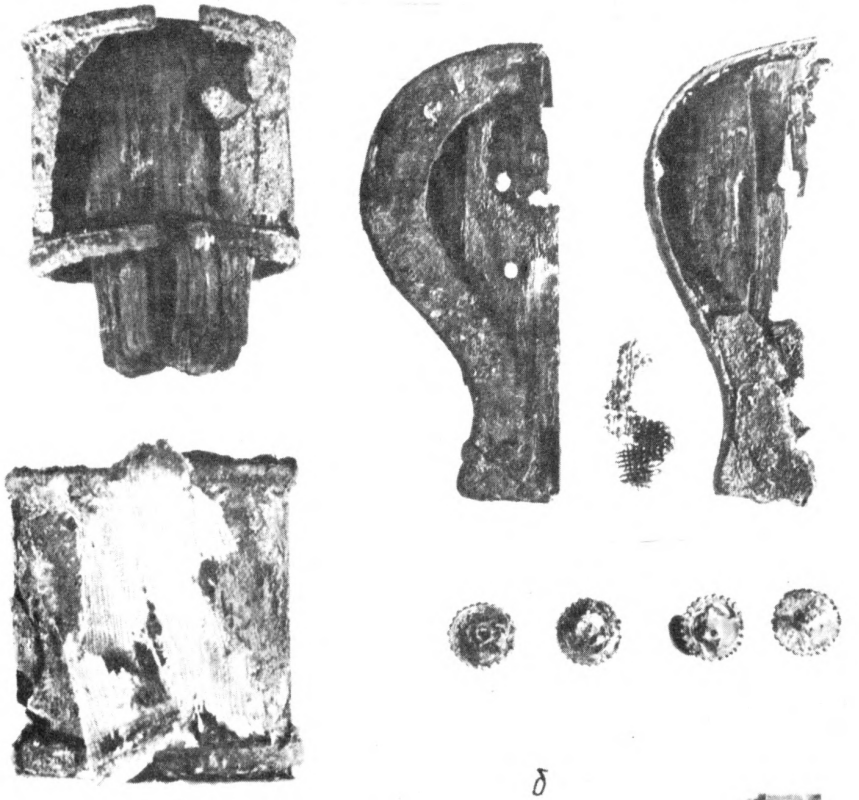
1 — верхняя петля ножен; *2* — украшения верхней петли; *3* — нижняя петля ножен; *4* — украшения нижней петли; *5* — навершие деревянной рукояти палаша; *6* — обойма у верхнего Р-видного выступа; *7* — наконечник ножен; *8* — стержень с кольцом; *9* — реконструкция палаша; *10* — застежка колчана; *11* — *13* — пряжка и Т-образные накладки от колчана; *14* — украшения колчана.

ямы — фрагменты ткани полотняного плетения плотностью 8×8 в 1 см (рис. 1, II).

Между подбоем и уступом входной ямы и на самом уступе фиксировались остатки широких плах, очевидно, перегородки. Части плах, шириной 7 — 8 см, найдены и в заполнении подбоя. У западной стенки подбоя, в за-



а



б

полнении, найден фрагмент наконечника ремня из серебра (табл., анализ 47) неопределенного типа (рис. 3, *30*).

Из заполнения подбоя происходит небольшая серия находок. Верхняя или лицевая из серебра, тонкая (0,2 мм) пластина (3,5×2 см) с закругленным краем (рис. 3, *31*). Таких же размеров, очевидно, нижняя пластина наконечника из меди лежала под левой берцовой костью. Еще в заполнении найден фрагмент боковой пластины или бортика наконечника шириной 3 мм, пластина наконечника ремня (2,7×1,2 см) с прорезью (рис. 3, *11*) и фрагмент такой же пластины (рис. 2, *16*). Последняя изготовлена из сплава, где серебра 75 % , олова 15, меди 5, свинца 2,5 %. Тут же встречена круглая поясная бляшка со штырем и шайбой, единственная из сохранившихся утерянных поясных бляшек (рис. 5, *18*) диаметром 1,1 см. Состав металла: серебро — 82 %, медь — 15 %, остальное — примеси.

Из заполнения подбоя происходит круглая бляшка типа бляшек изголовья в виде гнезда с зернью и стеклянной вставкой, диаметром 1,1 см (рис. 3, *3*). Среди обломков коррозийного железа выделяются черенки стрел длиной до 3 см со следами дерева, обломки колец, обрывок золотой фольги, овальная обойма 4×2,5 см, из серебряной пластины, шириной 1 см, толщиной около 1 мм, с рельефным краем (рис. 6), по размерам совпадающей с ножнами палаша (рис. 5, *6*).

В подбое овальной формы (2,25×0,55 м) мужчина погребен вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на запад, лицом на юг. Так как подбой узкий, при размещении погребенного произошло искривление позвоночника (рис. 1, III; 2,1). Захоронение в подбое не типично для тюрок, поэтому появление такой детали обряда исследователи связывают с влиянием местного населения Казахстана и Средней Азии [21].

Поясной набор зафиксирован у кистей рук погребенного, лучевой и локтевой костей правой руки, и под ним в районе пояса. К величайшему сожалению авторов, поясной набор сохранился частично, большая его часть утеряна, типы изделий восстанавливаются по фотографиям, выполненным после находки. Справа от правой локтевой кости лежала поясная пряжка из медного сплава с прямоугольным приемником и трапециевидной рамкой. Полый приемник при помощи двух штифтов прикреплялся к ремню. Размеры рамки 2,4×1,3 см, длина пряжки 2,5 см (рис. 3, *7*). Набор накладных бляшек состоял из двух типов круглых с вырезом, и насечками по краю (рис. 3, *9, 10*) геральдического типа с прорезями (рис. 3, *8, 11*). Почти все детали набора обнаружены под скелетом лицевой плоскостью к земле, с остатками ткани. Накладки двух типов на поясе чередовались (рис. 3, *7 — 11*).

Наиболее интересной частью пояса оказался наконечник (4,5×2,3 см), состоящий из двух серебряных пластин, напаянных на бортик. Последний изготовлен из высокопробного серебра (86 % серебра, 12 % меди); одна из пластин — из более высокопробного (92 % серебра, 4 % меди) (рис. 3, *13*). Верхняя пластина сохранила вставку (3,7×18 см) из золотой пластинки с напаянным зернью декором в виде двух бордюров с перегородкой, внутри которой размещены 15 треугольников из зерни (рис. 4, *1*). Здесь мы сталкиваемся с проявлениями того стиля, который Ч. Балинт связал с влиянием Ирана. Аналогии им известны в богатых комплексах Арцыбашево, Уч-Тепе, Вознесенки, Камунты и др. [22] Собственно стиль бляшек оголовья и золотого зерненого наконечника вместе составляют Малоперещепинские Р-видные петли ножен палаша [23].

Сохранились остатки второго пояса: у малой берцовой кости левой ноги и здесь же у стенки обнаружены два наконечника, один из которых представлен нижней медной пластиной (верхняя лежала в заполнении) и верхней — с фигурной прорезью и бортиком (4,8×2,2 см) (рис. 3, *12*). Бортик выполнен из металла, состоящего из 80 % серебра, 15 меди, 3 % цинка. Возможно, второй пояс служил как у алтайских тюрок или у аварской знати для ношения колчана, остатки которого обнаружены возле этой же стенки.

В области стоп погребенного найдены два набора от ремней 1,07 м, ширина клинка у рукояти 6 см, постепенно сужаясь до 4 см (рис. 5, *9*). Известно,

Рис. 6. Детали палаша из погребения у с. Виноградное (наконечники ножен и рукояти, верхняя и нижняя петли ножен, украшения петель, остатки ткани).

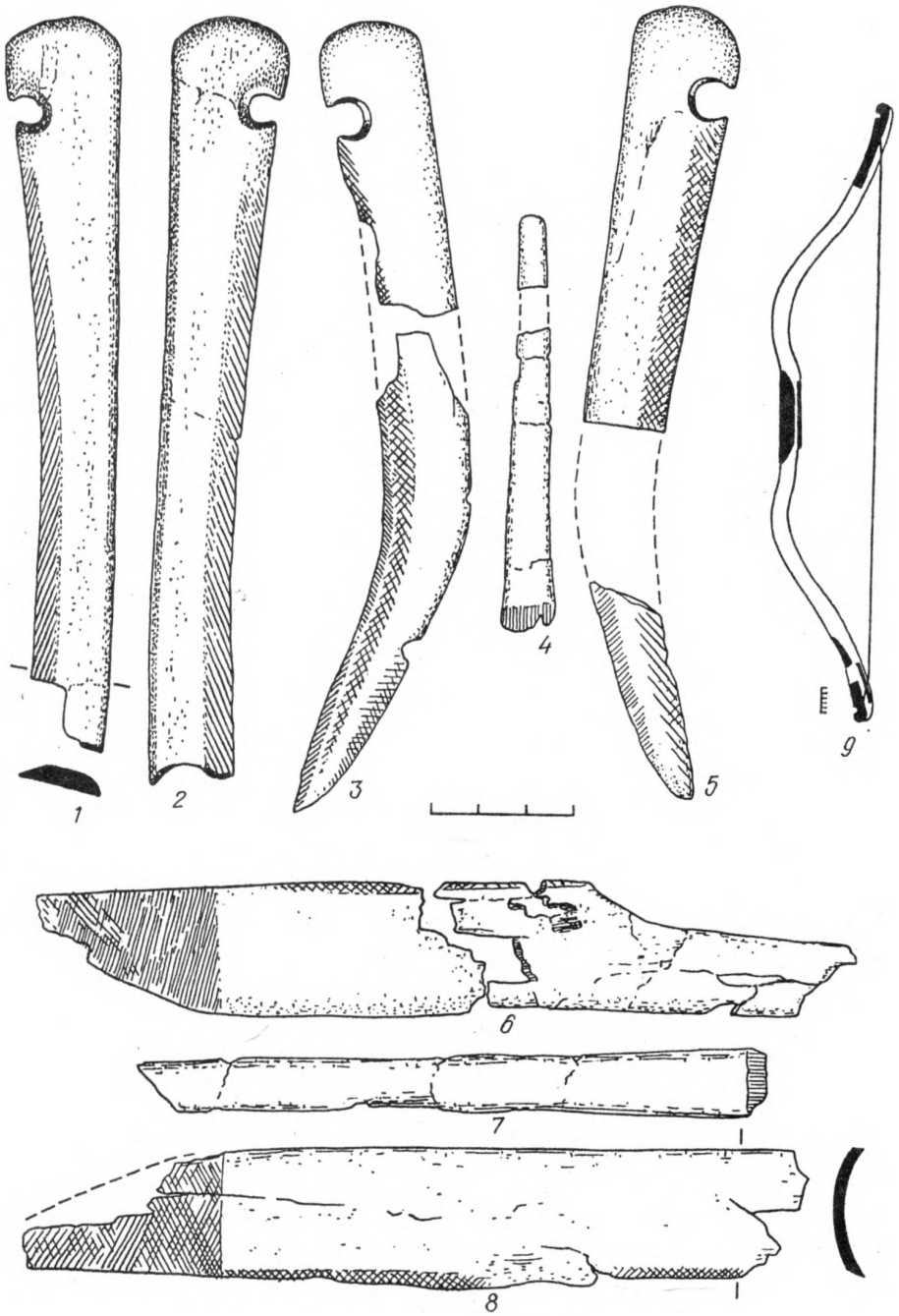


Рис. 7. Остатки лука из погребения у с. Виноградное:

1,2 — концевые накладки (верхние); *3* — *5* — концевые накладки и фронтальная (нижние); *6* — *8* — срединные боковые и фронтальная накладки; *9* — реконструкция лука.

что смена двулезвийных мечей на однолезвийные происходит в VII в. [24] Деревянные ножны палаша имеют боковые выступы в форме буквы Р, являющиеся хронологически показательными: полукружье резко, под углом переходит к прямоугольной нижней части. А. К. Амброз, на наш взгляд, убедительно доказал появление их в Европе не ранее VII в. [25] По форме нижней части,

Р-видный выступ ножен из Виноградновского комплекса ближе к Глодосам, а по технике изготовления и стилю — Малоперещепине.

Деревянная основа каждого выступа оббита металлическим футляром из двух Р-видных пластин и узкой полоской по торцу (рис. *5*, *1*, *3*). Пластины соединены не только двумя заклепками-штырями, но и пайкой. С лицевой стороны каждая из петель украшена двумя круглыми бляшками, выполненными в той же технике, что и бляшки оголовья (рис. *5*, *2*, *4*; 6). Диаметр 1 см, цвет стекла синий, бордюр позолочен, количество зерни на каждой 24. Длина петель 6,5, ширина 2,5 см. У верхнего выступа на ножнах сделана узкая, около 1 см, бронзовая обойма (4,5×2,5 см) (рис. 8, *6*). У нижнего выступа на ножнах — железный стержень с кольцом на конце, закрепленный, на ножнах (рис. 8, *8*). Длина 2,7, диаметр кольца 1 см. Наличие многочисленных зафиксированных деталей позволяет реконструировать палаш (рис. 8, *9*), удачно дополняющийся навершием деревянной рукояти и наконечником ножен (3,6×3,5×2,1; 4,2×4×1,6 см). Они выполнены в одинаковой технике в виде колпачков, овальных в сечении, с рельефными ободками с использованием пластин меди и серебра (рис. *5*, *5*, *7*). Применялась пайка внахлест. Внутри навершия ножен — остатки дерева с отпечатком клинка, кожи, ткани, которой были обтянуты ножны (рис. 6).

Отметим, что внешний облик палаша, восстанавливаемый по перечисленным деталям, вполне соответствует известным аналогиям, например из росписей Афрасиаба и Пенджикента [26], но стиль украшения петель свидетельствует о малоперещепинской традиции.

Справа от погребенного зафиксированы остатки лука, длина которого была 1,27 м, восстанавливаемого по верхним концевым накладкам, с отверстием для тетивы, длиной 15,5, шириной 1,6 см (рис. 7, *1*, *2*); нижним — с более широким отверстием для тетивы и с загнутыми концами (рис. 7, *3*, *5*) узкой фронтальной и широкими срединными боковыми (до 2,6 см) длиной 16,5 см (рис. 7, *6* — *8*). Концы накладок, как и внутренняя поверхность, обработаны косыми насечками. Многочисленные аналогии деталям лука, тюркские, аварские из Кечкемета, Варпалота, Прикамские Керины и др. позволяют представить рефлексирующий сложносоставной лук из Виноградного и предложить вариант реконструкции (рис. 7, *9*).

Колчан в погребении сохранился плохо. Под кистью левой руки зафиксирована костяная застежка в виде отполированного стержня с округлыми расширениями на концах и вырезом посередине (рис. *5*, *10*). Подобные застежки получили широкое распространение несколько позже у племен салтовской культуры [27]. Рядом с ней найдены две серебряные круглые бляшки уже известного по оголовью и петлям ножен типа, диаметром 1 см, но с несколько более крупной зернью (19 зерен) (рис. 4, *4*; *5*, *14*). Анализ металла показал состав сплава 40 % золота, 50 серебра и 10 % меди. В отличие от рассмотренных выше бляшек-гнезд, оправа для стекла отжата из одного листа; цвет вставки рубиновый. Здесь же, несколько ближе к костям таза, найдены пряжка (2,2×1,1 см) с рамкой трапециевидной формы из оловянистой бронзы (89 % меди, 9 % олова) и накладка Т-образной формы (2,5×1,8 см) из серебра (80 % серебра и 17 % меди). Еще одна Т-образная бляшка найдена под черепом. К сожалению, несмотря на наличие этих деталей, восстановить внешний вид колчана трудно (рис. 8, *11* — *13*). О хронологии бляшек Т-образной формы известно много. Достаточно привести пример поясной гарнитуры Прикамья, где такие типы встречены в первой половине VII в. [28]

Из других находок в погребении, сохранившихся в более или менее целом виде, назовем обломок железного ножа со следами дерева на черенке (рис. 3, *25*), кресала, от которого сохранился стержень длиной 10 см и кремневый отщеп (рис. 3, *26*, *27*).

Другое погребение сивашовского типа у с. Виноградное обнаружено в 1990 г. в частично разрушенном при строительстве дороги кургане (№ 35). Диаметр насыпи около 20, высота 0,9 м. Погребение кочевника раннесредневекового времени совершено в центре насыпи, очевидно, в яме с уступами. На глубине 0,6 м на уступе зафиксированы остатки конского скелета, в основном кости ног, часть которых попала в заполнение могильной ямы. Причиной этому послужило почти полное ограбление. Сама погребальная яма правильной

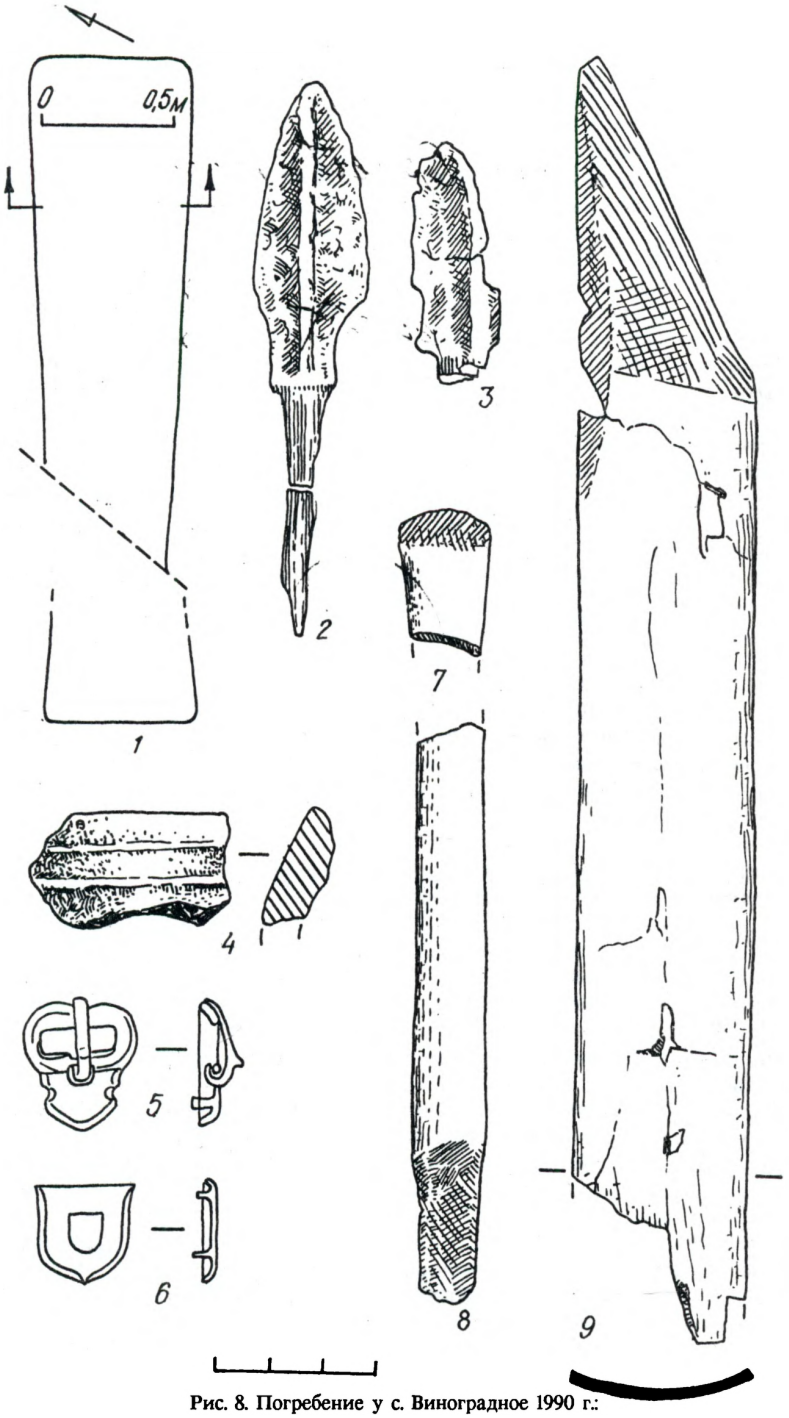


Рис. 8. Погребение у с. Виноградное 1990 г.:

1— план могильной ямы; *2, 3* — стрелы трехлопастные; *4* — фрагмент лепного сосуда; *5, 6* — пряжка и накладка из заполнения ямы; *7, 8* — обломки фронтальных накладок от лука; *9* — срединная боковая накладка от лука.

прямоугольной формы, но немного сужающаяся к юго-западу. Ориентация ее длинными стенками по оси юго-запад — северо-восток косвенно указывает на положение погребенного — головой на северо-восток. На стенках ямы прослежены следы тесла, на дне — остатки подстилки в виде белого тлена. Дно зафиксировано на глубине 1,3 м.

Ограбление могилы привело к тому, что кости человека и отдельные вещи находились в заполнении во взвешенном состоянии. Инвентарь немногочислен, но достаточен для определения культурной принадлежности. Хронологически определяющими являются находки деталей наременной гарнитуры: пряжки и бляшки. Пряжка со щитком геральдической формы и рамкой В-образной формы (2,2×2,5 см), изготовлена из серебра. Крепилась при помощи двух штифтов с медными шайбами (рис. 5, *5*). По данным могильника Мокрая Балка 78 % пряжек этого типа связано с погребениями второй половины VI — первой четверти VII вв. [29] Серебряная накладка геральдической формы с прорезью (1,9×1,9 см) представляет распространенный тип украшения VI — VII вв. (рис. 5, 6).

От лука сохранились две костяные накладки. Срединная боковая (23,5×3,5 см) покрыта с обеих сторон насечками. От другой — фронтальной, фрагменты 10 и 2,5 см, шириной 1,3 — 1,6 см. Из фрагментов стрел лучше сохранились два массивных трехлопастных черенковых, ромбических, длина лопасти 5,5 см (рис. 8, *2, 3*). Найден венчик лепного кувшина диаметром около 8 см из серого теста, с подлощенной поверхностью (рис. 8, *4*). Кроме того, найдены: фрагмент железной пластины с отпечатками ткани, обломки медных пластин, железный гвоздик-заклепка.

Как видим, инвентарь небогат, но в совокупности с чертами погребального обряда (погребение с конем на уступке, наконечники стрел, поясной набор первой половины VII в.) позволяет отнести этот разрушенный комплекс к сивашовскому типу памятников раннесредневековых кочевников.

К высказанной ранее Р. С. Орловым этнической интерпретации подобных памятников добавим, что последние исследования ничего не добавили к сказанному прежде: основная масса памятников оставлена болгарами (кутригурами — ?), среди которых возможны группы угорского или аварского происхождения. Возможно, интерпретация материала Виноградовского и подобных комплексов позволит лучше понять роль Тюркского, а впоследствии западнотюркского каганата в Восточной Европе, так как здесь ярко проявилась тюркская погребальная обрядность [30].

[1] *Орлов Р. С.* Культура кочевников IV — VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — К., 1985.

[2] *Амброз А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии // Степи Евразии в эпоху Средневековья (Археология СССР). — М., 1981. — С. 10 — 23.

[3] *Айбабин А. И.* Погребение хазарского воина // СА. — 1985. — № 3. — С. 205.

[4] *Амброз А. К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V — VIII веков. — М., 1982. — С. 204 — 221.

[5] *Отрощенко В. В., Рассамакин Ю. Я., Битковский О. В. и др.* Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1983 году // Научный архив Института археологии НАН Украины. — 1983/1. — С. 18 — 25.

[6] *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. — 1979. — № 4. — С. 212 — 229.

[7] *Гаврилова А. А.* Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. — М.;Л., 1965. — С. 10 — 21; *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. — М., 1969. — С. 47 — 55.

[8] *Орлов Р. С., Смиленко А. Т.* Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3. — С. 226.

[9] *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII — XII вв. — М., 1981. — С. 10.

[10] Химический состав сплавов изучен в отделе спектральных методов исследования Института геохимии и физики минералов АН УССР. Спектрограмма № 30 от 30.06.1986 г.; анализы № 2 — 21, 47.

[11] Там же. Анализы № 3, 4.

[12] *Рунич А. П.* Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. — 1979. — № 4. — С. 241. — Рис. 6, *9, 11, 14, 32*.

[13] *Гаврилова А. А.* Указ. соч. — С. 30 — 47.

[14] *Simon Z.* Nagykoros es Kornyeke avar kori topografija. — Nagykoros, 1983.

[15] *Амброз А. К.* Кинжалы VI — VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. — 1986. — № 4. — С. 53 — 73.

[16] *Айбабин А. И.* Указ. соч. — С. 198. — Рис. 8, *29, 30, 31*. Golden warriors of the Ukrainian steppes. Catalogue of an exhibition of gold treasures from the Ukrainian Historic Treasures

Museum, National Museum of Ukrainian History./Editor. H. Coutts. — City of Edinburgh Meseums and Art Galleries. — 1993. — S. 53, N 92.

[17] *Амброз А. А.* Указ. соч. — С. 65.

[18] *Balint Cs.* Vestiges archeologiques de l'epoque tardive des Sassanides et leurs relations avec les peuples des Steppes. // Acta Archaeologica Hungaricae. — T. XXX, fas. 1/2. — Budapest, 1978. — S. 173 — 212.

[19] *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. — К., 1978. *Безуглов С. И.* Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону // СА. — 1985. — № 2. — С. 248 — 252. — Рис. 1, 24.

[20] *Toth E. H.* Sajatos temetkezesi szokasok a Duna-Tisza kozi avarkori temetokben. // Archaeologiai Ertesito. — 1981. — Vol. 108. — S. 157 — 193.

[21] *Амброз А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы... — С. 33.

[22] *Balint Cs.* Opt. cit.-S. 195.

[23] *Бобринский А. А.* Перещепинский клад // МАР. — 1914. — Вып. 34.

[24] *Bona J.* Studien zum Fruhawarishen Reitergrab von Szegvar. // Acta archaeologica Hungaricae — tomus XXXII. — Budapest, 1980. — S. 31 — 95.

[25] *Амброз А. К.* Кинжалы VI — VIII вв. — С. 53; *Garam E.* Uber die fruhawarischen graber von Zsambok. // Folia Archaeologica. — T. XXXIV. — Budapest, 1983. — S. 139 — 155.

[26] *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. — М., 1973; *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л., 1980.

[27] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142.

[28] *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. — 1979. — Вып. 158. — С. 100.

[29] *Афанасьев Г. Е.* Пряжки катакомбного могильника Мокрая Балка у г. Кисловодска // Северный Кавказ в древности и в средние века. — М., 1980. — С. 150.

[30] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990. — С. 71 — 75.

В. С. Аксенов, А. В. Крыганов, В. К. Михеев

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЕМ У НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам Красногорского могильника)

Раннесредневековые захоронения с конем относятся к специфической группе погребений, оставленной кочевниками и полукочевниками евразийских степей. Их связывают с различными этнокультурными массивами и родо-племенными группами. В Европе они известны от Урала до Дуная, охватывая область распространения салтовской культуры, население которой было этнически неоднородным и входило в состав раннефеодального Хазарского каганата. Изучение салтовских захоронений с конем по существу еще не начато, а между тем они могут дать важные дополнительные сведения для понимания этно-культурной ситуации, сложившейся на юге Восточной Европы в конце I тыс. н. э. Как первоначальную ступень решения этой задачи предлагаем публикацию материалов Красногорского могильника салтовской культуры, представленную в систематизированном виде *.

Грунтовый могильник у с. Красная Горка Балаклейского района Харьковской области принадлежит к числу редких памятников салтовской культуры, где в пределах одного погребального комплекса сочетаются обряды трупоположения и трупосожжения [1].

Здесь вместе с 265 погребениями людей обнаружено 24 конские могилы, а в 19 — отмечены замена целого коня его частью или, при полном отсутствии коня, предметами конского снаряжения. Анализ полученного материала позволит выделить следующие типы сопогребений коня с умершим.

I. Погребение человека с конем — 13 могил (№ 70/к-5; 75/к-4; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 140/к-12; 150/к-13; 200/к-18; 209/к-10; 219/к-20; 245/к-17; 264/к-24) **.

II. Погребение коня — 11 погребений (к-1, 2, 9, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 23) ***.

III. Погребение человека с предметами конского снаряжения. В эту груп-

---

* Работы на могильнике проводились в 1984 — 1991 гг. Средневековой археологической экспедицией Харьковского университета под руководством В. К. Михеева.

** В числителе указан номер захоронения человека, а в знаменателе — коня (с индексом «к»).

*** Номера конских захоронений (с индексом «к»).

пу входят 6 погребений с ингумацией (№ 8, 17, 120, 144, 145, 199) и 11 погребений с кремацией (№ 19, 101, 108, 138, 162, 167, 189, 216, 152, 254, 246).

IV. Захоронение человека в сопровождении части конской туши (№ 46, 128).

Погребения по языческому обряду ингумации несут в себе черты, типичные для болгарских грунтовых могильников салтовской культуры. Погребенные лежат в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на запад с сезонными отклонениями. Там, где сохранность скелета позволяла, прослежено, что руки погребенных вытянуты вдоль тела, но при этом одна из них или обе слегка согнуты в локтевом суставе, а кисти покоятся на костях таза. Ноги погребенных вытянуты и иногда скрещены (связаны). Из 21 погребения с ингумацией в 7 наблюдалось полное преднамеренное разрушение скелетов (№ 93/к-6; 100/к-8; 200/к-18; 245/к-17; 128, 144, 145), в одном (№ 129) был нарушен анатомический порядок костей ног умершего, а в погребении № 219/к-20 в анатомическом порядке лежали только кости ног погребенного. Здесь мы сталкиваемся с обрядом обезвреживания покойников и с фактами ограбления, осквернения могил. Так, в погребении № 219/к-20 удалось зафиксировать грабительский ход, где обнаружены развал сероглиняного кувшина, перекрестие сабли и панцирь черепахи.

В погребениях первого типа можно выделить два варианта, обусловленные расположением захоронения коня по отношению к погребению человека, а следовательно, и конструктивными особенностями могильных ям. В первом варианте конь располагается на длинной оси погребения человека черепом к его ногам (№ 70/к-5; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 140/к-12; 200/к-18; 209/к-10). Могильные ямы вытянутой подпрямоугольной формы с закругленными углами. Длина ям составляет 3 — 4,2 м. Ширина ям погр. № 93/к-6; 100/к-8; 103/к-7; 200/к-18 приблизительно одинаковая по всей длине и равна 0,5 — 0,8 м (рис. 1, *1, 2*). В погр. № 70/к-5 прослежено постепенное расширение могильной ямы (до 1,1 м) к месту перехода погребения человека в захоронение коня с последующим уменьшением ее ширины до средних размеров (0,75 м). В погр. № 77/к-3; 209/к-10 могильная яма комбинированная; узкая яма (0,45 — 0,55 м) с погребением человека и примыкающая к ней с северо-востока более широкая (0,75 — 0,85 м), предназначенная для захоронения коня (рис. 2,*2*). В погребении № 140/к-12 могилы коня и человека разделяла земляная перемычка толщиной около 5 см, дно конской могилы находилось на 0,6 м ниже дна могильной ямы с погребением человека (рис. 2, *1*). Глубина ям от современной поверхности почвы — 0,8 — 1,95 м. Конь в пяти погребениях (№ 70/к-5; 93/к-6; 10/к-8; 103/к-7; 200/к-18) лежал на левом боку; в одном (№ 77/к-3) — на правом, в двух (№ 140/к-12, 209/к-10) — на брюхе с поджатыми ногами. Голова коня в погребениях № 70/к-5; 77/к-3; 93/к-6, а в погребении № 103/к-7 и вся передняя его часть находилась на крышке гроба с покойником. В остальных случаях шея коня изогнута и голова либо повернута назад к крупу (140/к-12), либо завалена на бок (№ 209/к-10). В погребении № 100/к-8, 200/к-18, отсутствовали черепа коней, использованные в каких-то других обрядах, связанных с погребением хозяина. Возможно, они были установлены на шестах возле могил, как это делали казахи еще в недавнем прошлом [2]. В тех случаях, когда погребение коня сопровождалось предметами конского снаряжения (№ 77/к-3, 103/к-7, 200/к-18, 209/к-10), они занимали место в ногах погребенного на крышке гроба или вне его перед черепом коня. Предметы конской сбруи в погребениях № 70/к-5 и 93/к-6 находились среди останков человека внутри гроба. Во втором варианте сопогребение человека с конем (№ 75/к-4, 150/к-13, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24) последний занимает место рядом с человеком в общей могильной яме (рис. 3, *1, 3*).

Могильные ямы подпрямоугольной формы (2,0 — 2,7×1,3 — 1,5 м); глубина их от современной поверхности почвы в среднем составляет 1,5 м. Во всех случаях скелет коня занимает место справа от погребения человека; конь в погребении 75/к-4 лежал на специальной земляной ступеньке высотой 25 см. Кони ориентированы в том же направлении, что и люди. В погребении № 75/к-4 конь положен на правый бок. В остальных случаях кони лежат на брюхе; а в погребении № 150/к-13, 264/к-24 головы коней и передняя часть туловища завалены на крышки гробов.

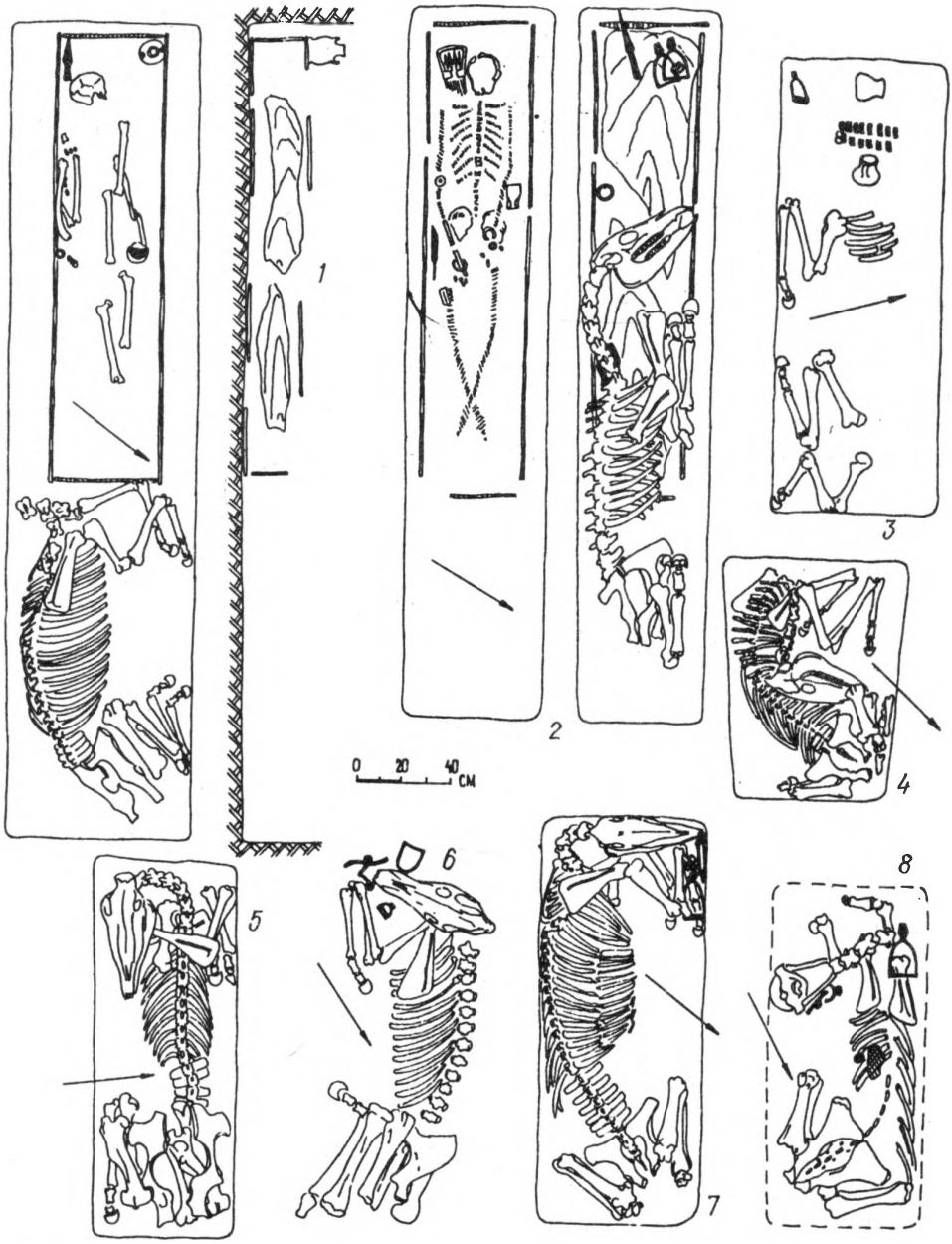


Рис. 1. Погребения могильника Красная Горка:
1 — №100/к-8; *2* — № 103/к-7; *3* — к-9; *4* — к-22; *5* — к-11; *6* — к-2; *7* — к-21; *8* — к-1.

Предметы конского снаряжения находились в основном при скелетах коней. В комплексе с пламевидным наконечником копья они обнаружены перед черепом коня у торцевой стенки головной части могильной ямы в погребении № 150/к-13. Стремена и удила в погребении № 75/к-4 размещались возле крупа на левом боку коня, а справа от скелета, начиная от передней лопатки обнаружены украшения сбруи и седла, представленные четырьмя большими бронзовыми бубенчиками и таким же количеством бронзовых лунниц с гвоздиками для крепления к основе седла. Круп коня в погребении № 264/к-24 перекрыт слоем бересты, поверх которого лежали стремена (по обе стороны от позвоночника животного), а возле них костяное горлышко от бурдюка и бронзовая пряж-

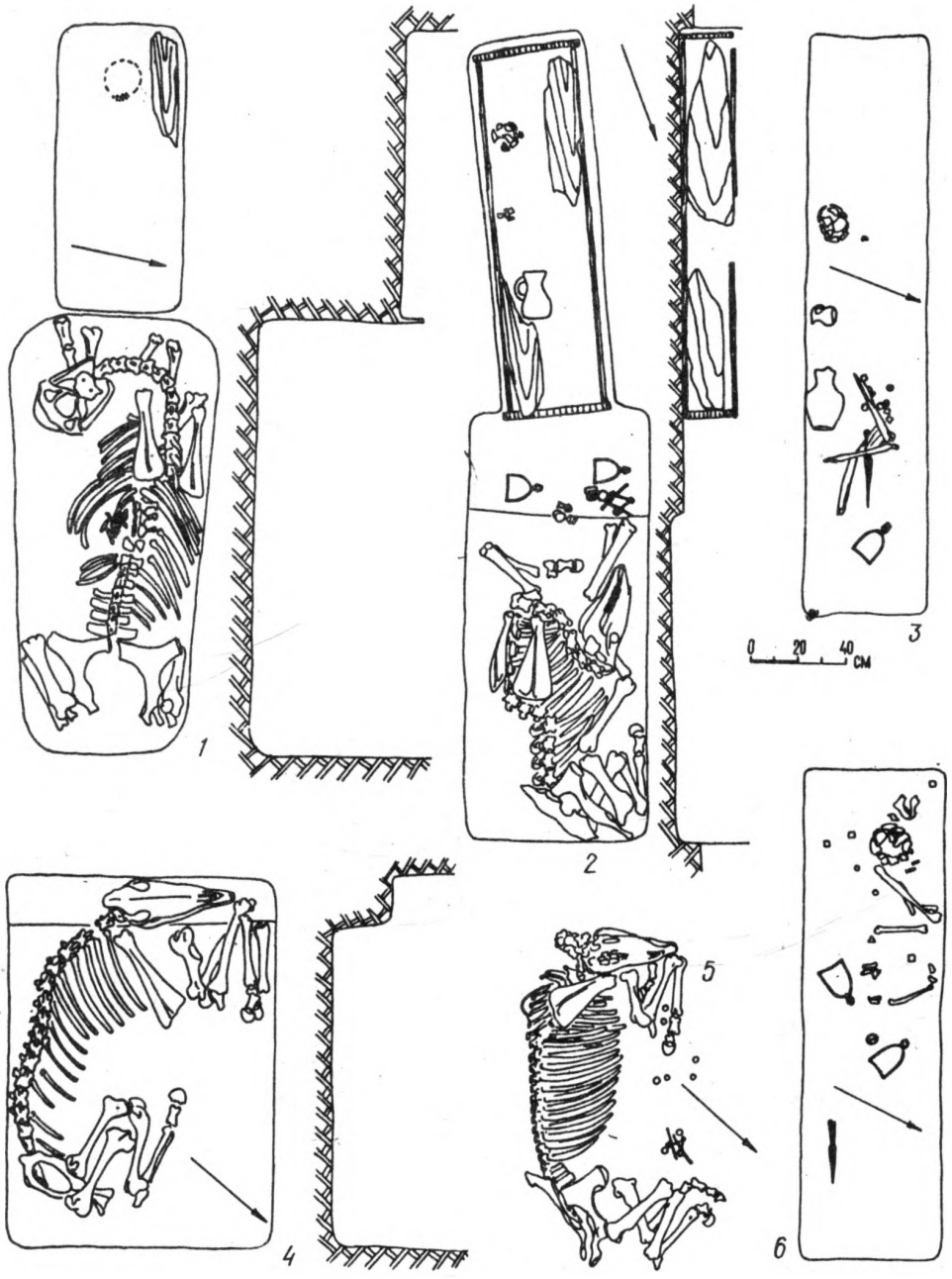


Рис. 2. Погребения могильника Красная Горка:
1 — № 140/к-12; *2* — № 209/к-10; *3* — № 144; *4* — к-15; *5* — к-19; *6* — № 145.

ка. Слева от позвоночника на слое бересты и справа от него на крышке гроба зафиксированы сбруйные ремни, украшенные круглыми серебряными бляшками (рис. 3, *3*). Все это указывает на то, что конь захоронен оседланным. В погребении кроме того найдены: удила, две подпружные пряжки, серебряные оковки и бляшки-уздечки возле плечевой кости левой конечности коня. Предметы конского снаряжения в погребениях № 219/к-20 и 245/к-17 лежали на крышках гробов; на костях коня в погребении № 219/к-20 — только сбруйное кольцо и возле ног — подпружная пряжка; в погребении № 245/к-17 — бронзовые фалары возле черепа коня.

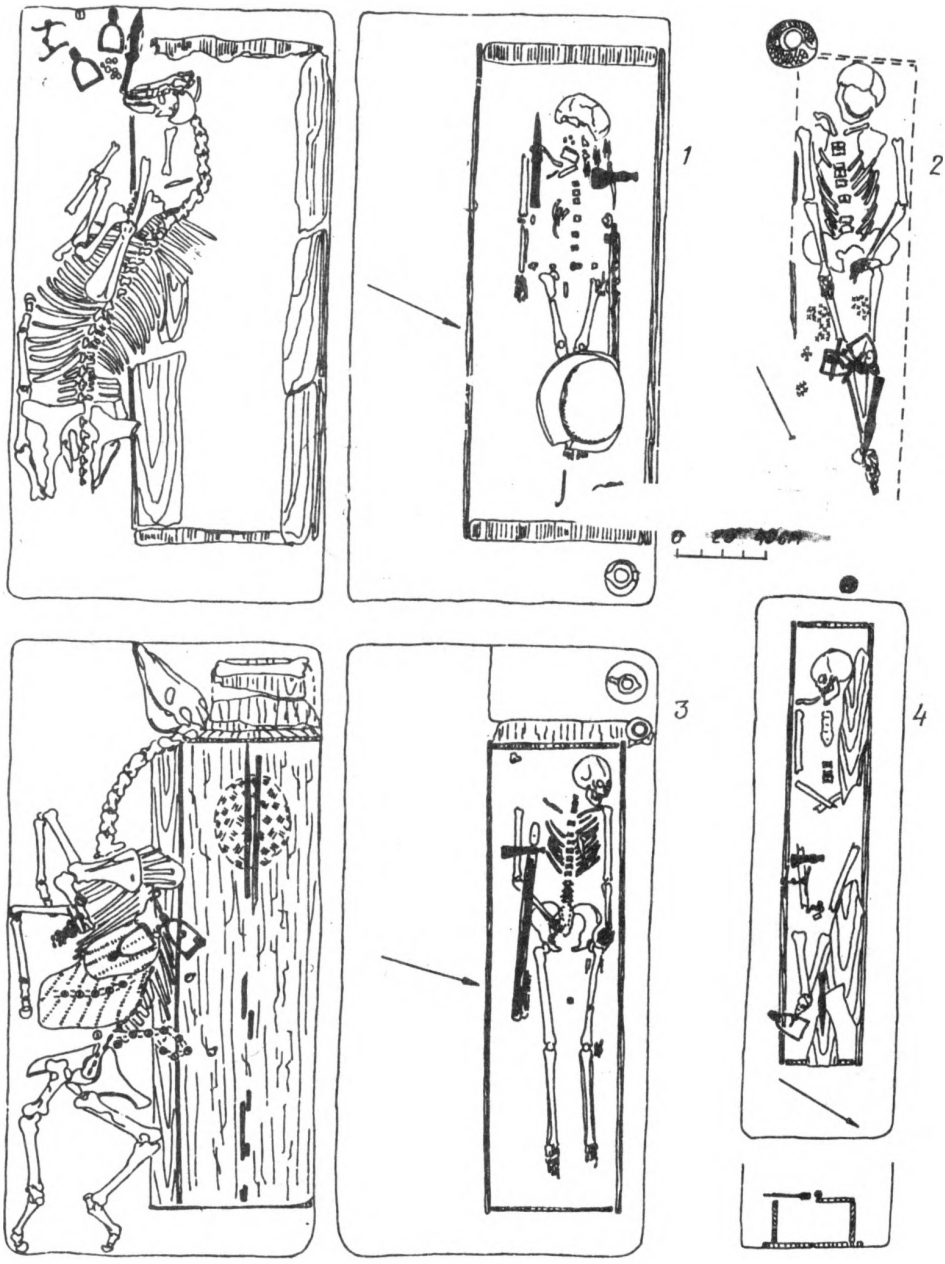


Рис. 3. Погребения могильника Красная Горка:
1 — № 150/к-13; *2* — № 17; *3* — № 264/к-24; *4* — № 199.

В захоронениях рассматриваемого типа не наблюдается зависимость наличия коня от пола и возраста погребенных. Так, в погребениях № 77/к-3 и 75/к-4 кони сопровождали женщин, а в № 140/к-12 — ребенка. В остальных случаях захоронения коней составляют единый комплекс с мужскими погребениями. Отмечен случай, когда конь сопровождал парное трупоположение мужчины и женщины (№ 93/к-6) с преднамеренным нарушением анатомического порядка костей. Вместе с погребенным по обряду ингумации на дне погребальной ямы обнаружена ямка с остатками кремации. Последнее позволяет предположить связь между нарушением анатомического порядка костей умерших и остатками кремации в ямке на дне погребальной ямы. Мы склон-

ны рассматривать это как дополнительное захоронение, вероятно родственника умерших, тем более, что подобные дополнительные захоронения отмечены в засыпках нескольких погребений как без, так и с элементами культа коня. При этом дополнительные захоронения никогда не разрушают основных. Так, погребение № 150/к-13 (ингумация) дополнялось трупоположением в колоде, принадлежавшее, вероятно, ребенку; в № 75/к-4 (ингумация) сопровождающих захоронений выявлено три: № 59 — ямное трупосожжение по характеру инвентаря (боевой топорик, кресало) принадлежавшее, по-видимому, мужчине; № 71 — ямное трупосожжение; № 64 — погребение человеческого черепа, в сопровождении жертвенной пищи в виде сложенных кучкой костей овцы. Трупосожжения № 59, 71 впущены в засыпку конской могилы, а № 64 — в засыпку погребения человека № 75/к-4.

В 7 из 13 погребений I типа обнаружены поясные наборы. При этом не всегда поясной набор сопровождался предметами вооружения (№ 93/к-6, 209/к-10, 245/к-17), а предметы вооружения могли не сопровождаться поясным набором (№ 103/к-7, 264/к-24). Интересно, что самый богатый поясной набор найден в погребении № 77/к-3 и принадлежал женщине, вооруженной боевым топориком и луком. Поясной набор из самого богатого погребения этой группы (№ 150/к-13) (в нем найдены сабля, боевой топорик, два наконечника копья, колчан со стрелами, лук, бронзовый котел) был значительно беднее. В другом богатом мужском погребении (№ 264/к-24) с полным комплектом вооружения поясной набор вообще отсутствовал. Объяснить причины этого явления пока не представляется возможным, хотя подобное встречалось и на других могильниках салтовской культуры [3].

Захоронения одних коней выявлены в 11 могилах (к-1, 2, 9, 11, 14, 15, 16, 19, 21, 23). Там, где удалось проследить могильные ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ям колеблются в пределах 1,5 — 2 м × × 0,6 — 1,1 м, а глубина от современной поверхности почвы составляет 1 — 2 м. В 10 погребениях останки коня занимали все пространство могильной ямы и только в погребении к-16 они размещались в северо-восточной части. Кони в погребении к-2, 16 лежали на правом боку, в к-15, 19, 21, 23 — на левом, а в к-1, 11, 14, 22 — на брюхе с подогнутыми ногами (рис. 2, *3*). Только в погребении к-9 скелет лошади представлен костями передних и задних конечностей, а также зубами положенными так, что имитируют позу животного, положенного на бок с подогнутыми ногами (рис. 1, *3*).

Инвентарь находится в основном в юго-западной части могильных ям возле черепов коней. В погребении к-1, 2, 21 конская сбруя представлена стременами, удилами и сбруйными кольцами, а на костях крупа к-1, 2 отмечены следы дерева, возможно от седел (рис. 1, *6, 8*). В погребении к-9, кроме предметов сбруи обнаружены два керамических сосуда — кувшин и кружка. Конская сбруя в погребении к-15, 16 представлена только бронзовыми фаларами и железными сбруйными кольцами, пряжками (рис. 2, *4*).

Два захоронения коней (к-1, 14) можно связать с погребениями мужчин-воинов в могилах № 144 и 145. Их могильные ямы расположены на одной продольной оси (северо-восток — юго-запад) и находятся в 2 м друг от друга; конь лежит в ногах человека. Такая связь обусловлена и найденными в погребении № 144, 145 стременами и фаларами, отсутствующих в захоронениях коней. Состав погребального инвентаря указывает также на то, что захоронение к-19 относится к трупосожжению № 216. Захоронение коня расположено как и в предыдущем случае в 2 м к северо-востоку от погребения человека. В нем найдены удила, фалары, железное сбруйное кольцо, оковки и бронзовые бляшки, уздечки (рис. 2, *5*), а в трупосожжении — стремена, бронзовый фигурный начельник, железная сбруйная пряжка. Инвентарь погребений дополняет друг друга и представляет собой логически законченный комплекс конского снаряжения, что и позволяет говорить о едином комплексе — № 216/к-19. Вышеописанные захоронения коней, кроме погребений к-11, 14, 19, связанных с погребением мужчин-воинов, могут быть отнесены к разряду кенотафов. Интересно, что в засыпку конских могил к-1, 15 были впущены человеческие захоронения: над к-1 находилось трупосожжение в яме (№ 26), над к-15 — скелет ребенка, ориентированный головой на северо-запад. Оба погре-

бения безынвентарные и, возможно, принадлежали представителям зависимого населения.

К III типу нами отнесены погребения людей, в которых присутствуют предметы конской сбруи. Погребения с конской сбруей являются довольно широко распространенной на салтовских памятниках формой сопогребения коня с умершим. По мнению некоторых исследователей, изучавших тюркские древности средневековья Сибири, конская сбруя, положенная в могилу не была «аналогична конскому захоронению», а предназначалась коню, умерщвленному у могилы в день похорон или поминок, или даже умершему раньше [4]. Тем самым погребение с конским снаряжением можно отнести к погребениям с конем, только присутствие в них коня символизирует конская сбруя. Таких погребений на могильнике Красная Горка открыто 17.

В шести могилах с ингумацией (№ 8, 17, 120, 144, 145, 199) обнаружены предметы конского снаряжения, лежавшие в ногах погребенных на крышке гроба (рис. 3, *2*) или непосредственно среди костей умершего (рис. 2, *3*). Под погребенным в № 8, 17 зафиксирована угольная подсыпка — обычай, хорошо известный по другим болгарским грунтовым могильникам (рис. 3, *2*). В пяти погребениях найдены предметы вооружения: наконечники копий (№ 17, 144, 145, 199), боевой топорик (№ 199), костяные накладки от лука (№ 120). Поясные наборы обнаружены в погребениях № 144, 145, 199. Вышеописанные погребения отнесены нами к разряду воинских, кроме № 8.

Предметы конского снаряжения найдены в погребениях, произведенных по обряду кремации как ямных (№ 19, 138, 162, 167, 189, 246, 252, 254), так и урновых (№ 108, 101, 216), на глубине 0,3 — 0,9 м от современной поверхности. Форма могильных ям круглая, диаметром 0,25 — 1 м или овальная (0,45 — 0,5×0,2 — 0,4 м), ориентированная по линии север-юг. Возле погребений № 138 и 189 открыто по одному тайничку, примыкающему к ним с юго-запада и востока. В них хранились предметы конской сбруи и личные вещи умерших: № 138 — фалары, чумбур, ботало, железный нож; № 189 — стремена, удила, поясной набор. В остальных ямах с трупосожжениями инвентарь находился среди кальцинированных костей (№ 19, 162, 246), под ними (№ 167, 254) и рядом (№ 252).

В урновых трупосожжениях остатки кремации помещены в салтовские столовые горшки. При этом погребение № 101 является коллективным, что выразилось в помещении остатков кремации в три сосуда со своим инвентарем, стоящих в ряд по линии юго-восток — северо-запад. Четвертый сосуд железный, преднамеренно деформированный клепанный котел.

Среди костей в сосудах лежали предметы вооружения и конского снаряжения, свидетельствующие о принадлежности праха в сосудах «Б» и «В» мужчинам-воинам. Урна из погребения № 108 накрыта перевернутой вверх дном глиняной миской. Рядом с ней обнаружен смятый железный котел, на который нагромоздили предметы вооружения, стремена, удила. Все вещи вместе с урной были накрыты бронзовой дисковидной обкладкой щита, умышленно деформированного во время совершения погребального обряда. Возле урны погребения № 216 обнаружен тайник с орудиями труда, боевым топориком, складным железным серпом и снаряжением коня (стремена, бронзовый фигурный начельник, подпружная железная пряжка). В расположенном неподалеку захоронении к-19 содержались недостающие предметы комплекта конского снаряжения (удила и уздечка, украшенные бляшками). Сама погребальная урна представляет собой сероглиняный столовый горшок с двумя ручками, одна из которых отбита в древности. У горшка отсутствовало дно, преднамеренно отбитое, по-видимому, перед использованием сосуда в качестве погребальной урны.

В 8 из 11 погребений с кремацией предметы конского снаряжения (рис. 4) найдены в комплексе с предметами вооружения и только в погребениях № 138, 246, 252 предметы вооружения отсутствовали. Примечательно, что из исследуемых трупосожжений умышленно деформированы только четыре сабли (№ 19, 101, 162, 254) — половина всех сабель, найденных на могильнике, и четыре умышленно деформированных котла (№ 101, 108, 162, 254) — большая часть из найденных на могильнике. Остальные четыре сабли и два котла найдены в погребениях с ингумацией. Специфической чертой трупосожжений яв-

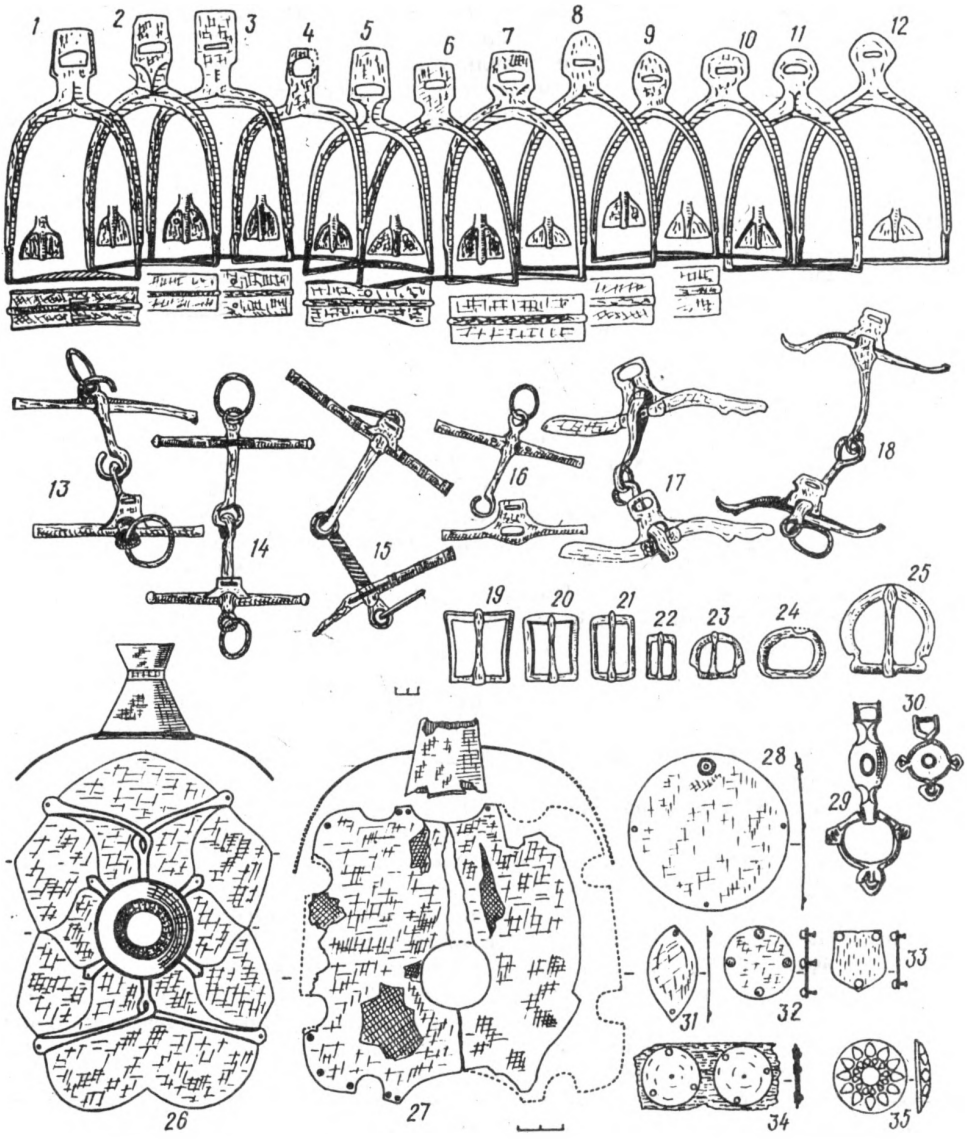


Рис. 4. Предметы конской сбруи из погребений:

1 — № 252; *2, 17, 21* — № 189; *3* — № 75/к-4; *4, 5* — № 167; *6, 30* — № 77/к-3; *7, 27, 28, 31* — № 216; *8* — № 8; *9* — № 17; *10* — к-2; *11, 15, 26* — № 101"В"; *12, 32, 33* — № 209/к-10; *13* — № 120; *14, 25* — № 162; *16, 22, 23* — № 108; *18* — № 154; *19, 34* — № 150/к-13; *20, 35* — № 245/к-17; *24* — № 200/к-18; *29* — № 100/к-8; *1* — *25* — железо; *26* — *35* — бронза.

ляется то, что предметы вооружения и конского снаряжения обнаружены в комплексе со складными железными серпами (№ 19, 167, 216, 254), что совершенно не свойственно для погребений по обряду ингумации с конем.

Погребения IV типа, то есть захоронения человека с частью туши коня, представлены только двумя погребениями (№ 46, 128). В № 46 покойницу сопровождала жертвенная пища в виде ребер и плюсны лошади, положенных в ногах. Этот обряд широко распространен на болгарских могильниках бассейна Дона [5]. В погребении № 128 кости человека перемешаны с черепом и шейными позвонками лошади и лежали в северо-восточной части могильной ямы. Погребение сопровождалось наконечником копья, глиняной кружкой и принадлежало, вероятно, мужчине. Нарушение анатомического порядка костей в древности не дает возможности определить здесь местоположение эле-

ментов культа коня и их первоначальный состав. Для наших целей невозможно использовать материал погребения № 46, так как части конской туши являются жертвенной пищей и к культу всадничества отношения не имеют.

Анализ сопровождающего инвентаря захоронений с элементами культа коня показал преобладание этого признака в погребениях с предметами вооружения. Захоронение коня и предметов конской сбруи вместе с умершим указывают на высокий социальный статус погребенных, но некоторые из них не сопровождались предметами вооружения и, вероятно, не принадлежали к воинскому сословию. Так, из 31 погребения людей 21 бесспорно относится к воинским. В воинских погребениях обнаружено: 6 сабель (№ 19, 101"В", 150/к-13, 162, 254, 264/к-24; в № 219/к-20 сабля извлечена из могилы в древности, так как в могиле сохранились рукоять, портупейные скобы, а в засыпке обнаружено перекрестие); 17 наконечников копий (по 2 в № 150/к-13, 254); 12 воинских поясов (№ 70/к-5, 77/к-3, 93/к-6, 144, 145, 150/к-13, 167, 189, 199, 209/к-10, 219/к-20, 245/к-17); 7 боевых топориков; в 11 погребениях найдены наконечники стрел или остатки луков, колчанов.

Из всех воинских погребений своим богатством выделяются пять захоронений, принадлежавших представителям социальной и воинской верхушки общества (№ 101"В", 108, 150/к-13, 254, 264/к-24). В них наиболее полно представлены предметы вооружения: 4 сабли (№ 101"В", 254, 150/к-13, 264/к-24); 7 наконечников копий (по 2 в № 150/к-13, 254); 4 боевых топорика (№ 108, 254, 150/к-13, 264/к-24). В погребениях зафиксированы остатки луков, колчанов, найдены наконечники стрел. Поясной набор обнаружен только в погребении № 150/к-13 (ингумация), но в погребениях с кремацией они могли быть, однако из-за специфики обряда не сохранились.

Отличительной особенностью этих погребений является наличие в них котлов (№ 101"В", 108, 254, 150/к-13), которые считаются типичным атрибутом кочевого населения. Наличие котлов в погребениях позволяет отождествить похороненных воинов с главами отдельных семей, так как одним из заметных внешних атрибутов главы семьи был котел-казан [6]. О высоком социальном статусе погребенных говорит и находка в погребении № 108 бронзовой обкладки щита, и тот факт, что навершие, оковка рукояти сабли, обкладка, портупейные скобы ножен сабли из погребения № 254, оковки, бляшки от уздечки, бляшки подпружных ремней из погребения № 264/к-24 изготовлены из серебра.

Остальные 16 воинских погребений, по обнаруженным в них предметам вооружения, наконечникам копий (№ 100/к-8, 103/к-7, 219/к-20, 17, 128, 144, 145, 162, 189, 199); саблям (№ 162, 219/к-20); боевым топорикам (№ 77/к-3, 199, 216); остаткам луков, наконечникам стрел (№ 70/к-5, 77/к-3, 103/к-7, 101"Б", 120, 162, 167); поясным наборам — отнесены нами к захоронениям профессиональных воинов, составлявших основу войска, легкую кавалерию. Наиболее богатые воины этой группы погребены с конями, менее богатые — с предметами конской сбруи. Украшения конской сбруи встречаются, в основном, в погребениях, сопровождаемых захоронением коня. В обеих группах воинских погребений представлены захоронения, совершенные и по обрядам ингумации и кремации. При этом соотношение воинских погребений по обряду кремации и ингумации соответствуют соотношению всех погребений с кремацией к погребениям с ингумацией для всего могильника.

Фиксация положения исследуемых погребений с ингумацией и захоронений коней относительно сторон горизонта используя методику, разработанную В. В. и В. Ф. Генингами [7], позволяет определить время года, когда были произведены захоронения и тем самым выяснить вероятный характер ведения хозяйства. Используя азимутные данные точек восхода и захода солнца во времена года для 50 ° северной широты, на которой находится могильник, установлено, что население, оставившее могильник, отдавало предпочтение в ориентации погребенных точке захода солнца (см. табл.). На зимнее время года приходится 35 % погребений людей и 45,4 % захоронений только коней, на раннюю весну или позднюю осень — 45 и 9,1 %; на позднюю весну или раннюю осень — 5 % и 27,3; на лето — 15 и 18,2 % соответственно. Малое количество исследуемых погребений вносит в расчеты определенную погрешность, но все же определенную тенденцию удается проследить.

Распределение погребений по временам астрономического года

Ранняя весна или поздняя осень (№)	Поздняя весна или ранняя осень (№)	Лето (№)	Зима (№)
8	209/к-10	17	144
120	к-9, 11, 23	77/к-3	145
128		93/к-6	199
75/к-4		к-1, 2	70/к-5
140/к-12			100/к-8
200/к-18			103/к-7
219/к-20			150/к-13
245/к-17			к-14, 15
164/к-24			к-19, 21
к-16			к-22
10	4	5	12

Снижение количества погребений поздней весной и повышение их количества поздней осенью по астрономическому календарю, при наличии ярко выраженных кочевнических элементов в погребальном обряде — конских погребений, культа всадничества, специфических предметов быта — говорит о том, что часть населения ранней весной откочевывала, а ранней осенью возвращались к месту зимовки. Наличие погребений, произведенных в летний период, предполагает существование населения не участвующего в этих передвижениях — земледельцев, ремесленников, обедневших кочевников и воинов, оставленных для их охраны. Все это может свидетельствовать о полуоседлом характере населения.

Так как мы рассматриваем сравнительно богатые погребения, то процент погребений с конем и элементами его культа ниже процента погребений рядового населения в летний период. Тем самым подтверждается предположение о том, что верхушка общества продолжала кочевать и после оседания на землю основной части населения [8]. В конских захоронениях прослеживается та же закономерность: погребение зимой, поздней осенью или ранней весной преобладают над захоронениями летом, поздней весной или ранней осенью, что прямо связано с количеством населения не принимающего участия в кочевании.

Объединение в единые комплексы к-11 и № 144, к-14 и № 145, на наш взгляд, не противоречат их азимутной ориентировке. Захоронения к-14 и погребения № 145, имея разницу в ориентировке всего в 2 °, совершены, скорее всего, одновременно. Разновременность захоронений к-11 (поздняя весна или ранняя осень) и № 144 (зима) можно объяснить тем, что конь был погребен после смерти своего хозяина, то есть поздней весной.

Большое значение для определения хронологических рамок исследуемых погребений и их этнической интерпретации имеет тот факт, что из 20 захоронений по обряду ингумации в 18 отмечены следы деревянных конструкций. В 13 погребениях (№ 70/к-5; 75/к-4; 77/к-3; 93/к-6; 100/к-8; 1-3/к-7; 150/к-13; 200/к-18; 209/к-10; 219/к-20; 245/к-17; 264/к-24; 199) зафиксированы гробы-ящики с крышкой и дном; в 3 (№ 8, 17, 128) — гробы-рамы с крышкой; в одном (№ 120) — гроб-колода без крышки. В погребении № 140/к-12 грунтовая могильная яма перекрыта деревянной крышкой, положенной на земляные заплечики. Интересно, что данное погребение, принадлежавшее ребенку, сопровождалось жеребой кобылой. Такое могли позволить себе только состоятельные родители.

У кочевников иногда вместе с верховым конем захоранивали кобылу с жеребенком, обеспечивая этим будущий приплод, а также мясную и молочную пищу для умершего [9]. Захоронение жеребой кобылы в нашем случае несет, видимо, аналогичную смысловую нагрузку.

Из вышесказанного видно, что из 13 погребений человека с конем в 12 — останки людей лежали в гробах-ящиках, то есть более богатые погребения имеют сложные деревянные конструкции. Гробы-ящики, несомненно, являются дальнейшим развитием таких деревянных конструкций как гробы-рамы. Гробы-ящики могильника Красная Горка, оставаясь по сути, как и гробы-рамы, обкладками стенок могильной ямы, приобрели новый существенный элемент кон-

струкции — дно. Еще больше сближает гробы-рамы и гробы-ящики отказ от использования в конструкции крепежных элементов — гвоздей, скоб, пазов. Применение гробов-рам и гробов-колод известно на Волоконовском могильнике [10], на могильниках в среднем течении Северского Донца [11], на некоторых некрополях Крыма [12], раннеболгарских могильниках на Волге [13], на могильниках Луковит-1, Варна-2, Девня-2 в Болгарии [14]. Как отмечают исследователи, подобные деревянные конструкции датируются концом IX — серединой X вв. Гробы-ящики с крышкой и дном известны в могильниках возле Саркела, но отличаются они от Красногорских тем, что в конструкции применены железные кованные гвозди и крышки изготовлены в форме гробовищ. К тому же, в саркельском могильнике не обнаружено ни одной колоды. О. А. Артамонова датировала гробы-ящики Саркела первой половиной XI в. [15]

Стенки гробов-ящиков из могильника Красная Горка параллельные или сужающиеся к ногам, с перекрытием и дном из двух параллельных плах. Торцевые стенки нередко зажаты между продольными. Последние иногда выступают за торцевые на 1 — 2 см. Все крышки плоские. Они на 2 — 5 см шире гробов, высота которых составляла 25 — 30 см; такие гробы-ящики аналогичны деревянным конструкциям этого назначения из Поволжья, Южного Приуралья и Крыма (Тепсень, Кордон-Оба), что позволяет предположить хронологическую близость их бытования и, тем самым, датировать их серединой — второй половиной X в. Предложенную датировку подтверждает и наличие гробов-колод, начало применения которых С. А. Плетнева относит к середине X в. [16]. Предметы вооружения и конского снаряжения (рис. 4) находят аналогии в памятниках Евразийских степей и, подобно остальным, погребальный инвентарь не выходит за рамки заключительного этапа существования салтовской культуры.

Аналогами урновых и ямных трупосожжений могильника Красная Горка могут служить погребения из Сухогомольшанского могильника [17]. Определенные черты сходства не только в обряде, но и в наборе сопровождающего инвентаря прослеживаются в погребениях Ново-Покровского могильника [18], в комплексах из пос. Кочеток [19], у сел Пятницкое [20] и Тополи [21]. Объединяет все эти памятники преднамеренная порча оружия, использование тайников, находки надочажных цепей и котлов. Примыкают к данной группе памятников погребения по обряду кремации могильников Борисовское и Бюрсо из западного Предкавказья [22].

Относительно трупоположений человека с конем, то этот вопрос не менее сложен. Одиночные захоронения коней и погребения людей с элементами культа всадничества довольно хорошо известны на болгарских могильниках салтовской культуры, но они существенно отличаются от красногорских. Так, погребения Нетайловского могильника отличаются от последних ориентировкой человеческих погребений, расположением коня по отношению к погребению человека, конструкцией могильных ям, деревянными конструкциями, составом инвентаря [23].

С другой стороны, взаиморасположение погребений людей (№ 144, 145) и захоронений коней (к-11, 14) на Красной Горке находит аналогии в Крымском могильнике [24] и в Дюрсо [25] с их отдельными конскими захоронениями и связанными с ними погребениями мужчин-воинов. Ряд погребений (№ 75/к-4, 219/к-20, 245/к-17, 264/к-24, 150/к-13), где конь лежит параллельно умершему и ориентирован с ним в одну сторону, аналогичен некоторым погребальным комплексам степной зоны: курган у Новочеркасска [26], курганы на Нижнем Дону, раскопанные Багаевской экспедицией [27], Новосадковский и Кировский V курганные могильники [28], относящиеся к предсалтовскому и раннесалтовскому времени. Известны подобные захоронения на могильниках VIII — IX вв. в Болгарии — № 33 могильника Нови-Пазар; № 55 могильника Кюлевча; № 56 могильника у с. Ножарево [29]. Аналогии погребения с конем на одной оси в общей или комбинированной могильной яме на могильниках салтовской культуры нам не известны. Такой вариант захоронения возник на основе уже существовавших более простых форм сочетания коня и человека и является дальнейшим их развитием в процессе седентаризации.

Простейшая форма погребения с конем представлена в Дюрсо, Крымском

и Старокорсунском могильниках, где погребения коней расположены на некотором удалении от захоронения хозяина и связь между ними устанавливается через анализ сопровождающего инвентаря. На могильнике Красная Горка это погребение № 144, 145 и соответственно захоронения коней к-11, 14.

С углублением социальной дифференциации в обществе, выделении профессиональных воинов такая форма погребения претерпевает изменения. Конь становится атрибутом профессионального воина и как следствие — захоронение коня и его хозяина объединяются в общей могильной яме. При этом первоначально, вероятно, еще сохраняется традиция сооружения отдельных могильных ям для коня и его хозяина (№ 140/к-12, где конь и человек разделены тонкой земляной перемычкой и лежат на разных уровнях).

Со временем захоронение совершается в общей могильной яме — исчезает разделительная стенка, могильные ямы делаются с общим дном, но еще по традиции они сохраняют ширину, свойственную отдельным захоронениям человека и коня. Получаются комбинированные могилы типа открытых в Красной Горке (№ 77/к-3, 209/к-10). Возможно, одновременно с этим типом могильной ямы появляется и более рациональная ее форма — общая могильная яма для человека и коня с одинаковой шириной по всей длине (№ 93/к-6, 100/к-8, 103/к-7, 200/к-18). Не исключена связь данного варианта сопогребения человека с конем с погребениями со шкурой коня, черепа и костей конечностей, лежащих в ногах умершего (болгарские грунтовые могильники Среднего Поволжья, среднее течение Северского Донца), хотя появление такого обряда связывают с влиянием финно-угорского (мадьярского) элемента, для которого шкура коня, положенная к ногам, является атрибутивной чертой погребального обряда [30].

В связи с тем, что погребения с конем довольно широко известны как у кочевых, так и у оседлых народов, разделенных огромными расстояниями и значительными временными интервалами, тенденции использования в погребальном обряде коня, главным образом как средства перемещения умершего в загробный мир и дальнейшее применение его по назначению, свойственна надэтичность. Намеченные варианты погребений Красной Горки могут свидетельствовать о социальном и имущественном разделении в среде недавних кочевников.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приведенной ниже таблице даются сведения об исследуемых погребениях с конем могильника Красная Горка. Содержащиеся в ней сведения закодированы следующим образом:

Признак I — номера погребений.

Признак II — типы погребений: 1 — погребение человека с конем (А — конь в ногах человека; Б — конь рядом с человеком); III — погребение человека с конской сбруей (А — ингумация, Б — кремация; 1 — ямное; 2 — урновое); IV — погребения человека с частью туши коня.

Признак III — половозрастной состав погребенных: м — мужской; ж — женский; д — детский; п — парное; ? — неопределенный.

Признак IV — особые признаки: 1 — гроб-колода; 2 — гроб-рама; 3 — гроб-ящик; 4 — деревянное перекрытие; 5 — грунтовая яма; 6 — древесный уголь; 7 — тайничек; 8 — заупокойная пища.

Признак V — инвентарь: 1 — оружие и предметы снаряжения: а — сабли; б — боевые топорики; в — наконечники копий; г - наконечники стрел; д — костяные накладки лука, остатки колчана; е — обкладка щита; ж — пряжки, бляшки поясного набора; з — кистени; и — стремена; к — удила и псалии; л — сбруйные пряжки, кольца; м — украшения сбруи; н — котлы; о — столовая посуда;

2 — орудия труда и бытовые предметы: а — ножи; б — железные серпы; в — железные мотыжки; г — кресала с кремнем; д — костяные горлышки бурдюков;

3 — украшения: а — бронзовые серьги; б — браслеты бронзовые; в — перстни бронзовые; г — бусы сердоликовые; д — бусы многочастные; е — бисер; ж — пронизи бронзовые; з — шумящая подвеска.

Номер погребения	Тип погребения	Пол	Особые признаки	Инвентарь
8	III-А	м	2, 6	1и, 1к, 1о, 2а
17	III-А	м	2, 6	1в, 1и, 1к, 1о
19	III-Б-1	?(м)		1а, 1и, 1м, 2а, 2б
70/к-5	I-А	м	3	1д, 1ж, 1з, 1и, 1к, 1о, 2а
75/к-4	I-Б	ж	3	1и, 1к, 1л, 1о, 3в

Окончание табл.

Номер погребения	Тип погребения	Пол	Особые признаки	Инвентарь
77/к-3	I-А	ж	3	1б, 1д, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1о, 3а, 3б, 3в
93/к-6	I-А	п	3, 8	1ж, 1и, 1к, 1м, 1о
100/к-8	I-А	м	3	1в, 1м, 1о
101"Б"	III-Б-2	?(м)		1д, 1г, 1и, 1к
«В»	III-Б-2	?(м)		1а, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1м, 2а, 1н
103/к-7	I-А	м	3	1в, 1г, 1д, 1з, 1и, 1о, 2а, 2в, 3б, 3ж, 3в
108	III-Б-2	?(м)		1б, 1в, 1г, 1д, 1о, 1и, 1к, 1н, 2а
120	III-А	м	1	1д, 1к
128	IV	м	2	1в, 1о
138	III-Б-1	?(ж)	7	1м,2а,3б,3ж
140/к-12	I-А	д	4	3г: 3д, 3е
144	III-А	м	5	1в, 1ж, 1и, 1о
145	III-А	м	5	1в, 1ж, 1и, 1о, 1м, 2б, 3ж
150/к-13	I-Б	м	3	1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1м, 1н, 1о
162	III-Б-1	?(м)		1а,1д, 1и, 1к, 1м, 1н, 2а, 3в
167	III-Б-1	?(м)		1г, 1д, 1ж, 1и, 1к, 2а, 2б
189	III-Б-1	?(м)	7	1в, 1ж, 1и, 1к, 3б, 3з
199	III-А	м	3	1б, 1в, 1ж, 1и, 1к
200/к-18	I-А	м	3	1к, 1л, 1о
209/к-10	I-А	д		1ж, 1и, 1к, 1л, 1м, 1о, 3в
216	III-Б-2	?(м)	3	1б, 1и, 1м, 2б
219/к-20	I-Б	м	7	1а, 1в, 1ж, 1и, 1к, 1л, 1о
245/к-17	I-Б	м	3	1ж, 1м, 1л, 2а
246	III-Б-1	?(ж)	3	1к, 1и, 2б, 3б, 3г
252	III-Б-1	?(м)		1и, 1к, 3б
254	III-Б-1	?(м)		1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1л, 1м, 1н, 2а, 2б, ложкорез, перовидное сверло
264/к-24	I-Б	м	3,8	1а, 1б, 1в, 1г, 1д, 1и, 1к, 1л, 1м, 1о, 2д
к-1	II	конь	5	1и, 1к, дерево от седла
к-2	II	конь	5	1и, 1к, дерево от седла
к-9	II	конь	5	1и, 1м, 1о
к-11	II-А	конь	5	1л
к-14	II-А	конь	5	
к-15	II	конь	5	1м
к-16	II	конь	5	1л
к-19	II-А	конь	5	1к, 1м
к-21	II	конь	5	1и, 1к
к-22	II	конь	5	
к-23	II	конь	5	

[1] *Михеев В. К.* Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990; *Михеев В. К.* Средневековые могильники с обрядом кремации на территории лесостепного Подонья // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке: Тез. докл. и сообщений. — Белгород, 1990.

[2] *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — С. 128.

[3] *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989. — С. 280.

[4] *Нестеров С. П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990. — С. 63.

[5] *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. — София, 1981. С. 9.

[6] *Плетнева С. А.* Половцы. — М., 1990. — С. 129.

[7] *Генинг В. В., Генинг В. Ф.* Метод определения древних традиций ориентировок по сторонам

горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. — К., 1985. — С. 136 — 152.
[8] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М., 1982. — С. 78.
[9] *Путешествия* в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С. 31, 32.
[10] *Плетнева С. А., Николаенко А. Г.* Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № 3. — С. 279 — 298.
[11] *Красильников К. Н.* О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 28 — 44.
[12] *Баранов Н. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990. — С. 117 — 129.
[13] *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. Больше-Тарханский могильник. — М.: Наука, 1964.
[14] *Вължарова Ж. Н.* Славяни и прабългари (на дании на некрополите от VI — XI вв. на територията на България). — София, 1976.
[15] *Артамонова О. А.* Могильник Саркел-Белая Вежа // МИА. — 1963. — № 109. — С. 38 — 40.
[16] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — С. 98.
[17] *Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986. — № 3. — С. 158 — 173.
[18] *Кухаренко Ю. В.* Новопокровский могильник и поселения // Археологія. — 1952. — Т. 6. — С. 33 — 50.
[19] *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков, 1985. — С. 123. — Рис. 14.
[20] *Шрамко Б. А.* Погребения VIII — X вв. у с. Пятницкое Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983. — С. 48 — 50; *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата.— С. 121 — Рис. 12.
[21] *Кухаренко* Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. — 1951. — Т. 41. — С. 99 — 108.
[22] *Сахнев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911 — 1912 гг. // ИАК. — 1914. — Вып. 56. — С. 75 — 219.
[23] *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1981. — С. 80 — 96.
[24] *Савченко Е. Н.* Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. — М., 1986. — Вып. 1. — С. 70 — 101.
[25] *Дмитриев А. В.* Погребения всадников и боевых коней на могильнике эпохи переселения народов на реке Дюрсо близ Новороссийска // СА. — 1979. — № 4. — С. 223 — 226.
[26] *Клейн А. С., Раев Б. А., Семенов А. И., Субботин А. В.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО, 1971. — М., 1972. — С. 133 — 134.
[27] *Мошкова М. Г., Максименко В. Е.* Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. — М., 1974. — Т. 2. — С. 45 — 46.
[28] *Власкин М. В., Ильюков Л. С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. — 1990. — № 1. — С. 137 — 153.
[29] *Станчев С.* Некрополът до Нови Пазар. — София, 1958; Станчев С. Новый памятник ранней болгарской культуры // СА. — 1957. — Т. 27. — С. 114, 115; *Вължарова Ж. Н.* Славяни... — С. 114 — 119; *Рашлев Р., Станилов С.* Раннесредневековый могильник у с. Ножарево, Силистринский округ (предварительное сообщение) // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 218.
[30] *Балинт И.* Погребения с конями у венгров в IX — X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 182.

Е. Н. Симонова

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ БЕЛОГЛИНЯНОЙ КЕРАМИКИ

Среди гончарной керамики поселения Гергеиугорня может быть выделена группа керамических изделий, отличающихся составом глиняного теста; в основном из каолина или элита с различными отощителями или почти без них. При обжиге в оксидной среде, несмотря на присутствие оксидов металлов — железа или марганца — они оставались светлыми с широкой гаммой оттенков: белых, розовато-, желтовато-, серовато-белых и т. д. Белоглиняная керамика с нашего поселения, за исключением одного сосуда, который удалось реставрировать (рис. 1, *12*), найдена сильно фрагментированой (рис. 1, *1* — *11*). Всего обнаружено более 70 фрагментов различной величины, среди которых преобладают мелкие обломки венчиков, стенок, донцев.

Обычно это обломки сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка (рис. 1, *2, 4, 7, 9*), но встречаются фрагменты и более грубых сосудов (рис. 1, *2*; 2, *2, 10*). Большинство из них украшены густым линейным (рис. 1, *5*), частым волнистым (рис. 1, *2, 6, 9*), ординарным линейно-волнистым, небрежно нанесенным палочкой (рис. 2, *2*), и ямочным орнаментом, также выполненным палочкой (рис. 1, *11*). Толщина стенок сосудов колеблется от 0,4 —

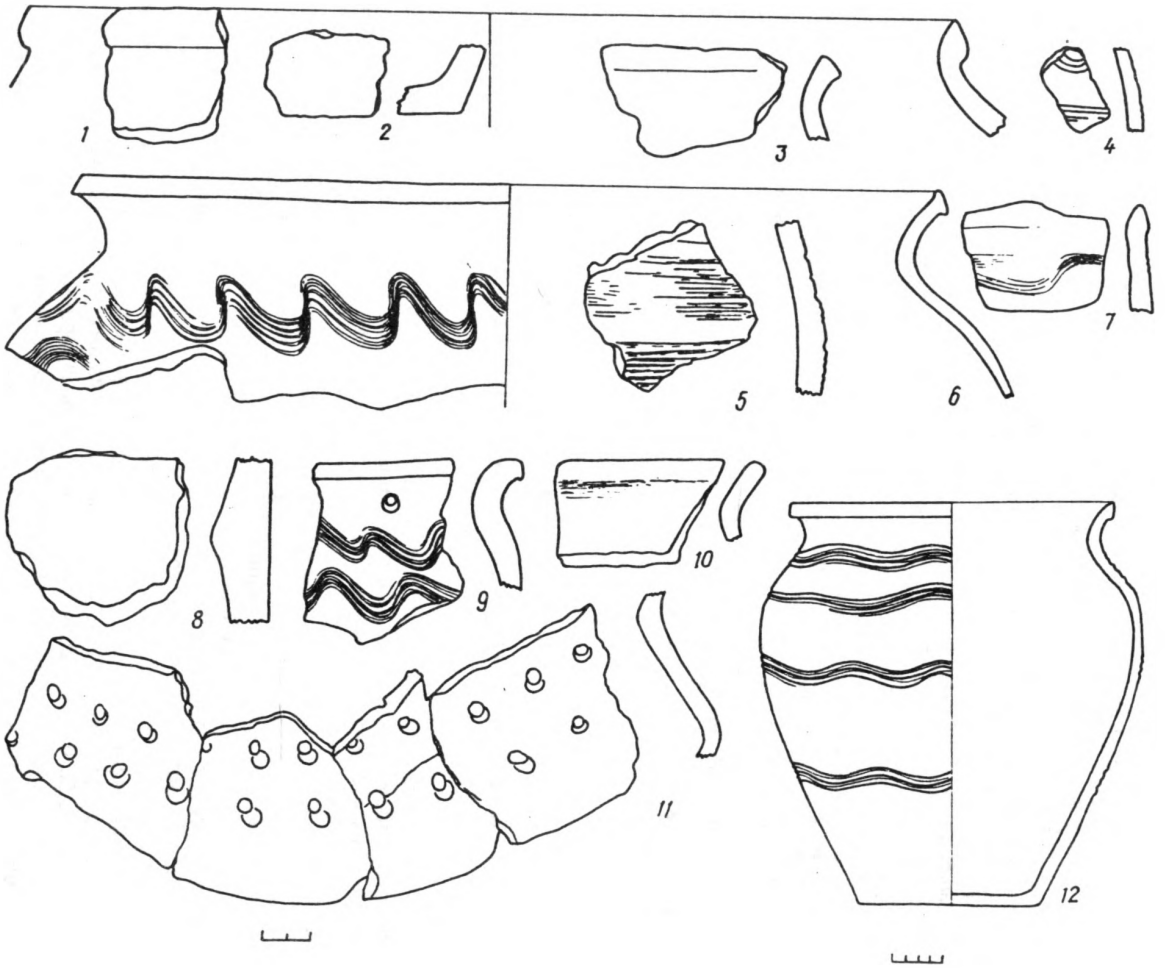


Рис. 1. Раннегончарная белоглиняная керамика с поселения Гергеиугорня.

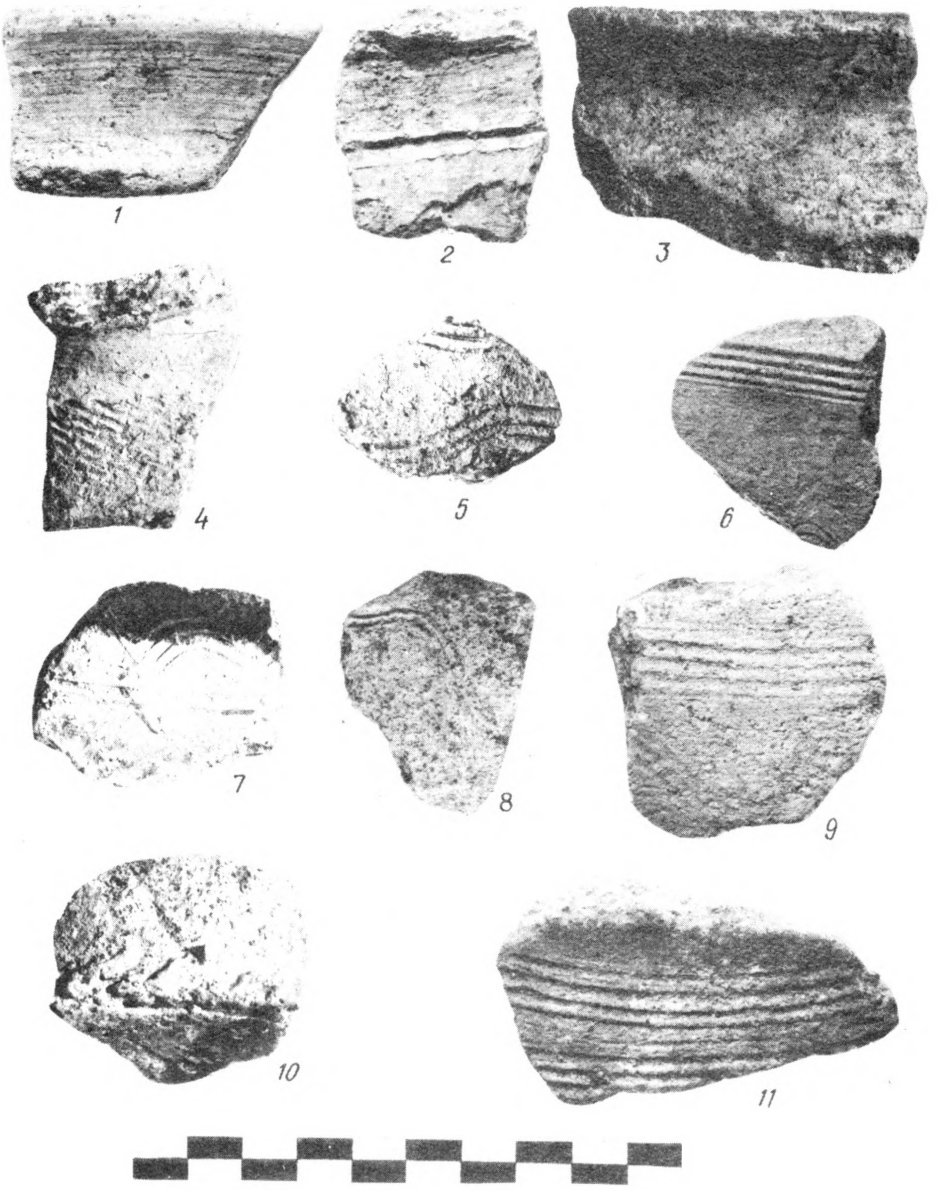


Рис. 2. Раннегончарная белоглиняная керамика с поселения Гергеиугорня (*1 — 3, 6 — 9, 11*) и с городища Паньола (*4, 5, 10*).

0,5 см. Обжиг хороший, полный. У двух фрагментов зафиксирован ангоб, вернее, следы подмазки на поверхностях раствором белой глины (рис. 1, *5, 10*; 2, *1*).

Из жилища № *5* происходят две важные находки: гончарные белоглиняный горшок сероватс-белого цвета (рис. 1, *12*) и крупный фрагмент верхней части грязновато-белого сосуда (рис. 1, *6*). Размеры горшка: высота 28 см, диаметр устья 22,6, диаметр дна 12,6, максимальная ширина корпуса — 26,4, толщина стенок 0,4 — 0,5, толщина дна 1 см. Глиняное тесто однородное, плотное, однослойное в изломе, с примесью мелкого песка, обжиг полный. На внутренних поверхностях горшка наблюдаются следы от сглаживания травой — многорядные параллельные царапины. 2/3 его корпуса покрывает волнистый орнамент, выполненный гребенчатым орудием с тремя-четырьмя зубьями, начинающийся от плечей горшка.

Из пода печи и его окружения происходит верхняя часть другого круп-

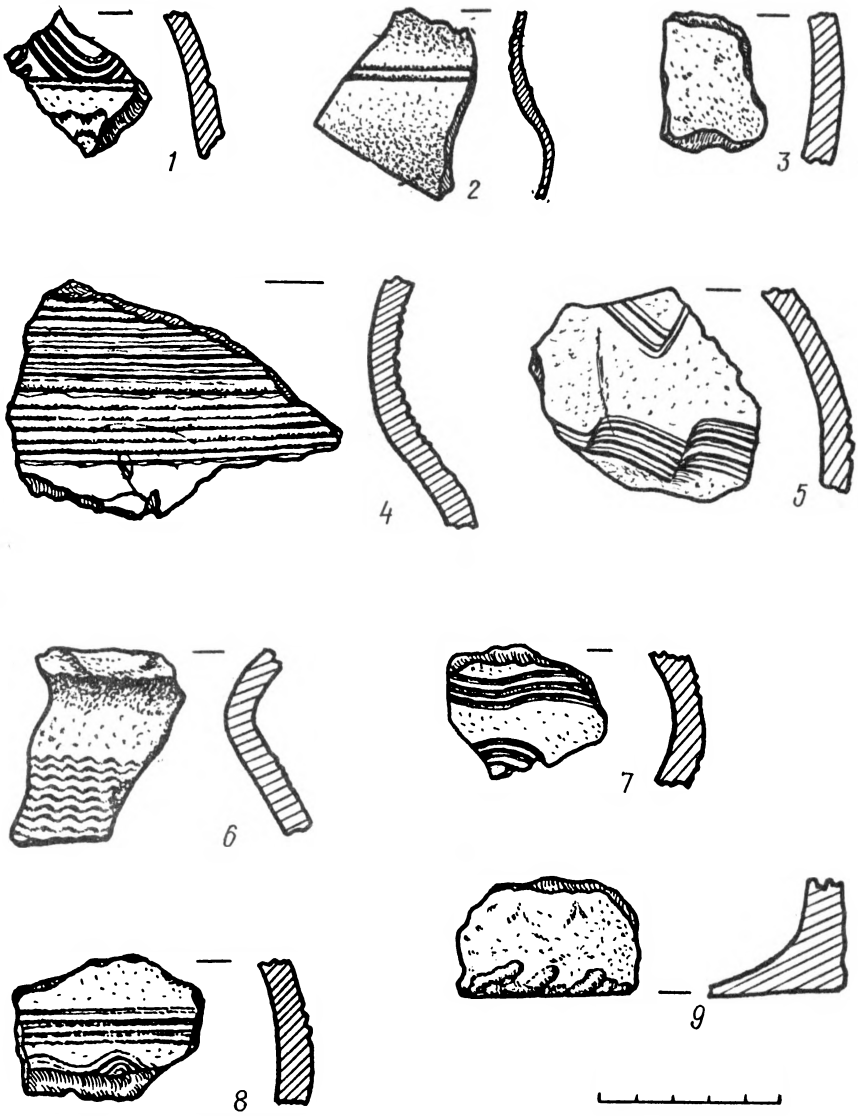


Рис. 3. Раннегончарная белоглиняная керамика:
1 — Вамошатья; *2, 3* — Ильк; *4, 5* — Кишварань-Папокевь; *6 — 9* — Паньола-Ашоттфок.

ного сосуда в обломках, серовато-белого цвета, венчик которого обломан. Толщина черепков в разных местах не одинаковая: от 4 до 8 мм. Сосуд орнаментирован двумя рядами косо расположенных вертикальных вдавлений, расстояние между которыми 0,5 — 1,5 см, расстояние между рядами вдавлений 1 — 1,5 см. Максимальный диаметр корпуса 28 — 29 см. Примесь в глиняном тесте — мелкий песок. Обжиг полный или почти полный.

Наряду с находками в Гергеиугорне, белоглиняная керамика обнаружена на близлежащих поселениях IX — XI вв. у сел Марокпапи (уроч. Мицкёз), Такош (уроч. Вёчике), Вамошатья (уроч. Хоссухомок, рис. 3, 1), Ильк (рис. 3, *2 — 3*), Витка (рис. 4, *1*), Кишваршань (уроч. Папоке) (рис. 3, *4, 5*) и на более отдаленном расположенном городище IX — X вв. у с. Паньола в уроч. Ашоттфок (рис. 2, *4, 5, 10*; рис. 3, *6 — 9*).

На территории Венгрии помимо местонахождений области Саболч-Сатмар, белоглиняная керамика встречается на поселении Дьёндьёшпата (уроч. Мелегфорраш), обл. Хевеш, в окрестностях и на территории села Берет-

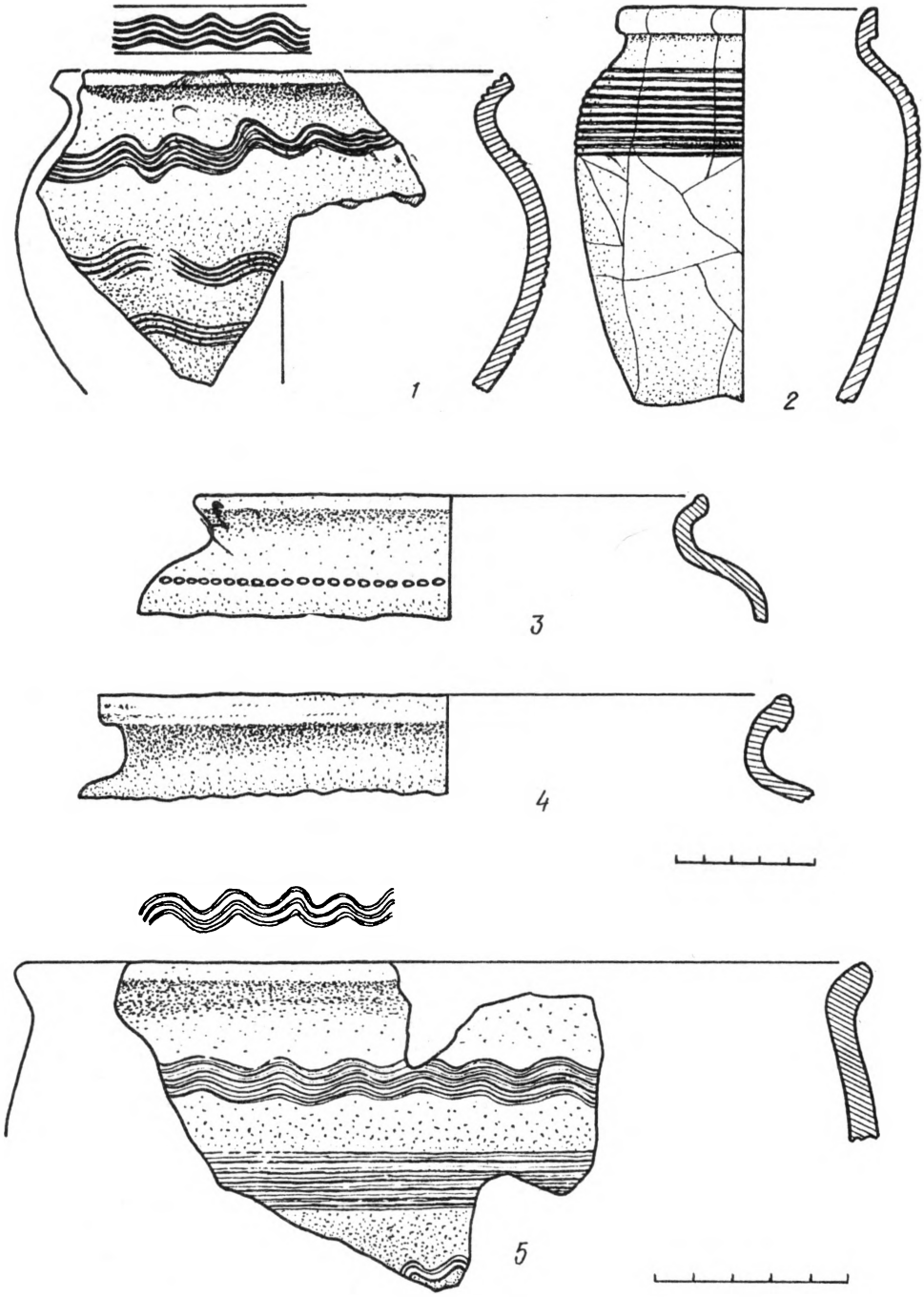


Рис. 4. Раннегончарная белоглиняная керамика:
1 — Витка; *2* — Плесневск; *3, 4* — Авдеевское городище; *5* — Деньдешпата-Меллегфорраш.

тьоуйфалу (уроч. Херпай), где в подъемном материале встречаются обломки венчиков белоглиняных сосудов желтовато-белого цвета, вероятно, X — XI вв. [1] Что касается единственного фрагмента венчика гончарного белоглиняного сосуда из Дьёндьёшпата (рис. 4, *5*), то он принадлежал горшку с невыраженными плечиками и слабо отогнутым венчиком к округлым краем. В глиняном тесте — мелкая дресва. Черепок орнаментирован многорядным

волнистым и линейным орнаментом, расположенным зонально; внутреннюю поверхность венчика также покрывают многорядные волны. Он происходит из единственного вскрытого спасательными раскопками жилища, датированного на основании комплекса керамического материала IX в. (Я. Д. Сабо).

На территории России, Украины, Молдовы зафиксировано десять памятников с наличием в керамическом материале белоглиняной керамики. Особый интерес представляет группа памятников (селище, городище, курганная группа), расположенная в 40 км к западу от Курска, где известны выходы белых глин. Белоглиняная керамика в этом регионе известна в курганах X — XI вв. у с. Липина (П. И. Засурцев), а на Авдеевском городище даже в IX — X вв. Отсюда происходит аналогичная керамика, 11 венчиков которой известны из публикации исследователя [2].

О ее ранней дате свидетельствуют два фрагмента с примесью шамота в тесте, один с орнаментацией, выполненной псевдогребенчатым штампом, характерной для роменской керамики, другой покрывает зигзаг, нанесенный гребенчатым орудием. Остальные обломки принадлежат горшкам различной формы, размера, толщины, стенки содержат в тесте песок.

Интересны фрагменты горшков с выпуклыми боками, один из них с закраиной для крышки и ямочным орнаментом по внешней поверхности (рис. 4, *3*), другой — с оттянутым вниз краем венчика и закраиной для крышки (рис. 4, *4*), третий обломок горшка с округлыми плечами и усложненным краем венчика, украшенный зональным линейным орнаментом. Три вышеописанных горшка на основании их характеристик (формы, состава, глиняного теста и обжига) относятся к наиболее поздним, более того, можно говорить о принадлежности их к периоду, начиная с XI в. Что касается Липинского городища, то во II слое, датируемом на основании аббасидского дирхема 886 г. концом IX — первой половиной X вв., найдены белоглиняные сковороды диаметром 15 — 22 см [3], что представляет собой уникальное явление. Пока только здесь известна эта форма посуды, вылепленная из белой глины.

Обломки белоглиняных горшков найдены при раскопках городища Витачев, который будучи военной крепостью IX — X вв. в оборонительной системе на юге Киевской Руси, являлся одним из ранних городов, центром ремесла и торговли. Наличие белоглиняной керамики не случайно, поскольку первое появление посуды из белой глины зафиксировано в трипольской культуре. Село Триполье (летописный Триполь) находится недалеко от Витачева, на правом берегу Днепра, немного выше по течению. Таким образом, на основании первобытных и средневековых находок можно говорить еще об одной группе памятников с белоглиняной керамикой, которая несомненно, размещалась вблизи сырьевой базы.

На городище Плеснеск М. П. Кучерой на основании состава глиняного теста была выделена группа белоглиняной керамики [4]. Она относится к группе II, к которой относятся сосуды с четко выраженным высоким плечом, из хорошо промешанной беловатой глины с незначительными добавками песка и заглаженными внешними поверхностями (рис. 4, *2*). Керамика II группы встречается на городище редко и датируется X — XI вв.

Венчик с линейно-волнистым прорезным орнаментом от гончарного сосуда серовато-белого цвета (найден в Рогоше — летописный Оргош). Согласно устному сообщению М. П. Кучеры, он может быть датирован X — началом XI века.

Тонкостенный белоглиняный сосуд с глазурью обнаружен в гончарной печи № 1, вскрытой при раскопках Херсонеса. На основании темнокрасных амфор, хорошо датированных монетами, комплекс может быть отнесен к IX — X вв. [5] Керамику из белой глины, покрытую непрозрачной глазурью продолжали изготовлять в очень ограниченном количестве и в XI в., в Таврике она очень редкая. В X в. здесь господствовала белоглиняная керамика с рельефными украшениями [6].

Белоглиняный кувшин, расписанный красной охрой по внешней поверхности, найден в печи жилища № 2 поселения Этулия VI. По наблюдениям исследователя, подобная посуда встречается на поселениях, где существует культурный горизонт второй половины X в. Особенно характерна она для памятников этого времени в Добрудже и Северной Болгарии, где ее изготавли-

вали [7]. На городище Калфа, датируемом VIII — X вв., найдены обломки тонкостенных белоглиняных сосудов, которые не удалось восстановить. По-видимому, они также попали сюда в конце X в. из Добруджи [8]. В Добрудже белоглиняная посуда и посуда с ангобом известна в монастырском комплексе Мурфатлар [9], в крепости X — XIII вв. Пэкуюл Луи Соаре [10], где она датируется IX — X вв. и последней четвертью X — XI вв. на основании византийских монет, начиная от Иоанна Цимисхия и Василия II (969 — 989) до Никифора III (1078 — 1081). Белоглиняная керамика также присутствует в материале крепостей Нижнего Дуная — Капидаве и Диногеции, где существовали керамические мастерские по ее изготовлению.

Белая керамика совместно с серой салтово-маяцкого типа найдена в жилищах X в. № 37Д и 37Ц на поселении X — XII вв. Диногеция-Гарвэн [11]. Характерная форма: горшки с ручками; овальным или почти сферическим корпусом без ручек; горшки с ручками и шаровидные котлы с двумя ушками изнутри под венчиком. Горшки с ручками и котлы встречаются значительно реже, чем горшки с овальным или сферическим корпусом. Для керамики из белой глины этих комплексов характерны только врезные орнаменты: линейный, линейный в сочетании с волнистой лентой вокруг горла; врезанный орнамент из вертикальных или косых линий, идущих от плечиков до середины сосуда. По предположению исследователя, линейный орнамент в сочетании с треугольниками, острый конец которых расположен на плечах сосуда, является одним из видов орнамента салтово-маяцкой культуры. В Диногеции М. Комша относит белоглиняную керамику к подгруппе II/А, которая хорошо датируется византийскими монетами Иоанна Цимисхия и Василия II (969 — 989), а также монетами Романа III (1028 — 1034) и Михаила IV (1034 — 1041), то есть второй половиной X — серединой XI вв.

Во второй половине XI в. наличие здесь белоглиняной посуды исключено. Нижнюю дату существования белоглиняной керамики, время перед правлением Иоанна Цимисхия, то есть конец IX — начало X вв., в отдельных комплексах хорошо датируют обломки амфор, бусы, наконечники стрел и украшения. Однако в слоях за пределами крепости керамика I и II групп встречается вместе с византийскими монетами Иоанна Цимисхия [12].

В Олтении небольшое количество фрагментов белоглиняной керамики найдено на поселении IX — X вв. в Букове. В керамическом материале Буков-Ротари она представлена несколькими фрагментами горшков с линейным орнаментом и примесью дресвы в глиняном тесте из жилища № 1, датируемого IX в., а также фрагментом горшка, глиняное тесто которого содержит примесь песка и охры, из жилища № 3, датируемого концом IX — началом X в.; кроме того, обломком кувшина, покрытого вертикальным прочерченным орнаментом [13]. В Буков-Тиока обнаружены обломки кувшинов, в тесте которых в виде отощителя встречается песок и охра (жилища №1 и 12), а также обломки горшка с грубой поверхностью, с примесью дресвы в глиняном тесте, украшенным линейно-волнистым орнаментом (жилище № 1, датируемое серединой X в.) [14]. В румынской Молдове единичные находки белоглиняной керамики зафиксированы в материале поселений Флорешты-Бакэу, Кэвэвдинешты-Галац, Глинча-Яссы и Поду-Илоаци-Яссы. По сообщению Д. Г. Теодора, она известна до Сучавы [15].

Гончарная белоглиняная керамика встречается также в некоторых могильниках VIII в. и на ряде поселений IX — X и IX — XI вв. в Болгарии, где существуют целые комплексы посуды из белой глины. На находки белоглиняной керамики в Плиске, Мадаре, Преславе, Добрудже и вдоль Дуная в свое время указывала М. Конша [16]. Новейшие исследования, кроме Мадары, подтвердили это положение.

Болгарская белоглиняная керамика обычно с ангобом. Встречается она, главным образом, на памятниках Северо-Восточной Болгарии, часть которых расположена вдоль Дуная. В слоях IX — X вв. поселения из уроч. Попина-Колету у с Нова Черна [17], на поселении X в. у с. Лдърци (Л. Дончева-Петкова, не опубликовано), на укрепленных поселениях IX — X вв. у с. Кладеннци (С. Баклинов, К. Станилов), а также в могильниках около VIII в. у сел Борислав и Кнежа (Э. Генова), а также из слоев укрепленного поселения Стырмен

над Янтрой [18]. На поселении Стырмен над Янтрой керамика из белой или кремовой глины, относящаяся к категории II, представлена столовыми сосудами с двумя ручками и без них, а также кувшином, украшенным углубленными горизонтальными желобками в сочетании с фестонами. Хорошая аналогия ему известна в Мурфатларе и датируется второй половиной X — началом XI вв.

В Преславе выделена группа керамики, изготовленная на быстром гончарном круге из белой хорошо отмученной глины, которая может быть датирована рубежом IX — X вв. [19] Здесь среди белоглиняной керамики может быть выделена группа с восточными мотивами. В Плиске, по сообщению Л. Дончевой-Петковой, к этой группе керамики, вероятно, могут быть отнесены беловато-кремовые одноручные или двуручные гончарные кувшины с красным ангобом, найденные у крепостных стен в самом нижнем горизонте VIII — начала IX вв.

В Польше «белая» керамика, в связи со значительным выходом глин на поверхность, главным образом распространена на территории Малой Польши и спорадически в Великой Польше. А. Жаки при разработке типологии отнес так называемую белую подкраковскую керамику к группе А. По его наблюдениям, она представлена в основном в III морфологическом типе, во II, IV — VI, VIII — IX едва встречается, а в I, VII, XI — XIII, то есть среди горшков пражского типа, баночных сосудов, стаканов, кубков, амфор, сковород и жаровен, она отсутствует [20].

Польская белоглиняная керамика представлена так называемой белой подкраковской, которая в действительности бежевого или желтовато-коричневого цвета [21], и беловатой, благодаря наличию в ней каолина или элита, а не мела, как писал А. Жаки. Первая встречается в Кракове, Вавеле и его окрестностях; вторая — зафиксирована в материале городищ верховий Западного Буга, в Сандомире, Самборке и спорадически в Великой Польше.

Появление так называемой белой керамики в Малой Польше на основании ее находок в слоях городищ Повисленья, в Новой Гуте-Могиле и Страдуве (фаза 1 б/ц), по мнению некоторых польских исследователей, может быть отнесено к VII — VIII вв. В своей периодизации Р. Хахульска-Ледвос находки «белой» керамики из Новой Гуты-Могилы относит к стадии I/II, то есть к VI/VII — XIII вв., где упомянутая керамика составляет 70 % [22].

На городище VII — XI вв. Щаворыж «белая» керамика появляется уже на первом этапе его существования, то есть в VII — рубеже VIII — IX вв. Однако свое распространение она получает на втором этапе, датируемом рубежом IX — X — серединой X — XI вв. [23] Наиболее интенсивное ее распространение на Малопольской возвышенности, по мнению А. Жаки, относится к IX в., а наиболее позднее — к первой половине или концу X в. [24] К. Радваньский отмечает находки обточенной посуды из белой глины в слоях VI_x, VI_y, VI_z и на основании стратиграфии и вещей датирует ее рубежом X — XI вв. [25] В XI — XII вв. наблюдается, а, возможно, и несколько ранее, распространение «белой» керамики из областей Малой Польши на территорию Великой Польши. Так, при раскопках 1937 г. поселения Виташевице, расположенного в 40 км к югу от Лодзи, найдены отдельные фрагменты белоглиняной керамики X — XI вв. (сообщение А. Хмелевской).

В эпоху средневековья для славянского керамического производства, существовавшего на территории современной Чехословакии, были характерна белоглиняная керамика. Она получает свое развитие в начале или конце XII в. и существует до начала XX в. В Западной Чехии известны местонахождения высококачественного каолина, в Средней Словакии (Кошицкая низменность, Полтар, Лученец) — элита, отличающаяся большей эластичностью. В Восточной Словакии, в окрестностях г. Михаловце (Бела Гора, Гуменне) также известны выходы белой глины. Обычно гончарные мастерские, хронологически разновременные, зафиксированы здесь в одних и тех же местах, что может быть объяснено близостью выхода глин хорошего качества. Например, в Позолишовце, расположенном между городами Кошице и Михаловце, в настоящее время действует керамическая фабрика, работают гончары-надомники, подобно тому, как в Кошице существует Гончарная улица. Находки бело-

глиняной керамики IX — середины XI вв., встреченные здесь на славянских памятниках, не противоречат вышесказанному.

Впервые обломки белоглиняной посуды в Словакии найдены на поселении Комъятице, р-н Нове Замки [26]. Это обломки обточенных сосудов, изготовленных из тонко отмученной белой глины, покрытых тонким слоем каолина, происходящие из объекта 1/79, датируемого второй проловиной X — началом XI вв. В Кривоштянах, р-н Михаловце, найден фрагмент стенки гончарного сосуда чистого белого цвета. Поверхность его покрывает мелкий и частый многорядный (4 — 6 рядов) волнистый орнамент. Ширина интервала между орнаментальными полосами 3 см, толщина стенки 0,5 см (Я. Виздал). Раскопками 1987 г. выявлено новое поселение IX — X вв. с белоглиняной керамикой — Лакшарская Нова Вес, р-н Сеница (К. Томчикова).

Белоглиняная керамика в Моравии обнаружена в Старом Месте «У Вита», вблизи его расположен участок «На валах», где открыта мастерская великоморавской эпохи по производству изделий из белой глины (В. Грубы, К. Марешова). Белоглиняная керамика высокого качества различных оттенков, от розовато-желтовато-бежевого до серовато-голубоватого. Фрагменты принадлежат хорошо профилированным сосудам, венчик которых слабо или хорошо отогнут, с округлым или сужающимся краем, иногда оттянутым вниз и вверх. У некоторых обломков на внутренней поверхности венчика прослеживается закраина для крышки. Часть из них украшена линейным, волнистым, многорядным линейно-волнистым орнаментом. Очень редко встречаются обломки сосудов с валиками, иногда в комбинации с волной. Черепки однослойные или двуслойные в изломе с отощителем в виде песка и слюды, толщиной от 0,4 — 0,5 до 1,2 см. Изредка мелкие или средней величины крупинки песка выступают на поверхности, которые бывают шероховатыми и заглаженными.

На внутренних поверхностях отдельных фрагментов прослеживаются горизонтальные следы от вращения гончарного круга и вертикальные от заглаживания. На двух фрагментах днищ — рельефные клейма: одно в виде выпуклого креста с перекладинами; другое — не совсем четкой конфигурации. На городище Бржецлав-Поганско фрагменты серовато-белой керамики из тонко отмученной глины происходят из разрушенных селищных объектов, лежавших под деструкцией костела. Особый интерес представляет большой обломок венчика от крупного вытянутой формы сосуда с диаметром устья 22 см, при максимальной ширине корпуса 24,5 см. Поверхность сосуда покрывает линейный орнамент в виде широких горизонтальных борозд в сочетании с рядом косо расположенных углублений под венчиком. Обломки белоглиняной посуды найдены среди керамики поствеликоморавской эпохи и могут быть датированы второй половиной X в. [27]

На поселении X в. в Койетине, р-н Пржеров, раскопано восемь объектов. Во всех найдены фрагменты посуды из «белой» глины, относящиеся к одному из вариантов так называемой подкраковской белой керамики. Обломки желтовато-коричневого цвета, хорошего обжига украшены линейно-волнистым орнаментом и составляют 1/3 всего керамического материала. На поселении X в. в Хулине, р-н Кромержиш, расположенном в 10 км к югу от Койетина, в результате спасательных раскопок в слое также обнаружено небольшое количество так называемой подкраковской белой керамики желтовато-коричневого цвета (Ч. Станя).

В Чехии тонкостенная керамика кремового цвета из хорошо отмученной глины встречается среди погребального инвентаря могил IX —X вв. на Пражском Граде. Так, белоглиняный горшок найден в погребении Н-17/73, которое, вероятно, может быть датировано второй половиной X в. [28] На городище XIII — X вв. в Либице, также в слое X в., обнаружен венчик с закраиной для крышки от белоглиняного тонкостенного, хорошо профилированного сосуда. По-видимому, он попал сюда как экспорт из Праги после присоединения к ней Либице в 955 г. (Я. Юстова).

Среди чешских археологов не существует единого мнения относительно техники изготовления и происхождения белоглиняной керамики. Пока можно говорить лишь о том, что в слоях X в. на Пражском Граде она представлена в небольшом количестве. Широкое распространение белоглиняная керамика по-

лучает в основном в XI в.; позже, в XIII в., появляется «белая» (светло-коричневая с белым ангобом) средневековая посуда. В настоящее время ведется большая дискуссия по всем спорным вопросам, связанным с раннесредневековой и средневековой керамикой, изготовленной из белой глины. Вопрос остается открытым. Некоторые исследователи (Л. Чихакова) выдвигают прдположение о возможности экспорта ее из Баварии в эпоху средневековья, а также о существовании ангобированной и неангобированной белоглиняной керамики.

В Австрии белой керамикой называют красноглиняную керамику, полученную путем оксидации. В процессе обжига, при достижении температуры 600 °С керамика сохраняет красный цвет, а при температуре 900 °С она уже более светлая. Однако с помощью обжига нельзя полностью изменить химические качества керамического изделия, для этого необходимо наличие каолина или элита.

Как упоминалось, среди гончарной белоглиняной керамики с поселения Гергеиугорня встречено два фрагмента, представляющие интерес с точки зрения обработки поверхности. Небольшой фрагмент стенки, украшенный частым линейным орнаментом, покрыт слоем белой глины, то есть ангобирован. На обломке венчика прослежены следы подмазки белой глиной. Белоглиняная керамика с подмазкой как красного, так и белого цвета известна в славянских памятниках с территории Словакии: из могильников VIII — IX вв. у с. Красяны [29] и Битурова, р-н Жилина [30], в Нитре-Лупке [31], а также на поселениях в Липтовской Маре, р-н Липтовский Микулаш [32] и Комъятице [33]. Как правило, это сосуды с примесью песка, а иногда слюды, обточенные на ручном круге быстрого вращения, изредка украшенные волнистым орнаментом. Во всех известных случаях для подмазки использовались хорошо отмученные глины.

Что касается славянских поселений аналогичного времени в Закарпатье, территориально близко расположенных к нашим, то нам не известны сообщения исследователей о находках белоглиняной керамики. Только один раз встречается краткое упоминание о том, что в ряде случаев стенки сосудов VII — XIII вв. покрыты ангобом [34]. Керамика с подмазкой (украинский и польский термин «побелка») встречается среди раннегончарной белоглиняной керамики IX — X вв. Галицко-Волынского княжества. Этот технический прием, по-видимому, особенно характерен для западных областей Украины, например, для Плеснеска [35], откуда позднее, в XI — XII вв., распространяется в восточные области, где известен в материале городища Буки (междуречье Роси-Роставицы) и Томашовки (Фастовский р-н, Киевская обл.) (М. П. Кучера). Исчезновение в восточных областях Украины керамики «с побелкой» относится к XII — XIII вв., но на территории Галицко-Волынского княжества она продолжает бытовать и далее. В Польше керамика «с побелкой» известна в слоях XI — XIII веков в Ополе, Вроцлаве, Чермно. В Жерниках Дольних «побелка» также прослеживается на некоторых сосудах [36].

Ангобирование разных типов широко представлено в материале памятников Северной Болгарии, Южной Румынии, точнее, Западного Причерноморья. В Болгарии почти вся белоглиняная керамика со светлым ангобом. В поселении Стырмен над Янтрой среди сосудов II типа (без ручек и с ручками) поверхность одного двуручного сосуда покрыта ангобом красного цвета [37]. В Румынии ангобированная керамика широко представлена в материалах памятников Диногеции, Капидавы, Пакуюл Луи Соаре [38], Букова и т. д. Что касается Трансильвании, то, к сожалению, об обработке поверхности славянской керамики (ангоб и т. д.) К. Хоредт ничего не сообщает. Согласно Л. Дончевой-Петковой, датировка белоглиняной керамики с ангобом укладывается в рамки VIII — X/XI вв. [39]

Понятие белоглиняная керамика обычно связывается с развитым средневековьем, где она ярко представлена в материале ряда памятников Западной и Восточной Европы: с XII в. в Чехословакии, с XIII в. в Венгрии, с XV в. в Нижней Австрии. На территории Германии, в прирейнских областях (например, Пингсдорф), белоглиняная керамика с простой росписью красной краской появляется в VIII в. как отголосок позднеримских традиций и присутствует в меровингских и каролингских комплексах.

Более того, в Кракове и его окресностях, Новой Гуте-Могиле, Страдуве, как уже отмечалось, так называемая подкраковская белая керамика встречается

вместе с находками VI — VII/VII — VIII вв. (нижняя дата VI — VII вв. принята не всеми польскими исследователями), а в Вавеле, отличающимся хорошей стратиграфией, присутствует в слоях рубежа IX — X вв. [40] В Добрудже на ряде городищ, расположенных в низовьях Дуная — Капидаве, Диногеции, Пакуюл Луи Соаре и т. д., она распространена в IX — X вв. и встречается в комплексах, верхняя граница которых хорошо датирована монетами второй половины X — середины XI вв. Во второй половине XI в. наличие ее здесь не зафиксировано.

Таким образом, можно проследить две группы белоглиняной керамики, отличающейся материалом, техникой изготовления и временем своего существования. Во избежание путаницы и недопонимания считаем необходимым ввести в научный оборот термин — «раннегончарная белоглиняная керамика».

Итак, в настоящее время раннегончарная белоглиняная керамика обнаружена на территориях Болгарии, Румынии, бывшего СССР, Венгрии, Чехословакии и Польше. Обычно она встречается в материале селищ и городищ, городских слоев, монастырей, дворцов, грунтовых могильников и курганов. Находки ее зафиксированы в заполнении хилищ, мусорных ям, в вымостке подов печей, в гончарных печах, в гончарных мастерских, погребениях и культурном слое. В большинстве своем она представлена горшками различных форм и размеров, реже одноручными и двуручными кувшинами, в меньшей степени котлами, мисками и, как исключение, сковородами. Вероятно, небольшая часть белоглиняной керамики неорнаментирована, остальная — украшена линейным, волнистым, линейно-волнистым, горизонтальными линейными желобками в сочетании с фестонами, линейно-волнистым орнаментом с различными комбинациями: ямками, насечками, углублениями, выполненными с помощью палочки, гребенчатого и псевдогребенчатого штампа, рядами ямок, разнообразным врезаным орнаментом и т. д.

Керамика VII — VIII вв. более рыхлая, толстостенная, с отощителем в виде песка, а иногда шамота, обжиг не совсем полный, иногда орнаментирована гребенчатым или псевдогребенчатым штампом. В IX — X вв. ее изготавливают намного лучше: большая однородность теста, с отощителем в виде песка и охры; иногда встречаются более грубые экземпляры с примесью дресвы. Во второй половине X — первой половине XI вв. — в основном это белоглиняная тонкостенная посуда из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка или почти без отощителя, отличающаяся хорошим обжигом, требовавшим высоких температур. Наличие ее в керамическом материале колеблется от нескольких фрагментов до 1/3 части всего материала. На основании состава глиняного теста всю раннюю гончарную белоглиняную керамику можно подразделить на семь групп.

1. Так называемая белая подкраковская керамика в действительности бежевого или желтовато-коричневого цвета, встречающаяся в первую очередь в Кракове и его окрестностях, а также на моравских поселениях X в. в Койетине и Хулине. Моравская белоглиняная керамика отличается от малопольской более совершенным обжигом.

2. Белоглиняная керамика с широкой гаммой оттенков от голубовато- и серовато-белой до желтовато- и розовато-белой и кремовой распространена в Польше (памятники верховьев Западного Буга, Сандомира, Самборка, Крушвицы и т. д.), Чехословакии (Пражский Град, Либице, Бржеслав-Поганьско, Старое Място, Комъятице и т. д.), бывшем СССР, Болгарии.

3. Белоглиняная керамика с росписью красного или коричневого цвета (бывший СССР, Румыния, Болгария).

4. Белоглиняная керамика с ангобом (белым, красным, розовым) широко представлена в Румынии, Болгарии, реже в Чехословакии, бывшем СССР, Польше и Венгрии.

5. Белоглиняная керамика покрытая поливой (глазированная):

а) покрытая глухой (непрозрачной) глазурью (Румыния, бывший СССР);

б) украшенная рельефными изображениями и покрытая прозрачной свинцовой глазурью (со второй половины IX в. византийский импорт в Херсон, Саркел и т. д.) встречается в Коринфе [41], а также с полихромной росписью под тонким слоем прозрачной глазури (Херсон, Саркел; Румыния — Диногеция; Болгария — Преслав, где в IX — начале X вв. она и производилась) [42].

6. Белоглиняная импортная керамика. Она иная по облику и составу теста. С поселений, расположенных вокруг Гергеиугорня, она представлена одним обломком верхней части (венчик обломан) тонкостенного сосуда (толщина стенок 2 — 3 см) из хорошо отмученной чистой белой глины (рис. 2, *2*). Черепок плотный, однородный в изломе, примеси в тесте не наблюдается, обжиг полный. Украшен линейным орнаментом: две горизонтальные линии, выполненные палочкой. Обнаружен путем сборов в окрестностях с. Ильк.

Положение о возникновении раннегончарной белоглиняной керамики в VI — VII вв. в Малой Польше, выдвинутое Р. Хахульской-Ледвос, рядом исследователей до сих пор не принято. Существование раннегончарной белоглиняной керамики с VII (?), скорее всего, с VIII — IX вв. до середины XI в. общеисторическое явление, зафиксированное на обширных территориях, расположенных от Бржецлава на западе до среднего течения Дона на востоке; от Плиски и Преслава на юге до Курска на северо-востоке. Однако для нашего поселения такую широкую датировку принять невозможно.

Упомянутая небольшая группа керамики, встречающаяся в заполнении всех сооружений и культурном слое, довольно однородна по составу глиняного теста, технике изготовления и укладывается в рамки X — первой половины XI вв. Изготовление раннегончарной белоглиняной керамики зависело от сырьевой базы и приобретало разные культурные особенности на различных стадиях своего развития. Например, местонахождения чистой белой глины известны в районе Преслава — в Бял Бряг, Въбилин Дол и Патлейна [43].

При изготовлении белоглиняной посуды славянское население Плиски и Преслава, несомненно, использовало традиции византийских гончарных мастерских, производивших и посуду из каолина [44]. Появление гнезда поселений с белоглиняной керамикой в Восточной Словакии, в окрестностях г. Михаловце (Бела Гора), в области Саболч-Сатмар, находившихся далеко на северо-востоке и не имевших непосредственных контактов и прочных традиций с Византией, может быть объяснено существованием поблизости выходов белой глины. Т. Легоцкий писал о нахождении каолиновых глин в Берегсазских горах, которые, считая мелом, около 1782 г. вывозили на продажу во Львов и Кошице по цене 5 форинтов за 100 кг [45]. Группа наших памятников находится на расстоянии менее чем 30 км от Берегсазских гор. Таким образом, раннегончарная белоглиняная посуда, встречаемая в Гергеиугорне и на окрестных памятниках (Вамошатье, Витке, Ильке, Кишваршаньи, Марокпани, Паньоле и Такоше), не была импортом, а изготовлялась на месте.

На основании дереватографических анализов следует, что обжиг белоглиняной керамики осуществлялся при температуре 560 — 900 °С. Последнее достигалось в улучшенной конструкции гончарных печей с применением в качестве топлива твердых пород дерева (бука, дуба и т. д.).

Раннегончарная белоглиняная керамика, будучи связана с определенными культурными традициями, и имея различный смысл (ошибка при выборе материала, традиции гончарства, мода, в основе которой некогда лежало соблюдение ритула) не может характеризовать такое сложное явление, как этнос. Хорошей иллюстрацией к этому служат данные этнографии. В XIX в. в некоторых областях Украины еврейское население перед своими религиозными праздниками заказывало у гончаров белоглиняную посуду. Такая же посуда в известный исторический период изотовлялась западными, южными и восточными славянами (в частности населением роменско-боршевской культуры), германцами, носителями салтовско-маяцкой культуры и культуры Дриду. На территории Западной Болгарии, Румынии и Северного Причерноморья при ее изготовлении использовали традиции византийских гончарных мастерских. Вероятно, замечание М. Комши о том, что ареал распространения белоглиняной керамики связано с наличием известного синтеза салтово-маяких, славянских и позднеримских, византийских элементов [46], справедливо. Однако распространение белоглиняной посуды на обширных территориях свидетельствует о том, что сама керамика уже не является признаком той или иной этнической группы. Ее идентичность может быть объяснена одинаковой ступенью общественно-экономического развития и влиянием культурных традиций.

[1] *Mesterházy K.* Régészeti adatok Hajdú-Bihar megue területe IX. — XIII. századi településtörténetéhez // DDME. — 1974. — S. 91 — 174.
[2] *Алихова А. Е.* Авдеевское селище и могильник // МИА. — 1963. — № 108. — С. 82 — 84.
[3] *Засурцев П. И., Лисицына Н. К.* Липинское городище // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 53.
[4] *Кучера М. П.* Кераміка древнього Пліснеська // Археологія. — 1962. — Т. XII. — С. 146 — 147. — Рис. 19, *3*; Древній Пліснеськ // АП. — Т. XII . — С. 3 — *56*.
[5] *Якобсон А. Л.* Гончарные печи Средневекового Херсонеса // КСИИМК. — 1941. — Вып. № 10. — С. *54*.
[6] *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л., 1979. — С. 119.
[7] *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII — IX вв. на Днестре. — Кишинев, 1973. — С. 179. — Рис. 4; Поселение Этулия-VI // АИМ. — 1972. — С. 173 — 182.
[8] *Чеботаренко Г. Ф.* Поселение... — С. 29, *58*.
[9] *Barnea I., Bilciurescu V.* Santierul archeologis de la Basarabi // Materiale. — 1962. — VI. — S. 361 — 362. — Рис. 7, *2*.
[10] *Diaconu P., Vilceanu D.* Pacuiul lui Soare. — Bucuresti, 1972. — T. 1. — S. *85* — 89.
[11] *Stefan Gh., Barnea T., Comsa M., Comsa E.* Dinogetia I. Biblioteca de Archeologie. — Bucuresti, 1967. — S. 319.
[12] *Там же.* — С. 201.
[13] *Comsa M.* Cultura materiala veche romaneasca / (Aseazarile din secolele VIII — X de la Bucov-Ploesti). — Bucuresti, 1978. — S. 72.
[14] *Там же.* — С. 78.
[15] *Teodor D. Gh.* Teritoriul Est-Carpatic in veacurile VI — XI e. n. — Iasi, 1978. — S. 113.
[16] *Кишваси-Комша М.* Некоторые исторические выводы в связи с несколькими историческими памятниками VI — XIII вв. н. э. на территории РНР // Dacia. — 1957. — № 1. — С. 319.
[17] *Дончева-Петкова Л.* Трапезната керамика в България през VIII — XI вв. // Археология. — 1970. — Т. XII. — С. 12 — *25*.
[18] *Kurnatowska Z.* Osadnictwo wczesnosred niowieczne Styrmen nad Jantra (Bulgaria). — Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1980. — S. 113.
[19] *Акрабова-Жандова И.* Преславската рисувана трапезна керамика. — София. — Т. 2. — С. 787.
[20] *Zaki A.* Archeologia Malopolski w wczesnosredniowiecznej. — Kraków, 1971. — S. 31 — 32.
[21] *Zaki A.* Archeologia Malopolski w wczesnosredniowiecznej. — Wroclav; Warszawa; Kraków; Gdansk. 1974. — S. 201.
[22] *Hachulska-Ledwos R.* Próba periodyzacji ceramiki wczesnoslowianskiej w regione Nowej Huty // Archeologia Polska. — XXX. — 1. — S. 123.
[23] *Dabrowska E.* Sprawozdanie z badan wykopaliskowych prowadzonych na grodzisku wczesnosredniowiecznym w Szczworyzu, pow. Busko w latach 1962 i 1963 // Sprawozdania Archeologiczne. — 1965. — XVII. — S. 261.
[24] *Zaki A.* Op. cit. — S. 32.
[25] *Radwánski K.* Kraków przedlokacyjny rozwoprestrzenny. — Kraków. — 1975. — S. 28.
[26] *Točik A.* Zachranny vyskum strko visku v Komjaticiach // AVANS. — 1980. — S. 236.
[27] *Dostal B.* Breclav Pohansko. — Brno, 1975. — T. IV. — S. 351. — Tabl. 112, *1*.
[28] *Smetanka Z., Hrdlicka L., Blajerova M.* Vyskum slovanskeho pohrebiste za jizdarnou prazskeho hradu v roce 1973 // AR. — 1973. — S. 386 — 405.
[29] *Budavary V.* Staroslovanske mohyly v Krasnanoch pri Varine, okr. Zilina // Sbornik Muzealnej slovanskej spolocnosti. — XXXII — XXXIII. — S. 102.
[30] *Budinsky-Kricka V.* Zprava o pokusnom vyskume na slovanskom mohylniku v Bitu rovej, okr. Zilina // SA. — 1957. — Vol. 2. — S. 459.
[31] *Chropovsky B.* Slovanské pohrebisko v Nitre na Lupke // SA. — 1962. — X-1. — S. 189 — 190.
[32] *Rejholcova M.* Slovanské sidlisko osidlenii stredosslovenského kraja // SA. — 1971. — XIX. — C. 108.
[33] *Točik A.* Op. cit. — S. 236.
[34] *Котигорошко В. Г.* Новые данные к изучению древней истории Закарпатья // СА. — 1977. — XXV. — 1. — С. 96.
[35] *Ратич О. О.* Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. — К., 1957. — С. 28.
[36] *Zawadska B.* Osada wczesnosredniowieczna w Zernikach Dolnych, pow. Busko-Zdroj // WA. — 1961. — 27. — S. 245.
[37] *Kurnatowska Z.* Op. cit. — S. 129.
[38] *Diaconu P., Vilceanu D.* Op. cit. — S. 85 — 89.
[39] *Раннесредневековни* ангобировани съедове // Археология. — 1973. — № 13/3. — С. 14 — 21.
[40] *Radvansky K.* Op. cit. — S. 284.
[41] *Якобсон А. Л.* Керамика... — С. 83 — 84.
[42] *Там же.* — С. 93.
[43] *Българска* битова керамика през ранното средновековие. — София, 1977. — С. 16.
[44] *Талис Д. Л.* К характеристике византийской керамики IX — X вв. из Херсонеса // Труды ГИМ. — 1960. — Вып. 40. — С. 130 — 136.
[45] *Lehoczky T.* Bereg-varmegye // Ungvar, 1981. — T. II . — S. 457.
[46] *Колина М.* Некоторые исторические выводы... — С. 319.

А. А. Козловский, Е. Н. Симонова,
А. Т. Смиленко

СЛАВЯНЕ И ОСЕВШИЕ КОЧЕВНИКИ В УСТЬЕ ДУНАЯ В IX — X ВВ.

Нижнее Подунавье издавна служило связующим звеном между землями Восточной Европы и Балканским полуостровом. Притягательная сила Дуная основывалась на его роли как важной европейской торговой магистрали и как границы варварских земель с Римской и Византийской империями. Стремясь проникнуть в пределы империй, к Дунаю продвигались группы оседлых и кочевых народов. Не всем этим группам населения удавалось переправиться на правый берег реки. Оставшееся на Левобережье население усложняло этнический состав обитателей Левобережья Дуная у его устья.

В эпоху раннего средневековья история и культура Нижнего Подунавья имела свои особенности. В. Д. Королюком в Юго-Восточной Европе была очерчена «контактная зона» этого периода, к которой он отнес земли современных Венгрии, Словакии, Румынии, Молдовы, Болгарии. Для этой обширной территории были характерны особые пути этнического и социально-экономического синтеза. В последнем участвовало местное и пришлое, земледельческое, пастушеское и кочевое население. Отличительной особенностью «контактной зоны» было преобладание в процессе этнической интеграции на большей части ее территории (кроме Венгрии) пришлого славянского населения [1]. В большей или меньшей мере в культуре этой зоны присутствовали античные традиции; активное участие в этнических процессах принимало кочевническое тюрко- и угроязычное население (протоболгары, авары, венгры), игравшее важную политическую роль в жизни населения.

На северо-востоке «контактная зона» примыкала к юго-западным украинским землям. [2] К ним относится и регион Нижнего Подунавья, прилегающий к устью реки. В истории и культуре населения этого района находим многие из особенностей, характерных для «контактной зоны», что отразилось как в письменных, так и археологических источниках.

Письменные памятники содержат сведения о продвижении в Нижнее Подунавье славян в VI — VII вв. Историк готов Иордан назвал основные порубежные ориентиры земель западных и восточных группировок славян — склавинов и антов VI в. Склавины обитали от города Новиетуна и Мурсианского озера в Подунавье до Днестра и Вислы [3]. Эта область примыкала к низовьям Дуная. Вместе с тем к Дунаю продвинулись и восточные славяне — анты, обитавшие к востоку от Днестра, и другие восточнославянские группы. Византийский историк VI в. Прокопий упоминал о жилищах антов и склавинов на левом берегу Дуная [4]. В недатированной части древнерусской летописи известна запись о присутствии восточнославянских племен уличей и тиверцев на Нижнем Дунае: «... а улучи и тиверьци седяху бо по Днестру приседяху къ Дунаеви» [5]. Начало продвижения этих племен к Дунаю может быть отнесено к VI — VII вв. [6] Византийский историк Феофан упоминает славянские племена северов, обитавшие к югу от устья Дуная ко времени прихода сюда праболгар в 70-е годы VII в. Эта группа славян продвинулась к Дунаю из области обитания северянских племен на Днепровском Левобережье [8]. Как видим, письменные источники называют различные славянские группировки, продвигавшиеся к Нижнему Дунаю в VI — VII вв.

В результате многолетних археологических исследований славянские древности этого периода открыты и изучены на территориях, смежных с низовьями Дуная: в лесостепной полосе Поднестровья, Днестро-Прутского междуречья в пределах Украины и Молдовы. Славянские поселения известны на левом берегу Дуная на территории Румынии и на правом его берегу на севере Болгарии. Однако в самом устье Дуная славянские поселения VI — VIII вв. пока неизвестны. Возможно, заселению берегов устья Дуная препятствовала их заболоченность.

Период IX — X вв. отличается от предшествующего тем, что в это время на левом берегу Дуная, возле его устья уже известно более 70 оседлых посе-

лений, обследованных и частично раскопанных. Что касается письменных источников, то они содержат лишь косвенные данные о заселении этого района в IX — X вв. славянами и осевшими кочевниками.

В литературе высказывалось предположение о колонизации этого края южными славянами — выходцами из Северо-Восточной Болгарии и Добруджи во второй половине IX в. [9], однако оно не было подробно аргументировано. С гипотезой о южном направлении колонизации Левобережья Дуная совпадает известное историческое событие, рассказанное в византийских хрониках. В 813 г. при взятии болгарами крепости Адрианополь во Фракии были захвачены в плен 10 тыс. византийцев, живших на Левобережье нижнего Дуная, где они несли сторожевую службу. В 838 г. поселенцы подняли восстание и бежали на свою родину [10]. Их кратковременное пребывание в низовьях Дуная осталось без заметных последствий в местной культуре.

Всего два поселения из числа известных на левом берегу Дуная у его устья относятся к IX в. (Богатое, Шабо). Большинство поселений возникло уже в X в. Поэтому объяснение нового притока славян в этот регион следует искать в событиях X в. Одно из них, возможно, связанное с данной проблемой, находим в восточнославянской истории.

В древнерусских летописях сохранилось сообщение о перемещении восточнославянского союза племен уличей в первой половине X в. на запад. В Новгородской летописи образно описана борьба киевского князя Игоря с уличами. Воевода Игоря Свенельд подчинил уличей и возложил на них дань. Но один город уличей — Пересечен — не подчинился Свенельду, который «сидел» около него три года и с трудом взял. После этого уличи, обитавшие по Днепру, пришли в область между Бугом и Днестром и поселились там [11].

Летописное сообщение подтверждается археологическими памятниками на Южном Буге. В верховьях реки открыто около 50 древнерусских городищ и ряд селищ X — XI вв. Значительная их концентрация позволила П. И. Хавлюку связать их появление с переселением уличей, упоминаемым летописью [12].

В приведенном летописном сообщении не называется Дунай. Однако увеличение количества славянских поселений в X в. в Побужье позволяет предположить частичное отселение обитателей Побужья и Поднестровья (уличей и тиверцев) за Днестр (вторая волна их перемещения; рис. 1).

Упоминание в летописях торгового пути «изъ Грек в Варяги» и описание мест остановок торгово-военных русских флотилий Константином Багрянородным в середине X в. также возможно могут объяснить появление славянского населения на северо-западном побережье Черного моря. Южнее Киева названы стоянки флотилий у крепости Витачев, на о. Хортица, о. Березань и далее — возле устья Днестра и реки Белой [13] (возможно, Кагильник). В каждой из стоянок русы останавливались на несколько дней для отдыха и дополнительной оснастки судов. Постоянные места остановок флотилий привлекали к ним население. Во всех таких местах обнаружены древнерусские поселки. Поселение Шабо на Днестровском лимане заставляет вспомнить названную остановку у Днестра. Возникновение поселения еще в IX в. согласуется с мнением А. Н. Сахарова о том, что в 60-е годы IX в. после нападения Руси на Константинополь и последующего посольства русов в Византию был заключен первый межгосударственный (устный) договор, регламентировавший торговые отношения Руси с Византией [14]. Можно полагать, что регулярные торговые связи Руси с Византией возникают еще в середине IX в.

Сохранились сведения о продвижениях в низовья Дуная и кочевых племен. Несколькими волнами переселялись в этот район праболгары (протоболгары). Придя сюда во главе с ханом Аспарухом в 70-е годы VII в., праболгары первоначально заняли Левобережье дельты Дуная, так называемую местность Онгл, которую ряд исследователей отождествляет со степью Буджака. После победоносной битвы с Византией праболгары поселились на правом берегу реки в Мезии и Добрудже, создав вместе с обитавшими там славянами Болгарское государство. Часть праболгар осталась на левобережье дельты Дуная.

Северо-восточным пограничным рубежом Болгарии в конце VII в., вероятно, был Днестр. Вопрос о зоне праболгарского влияния на черноморском по-

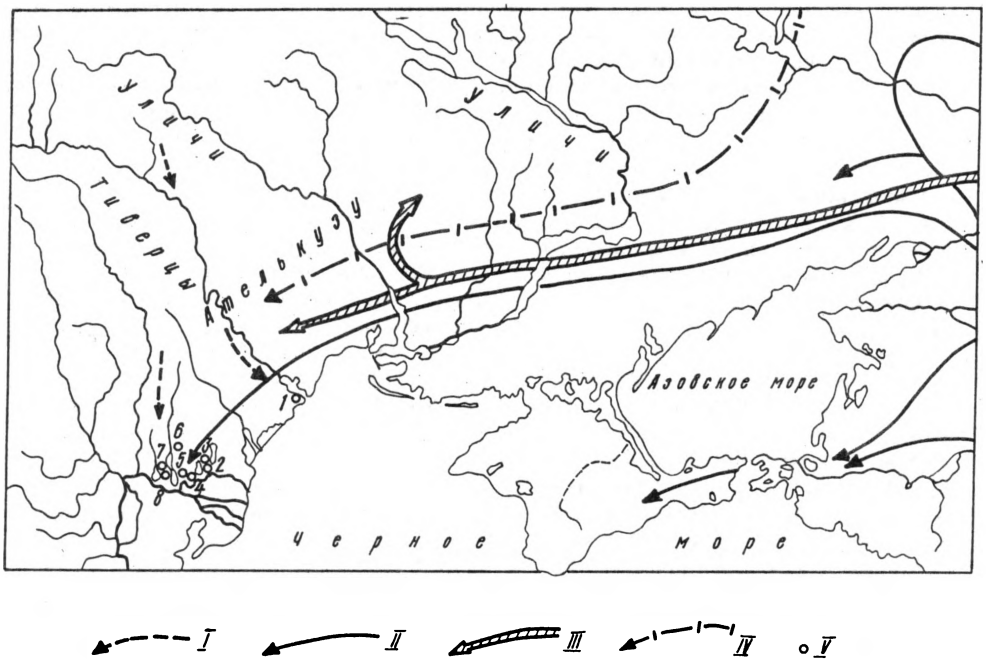


Рис. 1. Передвижения оседлого и кочевого населения к Дунаю — уличей и тиверцев (I), праболгар в середине VIII в. (II), в начале IX в. (III), в X в. (IV):

I — IV — по С. А. Плетневой; V — исследованные археологические поселения IX — X вв. с остатками построек. 1 — Шабо; 2 — Кислица; 3 — Суворово; 4 — Богатое; 5 — Сафьяны; 6 — Болград; 7 — Этулия; 8 — Нагорное.

бережье к востоку от Днестра является дискуссионным [15]. Археологических памятников праболгар этого периода в устье Дуная не обнаружено, возможно, в связи с тем, что население находилось на стадии таборного кочевания и оседлых поселений с долговременными могильниками у него еще не существовало [16].

С. А. Плетневой отнесено к середине VIII в. сложение салтово-маяцкой культуры алано-болгар и их расселение (после арабских походов) в южнорусских степях до низовий Дуная [17] (рис. 1). С этого времени салтово-маяцкая культура становится известной на землях Болгарии. На левом берегу Дуная, у его устья, элементы и комплексы салтово-маяцкой культуры фиксируются с IX в.

В период IX — X вв. происходят новые передвижения праболгар к Дунаю. В начале IX в. частичное переселение праболгарского населения вызвано смутой, возникшей в Хазарском каганате в связи с принятием каганом иудейской религии (так называемое восстание кабаров) [18]. Кабары, часть хазар, откочевали к венграм в Ателькузу, расположенную между Днепром и Серетом [19], вблизи устья Дуная. Возможно, многие болгарские роды тогда ушли по проторенным дорогам в Дунайскую и Волжскую Болгарии [20] (рис. 1).

Передвижение степного населения вызвало нашествие в X в. печенегов, уничтоживших многие поселения салтово-маяцкой культуры. При этом часть болгарских орд и родов переселилась к северу и западу — в междуречье Прута и Днестра [21]. В начале X в. печенеги откочевали в низовья Дуная. По сообщению Константина Багрянородного, соседями Дунайской Болгарии была одна из «фем» печенегов. Отметим, что приход в рассматриваемый регион этих воинственных кочевников не отразился губительно на жизни оседлого населения, о чем свидетельствуют археологические материалы существующих здесь поселений.

Изложенные немногочисленные сведения письменных источников дают некоторое, далеко не полное, представление о пребывании разноэтнического

населения на левом берегу Дуная возле его устья. Этнический состав обитателей этого региона и характер его материальной культуры могут быть более глубоко изучены на основании археологического исследования местных поселений.

Начиная с IX в., на левом берегу Дуная, возле его устья, появляются поселки оседлого типа, существующие в X в. и частью в XI в. Они открыты в 40-х годах. На сегодняшний день уже известно 73 поселения [22]. На 12 из них проведены раскопки, на 11 — открыты постройки. Материальная культура этих памятников известна как балкано-дунайская. По мнению исследователей этой культуры, в ней значительно преобладают славянские элементы и в меньшей мере представлены салтово-маяцкие и провинциально-византий-

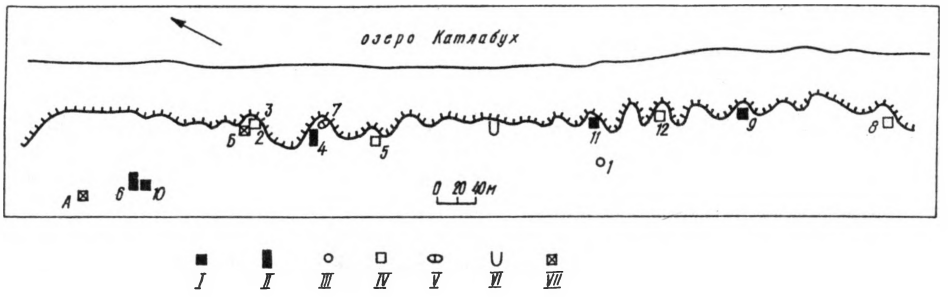


Рис. 2. Размещение построек № 1 — 12 на поселении Богатое:
I — тип I, вариант 1; II — тип I, вариант 2; III — тип II, вариант 1; IV — тип III, вариант 1; V — тип III, вариант 2; VI — ритуальная канава; VII — ремесленные мастерские (А — гончарная; Б — кузнечная).

ские [23]. Существует мнение о балкано-дунайской культуре как о варианте салтово-маяцкой, образовавшейся в результате оседания кочевников на землю и слияния их с земледельческими народами [24]. Большинство авторов отмечают преобладание в данной культуре черт южнославянской культуры.

В статье рассмотрен процесс интеграции культуры славян и осевших кочевников на поселениях левого берега Дуная, возле его устья. В качестве основных исследуемых категорий археологического материала привлечены домостроительство и керамические комплексы.

Наиболее значительным по размерам и широко исследованным памятником в этом районе является поселение у с. Богатое Измаильского района Одесской области. Поселок расположен на южном берегу озера Катлабух вблизи Кислицкого рукава Килийского устья Дуная. Размеры его 1300×100 м; постройки открыты на площади 800×50 м. Работами прослежена планировка поселения. Большинство построек, общим количеством 12, вытянуты в ряд вдоль надпойменной террасы озера (рис. 2). На расстоянии 50 м от берега размещался второй ряд построек, состоящий из трех жилищ. Расстояние между ними в большинстве случаев составляло от 50 до 220 м, что свидетельствует о сельском характере поселения и его усадебной планировке. При этом в трех случаях жилища располагались попарно. На северо-западной окраине поселка размещался «гончарный конец» — керамическая мастерская, а в центре — у обрыва берега — определенные находки позволили предположить культовое место, святилище.

Открытые на поселении постройки по конструктивным особенностям разнотипны. Выделенные типы и варианты жилищ различаются типологически и в этнокультурном плане.

Тип I (славянский). Прямоугольные, углубленные в материк жилища с печами и хозяйственными ямами.

Вариант 1. Полуземлянки с глиняными печами или вырезанными в материке — № 2, 9, 10, 11. Постройка № 2 подпрямоугольной, почти квадратной формы с закругленными углами, ориентированными по сторонам света. Длина юго-западной и юго-восточной стенок 3,5 м, северо-восточной и северо-запад-

ной 3,2 и 3,1 м. Пол жилища углублен в материк до 0,6 м. Вдоль юго-восточной и северо-восточной стенок прослежены материковые выступы-лежанки, размерами 2,5×0,6 и 1,7×0,4 м. В северном углу на материковом останце, высотой 0,25 м, находилась глиняная печь, значительно вынесенная за пределы котлована жилища. Печь в плане круглая, диаметром 1,25 м. Под печи, сооружен на сплошной вымостке из обломков керамики, значительной толщины (до 7 — 10 см) и сильно прокален. Возле печи находилась предпечная яма, овальной формы, размерами 0,9×0,82 м и глубиной от пола 0,5 м. В полу постройки прослежено еще две ямы — вблизи южного угла и в западном углу. Первая — овальной формы, размерами 0,7×08 глубиной 0,3 м. Вторая, круглая в плане, диаметром 0,75 м, глубиной 0,5 м; в ее восточной стенке — небольшой подбой. Найденные в заполнении постройки куски глиняной обмазки с отпечатками плах и камыша дают представление о каркасной конструкции стен. Находки большого количества железных шлаков и двух железных криц в заполнении сооружения позволяют интерпретировать его как кузнечную мастерскую, а печь как кузнечный горн. От постройки отходили две канавы-проходы.

Постройка № 9 имела форму прямоугольника с закругленными углами, вытянутого с запада на восток, размерами 2,6×2,05 м. Углубленность пола от материка 0,4 м. Почти у середины восточной стенки стояла глиняная печь, выходившая за пределы котлована жилища, а устьем — в его середину. Хорошо сохранился глиняный под печи, сооруженный на уровне пола, округлый в плане, диаметром 1.6 м. У южной стенки постройки обнаружены две ямы, овальной формы, глубиной 0,3 м от уровня пола. Размеры ям 0,9×0,6 и 1,4×0,7 м. Большая яма имела небольшой подбой. От северо-западного угла жилища отходила канава-проход, сворачивая под углом в южном направлении.

Постройка № 10 размещалась на «гончарном конце», в 60 м от керамической мастерской. Прямоугольной формы, вытянута с северо-востока на юго-запад, размерами 3,8×2,9 м. Конструкция стен —- столбовая. Сохранились три столбовые ямы, диаметром 0,2 м. Одна находилась в северном углу, две другие — у середины двух противоположных стен; северо-западной и юго-восточной. Пол постройки, углубленный в материк до 0,53 м, сохранил два слоя глиняной обмазки, толщиной 2 см каждый (рис. 3, *I*).

У восточного угла жилища в материковом останце юго-восточной стенки, размеры 0,55×0,3 м, вырезана печь. В связи с незначительными размерами останца задняя часть печи была вынесена за пределы жилища и выкопана в виде подбоя. Печь в плане полуовальная, а в разрезе сводчатая, размеры 0,5×0,45 м. Устье печи полуовальное (0,3×0,35 м). Глиняный под сохранился частично у задней стенки. Сверху печи находилось отверстие полуовальной формы, размерами 0,35×0,3 м, видимо, закрывавшееся жаровней. Интересной деталью печи был дымоход — земляной канал коленчатой формы, начинавшийся от круглого отверстия в углу печи, диаметром 6 см, тянувшийся почти горизонтально на протяжении 0,4 м, а затем вертикально выходивший на поверхность; вертикальная его часть, диаметром 10 см, достигала высоты 0,4 м.

Возле юго-западной и юго-восточной стен жилища были сооружены четыре ниши типа подбоев. Самая большая находилась у юго-западной стенки южного угла: овальная в плане размерами 1×0,7 м, углублена в пол на 0,2 м. Другие ниши меньших размеров. У середины северо-западной стенки размещалась входная ступенька, размерами 0,5×0,2, высотой 0,25 м от пола.

Постройка № 11, прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована с запада на восток. Размеры 4,8×3,1 м. Пол углублен в материк на 0,3 м. Возле середины восточной стены сохранились остатки глиняной печи. Глиняный под на уровне пола квадратной формы, размерами 1,1×1,1 м. В конструкцию жилища входили две хозяйственные ямы с подбоями, овальной формы. Одна из них, предпечная, размерами 0,8×0,5 м, глубиной 0,55 м ступенчато опускалась ко дну, заканчиваясь меньшей прямоугольной ямой. Рядом — другая яма размерами 0,5×0,4, глубиной 0,35 м. По периметру жилища

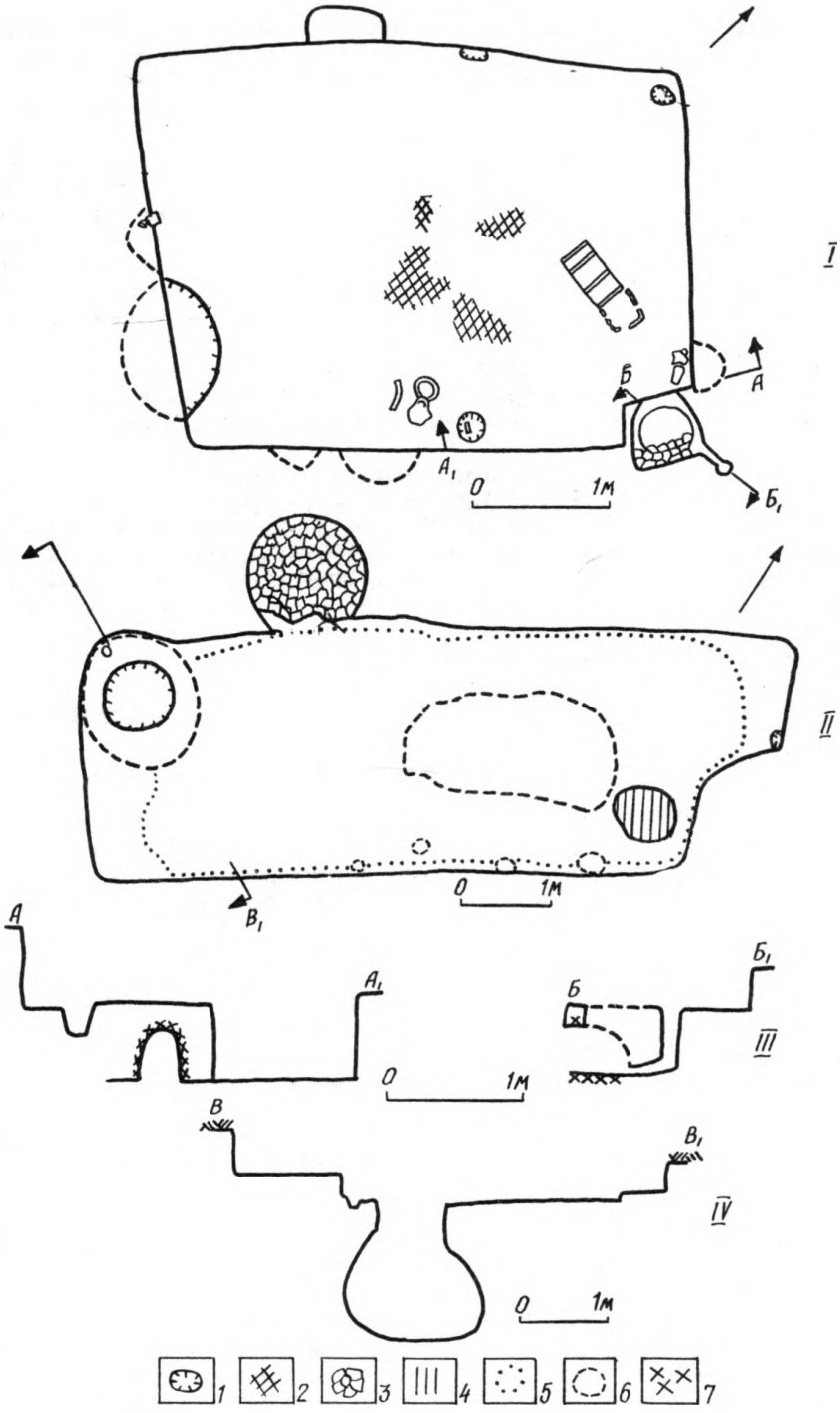


Рис. 3. Поселение Богатое:

I — постройка № 10 (тип I, вариант 1); II — постройка № 6 (тип I, варинт 2); III — разрезы постройки № 10; IV — разрез постройки № 6. *1* — ямы; *2* — участки обожженного пола; *3* — под печи; *4* — принесенная в постройку глина; *5* — граница нижнего слоя обмазки пола; *6* — граница верхнего слоя обмазки пола; *7* — слой обожженной глины.

с внешней стороны прослежено значительное количество небольших ямок, диаметром 5 — 12 см, сохранившихся от тонких столбиков, часть которых могла входить в каркас плетневых стен построек.

Постройки варианта 1 могут быть отнесены к славянскому типу на основании многочисленных аналогий в славянских культурах VIII — X вв.: Луки Райковецкой, волынцевской, роменской. На Правобережье и Левобережье Среднего Днепра и Волыни известны прямоугольные полуземляночные жилища с глиняными печами; встречаются вырезанные в материке, открытые сверху печи или вынесенные за пределы жилищ. В этих областях в жилищах применялась столбовая конструкция стен, в том числе каркасно-плетневая (в волынцевской культуре). Полуземляночные жилища с округлыми глиняными печами широко распространены в ранних южнорусских памятниках [25].

Вариант 2 (славянский среднеевропейский). Удлиненные, углубленные в материк жилища с глиняными печами. Наиболее характерной особенностью построек данного варианта является их сильно вытянутая форма (№ 4, 6).

Постройка № 4 прямоугольной формы, удлиненная, вытянутая с запада на восток размерами 5,7×2,6 м. Пол углублен от уровня материка на 0,5 м. Жилище имело две печи. Одна из них, у середины северной стены, вынесена за пределы котлована жилища, а устьем выходила внутрь помещения. Стенки печи сохранились на высоту 15 см, глиняный под, овальный в плане, размерами 1,2×1 м, размещался на уровне пола. Другая печь, в пределах постройки, примыкала к середине восточной стены. На уровне пола частично сохранился под печи, в плане близкий прямоугольнику, размерами 1,1×0,8 м. Жилище имело две хозяйственные ямы. Одна из них, овальной формы, размерами 1,3×0,9 и глубиной 0,15 м, расположена в средней части постройки. Вторая, возле середины западной стенки, частично выходила за пределы жилища, имея в стенке небольшой подбой. В плане овальная, размерами 1,05×0,8, глубиной 0,3 м.

Постройка № 6 расположена в 2,5 м от постройки № 10. Не исключается связь построек с керамической мастерской, открытой в 60 м от них. Жилище № 6 прямоугольной удлиненной формы, ориентировано с запада на восток (рис. 3, II), размерами 6×2,6 м. Конструкция стен, очевидно, каркасно-плетневая. У стен местами сохранились ямки от тонких столбиков легкого деревянного каркаса, диаметром 7 — 10 см (один из них более массивный, диаметром 0,2 м). Найдены также куски глиняной обмазки стен. Материковый пол, углубленный до 0,6 м, подмазан двумя слоями глины, толщиной 2 см каждый. В северо-восточной узкой стенке, на одном уровне с полом, находился выход-приямок, размерами 1,2×0,8 м.

В северо-западной стенке жилища сооружена глиняная печь, вынесенная за его пределы и повернутая в него устьем. Печь стояла на невысоком останце, круглой формы, диаметр 1,2 м. Сохранился глиняный под и частично стенки на высоту до 10 см. Свод печи сооружен из глиняных вальков, о чем свидетельствует найденный валек элипсоидной формы, размерами 16×9 см. В западном углу постройки — хозяйственная яма, округлая в плане и грушевидная в разрезе. Диаметр вверху 0,8 м, наибольший диаметр 1,4, глубина от пола 1,4 м. Печь в 1987 г. исследована Г. Ф. Загнием археомагнитным методом, определившим ее время второй половиной IX в.

Удлиненная прямоугольная форма жилищ довольно редка в славянских древностях и не характерна для восточнославянских построек. Она известна в Закарпатье и более западных областях — Словакии, северо-востоке Венгрии. В Закарпатье на поселении Зняцево открыто жилище с очагом, размерами 5×2,2 м, а на поселении Холмок — сооружение № 9, размерами 6×2 м; два спаренные сооружения № 10, 11 автор раскопок считает одной двукамерной постройкой, размерами 12,9×1,6 — 1,8 м. Жилища VII — XI вв. обогревались очагами. В Словакии удлиненные прямоугольные жилища IX — первой половины X в. открыты в Прешове, а также в Комьятице и Блатне Реметы в числе многочисленных построек VIII — IX вв. На славянском поселении IX — XI вв. в окрестностях Вашарошнамень в северо-восточной Венгрии от-

крыты удлиненные прямоугольные полуземляночные постройки с глиняными печами и очагами № 2, 13, 14, 15, длиной 3 — 6,3 и шириной 1 — 2,6 м [26].

Тип II (кочевнический). Вариант 1. Юртообразные постройки.

К варианту 1 относится постройка № 1 поселения у с. Богатое, юртообразная, овальная в плане, ориентированная с запада на восток, размерами 3,9×3 м (рис. 4, *I*). Пол углублен в материк на 0,3 м. Вдоль западной и южной стен прослежены материковые выступы-лежанки, шириной до 0,7 м. В северо-западном углу — открытый очаг, на котором сохранилось скопление обожженных кусочков глины и угольков. Очаг сооружен на невысоком останце, состоящем из гумуса и глины. К очагу примыкала предочажная яма, диаметром 0,4 и глубиной 0,1 м. У середины северной стены сохранилась столбовая ямка, диаметром 6 см. В жилище и над ним найдено большое количество кусков глиняной обмазки с отпечатками камыша, столбиков, диаметром 10 см, боковых и торцовых сторон жердей, шириной 7 см. Находки дают представление о конструкции стен постройки.

Постройка № 1 представляет кочевнический тип жилища. При переходе кочевников к оседлости у них надолго сохраняется форма традиционных кочевнических юрт. В частности, болгары, у которых юрты были круглые, при оседании сооружали круглые и овальные юртообразные жилища. Юрта с углубленным в землю основанием и центральным очагом является распространенной постройкой в салтово-маяцкой культуре [27].

Вариант 2. Наземные постройки. В комплекс сооружений, составлявших керамическую мастерскую, входила легкая наземная постройка, где и хранили керамические изделия, о чем свидетельствуют скопления кусков глиняной обмазки, золы, углей, черепков, залегавших на уровне древней поверхности. Обмазка сохранила отпечатки легких конструкций стен постройки — тонких столбиков, прутьев, досок, стеблей камыша. Постройка может быть отнесена к кочевническому типу. Наземные постройки, сооруженные из дерева и тростника, обмазанные глиной, характерны для салтово-маяцкой культуры [28].

Тип III (славяно-кочевнический). Вариант 1. Прямоугольные полуземлянки с очагами. Постройка № 3, подквадратной формы, ориентированная стенами по основным сторонам света, размерами 3,6 — 3,2×2,9 — 2,8 м (рис. 4, II). Пол, сохранивший следы подмазки глиной, углублен в материк на 0,6 м. Почти в центре жилища сохранились остатки открытого очага в виде слоя обожженной глины, диаметром 0,7 м, толщиной 3 — 4 см. Жилище соединено с постройкой № 2 канавой-проходом (кузнечной мастерской), составляя с ней единый производственно-жилой комплекс.

Постройка № 5, частично разрушенная обрывом, почти квадратной формы, ориентированная стенами по основным сторонам света, размерами 3,3 — 3,4×2,7 м. Пол углублен от уровня материка на 0,6 м. Почти в центре жилища размещался открытый очаг, круглый в плане, диаметром 0,3 м.

Форма постройки № 8, сохранившаяся частично, близка к прямоугольной с закругленными углами, и вытянута с севера на юг. Размеры сохранившейся части 1,8×1,2 м. Пол углублен в материк на 0,4 м. У восточной стены сохранилась очажная яма, заполненная золой и углями, диаметром 0,3 м, углубленная в пол на 0,1 м. За пределами юго-западного угла постройки — еще одна яма, диаметром 0,3 и глубиной 0,3 м.

Постройка № 12 частично разрушена обрывом берега и перерезавшей ее канавой. В плане подпрямоугольная с закругленными углами, ориентирована с востока на запад. Длина жилища 4,8, ширина сохранившейся части около 2,6 м. Если считать, что очаг находился в центре жилища, то ширина последнего должна была составлять около 3 м. Пол углублен в материк на 0,5 м и в нескольких местах обожжен. Очаг — тарелковидный, обмазанный глиной, сильно обожженный, диаметром 0,6 м и углубленный в пол на 0,12 м. В полу жилища вкопаны три ямы. Одна из них, диаметром 0,4 м, открыта в юго-западном углу; в ее дно был закопан горшок. Между этой ямой и очагом размещалась небольшая круглая яма. В северо-восточном углу — третья большая и глубокая яма, овальной формы, размерами 2,6×2,4 м и глубиной до 2,1 м, с двуступенчатым входом.

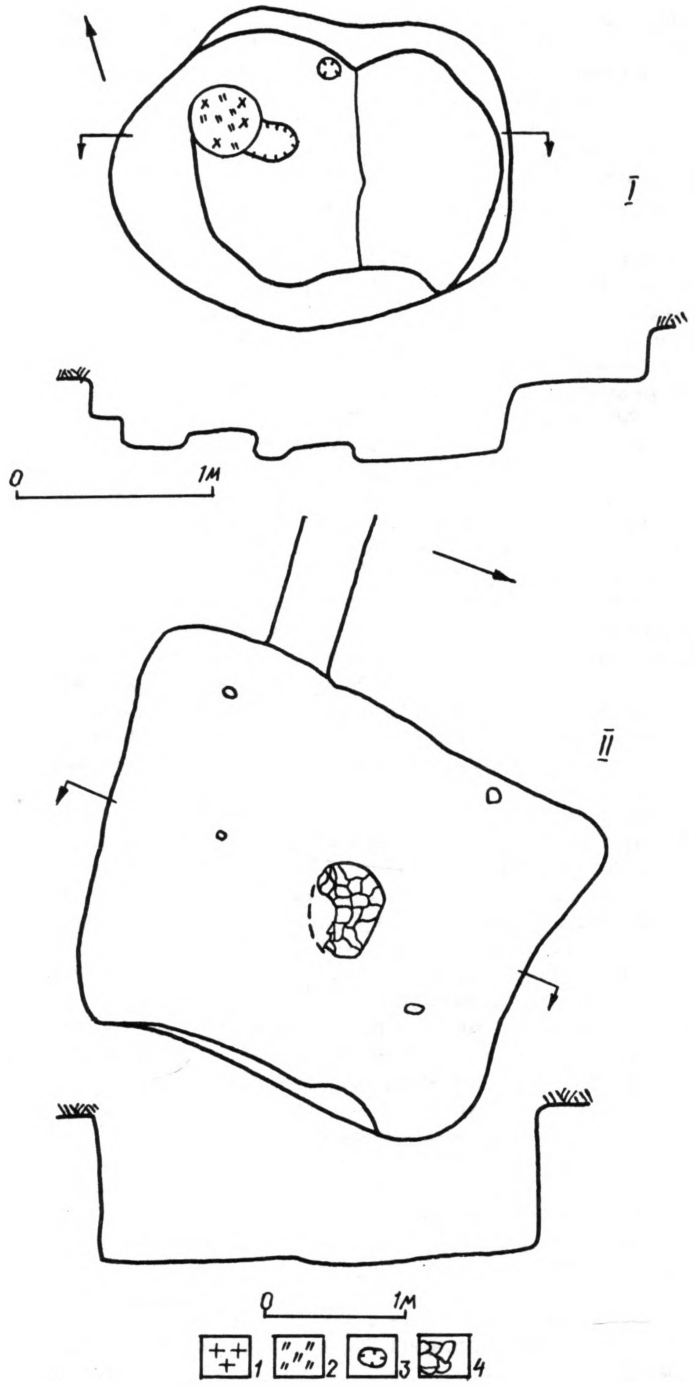


Рис. 4. Поселение Богатое:

I — постройка № 1 (тип II, вариант 1); II — постройка № 4 (тип III, вариант 1). *1* — куски печины; *2* — угольки; *3* — яма; *4* — под очага.

Жилищам варианта 2 присущи как славянские, так и кочевнические черты построек. Строительство жилищ в виде прямоугольных полуземлянок является одной из основных черт славянских культур раннего средневековья. С одной стороны, открытый очаг характерен для кочевнических жилищ, а с другой — распространен и в славянских постройках. Его сооружали в жилищах пеньковской культуры, иногда в памятниках типа Луки Райковецкой и волынцевских [29]. Поэтому жилища варианта 1 могли принадлежать как славянам, так и кочевникам и в целом отражать славяно-кочевнические взаимосвязи.

Вариант 2. Юртообразная постройка с глиняной печью. Постройка № 7, расположенная рядом с постройкой № 4, неправильной овальной формы, размерами 4,4×2,2 м, вытянута с запада на восток. Пол углублен в материк на 0,25 м. У юго-западной стенки прослежены две входные ступени, шириной 0,2 м. К западной стенке постройки извне примыкала глиняная печь, вынесенная вместе с устьем за пределы жилья. Овальный под печи, размерами 1,35×1,2 м, находился на уровне пола постройки. Не исключено, что сохранившийся котлован и печь являлись частями наземного жилища, контуры которого не удалось проследить, однако полной уверенности в этом нет. Печь датирована археомагнитным методом второй половиной IX в.

Постройку 7, имевшую котлован овальной формы, можно отнести к кочевническому типу; вместе с тем, она испытала влияние славянской культуры, что отразилось в сооружении глиняной печи.

Перечень построек, открытых в с. Богатое, может быть дополнен жилищами других поселений, исследованных менее широко. Семь построек открыто на поселении у с. Шабо Белгород-Днестровского района Одесской области [30]. Оно, как и в Богатом, относительно ранее, датируется IX — началом X вв.

Постройки № 4, 5 относятся к типу I (славянскому), варианту 1 — полуземлянки с глиняными печами. Постройка № 4 квадратной формы, длина стен 3,6 м, пол углублен в материк на 0,6 м. У середины одной из стен сохранилась яма от массивного столба. В юго-восточной части, на некотором расстоянии от стен, находилась большая глиняная печь, подковообразной формы, размерами 1,8×1,5 м, сооруженная на останце. Сохранился под печи, имевший подсыпку из мелких камней, и завал свода. Постройка № 5 такой же формы и размеров, углублена в материк на 0,4 м. В восточном углу открыты остатки глиняной печи, сооруженной на материковом останце.

К типу II (кочевническому), вариант 1, относится юртообразная постройка, расположенная в центре поселения, размерами 2,65×1,9 м, углублена в материк на 0,5 м. В северной ее части возле стены — хозяйственная яма, овальная в плане и грушевидная в разрезе, размерами 0,93×0,75 м вверху и 1×0,92 м у дна, глубиной от уровня пола 1,55 м.

К этому же типу, вариант 2, относится наземная постройка, сохранившаяся частично в виде зольного пятна протяженностью до 5 м и остатками каменного очага в центре.

Постройки № 2, 3 относятся к типу III (славяно-кочевническому), вариант 1. Это прямоугольные полуземлянки с открытыми очагами. Полуземлянка № 2 квадратной формы, размерами 3,5×3,4 м, углублена в материк на 0,5 м. Сохранившиеся возле стен столбовые ямки свидетельствуют о столбовой конструкции стен. В северо-западном углу открыт углубленный в пол очаг. В северной стене сохранился вход-приямок. Полуземлянка № 3 квадратной формы, длина стен 3,1 м, пол углублен от древнего уровня на 0,85 м. Столбовые ямы в углах и вдоль стен свидетельствуют о столбовой конструкции стен. У южной стены — тарелковидный очаг, выложенный мелкими камнями, а в западном углу — развал другого очага, состоящего из камней среднего размера. Постройка № 1 также полуземляночного типа, но ее плохая сохранность не позволила судить о конструкции.

Остальные поселения данного региона на основании керамического материала могут быть отнесены к более позднему периоду: X и отчасти XI вв.

На поселении Нагорное 2 Ренийского района Одесской области открыто два жилища [31], которые можно отнести к типу I (славянскому), варианта 3.

Это полуземлянки, имевшие в одном случае печь-каменку, а в другом — печь, сооруженную из камня и глины.

Постройка № 1 прямоугольной формы, размерами 3×4 м, углублена в материк на 1 м. В северо-западном и северо-восточном углах и возле печи прослежены столбовые ямы прямоугольной формы. Местами сохранилась глиняная обмазка стен котлована углубленной части жилища. У середины северной стены сохранился фрагмент каменной кладки на глиняном растворе (фрагментарность не дает полного представления о конструкции стены). В юго-восточном углу размещалась печь-каменка, прямоугольной формы, сооруженная из подтесанных плит и плоских необработанных камней. Размеры печи 0,75×0,7 м. У восточной стены постройки сооружена яма с подбоем, овальная в плане, размерами 0,9×0,55, глубиной 0,3 м. С западной стороны прослежен слегка наклонный вход в жилище.

Постройка № 2 прямоугольной формы, размерами 3,3×2,4 м, углублена в материк до 1 м (рис. *5*, *1*). Пол жилища обмазан глиной; в заполнении встречены куски глиняной обмазки стен с отпечатками камыша. В юго-восточном углу стояла печь, сооруженная из камня и глины, овальная в плане, диаметром 0,6 м. Задняя ее часть вырезана в материке и выходила за пределы котлована. Передняя часть печи, размещавшаяся в жилище, выложена из камней, а свод глинобитный. В западной стене находился вход в жилище, шириной 0,6 м, ограниченный двумя рядами камней.

На поселении в г. Болград Одесской области на берегу озера Ялпух зафиксировано пять полуземляночных жилищ, из которых одно раскопано полностью [32]. Оно прямоугольной формы, размерами 3,8×2,8 м. В полу прослежены столбовые ямы. В северо-западном углу находилась печь-каменка, от которой сохранился овальный под, размерами 0,6×0,35 м, и развал стенок. Остальные жилища полностью не исследованы. Это прямоугольные полуземлянки, длиной 3 — 5, шириной 2,5 — 4 м. В жилищах размещались печи-каменки. Некоторые печи сложены из крупных плоских камней, другие — из мелких. Конструкиця жилищ позволяет отнести их к типу I (славянскому), варианта 3.

Полуземляночные жилища с печами-каменками получили распространение на славянских землях. В VIII — X вв. они нередко сооружались в Поднепровье, Поднестровье и на более широкой территории [33].

К типу I, варианта 1, могут быть отнесены две постройки, исследованные в 1965 г. у с. Сафьяны Измаильского района Одесской области [34]. Оба жилища полуземлянки. В постройке № 1, прямоугольной формы, размерами 3,3×2,5 м, обнаружено две печи, вынесенные за пределы жилищ. Одна из них, примыкавшая к середине северной стенки, грушевидной формы, размерами 1,5×1,6 м; под ее выше пола на 0,1 м. Печь выкопана в материке, следов обмазки не обнаружено. Вторая печь такого же устройства находилась в юго-восточном углу жилища. В плане она почти круглая, диаметром 1,1 — 1,3 м. Глиняный свод печи достигал высоты 0,65 м. Под наклонно выходил на уровень пола жилища.

Постройка № 2 квадратной формы, длина стен 3,2 м, один угол разрушен. В заполнении жилища обнаружены куски глиняной обмазки стен с отпечатками бревен, диаметром 15 — 20 см. В северной стене, вблизи северо-западного угла постройки, находилось устье глинобитной печи, вынесенной за пределы котлована жилища. Под печи размещался на уровне пола постройки. В центре — сооружен и открытый очаг, размерами 0,9×0,8 м. Глиняный под очага в основании вымощен из камней.

На поселении у с. Кислица Измаильского района Одесской области зафиксировано несколько полуземляночных жилищ, одно из которых раскопано. В постройке сооружена печь подбойного типа, вырытая в материке, под ее находился на уровне пола [35]. Постройка может быть отнесена к типу I, варианта 1.

У с. Новоселовка Килийского района Одесской области шурфовкой открыто полуземляночное жилище с очагом [36] (тип III, славяно-кочевнический, вариант 1).

На поселении у с. Суворово Измаильского района Одесской области от-

крыто пять построек, вытянутых в один ряд вдоль пологого склона берега р. Малый Катлабух вблизи впадения ее в одноименное озеро [37]. Постройка № 6 представляла собой полуземлянку почти квадратной формы, углубленную в материк на 0,7 м, размерами 3,2-3,4×3,3-3,4 м. В юго-восточном углу открыта хорошо сохранившаяся печь-каменка квадратной формы, сложенная из крупных плит и камней меньшего размера. Внешние размеры печи 1×1, высота 9,6 м. Вдоль северной и южной стен жилища сохранились крупные каменные плиты, которыми, вероятно, были обложены стены, не сохранившие первоначального положения. Постройку можно отнести к типу I, варианта 3 (славянские полуземлянки с печами-каменками). Необходимо отметить конструктивную особенность стен жилища, в виде обкладки каменными плитами. Эта черта свидетельствует о влиянии салтово-маяцкой культуры [38]. По обе стороны постройки № 6 располагались остальные пять построек, наземных, залегавших на глубине 0,25 — 0,5 м. Полностью расчищена постройка № 1, прямоугольной формы, вытянутая с севера на юг, размерами 4×2,6 м. Сохранилась глиняная площадка, толщиной 0,3 м (основание и пол сооружения). По краям площадка была укреплена рядом камней, служивших, возможно, фундаментом стен. Судя по сохранившимся столбовым ямкам, вполне вероятно, что стены были каркасными. Отопительное устройство отсутствовало. Остальные постройки № 2 — 5, длиной 3,3 — 4 и шириной около 2,8 м, своим устройством повторяли постройку № 1. Подобная конструкция относится нами к типу II (кочевническому), варианта 2. Как уже упоминалось, наземные каркасные постройки сооружались населением салтово-маяцкой культуры [39].

Значительное количество построек исследовано у с. Етулия VI, на берегу озера Кагул, в пограничном с Украиной районе Молдовы [40]. В южной части поселения открыто 10 жилищ; прослежена их двурядная планировка.

Шесть построек (№ 1, 1а, 5, 9, 10, 11) представляли собой полуземлянки прямоугольной формы, длиной 3,5 — 6,4 и шириной 2,3 — 4,5 м. Обогревались они глиняными печами, часть из которых подбойного типа. Некоторые жилища имели вход-тамбур. Конструкция построек позволяет отнести их к типу I, варианта 1 славянских жилищ. Жилище 1а, имевшее очаг и две печи [41], отнесено к этому же варианту. И подбойные печи, и сочетание в одном жилище печи и очага, являются особенностями, распространенными на славянских поселениях. Очаг, сооруженный в одном жилище с печью, мог иметь вспомогательное значение.

Полуземляночные постройки № 8, 12, прямоугольной формы с очагами, относим к типу III, варианту 1. Фрагмент каменной обкладки стены в жилище № 12 свидетельствует о влиянии салтово-маяцкой культуры. В южной части поселения открыта наземная постройка, залегавшая на глубине 0,3 — 0,45 м, с очагом (тип II, вариант 2).

Обособленный комплекс построек открыт на северной окраине поселения. Здесь находился трехкамерный каменный дом, размерами 10×6 м. Две его камеры обогревались круглыми очагами, обложенными камнями. Стены дома, облицованы с внешней и внутренней сторон камнем, внутри — забутованы рваным камнем и землей. Каменный дом мы относим к типу II варианта 3 кочевнических построек, в связи с тем, что каменные дома известны в ареале салтово-маяцкой культуры в Крыму и на Тамани. Однако термин «кочевнические» здесь применен условно, так как на салтово-маяцких поселениях подобные дома появились в результате влияния византийской строительной техники [42].

Рядом с каменным домом размещалась юртообразная постройка, овальная, углубленная, размерами 3,6×2,6 м, у ее восточной стены сооружен открытый очаг. Эту постройку, как и другие юртообразные жилища, мы относим к типу II варианта 1.

Вблизи поселения Етулия VI расположено одноименное поселение VII, где исследовано три жилища [43].

Постройка № 1 представляла собой легкое наземное сооружение. От него сохранилась глинобитная площадка, размерами 2,6×2,15 м, с открытым очагом, обложенным камнями (постройка может быть отнесена к типу II, варианта 2). Постройка № 2 — юртообразная, углубленная в материк на 0,8 м. Восточная

ее стена обложена крупными, частично обработанными камнями на глиняном растворе, остальные стены глинобитные, пол глиняный, в центре — столбовая яма. Обогревалось жилище открытым очагом, огороженным камнями (постройка типа II, варианта 1).

Постройка № 4 [44] относилась к типу I, варианта 3. Она слегка углублена в землю, стены каркасно-столбовые, обложенные камышом, обмазанным глиной. Отопительное устройство — печь-каменка, вынесена за пределы котлована.

Типы и варианты построек на поселениях IX — X вв. в устье Дуная

Памятник	Типы:	I			II			III	
	Варианты: № построек	1	2	3	1	2	3	1	2
Богатое		2,9,10,11	4,6	—	1	У горна	—	3,5,8,12	7
Шабо		4,5	—	—	1	1		2,3	—
Нагорное 2		—	—	1,2	—	—	—	—	—
Болград		—	—	1 — 5	—	—	—	—	—
Сафьяны		1,2	—	—	—	—	—	—	—
Кислица		1	—	—	—	—	—	—	—
Новоселовка		—	—	—	—	—	—	1	—
Суворово		—	—	6	—	1 — 5	—	—	—
Етулия VI		1,1а,5,9,10,11	—	—	1	Наз. постр.	1	8,12	
« VII		—	—	1	1	1	—	—	—
Всего:		15	2	9	4	9	1	9	1

Количественное соотношение выделенных нами типов и вариантов построек на поселениях в устье Дуная отражено в таблице, из которой следует, что на поселениях в рассматриваемом регионе преобладали постройки славянского типа I — полуземлянки с глиняными и каменными печами (26 жилищ). Менее многочисленными были постройки кочевнического типа II (14), причем в этой группе чаще сооружались наземные каркасно-плетневые постройки (9), в то время как углубленных в землю юрт зафиксировано 4. Постройки славяно-кочевнического типа III (9) не могут быть использованы в этнокультурной дифференциации объектов, так как их особенности присущи и славянской, и кочевнической культурам. Отметим, что славянский тип построек в отдельных случаях мог использоваться и осевшими кочевниками, ассимилированными славянами, и воспринявшими славянское домостроительство.

Одной из особенностей поселений в устье Дуная было сооружение их жителями канав. Особенно много их открыто на поселении Богатое. Датирует канавы заполнявший их культурный слой поселения. В отдельных случаях канавы прослеживались на 20 — 40 м, но не полностью. Форма канав в разрезе конусовидная, ступенчатая, местами в их стенах и дне сооружались ямы, иногда с подбоями. Ширина канав вверху около 1,1 — 1,8 м, по дну 0,6, глубина около 1,5 м. В одном случае прослежен конец канавы в виде расширения и ямы. Назначение канав на поселении Богатое было различным. Канава-проход соединяла постройки № 2 и 3. Канава, примыкавшая к керамической мастерской и прорезавшая одну из ее построек, имела производственное назначение, служа водосборником. Дуговидно изогнутая канава, окружавшая изолированное погребение, играла ритуальную роль. Канавы, не связанные с постройками, по этнографическим данным этой местности, могли быть оросительными или предназначались для ограды.

Канавы на поселениях открыты в ареале салтово-маяцкой культуры: сточная канава вблизи гончарной мастерской на Маяцком городище, канавы — части хозяйственных построек на Карнауховском поселении [45]. Известны они

и на землях Венгрии: на поселении X — XII вв. близ Фекете Кёррёт, где они окружали значительное пространство круглой и полукруглой формы и, как предполагается, служили для охраны стада [46]. В последние годы канавы открыты в глубине славянской территории — у с. Автуничи Черниговской области; канавы с углублениями и подбоями обнаружены здесь на участке гончарного производства и, по-видимому, были связаны с ним [47]. Эти широко распространенные сооружения требуют дальнейшего изучения.

Важным источником в исследовании этнического состава населения являются керамические комплексы поселений. Не излагая классификацию керамики средневековых поселений в устье Дуная [48], рассмотрим наиболее характерные типы сосудов. Наиболее многочисленным видом керамического материала средневековых поселений в устье Дуная является кухонная посуда (41 — 95 % на отдельных поселениях). В хронологическом плане она составляет два типа, отражающих два этапа в существовании поселений.

К раннему этапу относится поселение Шабо с керамическими комплексами типа Луки Райковецкой (позднего периода). Здесь лепная посуда составляет около 38 % керамических находок. В ряде объектов процент ее выше: в полуземлянках № 1, 2, 4 — 50 %, № 5 — 42 %. Лепные сосуды грубые, толстостенные с крупными примесями песка, взятого из лимана, шамота, дресвы, растительных остатков. Венчики сосудов простой профилировки — прямые, отогнутые, некоторые украшены ямками. Стенки нередко украшены единичными бороздками или поясками многорядовой волны. Целые сосуды не найдены.

Гончарная кухонная керамика составляла на поселении Шабо около 57 %. Преимущественно грубая, технологически близка лепной. Выделяется и промежуточная группа лепной посуды, подправленная на круге. Грубая гончарная посуда с теми же примесями, что и лепная, иногда мелкий песок и частички слюды. Реставрировано полностью и почти полностью шесть сосудов следующих форм: округлобокие (вытянутых пропорций, приземистые, шаровидные), с округло-биконическими боками, баночные (рис. 5, *4* — *7,9*). Венчики гончарных сосудов, большей частью, отогнутые с косо срезанным краем, но иногда их край оформляется по иному — закругленные, утонченные, валикообразные, вертикально срезанные. Стенки сосудов сплошь орнаментированы бороздками, волной, поясками многорядной волны. Изредка встречаются ногтевые или гребенчатые отпечатки, вертикальные насечки.

Керамический материал поселения может быть применен для определения хронологии и этнокультурной характеристики памятника. Лепная посуда и примитивно изготовленная гончарная близки керамике восточнославянских памятников типа Луки Райковецкой позднего этапа их существования (IX — начало X вв.). Особенно близки рассмотренным материалам памятники южного ареала древностей типа Луки-Райковецкой, где получили широкое распространение округлобокие формы горшков. К ним относятся такие памятники, как Бранешты, Кобуска-Веке и другие в Молдове [49], Радванка в Закарпатье [50], Макаров Остров в Потясминье [51]. Округлобокие формы распространены и в северном ареале данного круга памятников — на поселении Лука Райковецкая и др. [52] В материалах поселения Шабо нашло отражение расселение групп восточных славян в сторону Днестровского лимана.

На поселении Шабо представлена керамика, технологически более совершенная, со сложной профилировкой верхней части сосудов — с манжетовидными (рис. 5, *8*) и фигурными венчиками. Это — средневековая славянская керамика. В Южной Руси она изготовлялась в X — XI вв. [53] Особенностями дунайской посуды, отличающей ее от древнерусской, являются распространенность округлобоких форм и обильной орнаментации всей поверхности сосудов. Однако эти же черты свойственны керамике и некоторых ближайших древнерусских областей (Южный Буг, Буковина). На поселении Шабо посуда X в. найдена в небольшом количестве (около 9 %), что позволяет предположить доживание поселения до начала X в. Эту дату подтверждает и находка на поселении стеклянной синей зонной бусы X в. [54]

К югу от Дуная, в Болгарии средневековая славянская керамика бытовала и в X в., но появилась она там раньше, во второй половине IX в., о чем

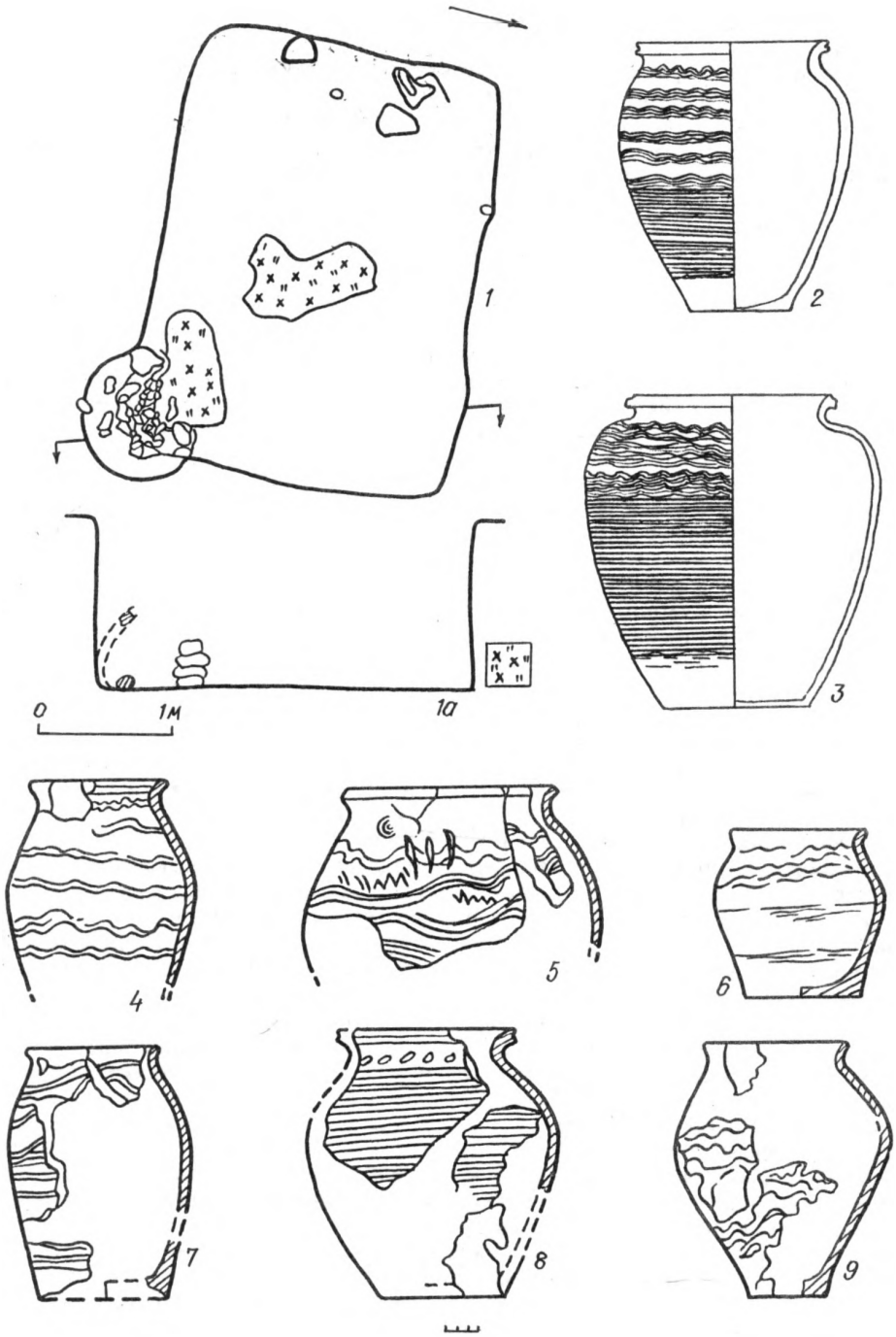


Рис. 5. Поселение Нагорное, постройка № 2 (1), угольки и куски печины (1а). Средневековые славянские горшки X — XI вв. из сел Криничное (*2, 3*), Шабо (*8*). Гончарные сосуды IX в. типа Луки Райковецкой из с. Шабо (*4 — 7, 9*).

свидетельствуют материалы города Преслава и крепости Силистры [55]. Возможно, в это же время керамика этого типа появляется и на левом берегу Дуная возле его устья. Она представлена в небольшом количестве на поселении Богатое, две постройки которого датированы археомагнитным методом второй половиной IX в.

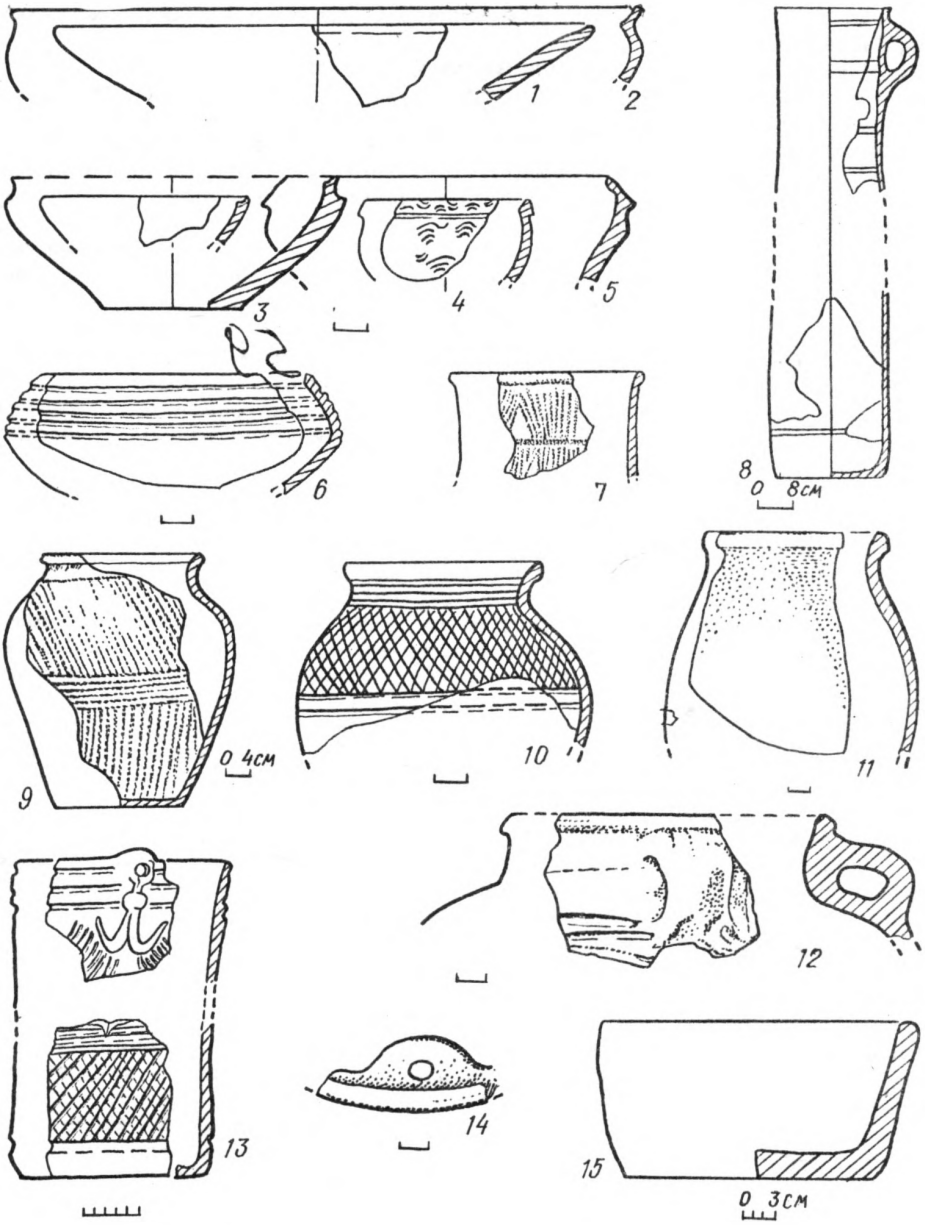


Рис. 6. Столовые и хозяйственные глиняные сосуды салтово-маяцкого типа из с. Богатое:
1 — 6 — миски; *7* — кувшин; *8* — маслобойка; *9 — 12* — горшки; *13* — ведеркообразный сосуд; *14* — ушко котла; *15* — ступа.

На большинстве поселений левого берега Дуная, возле его устья, насколько можно судить по проведенным работам, в керамическом комплексе господствовала славянская средневековая керамика (рис. 5, *2, 3, 8*), что позволяет датировать большинство поселений X — началом XI вв. Появление этих поселений в X в. свидетельствует о новой волне расселения славян к Дунаю в это время.

К кухонной посуде относятся котлы с внутренними ушками. Несколько обломков подобных сосудов, гончарных, украшенных бороздками, найдено лишь на поселении возле с. Богатое (рис. 6, *14*). Подобные котлы известны в салтово-маяцкой культуре, где бытуют с середины IX — начала X вв. Эти со-

суды являются специфической особенностью только что осевших кочевников (болгар) [56].

Хозяйственные сосуды в виде маслобоек также найдены только на поселении Богатое в постройке № 10. Один из них — сероглиняный, другой — красноглиняный. Это узкие, удлиненные, цилиндрические сосуды, высотой около 70 см, с полукругло изогнутой ручкой у венчика, украшенные бороздками и пролощенными полосами (рис. 6, *8*). Подобные специализированные сосуды известны в салтово-маяцкой культуре в Саркеле и Дунайской Болгарии [57].

Столовая сероглиняная керамика салтово-маяцкого типа с лощеной поверхностью или лощеным орнаментом на большинстве поселений представлена фрагментарным материалом и незначительным процентом (4 — 20 %). Лишь два поселения содержали более многочисленный материал этого вида посуды: в Суворове он составлял 39, в Богатом — в среднем 78 %.

Обилие салтово-маяцкой столовой посуды в Богатом объясняется тем, что на поселении работала керамическая мастерская, где она изготовлялась в массовом количестве [58]. Материалы Богатого дают представление о формах бытовавшей на поселении посуды.

Наиболее многочисленны горшки округлобокой формы с валикообразными венчиками, среднего и большого размера (рис. 6, *9* — *11*). У части сосудов под венчиком — небольшая полукругло изогнутая ручка (рис. 6, *12*). Сравнительно малочисленны кувшины, имевшие, как показывают обломки, невысокое и довольно широкое горло (10 см) (рис. 6, *7*). Более многочисленны миски, невысокие, различного диаметра от 10 до 22 см. По форме миски составляют несколько подтипов: конусовидные, с загнутым во внутрь краем, с профилированным краем (рис. 6, *1* — *6*). Редкую форму представляют цилиндрические ведеркообразные сосуды. Наиболее полно реставрированный сосуд этого типа, найденный в керамической мастерской, высотой около 22 см, имел под прямым венчиком круглое отверстие, под ним — якоревидный налеп, имитировавший конец дужки ведра (рис. 6, *13*). Перечисленные типы столовой посуды характерны для салтово-маяцких керамических изделий [59]. Глиняные ведра изготовлялись в Дунайской Болгарии [60].

Культурный слой исследованных поселений беден, поэтому другие категории вещевых находок представлены небольшим количеством предметов: железные — серпы, ножи, шилья, наконечники стрел, обрывки цепи для подвешивания котла, часть удил; найден бронзовый колокольчик; костяные — ребра-тупики, проколки, амулет, игольник; каменные — жернова, литейные формы, точильные бруски; глиняные — прясла, грузила, льячка, тигелек, а также керамические прясла, игральные фишки. Перечисленные находки почти не могут быть использованы в этнокультурной дифференциации материала, так как они были распространены как на славянских, так и на поселениях осевших кочевников.

Подведем некоторые итоги рассмотренных археологических материалов и свидетельств письменных источников, подтверждающих сложный этнический состав населения данного региона. К устью Дуная передвигались группы славянского населения из различных областей обитания. Полуземляночная постройка № 10 поселения Богатое с печью, вырезанной в материковом останце и нишевидными ямами у стен (тип I, вариант 1) во всех деталях повторяет устройство славянских жилищ Левобережья Днепра, что согласуется с данными письменных источников о приходе к Дунаю и за Дунай северянского населения. Удлиненные вытянутые постройки среднеевропейского типа I, варианта 2 согласуются со сведениями письменных источников о юго-восточном порубежье склавинов возле устья Дуная у города Новиетуна (Новиодуна) [61]. Полуземляночные постройки типа I варианта 3 с печами-каменками могут быть увязаны с сообщением летописи о продвижении к Дунаю уличей и тиверцев, так как печи-каменки были присущи постройкам этих группировок восточных славян [62].

На поселениях рассматриваемого региона выразительно прослеживаются в постройках типа II и в керамическом материале элементы и комплексы салтово-маяцкой культуры в ее болгарском варианте. Они подтверждают изве-

стия письменных источников о неоднократном притоке к Дунаю праболгар. Это население составило основное ядро осевших у Дуная кочевников. Некоторые исследователи предполагали оседание представителей и других кочевых народов — венгров, печенегов. Однако достоверного археологического материала, подтвердившего бы эти предположения, пока не найдено. Соотношение славянского и праболгарского населения на отдельных поселениях возле устья Дуная различно. Об этом косвенно свидетельствует характер археологического материала на отдельных поселениях и жилищах. На большинстве поселений особенности славянской культуры преобладали. Так, на поселении Болград все пять построек относятся к славянскому типу I, варианта 3, а столовая посуда салтово-маяцкого типа составляет 15 %. На поселении Нагорное 2 оба открытых жилища относились к славянскому типу I, варианта 3, салтово-маяцкая столовая посуда составляла 9 %. На поселении Сафьяны оба открытых в 1965 г. жилища относились к славянскому типу I, варианта 1, а столовая сероглиняная посуда составляла 20 %. На поселении Шабо из семи построек лишь две относились к кочевническому типу II, вариантам 1 и 2, столовая сероглиняная посуда составляла 4 %. В основной южной части поселения Этулия VI из 9 жилищ только одно кочевническое типа II, варианта 2, процент столовой посуды — 20.

Иная картина наблюдается на поселениях Суворово и Богатое. В Суворово из шести жилищ пять относились к кочевническому типу II, варианта 2, процент столовой посуды — 39. На поселении Богатое из 12 построек 6 — к славянскому типу I, вариантам 1, 2, процент столовой посуды в отдельных жилищах 55 — 62, а в целом в культурном слое 78. Можно полагать, что здесь количество осевших кочевников более значительное.

Расположение построек на поселениях и их конструкция позволяют судить о формах и этапах интеграционного процесса.

I этап. Первоначально, при оседании кочевников, их постройки составляли отдельные комплексы, своего рода «концы». Подобный обособленный комплекс салтово-маяцкой культуры открыт на северной окраине поселения Этулия VI. Он состоял из трехкамерного каменного дома, юрты, хозяйственной ямы, ямы-колодца и открытого очага. Вокруг построек сооружался небольшой земляной вал, ограждавший усадьбу.

II этап. Жилища кочевников размещались вперемешку с земледельческими. Эту особенность можно проследить на широко исследованных поселениях Шабо и Богатое. На поселении Шабо, где открыто 7 жилищ, постройки кочевнического типа II, вариантов 1 и 2, находились в центре поселка. На поселении Богатое, где зафиксировано 12 построек, кочевническая юртообразная постройка типа II, варианта 1, также располагалась в центре. В Этулии VII из числа трех открытых построек одна славянскогго типа I, варианта 3, вторая и третья — кочевнического типа II, вариантов 1 и 2. На этом этапе бытовой инвентарь во всех жилищах однородный. Расположение жилищ вперемежку и однородность бытового инвентаря свидетельствуют о близких связях между разноэтничными поселенцами. Можно предположить, что уже на втором этапе осевшие кочевники входили в одну сельскую общину со славянским населением.

Комплексом салтово-маяцкой культуры можно считать «гончарный конец» поселения Богатое. К салтовскому типу может быть отнесен гончарный горн мастерской (без нижней опоры пода) и расположенная рядом наземная постройка кочевнического типа II, варианта 2. Производимая здесь столовая салтовская посуда составляет на территории мастерской 91 %. Вместе с тем в 60 м от мастерской размещались жилища № 6 и 10 славянского типа I, вариантов 1 и 2. Ближе к мастерской построек не обнаружено. Предполагая связь этих построек с мастерской, можно высказать предположение, что их хозяева, по происхождению славяне, работали в мастерской, основанной праболгарами.

III этап. С дальнейшим развитием интеграции в одной и той же постройке сочетаются признаки и славянских и кочевнических жилищ.

Наиболее распространенной постройкой славяно-кочевнического типа III является вариант 1 — полуземлянка с очагом. Они представлены на ряде по-

селений и располагались вперемешку с жилищами иных типов. Показательна в этом плане на поселении Богатое юртообразная постройка с печью № 7 типа III, варианта 2, с элементами славянского и кочевнического жилищ, расположенная рядом с постройкой № 4 типа I, варианта 2 — удлиненным славянским жилищем. Обе постройки находились в средней части поселения. Бытовой инвентарь остается однородным.

Небольшие размеры большинства поселений и рассредоточенность на них усадеб характерны для поселков сельского типа. Занятия их жителей земледелием, приселищным скотоводством и промыслами подтверждаются палеоботаническими исследованиями и анализом остеологического материала. На обломках глиняных сосудов и кусках обмазки, найденных на поселениях Шабо и Богатое, чаще всего встречаются зерновки проса, в отдельных случаях ржи, пшеницы карликовой, пленчатого ячменя [63]. Одна из хозяйственных ям на поселении Этулия VI содержала обгоревшие зерна ржи. На поселениях найдены орудия земледелия и уборки урожая — серпы, жернова. Найденные зерна и зерновки относятся к злакам, обычно выращиваемым в Юго-Восточной Европе как славянским населением [64], так и оседлой частью населения салтово-маяцкой культуры [65].

О составе стада можно судить по находкам костей животных: наибольшее количество быка, меньшее — овец, свиньи, лошади. Единичные кости принадлежали ослу домашнему, собаке [66]. На поселениях Шабо и Богатое открыты ямы для хранения мясных припасов. Подобный состав костных остатков характерен для видового состава приселищного стада славянских поселений Юго-Востока Европы, а также оседлого населения салтово-маяцкой культуры. Немногочисленность костей на поселении Богатое можно объяснить их употреблением в качестве топлива, о чем свидетельствуют находки костей в топке гончарного горна. На поселении Шабо обнаружены кости диких животных и птиц (олень благородный, косуля, кабан дикий, лебедь), а также кости рыб, в частности осетровых, что говорит о значительном развитии охоты и рыболовства.

На исследованных поселениях сохранились следы ремесленной деятельности — добычи и обработки железа, литейного дела, производства керамики, обработки кости, кожи, ткачества. На поселении Богатое найдена кузница, соединенная проходом с жилищем (постройки № 2, 3). В ней сохранился кузнечный горн, крицы, шлаки. Железные шлаки и крицы, встречавшиеся и на некоторых других поселениях, позволяют считать, что выплавкой и обработкой железа в небольшом объеме занимались и на некоторых других поселениях. Следы бронзолитейного дела зафиксированы в постройке № 2 на поселении Сафьяны, где обнаружена шиферная литейная формочка для отливки подвесок. Здесь же найден фрагмент глиняного тигля, а на поселении Этулия VI — глиняная льячка с остатками бронзы.

Исследованная на поселении Богатое керамическая мастерская — первая в Северо-Западном Причерноморье. Ее сложное устройство свидетельствует о высоком профессиональном уровне работавших в ней мастеров. Мастерскую составляли гончарный горн, предгорновая яма, бытовая или вспомогательная гончарная печь, помещение где работал на гончарном круге гончар, помещение для хранения готовых и поставленных для просушки сосудов, примыкающая к мастерской канава-водосборник. Здесь изготовлялись в массовом количестве столовая посуда и в небольшом объеме кухонная, производившаяся, очевидно, и на других поселениях.

Получило развитие косторезное дело. Под косторезную мастерскую могли использовать жилище № 1 поселения Нагорное 2, где найдены проколки, их заготовки, каменная плита со следами заточки. На поселении Шабо возле очага № 3 найдены полуобработанные надпиленные кости и заготовка костяной пряжки. Об обработке кожи свидетельствуют ребра-тупики, применявшиеся для сгонки шерсти. Население обрабатывало и камень — изготовлялись жернова, бруски и пр. С ткачеством связаны находки прясел. Все эти работы составляли виды домашнего ремесла, входившие в натуральное хозяйство обитателей поселений. Исключением является керамическая мастерская поселения Богатое, производившая на сбыт столовую посуду и обслуживавшая, очевидно, значительный район.

Следы ремесла в трех случаях сохранились в постройках славянского типа I, вариантов 1 и 2 (кузница в Богатом, ювелирная мастерская в Сафьянах, косторезная мастерская в Нагорном). Этими видами ремесла, вероятно, занимались преимущественно представители славянского населения. Керамическая мастерская в Богатом, производящая столовую посуду салтово-маяцкого типа, возможно, принадлежала осевшим праболгарам.

Обитатели поселений участвовали в торговле, однако, имеющийся материал не позволяет считать ее интенсивной. Количество привозной амфорной керамики, большей частью, составляет около 1 %. Лишь на поселении Этулия VI амфорная керамика достигала около 16 %. Возможно, это свидетельствует о направлении одного из торговых путей, шедшего от Дуная вдоль озера Кагул на север. Единичны также находки обломков привозной византийской посуды, красноглиняной и белоглиняной расписной. Немногочисленный импортный материал отражает общий натуральный характер хозяйства обитателей рассматриваемого региона.

Левый берег Дуная, возле его устья, в IX — X вв. относился к русско-болгарскому пограничью. Многие исследователи считают, что северо-восточная граница Болгарии в VII — IX вв. проходила по Днестру. Однако к X в. историческая ситуация в Подунавье меняется. С середины IX в. завязываются регулярные торговые связи Руси с Византией, поэтому вдоль торгового пути (Днепр — Северо-западное побережье Черного моря) возникают древнерусские поселения, стоянки торгово-военных русских флотилий. К первой половине X в. относится вторая волна переселения к Дунаю части уличей и тиверцев, входивших в состав Руси. Все это приводит к тому, что данный район в X в. входит в сферу влияния Руси. Это объясняет два сообщения Константина Багрянородного. Первое касается местоположения города Белгорода Днестровского — «По сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии...» [67], второе — определяет северную границу Болгарии: «...вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная» [68]. Вероятно, до середины X в. северо-восточная граница Болгарии передвинулась с Днестра в сторону Дуная.

[1] *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. — М., 1985. — С. 50 — 62.
[2] *Там же* — С. 62.
[3] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. — М., 1960. — С. 72.
[4] *Прокопий* из Кесарии. Война с готами. — М., 1950. — С. 156, 298.
[5] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. — М.;Л., 1950. — С. 109; ПВЛ. — М., 1978. — № 4 (1). — С. 14, 55.
[6] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. — М., 1982. — С. 237.
[7] *Феофан-Исповедник.* «Хронография» // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М., 1980. — С. 62.
[8] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. — С. 237.
[9] *Чеботаренко Г. Ф.* Калфа — городище VIII — X вв. на Днестре. — Кишинев, 1973. — С. 87.
[10] *Литаврин Г. Г.* Рождение государства Болгария и его борьба с Византийской империей // Краткая история Болгарии. — М., 1987. — С. 51, 54.
[11] *Новгородская* первая летопись... — С. 109.
[12] *Хавлюк П. І.* Давньоруські городища на Південному Бузі // Слов'яно-руські старожитності. — К., 1969. — С. 156 — 174.
[13] *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. — М., 1982. — С. 47 — 51.
[14] *Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X вв. — М., 1980 — С. 75.
[15] *Литаврин Г. Г.* Указ. соч. — С. 45.
[16] *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. — М., 1982. — С. 27.
[17] *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. — София, 1981. — С. 17, 18.
[18] *Там же.*
[19] *Багрянородный Константин.* Указ. соч. — С. 161.
[20] *Плетнева С. А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. — С. 17, 18.
[21] *Там же.*
[22] *Смиленко А. Т., Козловский А. А.* Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Поселения у сел Шабо и Богатое // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э. — К., 1987. — С. 67 — 83; 98 — 121.
[23] *Федоров Г. Б., Негруша В. М.* Славяне и балкано-дунайская археологическая культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1979. — С. 48 — 52; *Чеботаренко Г. Ф.* К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Прутско-Днестровского междуречья // Этническая история восточных романцев. — М., 1979. — С. 86 — 105.

[24] *Плетнева С. А.* Балкано-дунайская культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 75 — 77.

[25] *Петрашенко В. О.* Житла VIII — X ст. на правобережному Подніпров'ї // Археологія. — 1982. — 37. — С. 54 — 56; *Смиленко А. Т., Юренко С. П.* Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — К., 1990. — С. 266 — 275; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище (VI — XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М., 1975. — С. 117 — 123.

[26] *Пеняк С. І.* Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI — XIII ст. — К., 1980. — С. 22, 39 — 41, рис. 3, 12, Budinsky-Kricka V. Slovanske osidlenie na severovychodnom Slovensku // SLA. — 1961. — IX. — 1 / 2. — S. 347 — 290; *Salkovsky P., Vlkolinska J.* Vceasnostredoveke a vrcholnostredoveke sidlisko v Komjaticiach // Studijne Zvesti AU SAV. — Nitra, 1987. — S. 127 — 172, Obr. 3,3. Об исследованиях в Блатне Реметы любезно сообщил *П. Мочала, Эрделі И., Симонова Е.* Раскопки поселения IX — XI вв. в окрестностях Вашарошнамень (Северо-Восточная Венгрия) // Тр. V Межд. конгр. археол.-слав. — К., 1988. — Т. 4. — С. 240 — 242, рис. 2; *Erdelyi I., Szimonova E.* Ausgrabungen in der Gemarkung von Vasarosnameny-Gergelyiugornya // Acta Archaeologica Akademiae Scientiarum Hungaricae. — 1987. — 39. — S. 287 — 293.

[27] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура. — С. 68.

[28] *Там же.*

[29] *Баран В. Д.* Типы жилищ и хозяйственных построек; *Смиленко А. Т., Юренко С. П.* Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне-Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. — К., 1990. — С. 223, 271.

[30] *Смиленко А. Т., Козловский А. А.* Поселения у сел Шабо и Богатое. — С. 98 — 121.

[31] *Смиленко А. Т., Козловский А. А.* Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. — С. 68.

[32] *Черныш Е. К.* Многослойное поселение у г. Болград Одесской обл. // КСОГАМ, 1962. — Одесса, 1964. — С. 30.

[33] *Смиленко А. Т., Юренко С. П.* Типы жилищ и хозяйственных построек, с. 270 — 271; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище (VI — XIII вв. н. э.). — С. 128.

[34] *Кравченко Н. А.* Поселение IX — X вв. н. э. у с. Сафьяны // МАСП. — 1971. — № 7. — С. 71 — 77.

[35] *Чеботаренко Г. Ф.* Отчет о раскопках Измаильской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1976 г. // НА ИА НАН Украины. — 1976/36. — С. 26 — 27.

[36] *Гудкова О. В.* Розвідка берегів озера Китай // АДУ 1969. — К., 1972. — Вип. 4. — С. 359 — 360.

[37] *Смиленко А. Т.* Раскопки поселения Суворово I // АО 1981. — М., 1982. — С. 319 — 320.

[38] *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990. — С. 41 — 45.

[39] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура. — С. 68.

[40] *Чеботаренко Г. Ф.* Поселение Этулия VI // АИМ 1972. — Кишинев, 1974. — С. 173 — 182; *Чеботаренко Г. Ф., Щербакова Т. А.* Раскопки поселения у с. Этулия // АИМ 1973. — Кишинев, 1974. — С. 140 — 155.

[41] Жилище Ia исследовано Днестро-Дунайской экспедицией ИА НАН Украины в 1982 г.

[42] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. — 1967. — № 142. — С. 63.

[43] *Йовков С. М.* Этулия VII — новоисследованный памятник балкано-дунайской культуры // АИМ 1974 — 1976 гг. — Кишинев, 1981. — С. 147 — 159.

[44] Постройка № 3 плохой сохранности.

[45] *Плетнева С. А., Титов В. С.* Совместные советско-болгарско-венгерские исследования // Вестник Академии наук СССР. — 1982. — № 9. — С. 96 — 98; *Ляпушкин И. И.* Карнауховское поселение // МИА. — 1958. — № 62. — С. 288 — 296.

[46] *Kovalovszki J.* Elözetes jelentés dobozi Arpad kozi. Falyasataszol (1962 — 1974) // Arheologiai Ertesito. — Budapest. — 1984. — N 111. — P. 223.

[47] Публикация материалов поселения в печати.

[48] *Смиленко А. Т., Козловский А. А.* Средневековые поселения в приморской части Днестро-Дунайского междуречья. — С. 70 — 72.

[49] *Дзис-Райко Г. О.* Розкопки слов'янського селища Бранешти I // МАСП. — 1960. — III. — С. 128 — 130; *Сергеев Г. П.* Раскопки средневекового поселения в Кобуска-Веке (Молдавская ССР) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запалда СССР и Румынской Народной Республики. — Кишинев, 1960. — С. 297 — 307; *Рафалович И. А.* Славяне VI — IX веков в Молдавии. — Кишинев, 1972. — С. 157 — 164, рис. 26.

[50] *Пеняк С. І.* Ранньослов'янське і давньоруське населення... — С. 135. Рис. 53.

[51] *Линка Н. В., Шовкопляс А. М.* Раннеславянское поселение на р. Тясмине // МИА. — 1963. — № 108. — С. 235 — 242. Рис. 2, *4*.

[52] *Гончаров В. К.* Лука-Райковецкая // МИА. — 1963. — № 108. — С. 298. Рис. 7, *I*; *Русанова И. П.* Славянские древности VI — IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. — 1973. — Вып. EI-25. — С. 13 — 16, — Табл. 13, *20*; 19, *28*.

[53] *Толочко П. П.* Ремесленное производство. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 298 — 301. Рис. 131; *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. — К., 1982. — С. 18 — 19. Рис. 4.

[54] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. — 1956. — № 55. — С. 166 — 167.

[55] *Станчо Станчев.* Домашната керамика от Преслав // Разкопки и проучвания. — София, 1949. — III. — С. 131 — 137; *Angelova St.* Sur la caracteristique de la ceramique du Haut Moyen âge, provenant de Drăstăr (Silistra) // Dobrudza. Etudes etno-culturelles. — Sofia, 1987. — P. 93 — 105.

[56] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. — С. 108 — 109.

[57] *Там же.* — С. 122.
[58] *Смиленко А. Т.* Керамическая мастерская IX в. на левобережье дельты Дуная // Древности славян и Руси. — М., 1988. — С. 73 — 78.
[59] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. — С. 115 — 118; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. — М., 1983. — С. 107 — 121.
[60] *Дончева-Петкова Л.* Българска битова керамика през ранното средневековие. — София, 1977. — С. 53 — 57, 93, 117.
[61] Многие исследователи считают, что город Новиодун находился у современного румынского поселка Исакча напротив южного побережья озера Кагул. *Скржинская Е. Ч.* О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Новиетуне // ВВ. — 1957. — Т. XII. — С. 6 — 15; *Колосовская Ю. К.* Проблема «Рим и варвары» в советской историографии античности последних десятилетий // ВДИ. — 1980. — 3. — С. 188.
[62] *Смиленко А. Т.* К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VII — X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. — М., 1989. — С. 109 — 110.
[63] Палеоботанические исследования осуществлены кандидатом биологических наук Г. А. Пашкевич.
[64] *Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О.* Землеробство і скотарство в Середньому Подніпров'ї в VIII — X ст. // Археологія. — 1982. — 41. — С. 47 — 55.
[65] *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура. — С. 72.
[66] Определение фауны осуществлено кандитатом биологических наук Н. Г. Белан.
[67] *Багрянородный Константин.* Об управлении империей. — С. 2157.
[68] *Там же.* — С. 51.

И. Эрдели

О ПЕЧЕНЕГАХ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕНГРИИ
(к постановке вопроса)

Злейшими врагами древних венгров (по Константину Багрянородному), давшими в 895 г. решающий толчок к обретению родины нашими предками, были печенеги. Народ, обладавший в то время сходным хозяйственным укладом, был менее сплочен, нежели венгры, и находился намного ниже по уровню культурно-общественного развития. Их хозяйство являлось менее комплексным, точнее, земледелие играло в нем незначительную роль. Печенеги становятся противниками древних венгров, вероятно, лишь после 894 г., когда они перешли Волгу [1]. После обретения родины древними венграми печенеги продолжали оставаться опасным противником. В самом начале X в. одно из византийских посольств обратилось к венграм с призывом напасть на печенегов, но венгры не согласились. Позже, в 917 г., византийцы разработали план союза с венграми и печенегами против болгар, однако, совместное нападение было осуществлено лишь в 932 г. Не исключено, что благодаря этому союзу венгры смогли занять южную часть Трансильвании [2]. Интерес к истории печенегов в Венгрии возник давно, уже в конце XIX в., точнее, в 1872 г. В 1842 г., один из ведущих историков начала и середины XIX в. Янош Эрнеи посвятил им солидную работу.

О печенегах на территории средневековой Венгрии мы располагаем относительно небольшими данными, во всяком случае, менее значительными, чем с территории Валахии и Мунтении (Румыния). В середине X в. на нижнем Дунае, около Силистры (древняя Дистра) и до реки Серета размещалась страна печенегов — Пацинакия. Часть печенегов также получила от болгарского хана разрешение на жительство на территории Болгарии. В Мунтении уже известен ряд захоронений X — XII вв. [3], которые, как правило, совершались под курганами. Гораздо хуже известны у нас археологические памятники, оставленные печенегами. Историки, помимо анализа сведений из хроники Венгерского Анонима XII в., занимались, главным образом, топонимами печенежского происхождения, взятыми из грамот или связанными с названиями местностей, дошедших до наших дней. Достоверных данных о печенегах чрезвычайно мало [4], поэтому мнения таких ученых, как этнограф Я. Янко (1851 г.), а позднее географа М. Соколаи (1929 г.) следует принимать критически. Дело в том, что не всех «засечных людей» из пограничной сторожевой полосы страны (засеки) следует отождествлять с печенегами, среди которых было немало венгров и кабаров. Территория западной засеки, бывшие земли баварцев, стала областью представителей трех древневенгерских «племен»: Та-

ряна, Кера, во главе с родом Вербулчу, и даже Медьера [5]. Следы печенежских селений следует искать в местностях с тюркоязычными названиями, и именно там, где их потомки еще в прошлом столетии называли себя бедшенаками. Большая часть печенегов обитала в центре страны, в Потисье (см. например людей вождя печенегов Тонузобы) или на территории Восточного Задунавья в областях Фейер и Толна, по правобережью Дуная. Тонузоба переселился в Венгрию в середине X в., во время правления воеводы Такшони [6], и привел с собой значительное количество людей [7].

О династических связях с печенегами свидетельствует предположение, что жена воеводы Такшони (потомка Арпада) была печенежкой.

Печенежские топонимы встречаются как в Трансильвании, так и в бывшей Южной Моравии, то есть в пограничных зонах венгерского государства. Так, на основании данных XIV в. часть печенегов оказалась на уровне слуг ("холопов"), существовавших в разных частях страны, например на севере, в бывшей области Липто (Словакия). Печенежское слово прослеживается в названии речки Аранка (-Харанга) в бывшей области Торонтал (Румыния), где печенеги сохранили свои привилегии до XV в. включительно. Что касается присутствия печенегов у западного пограничья (около засеки), то грамоты упоминают об этом не так уж часто. Печенеги жили около реки Лайты, в с. Потфалу (в настоящее время Подерсдорф в Австрии), в бывшем с. Легенто, вблизи с. Галош (Австрия) и сел Пожоньлигетфалу и Кёпчень. Существует село, названное их древним этническим именем, например Бешенё (в настоящее время Пётшинг в Австрии). Несомненно, что печенеги жили и в с. Арпаш, у реки Рабы (область Дьёр-Шопрон), расположенное почти в глубине страны, рядом с другими селами печенежского происхождения, например села Тет, Каяр (область Дьёр). Существуют сведения о том, что уже воевода Жолт (сын Арпада) поселил печенегов в области Мошон. Относительно того, что древний род Ошлу (Ошли) печенежского происхождения, следует говорить лишь в виде гипотезы [8].

Археологические памятники, которые могут быть связываемы с печенегами на территории Венгрии, почти не выявлены и пока серьезно не изучены. Существуют данные, согласно которым печенеги хоронили умерших под курганами [9], например около с. Фюзешабонь [10]. Очень долго, вплоть до середины X в., они сохраняли язычество (веру и обряды). Ч. Балинт предположил, что захоронения с целой, нерасчлененной, тушей коня следует связывать с печенежским, а не с древневенгерским элементом погребального обряда [11]. И. Диенеш подверг это предположение строгой критике [12]. Однако не вызывает сомнения, что данный обряд существенно отличается от погребального обряда тех захоронений, где обнаружены только расчлененные части конского скелета.

Попытка выделения печенежских древностей на территории Северной Венгрии, к сожалению, осталась незавершенной [13]. Надь проанализировал названия местностей печенежского происхождения, встречающихся у определенного отрезка реки Тисы, всего около 17 названий. Археологические находки, происходящие из сел Эрдётэлке (случайные находки X —XI вв.) (рис. 1), Тисабура (X в.), Фюзешьабонь (курган XI в.), Охатпустакоч (курган X в.), определены и приводятся как печенежские. Однако в связи с упомянутыми находками из Эрдётэлке И. Фодор отметил, что сабля, опубликованная А. Надем, не принадлежит к комплексу находок, и само погребение в целом более позднее — половецкое. В настоящее время находки из Тисабуры другими венгерскими исследователями определены как болгарские, хотя до этого они считались древневенгерскими.

На территории Задунавья, на небольшой равнине, известной под названием Мезёфёлд, в 1961 г., в с. Шарбогард открыт могильник, который, согласно этнической принадлежности, предварительно определен как памятник печенегов. Здесь вскрыт могильник X в., состоявший из ста погребений. Курганных насыпей над могилами не было. В центре находилось захоронение теленка, как тотемно-жертвенного животного. Среди мужских погребений лишь в одном обнаружено оружие. В одном из погребений, рядом со скелетом молодого мужчины, лежали два целых конских остова. Этот обряд резко отличается от обряда захоронения с конем у древних венгров.

Находки из погребения у с. Эрдётелке:
1 — горшок; *2* — топор; *3* — удила; *4* — стремя; *5* — сабля.

Существует предположение о том, что клад золотых сосудов из с. Надьсэнтмиклош (Сыниколаул Маре, Румыния) печенежского происхождения. Рунические надписи некоторых сосудов попытались расшифровать также на языке печенегов. Вывод А. Надя о том, что печенеги сыграли значительную роль в усилении централизованной власти раннего венгерского королевства, будучи самостоятельными военными единицами правителей [14], вне сомнения остается правильным и в настоящее время.

[1] *Györffy Gy.* A besenyök európai honfoglalásának kérdéséhez // Történelmi Szemle. — 1971. — XIV. — S. 281 — 287.
[2] *Makkai L.* Gyula es a Gyulák. «Erdély története». — Budapest, 1986. — S. 268 — 277.
[3] *Sânpetru M.* Le Bas-Danube au Xe siecle // Dacia. — 1974. — XVIII. — S. 239 — 264.
[4] *Kniezsa I.* A nyugatmagyarországi besenyok kerdéséhez. Emlékkonyv Domanovszky S. Születése hatvanadik fordulójanak ünnepére. — Budapest, 1937. — S. 323 — 324.
[5] *Belitzky J.* Sopron varmegye története. — Budapest, 1938. — S. 154.
[6] *Nagy A.* Thonuzoba. Diákkori Fuzetek 3. Kossuth L. Tud. Egyetem. — Debrecen, 1968. — S. 72.
[7] *Moravcsik Gy.* Biboranszuletett Konstantin. A Birodalom kormanyzasa. — Budapest, 1940.
[8] *Kniezsa J.* Op. cit. — S. 335.
[9] *Nagy A.* Op. cit. — S. 79 — 81.
[10] Ibid. — S. 78.
[11] *Balint Cs.* A honfoglalaskori lovastemetkezések // MFMÉ. — 1971. — N 2. — S. 85 — 107.
[12] *Dienes I.* Opponensi vélemény Bálint Cs. Del-Magyarország a X. szazadban c. kand. értezéséröl // AE. — 1978. — S. 111.
[13] *Nagy A.* Op. cit. — S. 70 — 93.
[14] Ibid. — S. 143 — 144.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ	— Археологічні дослідження на Україні
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии
АИУ	— Археологические исследования на Украине
АКМ	— Археологическая карта Молдавской ССР
АО	— Археологические открытия
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВЯ	— Вопросы языкознания
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия археологической комиссии
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры
КСОГАМ	— Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАР	— Материалы по археологии России
МАСП	— Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья
МАЭ	— Музей археологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА	— Научный архив
ОЭИ	— Отдел этнографии и искусствоведения
РА	— Российская археология
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
УІЖ	— Український історичний журнал
AAA	— Achta Antigua et Archaeologica
AAH	— Acta Archacologica Akademie Hungaricae
AE	— Archaeologiai Ertesito
AH	— Archaeologia Hungarica
ANMW	— Annalis Naturhistorisches Museum Wien
AR	— Archeologicke rozhledy
AVANS	— Archeologicke Vyskumy a nalezy na Slovensku
CAH	— Communicationes Archeologicae Hungaricae
DDMF	— A Debreceni Deri Muzeum Evkonyve
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antigua
FA	— Folia Archaeologica
MFME	— A Mora Ferenc Muzeum Evkonyue
MKE	— Muzeumi es Konyvtari Ertesito
SA	— Slovenska Archeologia
SAz	— Studia Archaeologica
SCIV	— Studii si cercetari de istorie veche
SLA	— Slavia Antigua
WA	— Wiadomoszi archeologichne

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Генинг В. Ф. Сарматская эпоха в Алфёльде (Среднее Подунавье в I — IV вв.) 4

Вадаш А. Погребальный обряд у сарматов Карпатского бассейна 43

Балинт Ч. О принадлежности находки в Малой Перещепине Куврату (история вопроса) 54

Приходнюк О. М. Версия Нестора о расселении славян из Подунавья (опыт хронологической стратификации и историчекской интерпретации) 64

Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г. Трубчевский клад антского времени . . . 79

Орлов Р. С., Рассамакин Ю. Я. Новые памятники VI — VII вв. из Приазовья 102

Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) 116

Симонова Е. Н. К вопросу о распространении белоглиняной керамики 129

Козловский А. А., Симонова Е. Н., Смиленко А. Т. Славяне и осевшие кочевники в устье Дуная в IX — X вв. 142

Эрдели И. О печенегах на территории Венгрии (к постановке вопроса) 163

Список сокращений 167

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

МАТЕРІАЛИ І ТИС. Н. Е. З АРХЕОЛОГІЇ ТА ІСТОРІЇ УКРАЇНИ Й УГОРЩИНИ

Художній редактор *І. П. Савщька.* Технічний редактор *Г. М. Ковальова.* Коректор *Л. М. Тищенко.* Оператори *Н. Ф. Ігнатова, Н. Б. Малиновська.* Комп'ютерна верстка *Л. М. Каткової.*

Здано на складання 05.06.95. Підп. до друку 17.05.96. Формат 70×108/16. Папір офс. № 1. Гарн. Таймс. Офс. друк. Ум. друк. арк. 14,7. Ум. фарбо-відб. 15,4. Обл.-вид. арк. 16,99. Тираж 600 пр. Зам. № 3[illegible]

Оригінал-макет підготовлено у видавництві «Наукова думка».
252601 Київ 4, вул. Терещенківська, 3
Р. с. № 05417561 від 16.03.95

Віддруковано на виробничо-видавничому комбінаті «Патент»
294013, м. Ужгород, вул. Гагаріна, 101

НАУКОВА ДУМКА

МАТЕРИАЛЫ I тыс. н. э. ПО АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ УКРАИНЫ И ВЕНГРИИ